
3 1761 06972418 5

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТКЛИКИ.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.
MCMXV.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ЧАСТЬ I.

ЮБИЛЕИ.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

I.

Лишь только сложилось нижегородское ополченіе Минина и Пожарскаго (окончательное сформированіе его надлежитъ относить къ февралю 1612 г.), какъ тотчасъ же вожди этого ополченія поставили себѣ двѣ задачи: 1) очищеніе Москвы отъ поляковъ и 2) избраніе царя „всею землею“. Повидимому, именно въ февралѣ 1612 г. изъ Нижняго-Новгорода вышла призывная грамота князя Пожарскаго, въ которой и „понизовые“, и „верховые“ города приглашались возможно скорѣе подкрѣпить нижегородцевъ своими ополченіями и затѣмъ предвозвѣщалось: „А какъ будемъ всѣ понизовые и верховые города въ сходѣ вмѣстѣ, и мы всею землею выберемъ на московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ“. Мысль о томъ, что новаго государя должна будетъ избрать „вся земля“, была въ то время всеобщей. Военное ополченіе разсматривалось лишь, какъ необходимое средство для созданія возможности собрать совѣтъ представителей „всей земли“, которому предстояло положить конецъ смутѣ. Такъ смотрѣли на дѣло сами вожди нижегородскаго ополченія, такъ смотрѣло на дѣло и населеніе потрясеннаго смутными событіями государства. Въ грамотѣ, адресованной вождямъ ополченія властями Троице-Сергіева монастыря, также говорилось: „Бога ради, государи, положите подвигъ свой во-едино избранное мѣсто, на благоизбранный земской совѣтъ“.

Еще другая мысль заслуживаетъ быть отмѣченной въ первоначальныхъ публичныхъ заявленіяхъ вождей нижегородскаго ополченія. Избраніе царя они не считаютъ нужнымъ отклады-

вать до освобожденія Москвы отъ поляковъ, мѣстомъ избранія согласно смыслу ихъ заявленій, не должна быть непремѣнно именно Москва. Въ первой грамотѣ Пожарскаго, которую мы только что цитировали, говорится прямо, что избраніе должно произойти, лишь только всѣ городскія ополченія соберутся во-едино, будутъ „въ сходѣ вмѣстѣ", независимо отъ того, въ какомъ пунктѣ совершится это объединеніе. Послѣдующія событія отразили въ себѣ точно такую же точку зрѣнія вождей ополченія. Какъ извѣстно, ополченіе Минина и Пожарскаго двинулось на очищеніе Москвы обходнымъ путемъ: изъ Нижняго оно направилось къ Ярославлю и тамъ, въ Ярославлѣ, задержалось на продолжительное время: на цѣлыхъ четыре мѣсяца, съ апрѣля по августъ 1612 года. Имѣются положительныя документальныя указанія на то, что здѣсь, въ Ярославлѣ, первоначально предполагалось произвести и выборъ царя и уже послѣ этого избранія двинуться на освобожденіе Москвы. 7 апрѣля 1612 года князь Пожарскій обратился къ сѣвернымъ городамъ съ грамотой, въ которой, изложивъ событія смутнаго времени, затѣмъ писалъ: „И вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное раззореніе быти не безгосударнымъ; чтобъ намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ государя... по всемірному своему совѣту пожаловати-бъ вамъ, прислати къ намъ, въ Ярославль, изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати, за своими руками... а прислати-бъ, господа, намъ для земскаго совѣту къ намъ вскорѣ..." Итакъ, по смыслу этой грамоты, вожди ополченія рѣшили уже въ Ярославлѣ собрать выборныхъ отъ городовъ представителей съ тѣмъ, чтобы эти представители привезли съ собой сужденія избравшихъ ихъ міровъ по вопросу о выборѣ новаго царя.

Имѣемъ и дальнѣйшія указанія на то, что въ Ярославлѣ

дѣйствительно было приступлено къ обсужденію возможныхъ кандидатовъ на тронъ московскаго государя. Прежде всего на очередь стала кандидатура шведскаго королевича Карла-Филиппа. Впослѣдствіи, въ составленныхъ заднимъ числомъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ объ этомъ времени (см. Новый Лѣтописецъ), дѣло объ этой кандидатурѣ изображалось въ такомъ видѣ, какъ-будто Карлъ-Филиппъ самъ настойчиво выставлялъ притязанія на московскій престолъ, а ярославскій соборъ вступилъ съ нимъ въ переговоры лишь для того, чтобы „не помѣшали нѣмецкіе люди итти на очищеніе московскаго государства, а того у нихъ и въ думѣ не было, что взяти на московское государство иноземца". Позволительно, однако, предположить, что обсужденіе въ Ярославлѣ кандидатуры шведскаго королевича вовсе не носило характера дипломатической уловки, а ставилось совершенно серьезно. Еще проф. Маркевичъ указалъ на несоотвѣтствіе заявленій Новаго Лѣтописца документальнымъ даннымъ. Изъ оффиціальныхъ показаній того времени мы знаемъ, что шведскій король передъ избраніемъ Михаила Θедоровича самъ совѣтовалъ выбрать на московскій престолъ не иноземца, а представителя какого-либо русскаго рода, находящагося въ родствѣ съ прежней династіей. Это показаніе совершенно не согласуется съ изложеніемъ Новаго Лѣтописца. Съ другой стороны до насъ дошли грамоты, разосланныя изъ Ярославля въ іюнѣ 1612 г., въ которыхъ города приглашались прислать въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ человѣка по два и по три для совѣтованія о томъ, надлежитъ ли выбирать на московскій престолъ Карлуса-Филиппа. Съ этимъ дѣломъ, видимо, торопились, и потому въ отдаленные сибирскіе города послали просьбу доставить отвѣтъ на письмѣ. Если бы переговоры о кандидатурѣ Карла-Филиппа являлись не болѣе, какъ дипломатической уловкой, зачѣмъ нужно было бы оповѣщать объ этой кандидатурѣ всѣ города и призывать все населеніе Россіи къ обсужденію этого вопроса?

Гораздо правильнѣе поэтому предположить, что въ Ярославлѣ вопросъ о кандидатахъ на престолъ вообще ставился на иную почву, нежели позднѣе, на избирательномъ соборѣ въ Москвѣ. Повидимому, въ Ярославлѣ рѣшеніе этого вопроса становилось преимущественно въ связь съ международнымъ положеніемъ Московскаго государства въ то время. При такой постановкѣ шведская кандидатура естественно выдвигалась на первую очередь. Польша и Швеція являлись тогда непримиримыми соперниками на аренѣ международной борьбы. Поставленное въ необходимость бороться съ Польшей, Московское государство естественно могло проявить стремленіе тѣснѣе примкнуть къ Швеціи.*) Господство этой международной точки зрѣнія при обсужденіи въ Ярославлѣ вопроса о выборѣ новаго царя выразилось еще и въ слѣдующемъ фактѣ. Какъ разъ въ это время въ Ярославль заѣхалъ имперскій посолъ, возвращавшійся изъ Персіи. Пожарскій тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ этимъ „цесарцемъ“, и въ ихъ бесѣдахъ былъ поставленъ вопросъ о возможности приглашенія на московскій тронъ австрійскаго эрцгерцога. Конечно, и въ этой комбинаціи Пожарскій съ товарищами цѣнили прежде всего возможную въ будущемъ поддержку германскаго императора въ борьбѣ Московскаго государства съ Польшей. Австрійская кандидатура впрочемъ мелькнула еще въ довольно туманныхъ очертаніяхъ, а переговоры съ Швеціей пошли въ затяжку, и весьма вѣроятно, что въ этой затяжкѣ видную роль сыгралъ вѣроисповѣдный вопросъ: ярославскій соборъ съ самаго начала выставилъ непремѣннымъ условіемъ избранія на русскій престолъ шведскаго королевича принятіе имъ православія.

Между тѣмъ, пока тянулись эти переговоры, произошло событіе, заставившее Пожарскаго поспѣшить вмѣстѣ съ опол-

*) Очень важно отмѣтить и то обстоятельство, что шведы уже владѣли въ этотъ моментъ Новгородской землей и, такимъ образомъ, фактически держали въ своихъ рукахъ важную область Московскаго государства.

ченіемъ къ стѣнамъ Москвы. Пришла вѣсть, что къ Москвѣ приближается гетманъ Хоткевичъ съ войскомъ и запасами для польскаго гарнизона, засѣвшаго въ московскомъ кремлѣ. Стало очевидно, что болѣе уже невозможно было откладывать рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ на освобожденіе Москвы.

II.

Въ августѣ 1612 г. ополченіе Пожарскаго подошло къ Москвѣ. Это вызвало прежде всего расколъ въ тѣхъ казачьихъ „таборахъ", которые окружали Москву, держа въ осадѣ засѣвшій въ кремлѣ польскій гарнизонъ. Часть казаковъ съ Заруцкимъ во главѣ не пожелала соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій съ земскимъ дворянско-мужицкимъ ополченіемъ Пожарскаго и ушла къ Рязани. Другая часть казаковъ, предводимая кн. Трубецкимъ, вошла въ переговоры съ земской ратью, и послѣ нѣкоторыхъ взаимныхъ треній между ними установился болѣе или менѣе сносный modus vivendi. 21-го августа обѣ рати, казацкая и земская, совмѣстно отбили отъ Москвы войско Хоткевича; 22-го октября казаки штурмомъ взяли Китай-городъ, а 26-го октября отворились ворота Кремля, и засѣвшій тамъ польскій гарнизонъ сдался на капитуляцію. Теперь ничто уже болѣе не препятствовало тому, чтобы сосредоточиться всецѣло на избраніи царя. Первое важное рѣшеніе по этому вопросу заключалось въ томъ, чтобы для избранія царя былъ созванъ новый соборъ, вмѣсто того, который составился еще въ Ярославлѣ. Очевидно, въ основу этого рѣшенія легла мысль о желательности совершить дѣло избранія на такомъ соборѣ, на которомъ „земля" была бы представлена сколько возможно полнѣе. Было постановлено „сослаться во всѣ города со всякими людьми отъ мала до велика". Всюду были разосланы грамоты съ приглашеніемъ, „учиня у себя совѣтъ и приговоръ крѣпкій", выбр[illegible]ть на со-

боръ отъ каждаго города изъ всѣхъ чиновъ по десяти человѣкъ лучшихъ и разумныхъ и настоятельныхъ“... Первоначально предписывалось прислать выборныхъ къ Москвѣ не далѣе, какъ къ 6-му декабря. Однако, выборные начали прибывать не особенно быстро, и въ повторительныхъ грамотахъ срокъ созыва собора уже не обозначался, но только приводились настойчивыя просьбы ускорить присылку выборныхъ. Повидимому, избирательный соборъ открылъ свои засѣданія въ январѣ 1613 года. Всѣ историки согласны въ томъ, что этотъ соборъ былъ самымъ полнымъ по составу изъ всѣхъ земскихъ соборовъ Московскаго государства. Въ немъ участвовало около 700 членовъ. Здѣсь были представители отъ самыхъ разнообразныхъ областей Московскаго государства и притомъ отъ всѣхъ классовъ населенія, включая и крестьянъ черносошныхъ, а можетъ быть, даже отчасти и частновладѣльческихъ: не было только холоповъ. Были на соборѣ и представители отъ казаковъ. Несомнѣнное численное превосходство на соборѣ принадлежало представителямъ среднихъ классовъ общества,— провинціальныхъ дворянъ и людей посадскихъ. Знатнѣйшихъ бояръ не было не только на соборѣ, но и въ самой Москвѣ въ теченіе наиболѣе важной первой половины соборной сессіи. Скомпрометированные приглашеніемъ въ Кремль польскаго гарнизона, чувствуя враждебное къ себѣ настроеніе со стороны и казачества, и дворянства,эти бояре, съ Мстиславскимъ во главѣ тотчасъ по выходѣ изъ кремлевскаго заточенія благоразумно разъѣхались изъ Москвы въ разныя мѣста. Зато въ Москвѣ остался бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, родственникъ будущаго царя. На соборѣ участвовали и другіе родственники и свойственники Михаила Ѳедоровича Романова: И. Н. Романовъ, князья А. и Ѳ. Сицкіе, кн. И. Черкасскій, кн. И. Голицынъ, кн. И. Катыревъ-Ростовскій, кн. А. Львовъ, Б. и М. Салтыковы, Д. и Ѳ. Погожіе.

Начало дѣятельности избирательнаго собора ознаменовалось оживленной агитаціей въ пользу многочисленныхъ кан-

дидатовъ. Эта агитація выразительно описана лѣтописью: „Не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного и всѣ разно вѣщаху и всякій хотяше по своей мысли учинити и тако препроводиша не малые дни. Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары". Въ другой редакціи читаемъ: „Начаша избирати государя и многое было волненіе всякимъ людемъ, коиждо хотя по своей мысли дѣяти, коиждо про коево творяше".

Для внесенія планомѣрнаго порядка въ этотъ первоначальный разбродъ мыслей и желаній соборъ избралъ совершенно правильный путь. Прежде, чѣмъ приступить къ обсужденію опредѣленныхъ кандидатуръ, соборъ рѣшилъ сузить кругъ возможныхъ кандидатовъ на основаніи нѣкоторыхъ общихъ, объективно установленныхъ признаковъ. Здѣсь, прежде всего, всталъ вопросъ: надлежитъ ли вообще избирать на царство кого-либо изъ иноземныхъ государей? При обсужденіи этого вопроса тотчасъ обнаружилось, что на московскомъ соборѣ дѣло избранія новаго царя получитъ совершенно иную исходную точку, нежели то было въ Ярославлѣ. Тамъ, въ Ярославлѣ, исходили прежде всего изъ соображеній международной политики. Въ Москвѣ стало ясно, что вопросъ будетъ рѣшенъ въ зависимости отъ соотношенія различныхъ общественныхъ группъ во внутренней жизни Московскаго государства. На вопросѣ о томъ, выбирать ли на царство кого-либо изъ иноземныхъ государей, произошло столкновеніе между боярами и болѣе демократическими элементами, и послѣдніе побѣдили. Лѣтопись повѣствуетъ: „Восхотѣша начальницы паки себѣ царя изъ иновѣрныхъ, народы же и ратніи не восхотѣша сему быти". Казаки также рѣшительно высказались противъ кандидатуръ иноземныхъ государей. За то казаки, вопреки настроенію всѣхъ земскихъ элементовъ, начали „примѣривать обрать на государство сына Маринки и вора Калужскаго". Въ концѣ-концовъ состоялось соглашеніе между

казаками и земщиной противъ бояръ: казаки отказались отъ Маринкина сына и совмѣстно съ демократическими элементами земщины, т.-е. дворянами и посадскими, отвергли попытки бояръ настоять на иноземныхъ кандидатурахъ. Послѣ многихъ совѣщаній соборъ сдѣлалъ, наконецъ, свое первое принципіальное постановленіе: „царя выбирать изъ московскихъ родовъ, а литовскаго и свійскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, а Маринки съ сыномъ не хотѣть". Любопытно отмѣтить, что въ связи съ рѣшеніемъ этого вопроса на соборѣ поднималась рѣчь и о возможности выбора на царство какого-нибудь татарскаго или иного служилаго азіатскаго царевича... Впрочемъ, на комбинаціи этого рода, повидимому, соборъ долго не останавливался; слишкомъ для всѣхъ была очевидна ея непригодность. Оставалось перейти къ обсужденію возможныхъ кандидатовъ изъ среды „московскихъ родовъ". Уже предшествующій ходъ дѣла на соборѣ ясно показалъ, что окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ того, на чемъ согласятся другъ съ другомъ казаки и представители среднихъ слоевъ земщины. Боярство утратило свой былой авторитетъ, былую властность своего соціальнаго положенія. Прежнее значеніе этого класса было расшатано еще въ теченіе XVI столѣтія. Кризисъ, пережитый въ названномъ вѣкѣ крупнымъ землевладѣніемъ, потрясъ экономическую основу политической силы боярства. Терроръ Ивана Грознаго опустошилъ ряды боярской аристократіи. Наконецъ, событія Смутнаго времени въ сильнѣйшей степени дискредитировали тѣхъ бояръ, которые выступали на политическую авансцену въ качествѣ государственныхъ дѣятелей въ годину народныхъ смутъ, проявивъ при этомъ вмѣсто самоотверженнаго патріотизма вѣчную наклонность къ интригамъ и взаимнымъ раздорамъ. На смѣну разлагающагося боярства выступали теперь въ качествѣ классовъ, задающихъ тонъ въ жизни страны, дворяне, т.-е. средніе и мелкіе служилые землевладѣльцы и люди по-

садскіе, т.-е. представители торгово-промышленнаго капитала. Они-то и заговорили рѣшительно и властно на избирательномъ соборѣ 1613 г. Но по обстоятельствамъ текущаго момента имъ приходилось въ сильной степени считаться съ настроеніемъ казацкихъ таборовъ, скучившихся въ то время подъ стѣнами Москвы. Вскорѣ послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ многіе участники дворянскаго ополченія разъѣхались по домамъ. Въ рядахъ военныхъ силъ, сосредоточившихся въ Москвѣ, рѣшительный перевѣсъ оказался на сторонѣ казаковъ. Это обстоятельство ставило членовъ собора въ немалую зависимость отъ казацкихъ таборовъ. Недавнія событія слишкомъ ясно показали, какую опасность могли представить казацкіе полки для дѣла замиренія страны. Тѣмъ, кто болѣе всего стремился къ такому замиренію, нельзя было не ладить съ казаками. И можно было предсказать напередъ, что той кандидатурѣ, на которой смогутъ сойтись и небоярскіе элементы земщины и казацкіе таборы, будетъ обезпеченъ безусловный успѣхъ.

III.

Въ качествѣ возможныхъ кандидатовъ передъ соборомъ прошли и Воротынскій, и Голицынъ (вѣроятно, Иванъ Васильевичъ), и Трубецкой, и Пожарскій, и Мстиславскій, а съ теченіемъ времени все настойчивѣе стало называться съ различныхъ сторонъ имя Михаила Ѳедоровича Романова. По отрывочнымъ и разбросаннымъ извѣстіямъ о ходѣ обсужденія всѣхъ этихъ кандидатуръ можно уловить тѣ общія соображенія, на основаніи которыхъ соборъ продолжалъ послѣдовательно суживать кругъ кандидатовъ. Повидимому, вслѣдъ за установленіемъ принципа „не выбирать иноземцевъ“, на соборѣ восторжествовали послѣ долгихъ обсужденій и еще два общихъ руководящихъ положенія: предпочесть кандидата, который бы 1) былъ въ родствѣ съ прежней династіей и 2) былъ неприкосновененъ къ партійной борьбѣ, сопровождавшей событія Смутнаго

времени. Большинство называемыхъ на соборѣ кандидатовъ само собой отпадало въ виду принятія указанныхъ положеній, какъ неудовлетворяющіе то одному, то другому изъ этихъ положеній. И тѣмъ сильнѣе укрѣплялся успѣхъ кандидатуры Михаила Ѳедоровича Романова. Еще въ 1610 г. Гермогенъ указывалъ на Михаила Ѳедоровича, какъ на желательнаго замѣстителя московскаго трона именно въ силу того, что онъ являлся близкимъ родственникомъ двухъ послѣднихъ государей прежней династіи. Правда, на этомъ же основаніи могъ бы быть намѣченъ въ кандидаты И. Н. Романовъ, который самъ участвовалъ на соборѣ 1613 года. Но И. Н. Романовъ не удовлетворилъ второму условію,—непричастности къ событіямъ Смутнаго времени: онъ служилъ и Лжедмитрію I, и королю Владиславу; его подпись стоитъ и подъ тѣми грамотами, которыя были посланы боярами изъ Москвы отъ имени короля Владислава воеводамъ, съ приглашеніемъ быть вѣрными Владиславу (указаніе проф. Маркевича). Положеніе Михаила Ѳедоровича Романова было во многихъ отношеніяхъ исключительно благопріятное для объединенія вокругъ его имени избирателей различныхъ категорій. Уже въ силу одной молодости лѣтъ онъ лично не былъ причастенъ къ перипетіямъ партійной борьбы Смутнаго времени, и этой непричастностью, равно какъ и родствомъ съ прежней династіей, онъ импонировалъ тѣмъ элементамъ земщины, которые не раздѣляли желанія бояръ выбрать иноземца. Но лично непричастный къ событіямъ смуты, Михаилъ Ѳедоровичъ въ то же время былъ сыномъ тушинскаго патріарха, и это обстоятельство обезпечило поддержку его кандидатуры со стороны казаковъ. Такъ, на этой именно кандидатурѣ завязывалась возможность соглашенія демократической земщины съ казачествомъ, а такое соглашеніе, какъ мы видѣли выше, и пріобрѣтало при условіяхъ даннаго момента рѣшающую силу. Мы имѣемъ прямое указаніе на то, что еще въ ноябрѣ 1612 года казаки выдвигали кандидатуру Михаила Ѳедоровича, наравнѣ съ кандида-

турой сына второго самозванца. Сынъ боярскій Философовъ, захваченный въ ноябрѣ въ плѣнъ поляками, на разспросѣ сообщилъ, что въ Москвѣ бояре желаютъ возвести на престолъ королевича Владислава, но говорить о томъ не смѣютъ, боясь казаковъ, „а казаки-де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго. И во всемъ-де и казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ". Соглашеніе дворянства и казачества на кандидатурѣ Михаила Ѳедоровича въ драматической формѣ отмѣчено въ Хронографѣ. Тамъ разсказывается, что на засѣданіи собора 7-го февраля нѣкій дворянинъ изъ Галича подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ было заявлено, что царемъ надлежитъ избрать Михаила Ѳедоровича Романова, какъ ближайшаго родственника прежнихъ царей. Тотчасъ послѣ этого одинъ казацкій атаманъ съ Дона подалъ и свое писаніе „о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ". Тогда соборъ въ виду такого совпаденія поданныхъ заявленій и пришелъ къ „согласному и единомышленному совѣту" о провозглашеніи царемъ Михаила Ѳедоровича.

Къ сказанному выше теперь можно прибавить указаніе, сдѣланное въ напечатанной въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" статьѣ Д. В. Цвѣтаева. Можетъ-быть, не совсѣмъ случайно выразителями мнѣнія, уже сложившагося въ дворянскихъ и казацкихъ кругахъ, выступили именно представители Галича и Придонья. Архивомъ московскаго министерства юстиціи произведено обслѣдованіе земельныхъ владѣній рода Романовыхъ, и это обслѣдованіе показало, что какъ-разъ именно въ Галицкой области находились крупнѣйшія земельныя владѣнія Романовыхъ, а что касается области Дона, то въ верхнихъ предѣлахъ Донского бассейна также сосредоточивались большія земельныя владѣнія Романовыхъ, и тамъ-то, по выраженію Д. В. Цвѣтаева, „развернулась популярность Никиты Романовича, поддержанная близкими отношеніями съ казацкой средой Филарета Никитича".

Предрѣшивъ вопросъ въ засѣданіи 7-го февраля, соборъ, тѣмъ не менѣе, постановилъ отложить окончательное избраніе царя на 21-е февраля. Въ теченіе двухнедѣльнаго промежутка постановлено было совершить три дѣла: 1) всѣ члены собора порѣшили говѣть (наступилъ Великій постъ); 2) рѣшено было пригласить въ Москву на соборъ уѣхавшихъ изъ нея послѣ очищенія Москвы большихъ бояръ и 3) по городамъ были разосланы „вѣрные люди", которые должны были развѣдать мнѣніе населенія о преднамѣченномъ на соборѣ кандидатѣ.

Бояре съѣхались въ столицу. Разумѣется, въ ихъ средѣ начались обсужденія того, что происходило на соборѣ. Пошли толки въ различныхъ направленіяхъ. При этихъ боярскихъ обсужденіяхъ за намѣченную уже соборомъ кандидатуру опредѣленно высказались родственники Михаила Ѳедоровича, Иванъ Никитичъ Романовъ, кн. Лыковъ, Салтыковъ, и особенно усиленную дѣятельность въ этомъ смыслѣ проявилъ Шереметевъ.

21-го февраля 1613 г, послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ, состоялось заключительное засѣданіе избирательнаго собора. На этотъ разъ всѣ голоса были поданы за Михаила Ѳедоровича. Вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько духовныхъ членовъ собора и одинъ бояринъ вышли къ народу на Лобное мѣсто, на Красной площади, и стоявшая тамъ народная толпа кликами заявила свое одобреніе соборному выбору. Оставалось получить согласіе выбраннаго царя принять царскій вѣнецъ. Для этой цѣли изъ Москвы было отправлено посольство въ Кострому, гдѣ находился Михаилъ Ѳедоровичъ со своей матерью. Послѣ долгихъ отрицаній Михаила Ѳедоровича и его матери, инокини Марѳы, и настойчивыхъ просьбъ посольства согласіе, наконецъ, было дано. 19-го марта новый царь съ матерью выѣхали изъ Костромы. Они ѣхали съ продолжительными остановками въ различныхъ городахъ, и только 2-го мая совершился въѣздъ ихъ въ Москву. 11-го іюля Михаилъ Ѳедоровичъ торжественно вѣнчался на царство.

Какъ мы видѣли выше, представители боярской аристократіи во время избирательнаго собора играли пассивную роль. Дѣло рѣшали дворяне и казаки. Но когда избраніе уже совершилось, приближенные къ трону большіе бояре приняли нѣкоторыя мѣры для выясненія своего положенія при новомъ правительствѣ. По свидѣтельству одной псковской повѣсти, современной описываемымъ событіямъ, бояре выговорили себѣ у новаго царя опредѣленныя обѣщанія въ смыслѣ обезпеченія ихъ отъ казней, а изъ повѣствованія Котошихина вытекаетъ, что эти обѣщанія были облечены и въ письменную форму, причемъ въ нихъ говорилось также и о томъ, что царь будетъ вершить государственныя дѣла „съ боярами и думными людьми сопча“.

Такъ совершилось воцареніе Михаила Ѳедоровича Романова.

IV.

Вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ былъ возведенъ на престолъ, рѣшается неодинаково русскими историками. Такой авторитетный знатокъ, какъ В. О. Ключевскій, не сомнѣвается въ томъ, что царь Михаилъ призналъ для себя обязательными нѣкоторыя ограничивавшія его власть условія. Противоположное мнѣніе особенно настойчиво выдвигаетъ С. Ѳ. Платоновъ, утверждающій, что существованіе ограничительныхъ условій 1613 г. не можетъ признаваться исторически доказаннымъ. Мы полагаемъ, что въ недостаткѣ критической осторожности въ данномъ вопросѣ повинны не тѣ писатели, которые считаются съ показаніями источниковъ объ этихъ ограниченіяхъ, а тѣ, которые находятъ возможнымъ разъ навсегда „снять со счетовъ“ всѣ эти показанія.—Позволимъ себѣ нѣсколько задержать вниманіе читателя на этомъ вопросѣ.

Отрицаніе „ограниченій“ 1613 года мотивируется трояко:

1. Указывается на то, что историки, признающіе ограни-

ченія, опираются на показанія писателей XVIII ст., разсуждавшихъ о событіяхъ 1613 года подъ вліяніемъ политическаго движенія 1730 г., направленнаго на ограниченіе власти Анны Іоанновны, тогда какъ въ XVII в. упоминанія объ ограниченіяхъ встрѣчаются лишь у такихъ авторовъ, которые не заслуживаютъ довѣрія.

2. Въ офиціальныхъ актахъ о соборѣ 1613 г. ничего не говорится объ ограниченіяхъ: бояре, которымъ приписывается инициатива ограниченій, на избирательномъ соборѣ какъ разъ играли самую пассивную роль.

3. Въ правительственной практикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича не замѣтно никакихъ слѣдовъ примѣненія ограничительныхъ условій.

Всѣ эти соображенія представляются намъ совершенно недостаточными. Разберемъ ихъ по очереди.

1. Страленбергъ и Татищевъ распространились объ ограниченіяхъ Михаила Ѳедоровича дѣйствительно въ связи съ событіями 1730 г. Достаточно ли, однако, одного этого обстоятельства, чтобы утверждать, что названные авторы такъ-таки цѣликомъ перенесли въ прошлое факты ихъ времени? Критика источниковъ съ точки зрѣнія отыскиванія въ нихъ возможной модернизаціи старины—пріемъ очень остроумный и во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ примѣняемый. Но вѣдь это вовсе не значитъ, что его можно примѣнять каждый разъ, лишь только обстоятельства, современныя данному автору, сколько-нибудь сходны съ описываемыми этимъ авторомъ явленіями далекаго прошлаго. Иначе тонкій и остроумный пріемъ исторической критики превратится въ грубый шаблонъ. Въ 1905 г. у насъ, въ связи съ ожиданіями конституціи, въ текущей литературѣ ярко проявился усиленный интересъ къ земскимъ соборамъ XVII в. и о нихъ начали часто писать. И вотъ, при неосторожномъ примѣненіи указаннаго пріема критики, можно вѣдь было бы сказать, что всѣ эти писанія — сплошь фальсификація старины только на томъ основаніи, что

они написаны въ годы увлеченія общества борьбой за народное представительство! Писатели 1730 г. могли, конечно, вложить много современныхъ имъ чертъ въ подробности интересовавшихъ ихъ историческихъ событій, но для предположенія, что они изобрѣли самый фактъ ограниченій 1613 г., нужно имѣть болѣе твердыя основанія, нежели общую ссылку на сходство этого факта съ предложеніемъ Аннѣ Іоанновнѣ подписать ограничительные пункты.

Впрочемъ, вопреки заявленію С. Ѳ. Платонова, наиболѣе авторитетные историки, не отрицающіе ограниченій 1613 г., опираются, главнымъ образомъ, вовсе не на Страленберга и Татищева, а на показанія XVII же вѣка: на Псковскую повѣсть и Котошихина. Такъ поступаетъ, напр., В. О. Ключевскій. Совершенно непонятнымъ для насъ образомъ С. Ѳ. Платоновъ утверждаетъ, что Ключевскій былъ „увлеченъ" трактатомъ Страленберга. Въ „Боярской Думѣ" Ключевскій называетъ этотъ трактатъ „мутнымъ источникомъ" (2 изд. стр. 361). Согласитесь, что это было бы довольно своеобразнымъ проявленіемъ „увлеченія"! Въ томъ же изданіи „Боярской Думы" при разсказѣ объ ограниченіяхъ 1613 г. данныя Страленберга даже вовсе не введены въ текстъ, а отнесены въ „приложенія". А въ курсѣ Ключевскаго (ч. III, стр. 94—97), гдѣ вмѣстѣ съ прочими данными приведено и показаніе Страленберга, тѣмъ не менѣе, прямо сказано: „наиболѣе довѣрія внушаетъ Псковская повѣсть, передающая дѣло въ томъ видѣ, когда носившіеся слухи еще не успѣли разрастись въ сказаніе, въ политическую легенду" (стр. 96). Итакъ, центръ тяжести вопроса лежитъ въ оцѣнкѣ не показаній XVIII ст., а показаній XVII ст. Отъ этихъ показаній XVII ст. С. Ѳ. Платоновъ и его послѣдователи отдѣлываются, думается намъ, слишкомъ поспѣшно. Котошихинъ берется подъ подозрѣніе потому, что онъ вообще „плохой историкъ", и притомъ онъ писалъ для шведовъ, а слѣдовательно, говоря о постановкѣ царской власти, выражался въ терминахъ, привычныхъ для шведскаго уха.

Однакоже, въ данномъ случаѣ показаніе „плохого историка“ подтверждается еще однимъ свидѣтельствомъ: Псковской повѣстью, поскольку дѣло идетъ не о подробностяхъ, а о самомъ фактѣ ограниченія. Слѣдовательно, только на счетъ подробностей можно было бы относить и предположительное приписываніе Котошихину умышленной подрисовки событій съ цѣлью большаго приспособленія разсказа къ пониманію шведскаго общества. С. Ѳ. Платоновъ указывалъ еще на то, что Котошихинъ, перечисляя условія, вставлявшіяся, по его мнѣнію, во всѣ прежнія ограничительныя записи, приводитъ далеко не всѣ эти условія, а только тѣ, которыя значились въ записи Шуйскаго. По мнѣнію С. Ѳ. Платонова, это обстоятельство подрываетъ довѣріе къ освѣдомленности Котошихина. Мы этого не думаемъ. Котошихинъ могъ просто выдѣлить сознательно тѣ условія, которымъ онъ придавалъ наибольшую важность и которыя были всего ближе къ условіямъ, принятымъ и Михаиломъ Ѳедоровичемъ: здѣсь можетъ пригодиться и сообщеніе Татищева о томъ, что съ Михаила Ѳедоровича была взята такая же запись, какъ и съ Шуйскаго.

Итакъ, мы считаемъ, что значеніе показанія Котошихина, по крайней мѣрѣ, въ его основѣ пока не поколеблено критикой.

Показаніе Псковской повѣсти заподозривается на томъ основаніи, что повѣсть эта вообще проникнута острымъ недоброжелательствомъ къ боярамъ и ихъ самовластью. Мы должны замѣтить, однако, что, хотя въ повѣсти есть, конечно, неточности и ошибки, но послѣдовательнаго злостно-тенденціознаго измышленія фактовъ мы въ ней не находимъ. Авторъ повѣсти иногда даетъ фактамъ свою окраску, но не измышляетъ фактовъ Многія показанія повѣсти вполнѣ подтверждаются другими источниками.

Во всякомъ случаѣ, остается во всей силѣ вопросъ: при отрицаніи ограниченій 1613 г. какъ объяснить совпаденіе показаній о фактѣ такого ограниченія Котошихина и автора

Псковской повѣсти? Если эти авторы расходятся въ существенныхъ подробностяхъ, то это обстоятельство доказываетъ лишь то, что они писали совершенно независимо другъ отъ друга и такимъ образомъ ихъ согласіе въ признаніи самого факта ограниченія получаетъ лишь большій вѣсъ и значеніе.

2. Всѣ указанія на то, что во время избирательнаго собора бояре стояли на самомъ заднемъ планѣ, не имѣютъ никакого значенія для даннаго вопроса: на соборѣ Михаила Ѳедоровича не было, а для принятія ограничительныхъ условій, конечно, необходимо было его присутствіе; ясно, слѣдовательно, что условія могли быть предложены и приняты только по прибытіи новаго царя въ Москву. А примѣнительно къ этому времени, несмотря на всѣ данныя, тщательно собранныя С. Ѳ. Платоновымъ въ доказательство того, что кадры правительственныхъ сферъ быстро стали пополняться новыми людьми, все же остается во всей силѣ и тотъ фактъ, что на вершинѣ правительственной пирамиды въ теченіе извѣстнаго времени стояли на ряду съ родственниками новаго царя и князь Мстиславскій „съ товарищи". Для урегулированія треній между этими двумя группами ставшихъ у трона лицъ и могла понадобиться, какъ указано Ключевскимъ, формулировка тѣхъ условій, о которыхъ говорятъ Псковская повѣсть и Котошихинъ.

3. Непримѣненіе этихъ условій въ послѣдующей правительственной практикѣ никакъ не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ несуществованія условій. Это обстоятельство можетъ указывать лишь на то, что группа бояръ, которой удалось эти условія выговорить, не была настолько сильна, чтобы настоять на ихъ выполненіи.

Таковы соображенія, на основаніи которыхъ мы никакъ не можемъ признать, что критика С. Ѳ. Платонова „сняла съ очереди" вопросъ объ ограниченіяхъ 1613 г.

Ѳ. В. РОСТОПЧИНЪ.

I.

Личность Ростопчина.

Графъ Ростопчинъ рѣзко выдѣлялся изъ круга современниковъ своеобразнымъ даромъ сосредоточивать около своего имени горячія столкновенія противоположныхъ страстей. И о другихъ дѣятеляхъ той эпохи нерѣдко высказывались разнорѣчивыя сужденія. Но ни о комъ не спорили такъ запальчиво и страстно, какъ о графѣ Ростопчинѣ. И вотъ что еще любопытно отмѣтить: имя Ростопчина не утратило этой электризующей силы въ теченіе цѣлаго столѣтія. Въ наши дни, совершенно также, какъ и при жизни графа, о немъ пишутъ не иначе, какъ въ возбужденномъ тонѣ, столь рѣдкомъ вообще въ разсужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ отдаленныхъ эпохъ. Когда Ростопчинъ только что сошелъ съ поприща государственной дѣятельности и доживалъ свои дни на положеніи полуопальнаго вельможи, не было человѣка, который судилъ бы о его дѣлахъ съ хладнокровнымъ спокойствіемъ. Восторженныя похвалы скрещивались около его имени съ самыми страстными проклятіями. Графъ Семенъ Воронцовъ, неизмѣнно питавшій къ Ростопчину дружескія чувства, писалъ ему въ мартѣ 1813 г., что считаетъ его главнымъ возбудителемъ возвышеннаго патріотизма въ русскомъ народѣ въ годину Отечественной войны. Патріотическія доблести,—писалъ Воронцовъ— „таились въ душѣ русскаго народа, какъ огонь, скрытый въ

міровой матеріи, и хотя этотъ элементъ заложенъ въ соединеніяхъ селитры, угля и сѣры, онъ оставался бы вѣчно скрытымъ въ этихъ соединеніяхъ, если бы прикосновеніе искры не заставило его проявиться во всемъ своемъ блестящемъ всемогуществѣ. Вы были той благодѣтельной искрой, которая возбудила къ проявленію чудный нравъ нашихъ дорогихъ соотечественниковъ, тѣхъ, которыхъ называютъ чистокровными русскими, говорящими однимъ языкомъ, исповѣдующими одну вѣру. Я могу сравнить васъ только съ княземъ Пожарскимъ. Но ваша задача была труднѣе, чѣмъ его. Онъ жилъ во времена, почитаемыя эпохой невѣжества и простоты, между тѣмъ, какъ наше время, торжественно признанное вѣкомъ просвѣщенія и философіи, болѣе дико... Ваше дѣло было трудно исполнимо, но вы достигли успѣха къ своей славѣ и во благо своей страны..." *).

Если всегда расположенный къ Ростопчину Воронцовъ уподоблялъ своего друга князю Пожарскому, то наивно восторженный Сергѣй Глинка, не обинуясь, утверждалъ, что самъ Богъ послалъ Россіи Ростопчина въ годину тяжкаго испытанія: „справедливо можно сказать, что гласъ Божій слышанъ былъ и въ голосѣ народномъ, когда въ 1812 году графъ Ростопчинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, а на Москву смотрѣла Россія" **).

Одновременно съ столь пышными похвалами дѣятельность Ростопчина вызвала въ современникахъ самое негодующее осужденіе. Послѣ своей отставки Ростопчинъ не былъ въ силахъ оставаться въ Москвѣ: такъ явственно чувствовалъ онъ тяжесть скопившейся по отношенію къ его личности общественной злобы. Конечно, не малую роль въ этой злобѣ играли мотивы личной корысти. Вернувшись по уходѣ французовъ на старыя пепелища, москвичи принялись подсчиты-

---

*) „Архивъ князя Воронцова", кн. VIII, стр. 517—518.

**) „Русское Чтеніе". Спб., 1845 г., ч. I.

вать только что понесенныя матеріальныя потери. Итоги этого подсчета естественно вызывали въ нихъ горькія сѣтованія на судьбу, а человѣкъ такъ ужъ устроенъ, что ему всегда служитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ возможность выражать свои сѣтованія на судьбу въ формѣ личныхъ обвиненій противъ опредѣленнаго виновника своихъ несчастій. Этой особенности человѣческой психологіи Ростопчинъ, несомнѣнно, былъ обязанъ многими нападками на него со стороны перенесшихъ французскій погромъ москвичей, въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ всего справедливѣе было бы винить общій ходъ событій. Недаромъ Ростопчинъ въ 1815 г. записалъ въ своемъ путевомъ дневникѣ, между прочимъ, такія строки: „соловья я никогда не любилъ; мнѣ кажется, что я слышу московскую барыню, которая стонетъ, плачетъ и проситъ, чтобъ ей возвратили ея вещи, пропавшія во время разгрома Москвы въ 1812 году. Филомелы миѳологіи воспѣвали свои страданія, свою тоску и любовь. Филомелы Москвы стонутъ, чтобы излить свою желчь и свою хандру“ *).

Но существовалъ и другой источникъ суровыхъ осужденій дѣятельности Ростопчина. Противъ него вопіяли не только тѣ, кто въ эпоху великихъ національныхъ событій не могъ забыть о собственныхъ разбитыхъ горшкахъ; его судили и на него негодовали также и съ точки зрѣнія широкаго политическаго пониманія и возмущеннаго нравственнаго чувства. Характернѣйшій образчикъ такого отношенія къ Ростопчину находимъ въ письмахъ М. А. Волковой, которая близко знала Ростопчина и его семейство, и въ періодъ московскаго генералъ-губернаторствованія Ростопчина всегда была готова отдать ему полную справедливость, какъ предпріимчивому и распорядительному градоправителю. Были моменты, когда Волкова въ своихъ письмахъ брала Ростопчина подъ защиту отъ сыпавшихся на него упрековъ. И эта же самая женщина писала въ

*) „Девятнадцатый вѣкъ“, книга II.

декабрѣ 1812 г., послѣ того, какъ ей пришлось ознакомиться съ дѣятельностью Ростопчина во всѣхъ подробностяхъ: „Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину“, и далѣе: „я теперь ненавижу Ростопчина и имѣю на то причины“ *). Въ этомъ случаѣ Волкова выражала чувства очень широкихъ и разнообразныхъ круговъ русскаго общества.

Итакъ, либо—второй князь Пожарскій и благодѣтельный посланникъ небесъ, либо—чудовище, достойное ненависти и презрѣнія. Таковъ языкъ отзывовъ о Ростопчинѣ, исходящихъ отъ его современниковъ; восторгъ или негодованіе, только не хладнокровная оцѣнка, допускающая среднія, примиряющія сужденія. Тѣ же двѣ струи, одинаково отмѣченныя страстнымъ возбужденіемъ, хотя и противоположнаго характера, проходятъ чрезъ всѣ писанія о Ростопчинѣ, составленныя во времена, болѣе или менѣе близкія къ эпохѣ его жизни и дѣятельности. Кости Ростопчина давно уже покоились въ могилѣ, а люди, о немъ вспоминавшіе, попрежнему не могли писать о немъ иначе, какъ въ тонѣ обостренной полемики: за гробомъ какъ и при жизни, Ростопчину было суждено непрерывно возжигать около своего имени запальчивую борьбу. Изъ панегириковъ и филиппикъ состоитъ почти вся посвященная ему литература. Въ качествѣ наиболѣе характерныхъ образчиковъ того и другого можно указать, съ одной стороны, на біографію Ростопчина, написанную Сегюромъ, родственникомъ Ростопчина, **) съ другой стороны—на мемуары актера Домерга, лично пострадавшаго отъ дѣйствій Ростопчина въ 1812 г. ***). Въ изображеніи Сегюра Ростопчинъ— рыцарь безъ страха и упрека, образецъ всѣхъ возвышенныхъ нравственныхъ доблестей и

---

*) Русскій Архивъ, 1872 г.: „Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.“

**) Ségur: „Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812“. Paris.

***) Arm. Domergue: „La Russie pendant les guerres de l'empire“.

глубокой государственной мудрости. По изображенію Домерга нѣтъ того рѣзкаго эпитета, который не слѣдовало бы примѣнить къ характеристикѣ пороковъ и преступленій ненавистнаго графа.

Въ устахъ и подъ перомъ современниковъ Ростопчина эти разнорѣчія и эта возбужденность похвалъ и осужденій не представляютъ ничего удивительнаго. Не то же ли самое выпадаетъ на долю большинства людей, поставленныхъ судьбою на отвѣтственные посты въ эпоху крупныхъ историческихъ событій? Но вотъ, прошло сто лѣтъ. Вѣковой юбилей Отечественной войны вновь привлекъ общественное вниманіе къ дѣламъ и дѣятелямъ той знаменательной эпохи. Передъ нами рядъ литературно-историческихъ произведеній, вызванныхъ юбилейными поминками. Какъ и слѣдовало ожидать, въ этихъ писаніяхъ преобладаетъ тонъ эпическій, въ которомъ уже не звучатъ отголоски былыхъ страстей, давно изсякшихъ подъ всепримиряющей силою времени. Сколько полемическаго жара сосредоточивалось въ свое время около имени Кутузова! Какой ядовитой злобой напитаны были отзывы о немъ его многочисленныхъ враговъ, какія неумѣренныя восхваленія возсылались ему его искренними и неискренними поклонниками! И вотъ, теперь мы судимъ и рядимъ о Кутузовѣ съ совершеннымъ спокойствіемъ. Мы не поняли бы человѣка, который сталъ бы въ наши дни говорить о Кутузовѣ и обсуждать его дѣйствія взволнованнымъ, запальчивымъ тономъ. Но многіе изъ современныхъ намъ писателей тотчасъ покидаютъ эпическій тонъ, начинаютъ волноваться, сердиться и спорить, лишь только имъ приходится коснуться дѣятельности Ростопчина. Подчеркнутые эпитеты, возбужденная рѣчь—хвалебная или обличительная, восторженная или презрительная—тотчасъ вступаютъ въ свои права при упоминаніи о Ростопчинѣ, для котораго, какъ видно, еще не минула историческая давность. Чѣмъ же объяснить это явленіе? Какія нити протянулись чрезъ

вѣковой промежутокъ времени между Ростопчинымъ и треволненіями нашихъ дней? Разсуждая отвлеченно, на этотъ вопросъ можно ожидать одинъ изъ двухъ отвѣтовъ. Либо Ростопчинъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ крупныхъ личностей, которыя самыми размѣрами своихъ индивидуальныхъ дарованій всегда будутъ волновать воображеніе людей, независимо отъ смѣны текущихъ общественныхъ интересовъ, либо онъ воплотилъ въ себѣ какой-нибудь распространенный общественный типъ, не вымершій и доселѣ, но и въ наши дни продолжающій сохранять дѣйственное значеніе. Который же изъ этихъ двухъ возможныхъ отвѣтовъ дѣйствительно примѣнимъ къ данному случаю? Порицатели Ростопчина въ наше время склонны преуменьшать размѣры личныхъ дарованій этого человѣка. Намъ приходилось встрѣчать въ юбилейной литературѣ такія характеристики Ростопчина, которыя сводятся къ указанію на то, что Ростопчинъ представлялъ собою заурядную бездарность, что его прославленное остроуміе не шло дальше пошлыхъ и плоскихъ претензій на острыя словечки, въ дѣйствительности лишенныя всякой соли; что въ своей административной дѣятельности онъ не поднимался ни на вершокъ надъ уровнемъ рутинной посредственности. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

На нашъ взглядъ, уже a priori нельзя предположить, чтобы заурядный и посредственный человѣкъ могъ привлечь къ своей личности такое обостренное вниманіе и такіе оживленные споры даже своими ошибками, какъ это случилось съ Ростопчинымъ. И дѣйствительно, мы можемъ привести рядъ положительныхъ отзывовъ о даровитости Ростопчина, исходящихъ отъ такихъ его современниковъ, которые должны быть признаны достаточно компетентными и разборчивыми цѣнителями въ этой области. Въ 1792 г. Безбородко писалъ одному изъ своихъ знакомыхъ о молодомъ Ростопчинѣ: „г. Ростопчина въ милость вашу рекомендую. Онъ много трудился и много имѣетъ спо-

собностей. Я бы лучше всякаго послалъ его въ Царьградъ повѣреннымъ въ дѣлахъ"...*)

Въ 1801 г. гр. Семенъ Воронцовъ писалъ брату Александру: „Я очень радъ тому, что вы часто видѣлись съ Ростопчинымъ и проводили съ нимъ цѣлые часы. Онъ очень уменъ и держится очень весело"... **) Въ 1818 г. тотъ же Воронцовъ писалъ сыну: „графъ Ростопчинъ написалъ мнѣ прелестное письмо ...это соединеніе ума, веселости, оригинальности и глубины"...***) Авторовъ этихъ писемъ можно еще было бы заподозрѣть въ пристрастіи къ Ростопчину: вѣдь Безбородко покровительствовалъ Ростопчину и выводилъ его въ люди, а графъ Семенъ Воронцовъ въ теченіе всей жизни сохранялъ по отношенію къ Ростопчину неизмѣнное дружеское расположеніе. Но вотъ рядъ другихъ отзывовъ, принадлежащихъ лицамъ, которые не могли имѣть никакихъ особыхъ побужденій незаслуженно хвалить Ростопчина и которые въ то же время знали толкъ въ оцѣнкѣ умственныхъ дарованій. Екатерина II, допустившая Ростопчина къ участію въ отборномъ обществѣ эрмитажныхъ собраній, однажды сказала про него Мамонову: „у этого молодого человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ". ****) Адамъ Чарторижскій, не расположенный вообще расточать комплименты русскимъ вельможамъ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Ростопчинъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей Гатчины и Павловска до восшествія на престолъ Павла I. Это былъ, я думаю, единственный умный человѣкъ, привязавшійся къ Павлу до его воцаренія". *****) Все это—отзывы, отно-

---

*) „Архивъ князя Воронцова", т. XIII, стр. 246.

**) Ibid., т. X, № 32.

***) Ibid., т. XVII, № 251.

****) Русская Стар., 1893 г., т. 77. Біографія гр. Ростопчина, составленная Брокеромъ.

*****) „Мемуары Чарторижскаго", т. I. См. русскій переводъ въ изданіи К. Ф. Некрасова.

сящіеся къ начальному періоду дѣятельности Ростопчина. Но вотъ отзывъ человѣка, узнавшаго Ростопчина уже на закатѣ его жизни, когда онъ по окончаніи своей бурной карьеры скитался по чужимъ краямъ, съѣдаемый сознаніемъ, что для него все уже осталось позади, кромѣ предстоящаго еще суда исторіи, строгости котораго онъ имѣлъ основаніе бояться. Этотъ отзывъ принадлежитъ такому видавшему виды наблюдателю, какъ Варнгагенъ фонъ-Энзе. Варнгагенъ сошелся съ Ростопчинымъ въ 1817 г. въ Баденѣ. Характеристика Ростопчина, вышедшая изъ-подъ пера Варнгагена, такъ интересна и и такъ важна въ качествѣ противоположенія тѣмъ, кто судитъ о Ростопчинѣ, какъ о заурядной бездарности, что я считаю нелишнимъ выписать ее здѣсь цѣликомъ. Вотъ что читаемъ у Варнгагена: „съ молодости втянутый въ культуру французскаго ума, сродненный со всѣми тонкостями просвѣщенной и игривой бесѣды, онъ (т.-е. Ростопчинъ) захватывалъ вниманіе своей рѣчью, легкой и гибкой, и обаятельность этой рѣчи еще болѣе усиливалась для тѣхъ, кто замѣчалъ, что эта непринужденная и неподготовленная бесѣда исходила изъ глубины души, въ которой властвовала желѣзная воля, презиравшая всякія ненужныя предосторожности; изъ характера, неотъемлемыми особенностями котораго являлись страсти полудикаря и свирѣпость варвара. Такимъ образомъ, удовольствіе, которое всѣ находили въ общеніи съ этимъ человѣкомъ, не было безусловно; невольно передъ нимъ васъ охватывало страшное волненіе и являлась потребность быть настороже. По талантливости, по уму, по дару веселой любезности Ростопчинъ былъ не ниже принца Линя. Но какъ различно было производимое ими впечатлѣніе! Въ то время какъ любезная игривость стараго принца баюкала васъ, точно въ мягкомъ мхѣ, съ Ростопчинымъ вы чувствовали себя на почвѣ, усѣянной остріями, среди которыхъ приходилось съ большой осторожностью выбирать мѣсто для того, чтобы поставить ногу. Я склоненъ думать, что, не будь у него дара слова, который его отличалъ, онъ произво-

дилъ бы отталкивающее впечатлѣніе. Но его бесѣда имѣла неотразимую привлекательность. Было праздникомъ послушать его разсказы, одушевленные живыми и частыми сравненіями, пикантными наблюденіями, порой очень своеобразными, которыя онъ вынесъ изъ пребыванія въ Парижѣ... Въ сужденія о положеніи вещей въ Россіи онъ вносилъ необычайную смѣлость и настоящую горечь... въ эти минуты чувствовалось бушеваніе страсти за искуснымъ узоромъ французскихъ фразъ. Вслѣдствіе испытанныхъ имъ неблагодарности и несправедливостей онъ чувствовалъ отчужденіе отъ родины... опасно было предоставлять его теченію мыслей этого порядка, ибо тогда онъ переставалъ владѣть собой, лицо его принимало ужасное выраженіе, и всѣ вокругъ него приходили въ разстройство. Несмотря на всѣ его вулканическіе взрывы, я замѣтилъ у него, однако, черты чувствительности, и подобно тому, какъ я выше сравнивалъ его съ принцемъ де-Линемъ, я находилъ также въ немъ нѣкоторое сходство въ Вильгельмомъ Гумбольтомъ: та же видимая холодность, подъ которой плохо скрывалась теплота чувства, тотъ же потокъ своеобразныхъ колкихъ эпиграммъ, которыя устраняютъ скуку, присущую вульгарнымъ разговорамъ". *)

Человѣкъ, вызвавшій своей личностью такую краснорѣчивую страницу изъ-подъ пера Варнгагена и умѣвшій становиться центромъ тонкихъ салонныхъ бесѣдъ среди избраннаго западно-европейскаго общества, конечно, не могъ быть дюжинной посредственностью.

Характеристика Варнгагена подтверждается тѣмъ, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ. По воспоминаніямъ кн. Вяземскаго, „разговоръ или, скорѣе, монологъ Ростопчина былъ разнообразенъ содержаніемъ, богатъ красками и переливами оттѣнковъ... то отчеканивались на-лету живыя страницы минувшаго, то разсыпались легкія, но бойкія замѣтки на лю-

*) Цитирую по книгѣ Сегюра. См. выше.

дей и дѣла текущаго дня. Онъ въ продолженіе рѣчи своей имѣлъ привычку медленно принюхивать щепотку табаку, особенно предъ острымъ словомъ или при остромъ словѣ. Онъ табакомъ, какъ будто порохомъ, заряжалъ свой выстрѣлъ". *) Какъ бы строго ни судить Ростопчина, ему никакъ нельзя отказать въ талантливости и остротѣ ума. Нельзя отрицать того, что онъ нерѣдко спускался въ своемъ остроуміи до очень низкаго тона, до очень плоскихъ и пошлыхъ грубостей. Въ особенности это нужно признать относительно тѣхъ шутокъ, которыя онъ считалъ себя обязаннымъ отпускать насчетъ Наполеона въ присутствіи сочувствующей такому зубоскальству аудиторіи. Въ его письмахъ къ Багратіону встрѣчаются такія пошло-казарменныя вышучиванія Наполеона, заимствованныя изъ области половыхъ отношеній, которыя совершенно не могутъ быть воспроизведены en toutes lettres въ порядочномъ обществѣ. **)

Шутки этого стиля, въ которыхъ не было ни тѣни истиннаго остроумія, имѣли, однако, большой успѣхъ въ московскихъ гостиныхъ того времени, и Ростопчинъ не упускалъ случая пожинать посредствомъ ихъ дешевые лавры острословца.

Въ воспоминаніяхъ Булгакова, человѣка близкаго къ Ростопчину, находимъ живо набросанную сценку, наглядно обрисовывающую тотъ обиходный тонъ, который устанавливался по отношенію къ Наполеону въ домѣ Ростопчина передъ нашествіемъ французовъ. Въ августѣ 1812 г. въ мелочныхъ лавкахъ Москвы стали продаваться лубочные портретики Наполеона по копейкѣ за штуку. Въ народѣ пошла молва, что эти портретики выпущены въ продажу по распоряженію Ростопчина, чтобы русскіе люди, ознакомленные такимъ образомъ съ чертами Наполеона, тѣмъ легче могли поймать и убить

---

*) Русскій Архивъ, 1877 г., т. II.

**) См., наприм., начало письма отъ 6 августа 1812 г. Русская Старина, 1883 г., декабрь.

его; при этомъ прибавлялось, что за убійство Наполеона обѣщано 10 тысячъ рублей награды. Булгаковъ зашелъ какъ-то утромъ къ Ростопчину съ извѣстіемъ объ этихъ слухахъ и принесъ ему портретикъ.—„Чего не выдумаютъ на бѣднаго Ростопчина",—сказалъ Ростопчинъ съ видомъ самодовольства и тотчасъ, съ живостью, взявъ карандашъ, подписалъ подъ портретикомъ:

„Ну право, дешево и мило. Покупайте
И харью этой .... подтирайте".

Въ тотъ же моментъ отворилась дверь и въ кабинетъ вошелъ старикъ Приклонскій, отставной полковникъ, очень любимый Ростопчинымъ за веселый нравъ. Оказалось, что и Приклонскій явился съ портретикомъ Наполеона. „Въ Европѣ,—началъ онъ,—только одна Англія, да я не признаемъ этого мерзавца Бонапарта французскимъ императоромъ... Я принесъ вамъ даже одинъ экземпляръ этой скверной рожи". Ростопчинъ въ отвѣтъ показалъ свой экземпляръ, къ которому онъ только что приписалъ грубые вирши и пририсовалъ усы. Завязался политическій разговоръ. „Вы бы лучше нарисовали ему рога",—заявилъ Приклонскій.—„Нельзя,—подхватилъ въ отвѣтъ Ростопчинъ,—злодѣй представленъ въ шляпѣ. Я могъ бы и хвостъ пририсовать императору французовъ, да опять нельзя: портретъ по несчастью поясной, а не во весь ростъ"... и т. д. Таково было политическое остроуміе, которымъ наполнялся утренній досугъ государственнаго человѣка. Булгаковъ замѣчаетъ, что Ростопчинъ вообще былъ очень корректенъ и вѣжливъ въ бесѣдѣ, но лишь только заходила рѣчь о Наполеонѣ, онъ тотчасъ впадалъ въ грубость и цинизмъ. Онъ самъ говорилъ про себя: „какъ скоро начинаю прославлять этого мошенника, такъ нехотя навоняю". *)

---

*) „Воспоминанія А. Я. Булгакова". Старина и Новизна, книга VII, 1904 г.

Все это какъ будто подтверждаетъ мнѣніе о грубости и убожествѣ умственныхъ рессурсовъ Ростопчина. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ этомъ площадномъ гаерствѣ Ростопчинъ утверждался поощреніемъ окружающаго его общества, которому всего болѣе были по плечу именно подобнаго рода шутки. Припомнимъ разсказъ Герцена о посѣщеніи Москвы г-жею Сталь какъ разъ въ то время, къ которому относятся и вышеприведенныя свѣдѣнія о Ростопчинѣ. Тонкіе обороты салоннаго остроумія, свойственные бесѣдѣ французской писательницы, не производили никакого эфекта среди той барской Москвы, которая чествовала г-жу Сталь обѣдами и ожидала услышать что-нибудь забавное изъ устъ французской знаменитости. Наконецъ, г-жа Сталь устала метать бисеръ тонкой бесѣды передъ слушателями, которые только хлопали глазами и уписывали за обѣ щеки изобильныя явства. Чтобы разбить ледъ, она отпустила какую-то фривольную шутку.

Тогда все оживилось и возликовало. Только это они поняли и оцѣнили... По такому-то масштабу приходилось и Ростопчину располагать полетъ своего остроумія, чтобы быть понятымъ и оцѣненнымъ окружающими людьми. У того же Булгакова, повѣствованіемъ котораго я только что воспользовался, находимъ описаніе типичнаго ростопчинскаго журфикса во время, непосредственно предшествовавшее занятію Москвы французами. Изъ этого описанія можно видѣть, какіе незатѣйливые сюжеты наполняли вечернія бесѣды почтенныхъ представителей московскаго барства, готовившихся къ встрѣчѣ врага подъ стѣнами Москвы. Въ небольшомъ кабинетѣ ростопчинскаго дома собираются гости и разсаживаются на маленькихъ, обитыхъ зеленымъ сафьяномъ вольтеровскихъ креслахъ. Тутъ Полторацкій, князь Багратіонъ, Кириллъ Александровичъ (не полководецъ, а сенаторъ), сенаторъ Кольцовъ-Масальскій, отличавшійся непомѣрной трусостью и безграничнымъ легковѣріемъ, и рядъ другихъ лицъ изъ верховъ московскаго

общества. Хозяинъ открываетъ бесѣду вопросомъ Полторацкому, справедливъ ли слухъ о томъ, что онъ отправилъ въ свою калужскую деревню конюховъ и коноваловъ, чтобы англизировать всѣхъ крестьянскихъ лошадей? Полторацкій подхватываетъ шутку и выражаетъ заботу о томъ, какъ лошади съ обрѣзанными хвостами будутъ обороняться отъ слѣпней и мухъ? Ужъ не придѣлать ли имъ фальшивые хвосты? Ростопчинъ входитъ въ обстоятельное обсужденіе этого вопроса и съ своей стороны совѣтуетъ при сельскихъ работахъ приставлять къ каждой лошади мальчиковъ и дѣвочекъ съ вѣточками для обмахиванія лошадиныхъ спинъ. Всѣ въ полномъ восторгѣ и смѣются отъ души. Затѣмъ Багратіонъ начинаетъ дразнить трусливаго Масальскаго. „Бонапарте,—сообщаетъ онъ,—рѣшилъ, завоевавъ Россію, повѣсить всѣхъ русскихъ сенаторовъ, ибо онъ убѣжденъ, что въ Россіи сенатъ дирижанъ имѣетъ такое же важное политическое значеніе, что и во Франціи. Масальскій тотчасъ же принимаетъ это сообщеніе за чистую монету и въ качествѣ сенатора начинаетъ дрожать отъ страха. Онъ кипятится, запальчиво доказываетъ присутствующимъ, что въ Россіи сенатъ ничего не значитъ, и обижается какъ на Наполеона, такъ и на Багратіона. Хозяинъ и гости умираютъ со смѣху. *)

Вотъ уровень салонной игры ума на верхахъ московскаго общества интересующей насъ эпохи. Ростопчинъ, принужденный жить и ладить съ этимъ обществомъ, долженъ былъ говорить на его языкѣ, спускаться до уровня его умственныхъ интересовъ. Во многихъ случаяхъ онъ дѣлалъ это сознательно, успѣшно или нѣтъ—это другой вопросъ, которымъ мы еще будемъ имѣть случай заняться.

Это обстоятельство удачно подмѣчено Вигелемъ въ его воспоминаніяхъ. „Можно было,—говоритъ Вигель,—тогда найти въ Москвѣ довольно людей, которые, какъ говорится, были

---

*) Ibid.

ему (т.-е. Ростопчину) по плечу... имъ однимъ могъ онъ передавать думы свои, сообщать свои оригинальные разсказы. Съ прочими же обходился онъ запросто, былъ словоохотенъ, любилъ пошучивать и употреблялъ съ ними языкъ, которымъ говорятъ совершеннолѣтніе, играя съ дѣтьми. Его не поняли. „Да это, видно, нашъ братъ“, сказали москвичи, а нѣкоторые даже: „да онъ просто шутъ“. Между тѣмъ, прилежно изучалъ онъ нравы какъ дворянства московскаго, такъ и простого народа. Странный, непонятный былъ онъ человѣкъ! Безъ малѣйшаго отвращенія смотрѣлъ онъ на совершенное отсутствіе мыслей московскихъ даже высшихъ обществъ и чрезвычайно забавлялся ихъ нелѣпыми толками, сплетнями и пересудами“.*) Конечно, Ростопчинъ парилъ не такъ уже высоко, чтобы не поддаться въ свою очередь вліянію окружающей среды. Онъ и самъ входилъ во вкусъ тѣхъ вульгарностей, изъ которыхъ слагался жизненный тонъ заурядныхъ слоевъ тогдашняго русскаго барства. Находилъ же онъ удовольствіе и интересъ въ томъ, чтобы издѣваться надъ... бюстомъ Наполеона, употребляя его въ качествѣ подставки подъ неудобоназываемымъ въ печати сосудомъ, какъ о томъ сообщаетъ все тотъ же Булгаковъ. Но справедливость требуетъ не упускать изъ виду, что подобными вульгарностями не исчерпывались духовные ресурсы Ростопчина; что въ иномъ обществѣ, съ людьми иного склада, такъ же какъ и наединѣ съ собственными думами, онъ показывался нерѣдко и совершенно другой стороной своей духовной природы и тогда, расправляя крылья своихъ дѣйствительныхъ дарованій, онъ обнаруживалъ подлинное остроуміе и подлинную живость своеобразной мысли. Еще молодымъ человѣкомъ, во время второй заграничной поѣздки, онъ составилъ путевыя замѣтки о путешествіи въ Пруссію. **) Это произведеніе—очень яркое доказательство того, что уже въ

---

*) Вигель: „Воспоминанія“, т. IV.

**) Москвитянинъ, 1849 г. Ч. I и III.

молодости Ростопчинъ являлся остроумнымъ наблюдателемъ окружающей дѣйствительности. Въ рядѣ коротенькихъ главъ авторъ развертываетъ здѣсь передъ нами различныя сценки изъ жизни почтовыхъ трактовъ тогдашней Германіи, рисуетъ типы почтмейстеровъ, почталіоновъ, юмористически описываетъ убійственную медлительность почтовой ѣзды, *) затѣмъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ Берлина, описываетъ берлинскіе трактиры, общественныя собранія, театръ, жизнь двора, дворянства, офицерства и т. п. На всѣхъ этихъ описаніяхъ лежитъ печать непринужденнаго юмора и живой наблюдательности. Правда, авторъ не вдается въ какія-либо глубокія размышленія, но онъ далеко не лишенъ проницательности; онъ не поддается первымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; онъ все время критикуетъ и иронизируетъ. Случайныя встрѣчи освѣщаютъ для него нерѣдко нѣкоторыя общія условія жизни. Достаточно пробѣжать эти бѣглыя замѣтки, чтобы почувствовать, что онѣ вышли изъ-подъ пера интереснаго человѣка. Пусть имъ не хватаетъ истинной глубины; но вѣдь не надо забывать, что онѣ принадлежатъ начинающему автору. На закатѣ жизни Ростопчинъ составилъ воспоминанія о наиболѣе значительныхъ моментахъ своей служебной дѣятельности. Здѣсь, какъ и въ

---

*) „Въ древнихъ философическихъ школахъ въ Греціи научались терпѣнію черезъ многіе годы, а въ нынѣшнія времена прусская почта на разстояніи нѣсколькихъ миль довела бы до совершенства учениковъ премудрости. Почта сія есть мученіе несносное, а почтмейстеръ—тиранъ безчеловѣчный. Ни просьбы, ни ласка, ни слезы—ничто его не трогаетъ. Несмотря ни на что, онъ испускаетъ изъ себя сквозь дымъ слово г л е й х ъ. Сей г л е й х ъ служитъ отвѣтомъ на все и продолжается полтора часа. Иные, разсердясь, хотѣли ихъ бить, но послѣ были отвезены на той же почтѣ и еще тише обыкновеннаго подъ судъ и подвергли себя наказанію законовъ... Древніе для изображенія скуки представляли время съ обрѣзанными крыльями: лучше бы его одѣть прусскимъ почталіономъ... съ горы, да на гору, песокъ по колѣно... отъ Франкфурта до Берлина 10 миль (70 верстъ). Я ѣхалъ 26 часовъ и начиналъ уже думать, что вѣчно буду ѣхать, но, къ крайнему удивленію, пріѣхалъ“.

его извѣстной брошюрѣ „Правда о пожарѣ Москвы“, многія строки явнымъ образомъ продиктованы страстью, желаніемъ отчасти свести заднимъ числомъ счеты съ былыми врагами, отчасти оборонить себя отъ различныхъ упрековъ и обвиненій. Но есть въ мемуарахъ Ростопчина и спокойныя мѣста; это— тѣ, въ которыхъ онъ характеризуетъ и оцѣниваетъ не дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, а нѣкоторые общіе процессы въ жизни Москвы и Россіи. Эти мѣста опять-таки рекомендуютъ съ лучшей стороны умъ, наблюдательность и даръ литературнаго изображенія автора. Здѣсь—тотъ же легкій и злой юморъ, что и въ „Путешествіи въ Пруссію“, но въ придачу къ нему мы находимъ здѣсь еще гораздо бо̀льшую глубину въ содержаніи наблюденій. По этимъ любопытнымъ страницамъ ростопчинскихъ мемуаровъ можно убѣдиться въ томъ, съ какой ясностью мысли могъ онъ разбираться въ сложныхъ процессахъ жизни въ тѣхъ—увы!—очень рѣдкихъ случаяхъ, когда его умственный взоръ не былъ затуманенъ необузданной страстью, пылкимъ предубѣжденіемъ. Какими отчетливыми и мѣткими штрихами набрасываетъ онъ, напримѣръ, въ своихъ мемуарахъ картину внутренняго обихода барскаго дома начала XIX столѣтія со всей безпорядочностью тогдашняго помѣщичьяго существованія, въ силу которой набитый биткомъ дворней и приживальщиками барскій домъ, по словамъ Ростопчина, „изображалъ собою одновременно родъ тюрьмы, воспитательнаго дома, кануры и харчевни“. Столь же интересна и набросанная Ростопчинымъ картина постепенныхъ измѣненій въ условіяхъ общественной жизни Москвы въ теченіе перваго десятилѣтія XIX вѣка. *)

Если въ письмахъ къ Багратіону, какъ мы только что видѣли, Ростопчинъ въ тонъ своему корреспонденту излагалъ казарменнымъ языкомъ казарменныя шутки, то въ противовѣсъ этой корреспонденціи мы можемъ указать на другую пе-

---

*) Русская Старина, 1889 г., кн. XII.

реписку, въ которой Ростопчинъ является передъ нами въ иномъ свѣтѣ. Я разумѣю письма Ростопчина къ князю Семену Романовичу Воронцову. Съ этимъ человѣкомъ Ростопчинъ съ немногими промежутками переписывался въ теченіе почти всей своей жизни. Они познакомились впервые еще въ царствованіе Екатерины II, когда Ростопчинъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, только еще готовящимся къ первымъ шагамъ на служебномъ поприщѣ, заѣхалъ въ Лондонъ. Князь Семенъ оказалъ тогда молодому человѣку свое покровительство, которое, конечно, имѣло для Ростопчина очень важное значеніе. Въ свою очередь и Ростопчину удалось впослѣдствіи оказать своему покровителю существенную услугу. То было въ страшную пору павловскаго царствованія. Ростопчинъ стоялъ тогда въ зенитѣ служебныхъ успѣховъ, играя роль могущественнаго фаворита при императорѣ Павлѣ. Въ связи съ капризными поворотами своей внѣшней политики Павелъ вдругъ рѣшилъ отозвать Семена Воронцова изъ Англіи. Для Воронцова это было бы страшнымъ ударомъ. Помимо своей личной привязанности къ англійской жизни, онъ боялся увозить изъ Англіи свою больную дочь, будучи увѣренъ, что климатъ континента убьетъ ее. Эту грозу и отвелъ отъ Воронцова Ростопчинъ. Благодаря заботамъ Ростопчина Воронцову было разрѣшено не покидать Англіи. Съ этого момента чувство горячей благодарности къ Ростопчину неизмѣнно жило въ душѣ графа Семена и силу этого чувства не поколебало и глубокое разномысліе обоихъ друзей въ вопросахъ внѣшней политики въ концѣ царствованія Павла.

Переписка Ростопчина съ Воронцовымъ обнимаетъ собою и послѣдніе годы екатерининскаго царствованія, и время Павла, и все царствованіе Александра I. Послѣдній обмѣнъ письмами относится къ осени 1825 г., а въ январѣ 1826 г. Ростопчина уже не стало. *) Въ своихъ письмахъ Ростопчинъ постоянно

*) Эта переписка напечатана въ VIII книгѣ „Архива князей Воронцовыхъ". Ср. Русскій Архивъ, 1876 г., кн. I.

сообщаетъ Воронцову всевозможныя новости изъ области политики и общественной жизни, сопровождая эти сообщенія своими замѣчаніями, характеристиками и разсужденіями. Въ совокупности эти письма представляютъ собою живую и пикантную лѣтопись придворной и вообще столичной жизни Россіи за всю первую четверть XIX столѣтія, а письма позднѣйшаго времени прибавляютъ къ этому еще и наблюденія надъ состояніемъ Франціи въ эпоху реставраціи. Эти письма должны быть признаны важнѣйшимъ матеріаломъ для изученія личности Ростопчина. Здѣсь онъ выпрямляется во весь ростъ своей умственной силы. Онъ справедливо почиталъ въ Воронцовѣ человѣка образованнаго и авторитетнаго въ серьезныхъ вопросахъ жизни. И потому въ письменной бесѣдѣ съ этимъ человѣкомъ онъ давалъ то лучшее, на что былъ способенъ. И вмѣсто безвкусныхъ грубостей, которыми Ростопчинъ щеголялъ передъ другими своими пріятелями и передъ московской толпой, здѣсь онъ показываетъ себя способнымъ къ дѣйствительному остроумію, къ тонкимъ и разностороннимъ наблюденіямъ. Конечно, онъ и здѣсь на каждомъ шагу платитъ щедрую дань личнымъ пристрастіямъ, неудержимой наклонности къ ядовитому сведенію личныхъ счетовъ, ради которой онъ то и дѣло отступаетъ отъ требованій щепетильной добросовѣстности. Но и эта черта облекается здѣсь въ иныя формы, обличающія умъ и талантъ, а не безсмысленное пристрастіе къ топорному сквернословію. Здѣсь его перо разитъ, какъ острая бритва, и нѣкоторыя набросанныя имъ характеристики и портреты доказываютъ его недюжинную наблюдательность. Такова, напримѣръ, характеристика графа Зубова въ письмѣ отъ 8 іюля 1792 г. Недаромъ, по обнародованіи этой переписки, князь П. А. Вяземскій сказалъ, что эти письма „жгутся". Итакъ, у графа Ростопчина никакъ нельзя отнять права на титулъ даровитаго человѣка. Онъ обладалъ несомнѣнно живымъ и острымъ умомъ. Онъ былъ пошлъ только съ пошляками, но онъ умѣлъ быть умнымъ съ умными людьми.

Но это былъ умъ, вѣчно воспаленный неукротимыми страстями, и нерѣдко излишество страсти затемняло ясность его мысли и толкало его на поступки и слова безвкусные и даже безсмысленные. Ростопчинъ былъ неисправимымъ желчевикомъ; самое его веселье всегда было приправлено ядомъ человѣконенавистничества, а въ моменты прилива гнѣвныхъ чувствъ онъ терялъ всякое самообладаніе. Но и его мирныя шутки всегда кого-нибудь царапаютъ, больно и обидно. Въ письмѣ къ Воронцову отъ 18 апрѣля 1799 г. Ростопчинъ, собщивъ о смерти графа Безбородко, перечисляетъ кандидатовъ въ его замѣстители и снабжаетъ каждаго изъ нихъ краткой характеристикой. Поистинѣ трудно въ столь немногихъ строкахъ выпустить изъ-подъ пера столько яда. „Это—Репнинъ, Куракинъ, Румянцевъ Николай и Сиверсъ. Вы знаете всѣхъ этихъ господъ. Первый, какое бы мѣсто онъ ни занималъ, достоинъ играть главную роль въ переднихъ и ползать вмѣсто того, чтобы ходить прямо. Второй—такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или же идоломъ у дикарей. Третій—безхарактерный, тщеславный, неспособный и французъ въ душѣ, можетъ быть только придворнымъ бревномъ и болтать вздоръ съ утра до вечера. Четвертый почти впалъ въ старческое слабоуміе; я думаю, что онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства, но теперь ни на что не годенъ“. *)

Приливы желчнаго настроенія могутъ, конечно, имѣть весьма благородный источникъ, могутъ проистекать изъ горькаго сознанія полнаго несоотвѣтствія человѣческихъ качествъ возвышеннымъ идеаламъ нравственной доблести. И что грѣха таить: кругъ чиновной знати александровской эпохи могъ доставить не мало пищи для негодующихъ обличеній этого рода. Однако, въ основѣ обличительныхъ наклонностей Ростопчина въ большинствѣ случаевъ приходится открывать не особенно

---

*) Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III.

возвышенные мотивы. Ростопчинъ иногда называлъ самъ себя Донъ-Кихотомъ. На самомъ дѣлѣ, въ его натурѣ не было ни одного грана беззавѣтнаго, самоотверженнаго донкихотства. Всѣ его симпатіи и антипатіи выростали прежде всего на личной почвѣ. До мозга костей онъ былъ преданъ собственной особѣ, и тѣмъ, кто не раздѣлялъ съ нимъ этой преданности, онъ всегда готовъ былъ мстить безпощадно, не разбирая средствъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Подобныя наклонности какъ нельзя лучше пріучаютъ человѣка съ легкимъ сердцемъ топтать чужія самолюбія, бросаться людьми, ставить ни во что чужую честь. Вотъ психологическій источникъ того, что веселая ростопчинская шутка всегда была отравлена ядомъ злобы. Люди такой душевной складки любятъ искать самооправданія въ теоретическомъ мизантропизмѣ. Порокъ собственнаго сердца они инстинктивно спѣшатъ прикрыть обвиненіемъ всего человѣчества въ полной нравственной несостоятельности, разумѣется, выдѣляя изъ круга человѣчества собственную личность. Мизантропическое презрѣніе къ людской породѣ составляло и у Ростопчина исходную основу его отношеній и къ отдѣльнымъ людямъ, и къ человѣческимъ массамъ. Отсюда, какъ увидимъ, вытекали многія особенности пріемовъ его общественной дѣятельности. Человѣчество было для него скопищемъ дураковъ и подлецовъ. Характеризуя въ мемуарахъ свою генералъ-губернаторскую дѣятельность, онъ самъ говоритъ: „я разсчитывалъ на трехъ благонадежныхъ помощниковъ: гордость, глупость и низость“. Онъ не привыкъ полагаться на болѣе благородныя стихіи человѣческой природы потому, что не вѣрилъ въ самое ихъ существованіе, не вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ то, что онѣ могутъ давать руководящій тонъ въ общественной жизни. Онъ выступалъ горячимъ поборникомъ интересовъ дворянскаго сословія и всегда считалъ, что привилегіи дворянства должны составлять опору всего государственнаго строя Россіи. Но это обстоятельство нисколько не помѣшало ему написать

императору Александру въ 1813 г.: „русское дворянство—за исключеніемъ весьма немногихъ личностей—самое глупое, самое легковѣрное". *) Даже то, что онъ отстаивалъ, за что онъ бился, не возбуждало въ немъ къ себѣ дѣйствительнаго уваженія. Повторю еще разъ: отрицать умъ и даровитость Ростопчина, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые въ наше время, значитъ вступать въ противорѣчіе съ очевидными фактами. Изъяны его духовной личности проистекали не изъ бѣдности натуры, а изъ черствости души. Личность Ростопчина—одинъ изъ яркихъ образцовъ того, въ какой сильной степени умственныя дарованія могутъ иногда обезцѣниваться дефектами сердца.

II.

Литературныя произведенія Ростопчина.

Умъ и даровитость Ростопчина не были, однако, на только выдающимися, чтобы непрекращающіеся запальчивые споры о его дѣятельности можно было объяснить крупнымъ значеніемъ его собственной личности. Это былъ, если можно такъ выразиться, незаурядный человѣкъ малаго размѣра. Онъ возвышался очень замѣтно надъ уровнемъ рядовой общественной массы, но въ кругу замѣчательныхъ людей ему приходится отвести очень скромное мѣсто. **) Здѣсь, можетъ быть, будетъ всего умѣстнѣе остановиться нѣсколько на литературной

---

*) Русская Старина, 1893 г., т. 77. Письмо отъ 24 сентября 1813 г.

**) М. А. Волкова находила даже, что Ростопчинъ проигрывалъ въ сравненіи съ своей женой, женщиной очень интеллигентной, писавшей религіозно-философскія разсужденія. Въ письмѣ къ пріятельницѣ отъ 1 іюля 1812 г. Волкова пишетъ: „мы были въ гостяхъ у гр. Ростопчиной, которая плѣнила́ меня... я была въ восторгѣ отъ бесѣды. Она мнѣ нравится въ милліонъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ. Онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женой"... Русск. Арх., 1872 г.

дѣятельности Ростопчина. Вѣдь Ростопчинъ былъ не только администраторомъ. Онъ былъ также и писателемъ. Это открываетъ намъ наиболѣе удобный путь къ опредѣленію размѣровъ даровитости его натуры. Попробуйте учесть удѣльный вѣсъ духовной личности дѣятеля отдаленной отъ насъ эпохи исключительно по его активнымъ общественнымъ выступленіямъ. Сколько тутъ зачастую непреоборимыхъ затрудненій! Какъ трудно бываетъ со всею отчетливостью опредѣлить мотивы, содержаніе и всѣ сопутствующія обстоятельства того или иного его шага. Но вѣдь безъ подробнаго знанія всѣхъ этихъ условій невозможно и оцѣнить значенія личности общественнаго дѣятеля. Между тѣмъ, факты литературной дѣятельности писателя прочно закрѣплены передъ нами на бумагѣ. Каждый писатель своими литературными произведеніями выдаетъ на себя потомству самые неоспоримые документы. Читая и анализируя эти произведенія, мы можемъ ошибаться относительно многихъ отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся исторіи творчества ихъ автора, но размѣры его талантливости, и притомъ не только литературной, а вообще размѣры даровитости его личности во всякомъ случаѣ въ полной мѣрѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его литературныхъ твореніяхъ. Въ этомъ отношеніи письменные продукты его творчества говорятъ сами за себя, помимо какихъ-либо дальнѣйшихъ справокъ. Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на литературное наслѣдство, оставленное намъ Ростопчинымъ.

Я уже упоминалъ выше о достоинствахъ литературнаго дебюта его молодости. „Путешествіе въ Пруссію“, какъ мы видѣли, отмѣчено проблесками живого литературнаго дарованія. Тихонравовъ въ своей неоконченной статьѣ о Ростопчинѣ придавалъ большое значеніе этому опыту молодого автора, усматривая въ немъ начальный проблескъ новаго литературнаго теченія. Въ этомъ отношеніи Тихонравовъ ставилъ „Путешествіе въ Пруссію“ Ростопчина выше карамзинскихъ „Писемъ русскаго путешественника“. Путевыя замѣтки Ростоп-

чина, по наблюденію Тихонравова, отличаются гораздо большей жизненностью, свѣжей непосредственностью наблюденій, нежели „Письма“ Карамзина. Въ противоположность карамзинскимъ письмамъ произведеніе Ростопчина не носитъ на себѣ никакого слѣда условной кабинетной литературщины, оно свободно отъ путъ педантической цеховой литературной традиціи. Въ то время какъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“ многіе пассажи имѣютъ чисто книжное происхожденіе, а иные и цѣликомъ заимствованы изъ чужихъ книгъ, хотя имъ и придается форма собственныхъ наблюденій автора,— Ростопчинъ, набрасывая свои путевыя замѣтки, всего менѣе думалъ о книжной учености и чопорномъ лоскѣ литературнаго изложенія. Онъ рисуетъ только съ натуры, передаетъ только подлинныя личныя впечатлѣнія и переживанія и пользуется для ихъ передачи на письмѣ первымъ счастливымъ выраженіемъ, которое приходитъ ему на мысль. Тихонравовъ объяснялъ эту особенность ростопчинскаго литературнаго дебюта тѣмъ обстоятельствомъ, что Ростопчинъ не былъ и не считалъ себя профессіональнымъ литераторомъ. Онъ сочинялъ только между дѣломъ, и потому-то ему удавалось счастливо избѣгать нѣкоторыхъ рутинныхъ пріемовъ, почитавшихся тогда непремѣнной принадлежностью настоящей литературы. Рѣшаюсь замѣтить, что этимъ цѣннымъ наблюденіемъ Тихонравова вопросъ еще не исчерпывается.

На путевыхъ замѣткахъ Ростопчина, кромѣ того, отразились нѣкоторыя общія черты личности ихъ автора. Дѣло въ томъ, что Ростопчинъ вообще по натурѣ былъ чуждъ всякой высспренней торжественности и напускной педантической серьезности. Даже въ наиболѣе отвѣтственныхъ по важности повода и цѣли писаніяхъ онъ всегда сторонился торжественной риторики. Скорѣе наоборотъ, онъ склоненъ былъ нерѣдко вдаваться въ аффектацію преднамѣренной простоты, переходившей порой въ прямую вульгарность. Въ его душѣ была заложена страсть къ буффонадѣ, какъ извѣстно отнюдь не мирящаяся

съ какимъ бы то ни было педантизмомъ. Вотъ почему и въ своихъ путевыхъ замѣткахъ онъ простъ, конкретенъ, непритязателенъ. Но въ этой простотѣ ошибочно было бы усматривать проблескъ особенной силы литературнаго таланта. Ростопчинъ никакъ не могъ бы стать новаторомъ въ области литературы. Для этого ему не хватило бы ни глубины идей, ни своеобразія внѣшнихъ литературныхъ пріемовъ. И въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, до насъ дошедшихъ, онъ двинулся въ этомъ отношеніи не впередъ, а назадъ, явился не пролагателемъ новыхъ путей въ области литературы, а довольно близкимъ подражателемъ чужой литературной манеры.

Въ той же статьѣ Тихонравова, которой я только что воспользовался, тонко подчеркивается то обстоятельство, что первоначальной школой литературнаго вкуса Ростопчина явились эрмитажныя собранія Екатерины II, на которыхъ были въ такомъ ходу маленькія литературныя импровизаціи, буриме, шарады и т. п. Мнѣ думается, что эта школа дѣйствительно оказала большое вліяніе на Ростопчина, наложила глубокую печать и на ухватки его мысли, и на характеръ его остроумія, и на его литературную манеру. Какъ писатель, онъ — прямой ученикъ Екатерины II. Ихъ литературныя физіономіи очень схожи и по внѣшнимъ чертамъ, и по той границѣ, за которую не заходилъ размахъ ихъ литературныхъ дарованій.

Разительное тому доказательство находимъ въ большой повѣсти Ростопчина. „Охъ, французы!“ *) Задача автора въ этой повѣсти — изобразить идеальную русскую семью, построенную на старозавѣтныхъ національныхъ началахъ въ противоположность моднымъ увлеченіямъ французской распущенностью нравовъ. Какъ же выполняется эта задача? Повѣсть состоитъ изъ ряда коротенькихъ главокъ. Каждая изъ нихъ снабжена отдѣльнымъ заглавіемъ. Первыя восемь главъ не

---

*) Напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ, 1842 г., т. XXIV.

имѣютъ ничего общаго съ фабулой повѣсти и цѣликомъ наполнены вступительнымъ балагурствомъ. Разсмотримъ эти главы. Первая главка называется Поднесеніе. Вотъ она цѣликомъ: „Сочинитель, просто одѣтый, съ кроткимъ видомъ, съ книжкою въ рукѣ подходитъ къ лицу или къ особѣ и говоритъ: „Позвольте, ваше сіятельство или ваше превосходительство, или просто сударь или сударыня, поднести мое сочиненіе. Вы русскіе, я русскій. Многіе лекаря лечатъ, не учась, отъ всѣхъ болѣзней. Ну, и я сдѣлался глазнымъ лекаремъ, хочу снимать катаракты и если не вылечу, то, по крайней мѣрѣ, не ослѣплю никого. Сочинитель уходитъ. Кто онъ? Никто не знаетъ. Гдѣ живетъ? Господь вѣдаетъ. Ну, и чортъ съ нимъ!“ Вотъ и вся глава. Вторая глава, называющаяся „Возраженіе“, содержитъ краткое разсужденіе о томъ, что если, благодаря этой повѣсти, хотя одинъ отецъ или одна мать сберегутъ дѣтей отъ разврата, то это доставитъ автору полное удовлетвореніе. Третья глава называется: „Кому подносится книга“. Оказывается, она предназначается для дворянъ, ибо купцы и крестьяне пока еще свободны отъ летучей заразы подражательности иноземщинѣ. „Они и до сихъ поръ французовъ называютъ нѣмцами; вино ихъ - церковнымъ“. Въ заключеніе главы сообщается, что, по словамъ одной ученой духовной особы, русскій языкъ такъ богатъ, что его мало знаютъ и потому мало на немъ хорошо пишутъ. „Сущая истина. А всетаки пишутъ да пишутъ, говорятъ да говорятъ; всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, и я пляшу, и мы пляшемъ, и они пляшутъ“. Въ четвертой главѣ читателю предлагается „просклонять“ французовъ такъ: „именительный: французы много зла надѣлали; родительный: отъ французовъ много зла вышло; дательный: французамъ ничего святого нѣтъ; винительный: французы на все готовы; восклицательный: о, французы!“ Въ пятой главѣ сообщается, что одинъ богатый русскій купецъ въ бородѣ выразилъ большое удовольствіе тому, что, по слухамъ, всѣ французы высылаются изъ Россіи за

границу: „и клопы,—сказалъ этотъ купецъ,—иное мѣсто одолѣютъ, такъ не знаешь, что дѣлать, не только что французы". Глава шестая называется: „Не взыщите". Авторъ проситъ читателей не принимать повѣсти на свой счетъ и увѣряетъ честнымъ словомъ, что онъ—„не живописецъ, не ругатель, не вѣстовщикъ, не трещотка и сору изъ угловъ не выноситъ, хотя до чистоты охотникъ". Все дѣло въ томъ, что люди—всѣ на одинъ покрой: „сила не въ томъ, что носъ покороче или подлиннѣе, ростомъ выше или ниже, тяжеле или легче. Это—наружность, а внутренность, кажется, у всѣхъ одна: сердце на лѣвомъ боку, легкое на правомъ, желудокъ посерединѣ и хоть кажется все на мѣстѣ и все въ порядкѣ, ну, а какъ станетъ мозгъ дѣйствовать, то и толку не найдешь. Великъ ли человѣкъ, а что въ немъ помѣщается? Невѣроятно! Полкъ страстей, корпусъ слабостей! армія вздора и мѣста нѣтъ добродѣтелямъ. Сидятъ, голубушки, въ уголку да стонутъ, совсѣмъ въ загонѣ; дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, точно, какъ при герольдіи". Седьмая глава названа: „Лѣнь". Авторъ признается, что пора бы начинать и повѣсть, но—лѣнь. Онъ предувѣдомляетъ, что въ его повѣсти будетъ все: и свадьба, и приключенія, и похороны. Вслѣдъ за упоминаніемъ похоронъ сейчасъ же начинается разсужденіе о томъ, какъ рѣдко люди при видѣ мертвеца думаютъ о предстоящей имъ самимъ смерти, зато, когда наступитъ смертный часъ, они вмѣсто покаянія начинаютъ вопіять: ахъ, кабы зналъ! можно ли было ожидать? Батюшки, попа! отцы мои, доктора! голубчики, бумаги! сударики, спасите! пустите кровь! пропустите шалфейцу! припустите пьявокъ! впустите ромашки! трите бокъ! виски! ноги! ай! ай! ай! плохо! ой! ой! ой! бѣда..." Достаточно этихъ выписокъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что передъ нами—литературная манера журнальныхъ статей Екатерины II. Это намѣренно безпорядочное балагурство съ постоянными неожиданными отступленіями въ сторону; эта бесѣда съ читателемъ за панибрата, этотъ ухарски-беззаботный

тонъ съ обиліемъ чисто внѣшнихъ шутокъ, въ которыхъ все остроуміе сводится порой къ злоупотребленію восклицательными знаками, а развитіе какой-либо интересной мысли замѣняется довольно нуднымъ „плетеніемъ словесъ“, наподобіе того, какое взрослые употребляютъ подчасъ въ бесѣдахъ съ несовершеннолѣтними,—все это не что иное, какъ литературныя ухватки XVIII столѣтія, въ особенности излюбленныя Екатериной II. Разверните „Всякую всячину“ и вы сразу убѣдитесь въ этомъ. Даже нѣкоторыя мелкія подробности екатерининскаго стиля были восприняты и воспроизводились Ростопчинымъ. Екатерина любила, напримѣръ, нанизывать длинные ряды синонимическихъ и въ то же время созвучныхъ выраженій, очевидно, находя этотъ пріемъ эфектнымъ проявленіемъ юмора. То же встрѣчается и у Ростопчина; напримѣръ, въ афишѣ отъ 31 августа 1812 г.: „я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, отдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ“.

Такъ, въ выработкѣ литературнаго стиля Ростопчинъ не пошелъ далѣе рабскаго копированія чужихъ образцовъ. Правда, его считали знатокомъ простонароднаго русскаго языка, и самъ онъ усердно щеголялъ простонародными реченіями. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи онъ освѣжилъ прежніе пріемы книжной рѣчи и пошелъ далѣе своихъ образцовъ? Никакъ не могу признать справедливости и этого мнѣнія. Ростопчина отнюдь нельзя причислить къ народнымъ писателямъ. Щеголять народными „словечками“ еще не значитъ усвоить и передать духъ и строй народной рѣчи. Вводимый имъ въ свои произведенія якобы простонародный русскій жаргонъ всегда производитъ впечатлѣніе барской забавы, своего рода словеснаго маскарада, шитаго бѣлыми нитками, а никакъ не дѣйствительнаго духовнаго единенія съ языкомъ крестьянской массы. Количественно ростопчинскій репертуаръ простонародныхъ выраженій былъ, конечно, значительно обширнѣе того, какимъ располагала, напримѣръ, Екатерина II, тоже вѣдь пре-

тендовавшая на усвоеніе „русскаго духа“, но качественные пріемы пользованія этимъ репертуаромъ у обоихъ сопоставляемыхъ писателей не такъ уже далеко ушли другъ отъ друга.

Цѣпляясь за русскія простонародныя словечки, Ростопчинъ при всемъ своемъ „французоѣдствѣ“ никогда не переставалъ быть русскимъ бариномъ, воспитаннымъ на французскихъ книжкахъ и на французскихъ разговорахъ. Впрочемъ, усердную погоню Ростопчина за аллюрами простонародной рѣчи я склоненъ относить не столько къ фактамъ его литературной дѣятельности, сколько къ пріемамъ его политической агитаціи. И потому я еще вернусь къ этому вопросу ниже, при анализѣ знаменитыхъ ростопчинскихъ „афишекъ“ 1812 г., которыя также считаю болѣе правильнымъ разсматривать не въ связи съ писательской дѣятельностью Ростопчина, а въ связи съ его политической ролью: вѣдь эти „афиши“—не литературныя произведенія, а политическія прокламаціи.

Начиная съ пятой главы своей повѣсти, Ростопчинъ переходитъ, наконецъ, отъ вступительнаго балагурства къ ближайшему выполненію своей темы. Онъ разсказываетъ исторію семейнаго благополучія истинно-русскаго барина Луки Андреевича Кремнева, весь родъ котораго свято соблюдалъ завѣты родной старины, далекій отъ яда чужеземщины, а самъ Лука Андреевичъ былъ идеаломъ настоящаго русака: красавецъ, геркулесъ, лихачъ, рыцарь справедливости и чести, всѣми обожаемый и во всемъ преуспѣвающій. Онъ влюбляется въ чудную во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушку, женится на ней и создаетъ въ своемъ домѣ семейную идиллію. „Вотъ—плоды истинно-русскаго воспитанія, чуждаго французскаго модничества“, хочетъ сказать своею повѣстью нашъ авторъ. И какъ только онъ переходитъ отъ разсужденій къ повѣствованію, такъ сейчасъ же сказывается вся бѣдность его беллетристическихъ рессурсовъ. Онъ не въ силахъ дать чего-либо, хотя бы отдаленнымъ образомъ напоминающаго художественные образы. Герои его повѣсти—безжизненныя, схематическія фи-

гуры, ихъ свойства не изображаются, а только перечисляются; исторія ихъ поступковъ и взаимныхъ отношеній, словно по указкѣ, пригоняется къ нравоучительному тезису автора, и вся повѣсть получаетъ характеръ скучной прописи въ лицахъ. До какихъ топорныхъ безвкусицъ доходитъ при этомъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсти можно видѣть изъ слѣдующаго образчика. Герой повѣсти, Лука Андреевичъ Кремневъ, по волѣ автора явился на свѣтъ убѣжденнымъ противникомъ всего французскаго прямо изъ чрева матери. „Послѣ родинъ,—читаемъ въ XIII главѣ повѣсти,—повивальная бабка хотѣла ребенку впустить въ ротъ капельку бѣлаго вина, но ошибкой подала французской водки. Дитя чуть не захлебнулось, но водки не проглотило. Кормилицѣ сдѣлали изъ французскаго штофа тѣлогрѣю, но ребенокъ не бралъ груди, пока она не сниметъ этой тѣлогрѣи. Отецъ изъ этого заключилъ, что его сынъ французовъ любить не будетъ“.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій о томъ, что Ростопчинъ въ промежутокъ между своимъ фаворомъ при Павлѣ и назначеніемъ въ 1812 году на постъ московскаго генералъ-губернатора, проживая въ своемъ имѣніи Вороновѣ и въ Москвѣ, написалъ большое количество сатирическихъ комедій, но, по прочтеніи ихъ въ кругу близкихъ пріятелей, самъ уничтожалъ продукты своего творчества. Однако, одна изъ этихъ комедій избѣгла такой участи. Ростопчинъ не только не истребилъ ее, но даже поставилъ ее на московской сценѣ. Эта комедія, называющаяся: „Вѣсти или убитый живой“, дошла до насъ и вмѣстѣ съ разобранной выше повѣстью даетъ намъ вполнѣ достаточный матеріалъ для сужденій о размѣрахъ чисто литературнаго таланта Ростопчина. Содержаніе комедіи (она состоитъ изъ одного акта) можно изложить въ двухъ словахъ. Въ домѣ Силы Андреевича Богатырева собирается цѣлая компанія его знакомыхъ—Развозовъ, Пустяковъ и Набатова. Все это — закоренѣлые московскіе сплетники, весь жизненный интересъ которыхъ сводится къ

тому, чтобы раньше другихъ развезти по городу послѣднія новости. Всѣ они прибыли къ Богатыреву съ вѣстями объ участи жениха его дочери, который находится въ походѣ противъ французовъ. Только что произошло большое сраженіе, и каждый изъ вѣстовщиковъ приноситъ свою версію слуховъ о томъ, что случилось съ женихомъ дочери Богатырева, Побѣдинымъ. Одинъ говоритъ, что Побѣдинъ раненъ въ ногу, другой заявляетъ, что онъ раненъ въ руку. Богатыревъ радуется, что женихъ его дочери принялъ раны за отечество. Но является Набатова и утверждаетъ, что Побѣдинъ убитъ. Въ домѣ Богатыревыхъ—сумятица и отчаяніе, а вѣстовщики затѣваютъ ссору, укоряя другъ друга въ ложности сообщеній. Въ разгаръ суматохи является самъ Побѣдинъ, живой и невредимый.

Мы имѣемъ разнорѣчивыя извѣстія о томъ, какъ принята была публикою эта комедія. М. А. Дмитріевъ свидѣтельствуетъ въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти", что „успѣхъ комедіи былъ необыкновенный". Вяземскій, наоборотъ, прямо говоритъ, что она „не имѣла успѣха на сценѣ". *) Сергѣй Глинка выражается такъ: „не было набата, но зато роковые отголоски свистковъ жужжали не хуже пуль. У графа разлилась желчь и вылилась изъ-подъ пера его въ двухъ громоносныхъ письмахъ, направленныхъ на московскую публику". **) Эти письма были помѣщены въ журналѣ Глинки Русскомъ Вѣстникѣ. Здѣсь Ростопчинъ самъ подтверждаетъ неуспѣхъ своей комедіи: „хотя,—пишетъ онъ,—господа актеры изъ кожи лѣзли и галлерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожъ, правду сказать, ложная и кресельная публика не совсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ". ***)

Авторъ новѣйшаго изслѣдованія объ этой комедіи г. По-

*) „Полн. собр. сочин.", т. V, стр. 145.

**) „Записки С. Глинки", стр. 234.

***) „Сочиненія Ростопчина", 1853 г., стр. 137.

кровскій, *) на нашъ взглядъ, удачно примиряетъ это противорѣчіе, указывая на то, что подъ „необыкновеннымъ успѣхомъ“ Дмитріевъ, очевидно, разумѣлъ шумъ, поднятый комедіею въ обществѣ,—то, что называется „успѣхомъ скандала“. Но этотъ шумъ цѣликомъ обратился противъ автора комедіи. Автора не спасло при этомъ и то обстоятельство, что въ комедіи въ уста Богатырева вложены точно такія же патріотическія и галлофобскія тирады, какими незадолго до того Ростопчинъ такъ плѣнилъ московскую публику.

Чѣмъ же вызванъ былъ неуспѣхъ комедіи? Уже современники Ростопчина указали на то, что барская Москва обидѣлась на допущенныя авторомъ „личности“. Въ самомъ дѣлѣ, въ комедіи въ рѣзко окаррикатуренномъ видѣ были выведены лица, извѣстныя всей Москвѣ и пользовавшіяся популярностью въ тогдашнихъ московскихъ гостиныхъ. По свидѣтельству Глинки, самая фабула комедіи была взята изъ дѣйствительнаго происшествія: „въ круженіи большого московскаго свѣта,— говоритъ Глинка,—разлетѣлась молва, будто бы умеръ Петръ Ивановичъ, молодой сынъ графа Ивана Петровича Салтыкова. И вдругъ мнимый покойникъ явился въ полномъ здоровьи и, какъ слышно было, присватался къ одной изъ московскихъ красавицъ. Отъ этихъ толковъ изъ-подъ пера графа Ростопчина вышла бойкая комедія“.

Многіе персонажи, выведенные въ комедіи, были изображены такъ, что всѣ тотчасъ узнали въ нихъ намѣренно утрированные портреты всѣмъ извѣстныхъ лицъ. Вигель прямо указываетъ, что въ вѣстовщицѣ Набатовой на сценѣ была показана Офросимова, бывшая „лѣтъ сорокъ сряду законодательницей московскихъ гостиныхъ“. **) Эта особа играла столь замѣтную роль въ московскомъ бомондѣ того времени,

---

*) К. Покровскій: „Графъ Ростопчинъ и его комедія“. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Росс., 1812 г., кн. I.

**) Съ нея же написаны и Хлестова въ „Горѣ отъ ума“ и Ахросимова въ „Войнѣ и мирѣ“.

что на ея характеристикѣ останавливаются многіе мемуаристы. Сводъ этихъ отзывовъ читатель найдетъ въ упомянутой выше статьѣ г. Покровскаго. Подъ именемъ Пустякова Ростопчинъ осмѣялъ извѣстнаго издателя „Друга дѣтей“ и автора многихъ пьесъ Ильина, о чемъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ.

Мнѣ думается, однако, что причину неуспѣха ростопчинской комедіи неправильно сводить исключительно на то, что москвичи „обидѣлись личностями“.—Будь эта комедія согрѣта огнемъ дѣйствительнаго вдохновенія, обладай она настоящими художественными достоинствами,—никакія „обиды“ не могли бы лишить ее заслуженнаго успѣха. И въ „Горѣ отъ ума“ были портреты и тамъ фабула была взята изъ дѣйствительнаго происшествія. Но выхваченные изъ жизни факты прошли тамъ чрезъ горнило поэтическаго творчества. А въ комедіи Ростопчина этого-то и не было. Здѣсь мы уже совершенно не можемъ согласиться съ г. Покровскимъ, который склоненъ приписывать Ростопчинской комедіи большую литературную цѣнность. Гораздо правильнѣе судилъ еще Вяземскій, сказавшій, что въ этой комедіи „нѣтъ изящной отдѣлки, нѣтъ искусства, въ ней не пробивается рука художника“.—Въ самомъ дѣлѣ, комедія Ростопчина—литературный эфемеридъ. Она забыта совершенно заслуженно. Наблюденія и краски авторъ взялъ изъ окружающей дѣйствительности: компанія вѣстовщиковъ и домашній врачъ-нѣмецъ Моренкопфъ и піита-паразитъ Пегасовскій, кропатель эпитафій и поздравительныхъ одъ,—все это фигуры, подлинно встрѣчавшіяся въ тогдашнемъ обществѣ, но въ изображеніи Ростопчина онѣ представлены въ видѣ такихъ аляповатыхъ каррикатуръ, какія никогда не вышли бы изъ-подъ пера настоящаго художника. Авторъ записываетъ отдѣльныя комическія черты этихъ фигуръ, наиболѣе рѣзко бросавшіяся въ глаза, но онъ неспособенъ изъ совокупности этихъ чертъ создать законченные, жизненные типы, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Фонвизинскомъ Митрофанушкѣ, несмотря на присущую и Фонвизину склонность къ рѣзкой каррикатурѣ.

Комедія Ростопчина производитъ впечатлѣніе дилетантской игры въ литературу, въ которой не усматривается элементовъ настоящаго художественнаго творчества. Какъ беллетристъ, Ростопчинъ долженъ быть признанъ не болѣе, какъ посредственнымъ писателемъ.

Но вѣдь сила литературной дѣятельности Ростопчина и заключалась не въ поэзіи, а въ публицистикѣ. И повѣсть и комедія были для него лишь внѣшней формой для пропаганды его излюбленныхъ общественныхъ идей. Въ повѣсти онъ явнымъ образомъ всего болѣе дорожитъ той моралью, которая, по его мнѣнію, должна была вытекать изъ его разсказа. Въ комедіи всѣ выведенные имъ персонажи—не что иное, какъ аксессуары для тѣхъ пламенно-патріотическихъ рѣчей, которыя вложены въ уста Силы Андреевича Богатырева. Чтобы подвергнуть дѣйствительной оцѣнкѣ значеніе Ростопчина, какъ писателя, къ нему и надо подойти не какъ къ художнику, а какъ къ публицисту. *)

Въ качествѣ публициста Ростопчинъ стяжалъ себѣ въ свое время громкую извѣстность. Былъ моментъ, когда онъ сталъ истиннымъ героемъ дня, благодаря успѣху своего памфлета „Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ". Этотъ памфлетъ, содержащій въ себѣ рѣзкую филиппику противъ склонности русскихъ подражать французамъ и пылкое прославленіе русскихъ исконныхъ доблестей, вызвалъ взрывъ энтузіазма и читался нарасхватъ.—Надлежитъ ли въ виду этого причислить Ростопчина къ перворазряднымъ русскимъ публицистамъ? Проявилъ ли онъ въ этомъ направленіи истинно мощное литературное дарованіе?

---

*) Уже среди современниковъ Ростопчина были люди, вопреки мнѣнію большинства не склонные высоко цѣнить его литературныя пробы пера М. А. Волкова писала пріятельницѣ 7 іюня 1812 г.: „Я не признаю въ немъ (т.-е. въ Ростопчинѣ) авторскаго таланта; помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія?" Русск. Арх. 1872 года.

Бездарный публицистъ, конечно, никогда и ни при какихъ условіяхъ не покоритъ перомъ вниманія общества. Фактъ шумнаго успѣха ростопчинскаго памфлета уже самъ по себѣ подтверждаетъ защищаемое мною мнѣніе о томъ, что Ростопчинъ былъ вообще даровитымъ человѣкомъ. Но судьба того же памфлета показываетъ также, что даровитость Ростопчина имѣла довольно опредѣленныя границы, не доходила до слишкомъ высокаго уровня. Слава его памфлета не пережила автора. Она не пережила даже того краткаго момента, въ теченіе котораго текущія обстоятельства создали для произведенія Ростопчина головокружительный успѣхъ. Причина этого лежитъ не въ томъ, что новыя событія измѣнили направленіе общественныхъ интересовъ, погасили былыя страсти, выдвинули на очередь иныя стремленія. Всѣ памфлетисты служатъ прежде всего злобамъ с в о и х ъ дней. Но для тѣхъ изъ нихъ, которые отмѣчены истинно-мощнымъ талантомъ, не страшна сила времени. Даже и утративъ интересъ къ преходящимъ поводамъ, которые нѣкогда вдохновляли ихъ перо, потомокъ не перестаетъ чувствовать дыханія самаго ихъ таланта, придающаго ихъ твореніямъ неувядающую жизненность и прелесть. Даровитые памфлетисты средней руки осуждены, напротивъ того, на быстрое забвеніе, какъ бы ни были велики ихъ литературные тріумфы у современниковъ. Это—бабочки-однодневки. О нихъ забываютъ на другой же день послѣ того, какъ они служили предметомъ восторженныхъ похвалъ.

Таковъ именно былъ и публицистическій успѣхъ Ростопчина. Его секретъ заключался лишь въ томъ, что своимъ памфлетомъ Ростопчинъ попалъ въ тонъ господствующаго настроенія общества, вызваннаго текущими политическими событіями. Сцѣпленіе преходящихъ обстоятельствъ, а не внутренняя сила авторскаго дарованія, выдвинуло тогда этотъ памфлетъ, какъ популярный боевой кличъ, воспламенявшій умы и сердца. Читая теперь это произведеніе Ростопчина, мы положительно не находимъ въ немъ крупныхъ литературныхъ достоинствъ.

Авторъ рѣзко высказалъ то, что многіе думали, и потому онъ такъ быстро привлекъ къ себѣ общее вниманіе.

Это идейное содержаніе ростопчинскаго памфлета мы разсмотримъ ниже, въ иной связи. Пока онъ интересуетъ насъ лишь съ точки зрѣнія своей литературной цѣнности. И съ этой стороны мы должны признать его довольно элементарнымъ. Онъ совершенно лишенъ того, что придаетъ крупнымъ памфлетамъ всѣхъ временъ настоящую силу и настоящій блескъ.

По формѣ это—монологъ, вложенный въ уста стараго дворянина Силы Андреевича Богатырева, предающагося послѣ обѣдни размышленіямъ на Красномъ крыльцѣ Московскаго дворца. Богатыревъ обличаетъ овладѣвшую русскими французоманію и восхваляетъ несокрушимую мощь русскаго царства. Монологъ, правда, расцвѣченъ затѣйливыми словечками въ обычномъ ростопчинскомъ вкусѣ, какъ, напримѣръ: „въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, госпиталь и сумашедшей домъ"; „революція пожаръ, французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ тово-то и выкинуло изъ трубы", и т. п. Но за всѣмъ тѣмъ мы не находимъ въ памфлетѣ Ростопчина ни искусной діалектики, ни одушевленныхъ истиннымъ краснорѣчіемъ тирадъ, ни яркихъ иллюстрирующихъ образовъ... Въ сущности, это—просто сердитая воркотня на французоманію и самихъ французовъ. Что же касается изъявленій патріотическаго чувства, то они сводятся здѣсь лишь къ торжественному перечисленію громкихъ историческихъ именъ и восклицаніямъ вродѣ слѣдующихъ: „чего у насъ нѣтъ? все есть или быть можетъ. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый... Слава тебѣ, россійское побѣдоносное христіанское воинство; честь государю нашему и матушкѣ Россіи,.. радуйся царство русское"... и т. п. Авторъ и не помышляетъ о какомъ-либо теоретическомъ обоснованіи своихъ патріотическихъ заявленій.

Итакъ, въ качествѣ беллетриста Ростопчинъ не возвышался надъ уровнемъ поверхностнаго дилетантизма; въ ка-

чествѣ памфлетиста онъ умѣлъ задѣть своевременно сказаннымъ словомъ сердца современниковъ и обнаружилъ несомнѣнный даръ говорить съ ними наиболѣе волнующимъ ихъ языкомъ; но размѣровъ его публицистическаго дарованія во всякомъ случаѣ нехватало на то, чтобы обезпечить ему прочное, незабываемое значеніе въ исторіи нашей общественности. И если Ростопчинъ и въ наши дни продолжаетъ возбуждать у изслѣдователей прошлаго не только археологическій интересъ, то должны существовать какія-то иныя тому причины, помимо размѣровъ личной даровитости этого человѣка.

Мы еще будемъ подробно говорить объ административной дѣятельности Ростопчина. Теперь замѣчу лишь предварительно, что этой дѣятельности можно приписывать какія угодно отличительныя особенности, только не глубину государственной мысли, способную привлекать къ себѣ вниманіе людей долго спустя послѣ того, какъ политическій дѣятель и все, имъ содѣянное, уже отошли въ область исторіи. Талантливость Ростопчина сказалась и на поприщѣ его политической карьеры въ тѣхъ своеобразныхъ пріемахъ, которые онъ неожиданно изобрѣталъ вопреки всѣмъ правиламъ административной рутины. Но, какъ увидимъ, своеобразіе этихъ пріемовъ не соединялось съ такой же оригинальностью цѣлей и задачъ, ради которыхъ они пускались въ ходъ. Здѣсь опять размахъ его талантливости оказывался очень ограниченнымъ. Онъ и на административныхъ постахъ умѣлъ быть яркимъ и своеобычнымъ, но и тутъ его яркость отливала не настоящимъ золотомъ, а мишурой и фольгой.

Люди такого склада одною силою личныхъ дарованій не могутъ приковывать къ своему имени вниманія отдаленныхъ потомковъ. И если, тѣмъ не менѣе, мы всетаки продолжаемъ интересоваться Ростопчинымъ и оживленно всматриваться въ его политическій обликъ, то обстоятельство это можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что Ростопчинъ, не будучи новаторомъ, тѣмъ не менѣе рельефно воплотилъ въ своей личности какіе-

то элементы русской общественности, до сихъ поръ не утратившіе для насъ актуальнаго значенія. Какъ индивидуальная личность, Ростопчинъ—довольно скромная, хотя и незаурядная величина. Посмотримъ теперь, не нашелъ ли въ немъ особенно характернаго выраженія какой-нибудь распространенный на Руси и не вымершій до нашего времени общественный типъ?

III.

Жизнь Ростопчина.

Прежде чѣмъ итти дальше, напомню главнѣйшіе моменты біографіи Ростопчина. Эта біографія богата драматическими поворотами. Безпокойная натура Ростопчина постоянно толкала его на авансцену государственной жизни, не давала ему похоронить себя въ мирномъ уединеніи. Обстоятельства нѣсколько разъ складывались особенно благопріятнымъ образомъ для того, чтобы это прирожденное стремленіе Ростопчина къ шумной дѣятельности получало свободный исходъ. Когда же служебное счастье измѣняло этому честолюбивому и энергичному человѣку, онъ всетаки и въ невольномъ уединеніи опалы не оставался въ тѣни и находилъ способы напоминать о себѣ и даже держать общество въ напряженіи своими разнообразными и неожиданными выступленіями. Бросимъ быстрый взглядъ на внѣшній ходъ обстоятельствъ его жизни.

Въ русскихъ лѣтописяхъ записано подъ 1447 г., при разсказѣ о междоусобицѣ князей московскаго дома: „намѣстникъ же княжъ Дмитреевъ Ѳеодоръ Галичскій изъ Пречистые отъ завтрени убѣжа, а княжъ Иванова намѣстника Василіа Чешиху, бѣжаща изъ града на кони, изымалъ истопничишко великія княгини, Ростопчею звали и приведе его къ воеводамъ и оковаша его“... *)

*) „Полн. собр. Русск. Лѣтоп.“ т. VIII, стр. 120.

Это лѣтописное извѣстіе дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что отдаленные предки Θедора Васильевича могли принадлежать къ низшему слою княжескихъ слугъ. Однако, семейное преданіе Ростопчиныхъ рѣшительно приписываетъ ихъ роду болѣе высокое происхожденіе. Преданіе гласило, что родоначальникомъ Ростопчиныхъ былъ одинъ изъ сыновей Чингисъ-хана, изгнанный отцомъ и бѣжавшій въ Крымъ; внукъ этого бѣглеца, Борисъ Давидовичъ Ростопчинъ, перешелъ изъ Крыма на службу къ московскому великому князю Василію Ивановичу,—Θедоръ Васильевичъ, руководствуясь этимъ преданіемъ, не сомнѣвался въ томъ, что его предокъ при вступленіи на московскую службу имѣлъ всѣ шансы занять сразу высокое положеніе. Какъ-то разъ императоръ Павелъ спросилъ Ростопчина: „почему вы не князь?"—„Потому, Ваше Величество,—отвѣчалъ Ростопчинъ,—что мой предокъ, выѣхавшій изъ Татаріи на Русь, прибылъ въ Россію зимою".—„При чемъ же тутъ время года?"—спросилъ удивленный императоръ. „Когда татаринъ первый разъ появился при дворѣ,—объяснилъ Ростопчинъ,—государь предоставилъ ему на выборъ получить либо шубу, либо титулъ князя. Мой предокъ пріѣхалъ въ суровую зиму и онъ правильно предпочелъ шубу".*)

Какъ бы то ни было, ни одинъ изъ предковъ Ростопчина не выдвинулся на исторической сценѣ **), и только благодаря Θедору Васильевичу эта фамилія получила извѣстность. Отецъ Θедора Васильевича, Василій Θедоровичъ, былъ весьма зажиточнымъ помѣщикомъ. У него были имѣнія въ губерніяхъ Орловской, Тульской и Калужской. Онъ рано вышелъ въ отставку въ чинѣ майора и поселился на всю остальную жизнь въ своей орловской деревнѣ. По свидѣтельству Сегюра, кото-

---

*) Segur: „Vie du comte Rostopchine".

**) Въ П. С. З. есть указъ 1707 г. о ссылкѣ нѣкоего Ростопчина въ монастырскій приказъ для содержанія въ кандалахъ за лжесвидѣтельство. № 2179. Врагъ Θ. В. Ростопчина Панинъ укорялъ его этимъ фактомъ.

рый въ силу своей родственной связи съ Ростопчиными былъ хорошо освѣдомленъ о ихъ семейныхъ обстоятельствахъ, отецъ Θедора Васильевича былъ уменъ, образованъ и обладалъ твердымъ характеромъ. Ему пришлось еще быть свидѣтелемъ необычайнаго возвышенія его сына въ царствованіе императора Павла.

Чиновникъ московскаго почтамта Брокеръ, впослѣдствіи находившійся въ тѣсномъ приближеніи у Θедора Васильевича, когда тотъ занялъ постъ московскаго генералъ-губернатора, хорошо помнилъ его отца и въ своихъ мемуарахъ разсказалъ, какъ этотъ „благодушный старичокъ" въ эпоху фавора его сына при Павлѣ часто пріѣзжалъ изъ имѣнія въ Москву и, заходя къ Брокеру, сердечно радовался служебнымъ успѣхамъ сына, приговаривая, что сынъ его отлично учился и всегда былъ уменъ не по лѣтамъ. *)

Θедоръ Васильевичъ родился въ 1763 г. Эту дату отстаиваетъ Лонгиновъ вопреки указаніямъ нѣкоторыхъ біографовъ на 1765 г. **)

Десяти или двѣнадцати лѣтъ онъ былъ зачисленъ на службу въ Преображенскій полкъ. Фактическая его служба началась съ 1782 г., когда онъ получилъ чинъ прапорщика. Въ 1786 г. онъ отправился въ первую свою поѣздку заграницу. Два года прожилъ онъ въ Берлинѣ и Геттингенѣ, посѣщалъ университетъ и весьма ревностно занимался ученьемъ. Нѣкоторое время онъ провелъ также въ Англіи, и здѣсь завязалась его близость съ кн. Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, о чемъ я упоминалъ нѣсколько выше.

Ростопчинъ уже имѣлъ тогда въ Петербургѣ хорошія связи; онъ явился къ Воронцову съ рекомендательными письмами отъ такихъ людей, какъ кн. Вяземскій, гр. Остерманъ, гр. Николай Румянцевъ. Онъ умѣлъ оправдать данныя ему реко-

---

*) Русск. Арх. 1868 г. Воспом. Брокера.

**) Русск. Арх. 1868 г. Лонгиновъ. „Матеріалы для біографіи Ростопчина".

мендаціи. Вспоминая о началѣ своего знакомства съ Ростопчинымъ, Воронцовъ писалъ впослѣдствіи брату Александру: „Я принялъ его радушно, и онъ очень оцѣнилъ это. Онъ прекрасно велъ себя здѣсь“, а тотчасъ послѣ знакомства съ Ростопчинымъ, по горячимъ слѣдамъ только что полученныхъ отъ него впечатлѣній, тотъ же Воронцовъ писалъ: „если бы наша молодежь походила на господина Ростопчина и г. Кочубея, мы могли бы питать лучшія надежды на будущее“. *)

Вернувшись въ Петербургъ, Ростопчинъ скоро началъ пріобрѣтать въ обществѣ извѣстность колкой остротой своего языка. Молодой человѣкъ смотрѣлъ уже сверху внизъ на окружающую среду и охотно отдавался обличительному настроенію. Отъ 1787 г. до насъ дошло письмо Ростопчина къ Румянцеву, въ которомъ читаемъ: „Здѣсь только танцуютъ. Нѣтъ нужды и запирать храмъ Януса, чтобы предаваться удовольствіямъ. О войнѣ говорятъ меньше, нежели о новой оперѣ. Ни отъ кого не слышишь серьезныхъ разговоровъ. Надо мной смѣются, потому что я по утрамъ занимаюсь науками. Честный человѣкъ и глупецъ здѣсь синонимы. Тысячу разъ я слышалъ, что вы самый любезный человѣкъ, самый умный, но никто не обмолвился о вашихъ чувствахъ, о вашей душѣ. Всего болѣе меня сердитъ, что съ такими способностями къ наукамъ и искусствамъ мы дѣлаемъ успѣхи только въ костюмахъ“. **) Автору этого разсудительнаго письма было 23 года. Съ горячностью молодости онъ стремился къ такой дѣятельности, которая могла бы удовлетворить его честолюбіе. Онъ осаждалъ Румянцева просьбами принять его въ дѣйствующую армію. Въ 1788 г. онъ въ качествѣ волонтера присутствовалъ при штурмѣ Очакова. Завѣтнѣйшей мечтой его было приблизиться къ Суворову, геніальность котораго плѣняла его воображеніе Первое знакомство этихъ людей характерно для обоихъ. „Сколько рыбъ въ Невѣ?“ — таковъ былъ первый вопросъ Су-

*) „Архивъ кн. Воронцова“, т. IX, стр. 145, 358.

**) Ségur: „Vie du c. Rostopchine“.

ворова молодому поручику. Ростопчинъ, не сморгнувъ, назвалъ первую, пришедшую на мысль цифру, и Суворовъ оцѣнилъ эту бойкость. Послѣ того Ростопчинъ въ теченіе года несъ службу при Суворовѣ. Между тѣмъ, война съ турками подходила къ концу. На смѣну штыковъ готовились выступить на сцену дипломатическія перья. Какъ разъ къ этому времени Ростопчинъ при посредствѣ Семена Воронцова сближается съ Безбородкомъ. Я уже приводилъ въ началѣ этой работы похвальные отзывы о немъ графа Безбородка.

Собираясь на ясскій конгрессъ, Безбородко взялъ его туда въ числѣ своихъ помощниковъ, и Ростопчинъ участвовалъ въ составленіи протоколовъ ясскихъ конференцій.

Въ 1792 г. Ростопчинъ покинулъ военную службу и былъ зачисленъ въ камергеры. Здѣсь его живой и колкій умъ, соединенный съ счастливой находчивостью въ салонной бесѣдѣ, не могъ не обратить на себя вниманія Екатерины II. Онъ оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ участникомъ тѣхъ jeux d'esprit, которыми наполнялись эрмитажные досуги императрицы. Впослѣдствіи озлобленный на Ростопчина Панинъ говорилъ въ раздраженіи, что Ростопчинъ игралъ при дворѣ Екатерины роль буффона. *) Презрительный смыслъ этой характеристики врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ростопчинъ въ теченіе всей жизни умѣлъ и любилъ являться душою веселаго общества, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ присутствіи императрицы, которая сама блистала образованностью и остроуміемъ, онъ испытывалъ въ этомъ отношеніи особый подъемъ настроенія. У насъ есть указанія на то, что самъ Ростопчинъ проявлялъ извѣстную щепетильность въ этомъ случаѣ, и вовсе не желалъ разыгрывать роль придворнаго забавника. О своемъ первомъ дебютѣ въ салонѣ императрицы онъ разсказалъ своему другу С. Воронцову въ такихъ выраженіяхъ: „Со мной произошелъ случай, который меня сердитъ. Этой зимой я игрывалъ съ пріятелями въ по-

*) „Архивъ гр. Воронцова", т. XI, стр. 74.

словицы. Пошла молва, что это мнѣ удается. Однажды вечеромъ въ Царскомъ Селѣ хотѣли чѣмъ-нибудь развлечь императрицу. Дѣло не ладилось. Я стоялъ въ сторонѣ. На приглашеніе Зубова принять участіе въ играхъ я отвѣтилъ отказомъ. Но императрица подозвала меня и очень милостиво попросила меня представить ей нѣсколько фигуръ. Отказаться было невозможно. Ей понравилось мое представленіе. Она просила повторить. Тогда я составилъ пословицу, имѣвшую большой успѣхъ. Императрица много говорила обо мнѣ, постоянно вступала въ бесѣду со мною и вотъ—я пріобрѣлъ какую-то значительность, достигнутую ремесломъ комедіанта. Я самъ браню себя за это и боюсь, что вы не одобрите того, что я сдѣлалъ. Умоляю, скажите, что вы думаете объ этомъ?" *) Какъ далекъ онъ былъ отъ намѣренія дѣлать карьеру на салонномъ остроуміи, это явствуетъ съ полной опредѣленностью изъ послѣдующихъ фактовъ. Онъ былъ назначенъ однимъ изъ дежурныхъ при дворѣ наслѣдника престола. То было время, когда въ кругу людей, приближенныхъ къ императрицѣ, считалось признакомъ политическаго такта и хорошаго тона пренебрегать обязанностями по отношенію къ опальному цесаревичу. Павелъ Петровичъ привыкъ къ тому, что заявляемыя имъ желанія пропускались мимо ушей или выполнялись медленно и спустя рукава. Иные отваживались и на еще болѣе рѣзкія проявленія неуважительности. Проиграть въ Гатчинѣ значило тогда навѣрняка укрѣпить свои шансы въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ. И Павелъ съ болѣзненно обостренной чуткостью цѣнилъ тѣ рѣдкіе случаи, когда вдругъ находился человѣкъ, готовый оказать ему услугу съ неподдѣльнымъ усердіемъ. Извѣстно, что именно таковъ былъ первоначальный источникъ фавора Аракчеева при Павлѣ. Аракчеевъ былъ посланъ въ Гатчину своимъ начальникомъ Меллиссино дать наслѣднику нужныя объясненія по заинтересовавшему его техническому вопросу изъ области артиллеріи. Быстрота, точность

*) Арх. кн. Воронцова, т. 34, письмо отъ 27 іюля 1793 г.

и усердіе, съ какими Аракчеевъ выполнилъ это порученіе, сразу завоевали въ его пользу сердце Павла.

Назначенный состоять при дворѣ цесаревича, Ростопчинъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ затруднительности своего положенія. Въ письмѣ къ Воронцову отъ 27 іюля 1793 г. Ростопчинъ писалъ: „Павелъ осыпаетъ меня нѣжностями и знаками вниманія... и это меня безконечно смущаетъ. Послѣ безчестья ничего въ мірѣ я не боюсь такъ, какъ его благорасположенія“. Дмитріевъ разсказываетъ, что это благорасположеніе Павла Ростопчинъ вызвалъ тѣмъ, что подарилъ Павлу вывезенныя изъ Берлина механическія модели солдатъ. Однако, сознаніе опасности павловскихъ милостей не помѣшало Ростопчину обнаружить горячее рвеніе къ выполненію своихъ служебныхъ обязанностей при цесаревичѣ. Этого мало: онъ пошелъ дальше Аракчеева и не только самъ со всей строгостью несъ службу при цесаревичѣ, но еще и выступилъ съ необыкновенно рѣзкими обличеніями своихъ товарищей по поводу ихъ служебныхъ манкировокъ. Дежурство при дворѣ Павла должны были отправлять поочередно всего 12 человѣкъ. Многіе изъ нихъ совсѣмъ не являлись къ исполненію своихъ обязанностей. Ростопчинъ добровольно замѣщалъ ихъ не въ очередь, возмущаясь низостью ихъ поведенія. Наконецъ, дѣло дошло до того, что подъ-рядъ двѣ недѣли никто не явился смѣнить его. Тогда Ростопчинъ написалъ гофмаршалу письмо съ жалобой на товарищей. Это письмо, наполненное рѣзкостями, заканчивалось слѣдующими словами: „а что касается меня, то такъ какъ у меня нѣтъ ни секретной болѣзни, чтобы лѣчиться, ни итальянской пѣвицы на содержаніи, чтобы проводить съ нею время, то я буду съ удовольствіемъ продолжать нести за нихъ службу при особѣ великаго князя“. То были прозрачные намеки на гр. Шувалова и кн. Барятинскаго. Барятинскій послалъ Ростопчину вызовъ на дуэль. *) Весь великосвѣтскій Петербургъ заговорилъ объ этой исторіи,

*) Maçon „Mémoires secrets sur la Russie“.

и большинство осуждало Ростопчина. *) Императрица разгнѣвалась, и Ростопчинъ былъ удаленъ отъ двора на одинъ годъ.

Эта кратковременная опала обезпечила ему на будущее такое возвышеніе, которое во много разъ возмѣстило связанныя съ нею непріятности. Завадовскій въ письмахъ къ Семену Воронцову положительно утверждаетъ, что Ростопчинъ проводилъ годъ опалы въ своей орловской деревнѣ. **) Сегюръ же сообщаетъ, что Ростопчинъ въ это время вторично съѣздилъ въ Пруссію, и къ этой именно его поѣздкѣ Сегюръ относитъ написаніе „Путешествія въ Пруссію".

Въ 1795 г. Ростопчинъ снова появился при дворѣ Екатерины. Вскорѣ при посредствѣ Панина, будущаго заклятаго врага Ростопчина, онъ получилъ согласіе на бракъ съ Екатериной Петровной Протасовой. Эта молоденькая дѣвушка, дочь калужскаго губернатора, рано осталась сиротой и воспитыва-

*) Завадовскій писалъ С. Воронцову изъ Петербурга: „Ростопчинъ, съ которымъ я былъ знакомъ по его къ тебѣ привязанности, хорошо былъ принятъ у двора, отличаясь передъ своими сверстниками остротою. Таковой тонъ вывелъ его изъ здраваго разсудка. Пренебрегая знатною молодежью, поступилъ и на то, что сталъ ругать письменно и вызывать на поединокъ. За сію непристойную шалость отлученъ на годъ отъ двора и поѣхалъ въ свою деревню... наказаніе легчайшее, а продерзость заслуживала больше". „Арх. Воронц.", т. XII, стр. 122. Вотъ еще отзывъ придворнаго доктора Рожерсона въ письмѣ его къ С. Воронцову; „Письма Ростопчина къ друзьямъ изъ деревни наполнены восторгами передъ женой, въ которую онъ, повидимому, сильно влюбленъ, и передъ сельской жизнью. Это испытаніе будетъ ему полезно. Онъ имѣлъ слишкомъ большую удачу при всѣхъ трехъ дворахъ, чтобы съ его горячей головой не впутаться въ какое-либо приключеніе... вотъ вина нашего здѣшняго образованія на французскій ладъ; оно возбуждаетъ неистовое стремленіе блистать и умничать вмѣсто того, чтобы внушать желаніе хорошо думать и правильно поступать". „Арх. Воронцова", т. XXX, стр. 54.

**) Письмо Завадовскаго отъ 19 октября 1794 г.: „только третьяго дня получилъ я твое письмо отъ Ростопчина, который высиживаетъ въ деревнѣ срокъ своего остракизма". Ibid., стр. 135.

лась у своей тетки, Анны Степановны Протасовой, кавалерственной дамы, любимицы Екатерины II. Передъ ней-то Панинъ и предстательствовалъ за Ростопчина *) Ростопчину было 30 лѣтъ, когда онъ женился на 18-лѣтней графинѣ. Ихъ бракъ былъ счастливъ. Жена Ростопчина отличалась красотой, образованностью и выдающимся умомъ. Они прожили вмѣстѣ въ полномъ согласіи. „Только два раза ты сдѣлала мнѣ больно",— писалъ женѣ Ростопчинъ уже незадолго до смерти. Оба эти случая касались религіознаго вопроса. Жена Ростопчина тайно отъ мужа приняла католичество и призналась ему въ этомъ уже заднимъ числомъ, какъ громомъ поразивъ его этимъ извѣстіемъ; а позднѣе она способствовала переходу въ католичество одной изъ своихъ дочерей.

Смерть Екатерины II повлекла за собой мгновенный переворотъ въ судьбѣ Ростопчина. Ростопчинъ оставилъ подробное описаніе того, что произошло съ нимъ въ знаменательные дни, послѣдовавшіе за смертью Екатерины. **) Мы можемъ прямо черпать изъ этого автобіографическаго источника.

Когда Екатерину сразилъ ударъ, великій князь Александръ Павловичъ обратился къ Ростопчину съ предложеніемъ отправиться въ Гатчину и обо всемъ доложить Павлу. Ростопчинъ поскакалъ. Но уже по дорогѣ ему встрѣтился самъ Павелъ, спѣшившій въ Петербургъ по вѣстямъ, полученнымъ ранѣе. Павелъ остановился и сказалъ Ростопчину: „сдѣлайте мнѣ удовольствіе, слѣдуйте за мною; мы пріѣдемъ вмѣстѣ; я люблю видѣть васъ около себя".

На слѣдующее утро по прибытіи въ Петербургъ Павелъ призвалъ Ростопчина и сказалъ ему: „я отлично знаю тебя и прошу тебя сказать мнѣ откровенно,—какую должность желаешь ты получить?" Ростопчинъ назвалъ должность секретаря комиссіи прошеній. Помолчавъ, Павелъ возразилъ: „На это я

---

*) „Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина", подъ ред. Брикнера, т. VIII, глава V.

**) Это описаніе воспроизведено цѣликомъ у Сегюра.

не согласенъ. Я сдѣлаю тебя генералъ-адъютантомъ не для того, чтобы ходить по двору съ тростью, но для того, чтобы ты управлялъ военной коллегіей". По словамъ Ростопчина это назначеніе было ему не по душѣ, и онъ принялъ его молча, ибо нельзя было противорѣчить. Уже съ этого дня на Ростопчина всѣ стали смотрѣть, какъ на новаго временщика. Служащіе приближались къ нему съ пресмыкающимся видомъ. Старый покровитель Ростопчина Безбородко просилъ теперь его заступничества передъ государемъ, заявляя лишь объ одномъ желаніи—чтобы его отпустили со службы безъ пониженія. По докладу Ростопчина Павелъ велѣлъ объявить Безбородкѣ, что онъ забываетъ прошлое и проситъ его продолжать службу. Павла заботила мысль о другомъ человѣкѣ и опять-таки на Ростопчина пало выполненіе воли Павла. Вечеромъ того дня, когда умерла Екатерина, Павелъ, раздѣваясь ко сну, призвалъ Ростопчина и сказалъ ему: „ты усталъ и мнѣ совѣстно безпокоить тебя, но окажи мнѣ услугу, отправляйся къ графу Орлову (Алексѣю) и приведи его къ присягѣ. Его не было во дворцѣ и я не хочу, чтобы онъ забылъ 29 іюня (день смерти Петра III). Завтра ты мнѣ разскажешь, какъ все произойдетъ". Было уже за полночь. Ростопчинъ отправился къ Орлову въ каретѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ. „А., почти не знавшій меня,—разсказываетъ Ростопчинъ,—но видѣвшій во мнѣ новаго фаворита, не переставая, говорилъ мнѣ разные ужасы про Орлова. Я замѣтилъ ему, что наша обязанность ограничивается лишь приведеніемъ Орлова къ присягѣ, а остальное зависитъ отъ Бога и императора. А. хотѣлъ во что бы ни стало заставить Орлова—своего покровителя, героя Чесмы—присягать въ церкви. Я рѣшительно заявилъ, что не допущу этого и что будетъ достаточно дать ему подписать текстъ присяги". Орлова они застали спящимъ. Его разбудили, и онъ самъ пожелалъ принести присягу въ церкви.

Для Ростопчина началось такое же головокружительное по

своей быстротѣ восхожденіе по ступенямъ служебныхъ успѣховъ, какое испытали и другіе любимцы Павла въ полосѣ ихъ фавора, напримѣръ, Аракчеевъ. Нѣкоторое время буквально каждый день приносилъ Ростопчину новую награду, новое повышеніе. 2 ноября 1796 г. ему былъ пожалованъ орденъ Анны 3 степени; 7 ноября—чинъ бригадира и орденъ Анны 2 степени; 8 ноября—чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта; 9 ноября—орденъ Анны 1 степени. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1797 г. онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, въ мартѣ 1798 г.—чинъ генералъ-лейтенанта. *) Тутъ—какъ это бывало и съ Аракчеевымъ—потокъ милостей и почестей внезапно прервался катастрофой.

Ростопчину неожиданно была дана отставка. Онъ долженъ былъ выѣхать въ свои имѣнія. Причина этой опалы до сихъ

*) Фактически Ростопчинъ уже въ это время былъ правою рукою Павла по многимъ дѣламъ. Въ письмѣ къ С. Воронцову отъ 25 февраля 1797 г. онъ такъ описываетъ порядокъ своего дня: „у меня много дѣла, потому что на моихъ рукахъ вся воинская часть. Я долженъ разсылать всѣ приказы государя и получаю всѣ рапорты для представленія и прочтенія ему. Зная по опыту, какъ мало можно имѣть довѣрія къ секретарямъ, я дѣлаю все самъ, а секретари только переписываютъ и держатъ въ порядкѣ книги. Я измѣнилъ образъ жизни: обѣдаю всегда дома, ухожу въ 4 часа и возвращаюсь въ 9. Разобравъ бумаги къ слѣдующему дню, въ 10 часовъ ложусь спать. Встаю въ $5^1/_2$ часовъ, а въ $6^1/_4$ я уже у государя, при которомъ остаюсь почти до часу по полудни, занимаюсь разсылкою приказовъ и чтеніемъ всего поступающаго по военной части". Русскій Архивъ, 1876 г, кн. II.

При дворѣ и среди самыхъ первыхъ вельможъ Ростопчинъ держалъ себя въ это время уже какъ всевластный временщикъ. Въ октябрѣ 1798 г. Протасовъ писалъ Воронцову: „Пестель сказалъ мнѣ, что Ростопчинъ въ великой милости и имѣетъ большое вліяніе на военныя дѣла... Однажды Пестель былъ у Ростопчина, когда тотъ сидѣлъ въ постели, будучи боленъ. Тамъ былъ Головинъ и другіе; всѣ стояли кругомъ. Доложили о приходѣ кн. Репнина. Больной легъ. Фельдмаршалъ, войдя, остался стоять, хотя хозяинъ тщетно просилъ его сѣсть. Тотъ сѣлъ лишь послѣ троекратной просьбы... Ростопчинъ былъ чрезвычайно горделивъ"... „Арх. кн. Воронцова", т. XV, стр. 131.

поръ не выяснена. *) На этотъ разъ опала продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Осенью того же года Ростопчинъ снова былъ принятъ на службу съ прежнимъ чиномъ. Совершенно подобно Аракчееву Ростопчинъ послѣ кратковременной опалы былъ осыпанъ еще болѣе щедрыми милостями Павла и занялъ при немъ еще болѣе высокое положеніе. 17 октября 1798 г. онъ былъ назначенъ кабинетъ-министромъ по иностраннымъ дѣламъ; 24 октября—дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и третьимъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; 21 декабря онъ былъ возведенъ въ званіе командора ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; 31 декабря ему былъ пожалованъ орденъ Александра Невскаго съ алмазами. Начало 1799 г. принесло ему еще болѣе пышную почесть: 22 февраля этого года онъ получилъ титулъ графа; 30 марта Павелъ возвелъ его въ достоинство великаго канцлера ордена Іоанна Іерусалимскаго; въ маѣ онъ былъ сдѣланъ главнымъ директоромъ почтоваго департамента; въ іюнѣ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго; въ сентябрѣ занялъ мѣсто перваго присутствующаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ мартѣ 1800 г. сдѣланъ членомъ совѣта императора. Кромѣ всѣхъ этихъ назначеній и отличій, Павелъ еще пожаловалъ Ростопчину въ теченіе своего царствованія всего болѣе 3000 душъ въ Орловской и Воронежской губерніяхъ и особо 33 тысячи десятинъ земли въ Воронежской губерніи. Въ февралѣ 1801 г. все это пышное

---

*) Вообще Ростопчинъ сталъ въ рѣзко-враждебныя отношенія къ партіи Нелидовой и императрицы Маріи Θеодоровны. Въ іюнѣ 1797 г. онъ пишетъ С. Воронцову, что Марія Θеодоровна во все вмѣшивается и „для большей увѣренности вступила въ союзъ съ Нелидовой, которую справедливо ненавидѣла и которая сдѣлалась ея близкимъ другомъ съ 6 ноября прошлаго года. Насъ трое или четверо нетерпимыхъ этими особами, ибо мы служимъ одному только императору, а этого не любятъ и не хотятъ“. Русскій Архивъ, 1876 г., кн. II. Письмо отъ 18 іюня 1797 г. Адамъ Чарторижскій опредѣленно говоритъ, что опала Ростопчина была дѣломъ партіи Нелидовой. „Мемуары“, т. I.

зданіе Ростопчинскаго величія мгновенно рухнуло. Снова опала императора постигла Ростопчина, и онъ—на этотъ разъ уже надолго—долженъ былъ удалиться въ сельское уединеніе.

Въ печати высказывалось предположеніе, что удаленіе Ростопчина, такъ же какъ и удаленіе Аракчеева, было устроено Паленомъ, который, подготовляя заговоръ противъ Павла, предусмотрительно расчищалъ себѣ почву и заблаговременно убиралъ съ дороги тѣхъ лицъ, которыя въ силу своей преданности императору могли бы помѣшать осуществленію его плановъ. Разумѣется, предположеніе это не лишено вѣроятія. Но, если и принять его, все же придется признать, что Ростопчинъ въ этомъ случаѣ самъ далъ Палену оружіе противъ себя.

Сведя счеты съ своимъ недоброжелателемъ Панинымъ, Ростопчинъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей личной мстительности и допустилъ такія дѣйствія, которыя давали возможность его врагамъ съ полнымъ основаніемъ обвинить его передъ императоромъ въ недобросовѣстности. Разрывая съ Ростопчинымъ, Павелъ лишь отдался порыву благороднаго негодованія.

Я еще буду имѣть случай подробно остановиться на этой исторіи въ нѣсколько иной связи.

Впрочемъ, за нѣсколько дней до кончины Павла Ростопчинъ вдругъ получилъ отъ него депешу: „Вы нужны мнѣ. Пріѣзжайте скорѣе". Ростопчинъ немедленно отправился въ путь, но, едва доѣхавъ до Москвы, получилъ вѣсть, что Павла не стало. „Если бы я былъ тамъ, преступленіе бы не совершилось", сказалъ Ростопчинъ и тотчасъ же вернулся въ свое подмосковное имѣніе. Такъ, даже вплоть до этой характерной подробности, судьба Ростопчина при Павлѣ съ изумительной послѣдовательностью совпадаетъ съ судьбою Аракчеева.

Какой же характеръ носила дѣятельность Ростопчина въ эпоху его фавора при Павлѣ? На этотъ счетъ мы находимъ въ литературѣ прямо противоположныя заявленія. Сегюръ

рисуетъ намъ Ростопчина при Павлѣ какимъ-то маркизомъ Позой, безстрашнымъ заступникомъ гонимыхъ, рыцаремъ справедливости, добрымъ геніемъ императора, удерживавшимъ его отъ необдуманныхъ, безразсудныхъ порывовъ. Напротивъ того, такіе свидѣтели, какъ Коцебу, аббатъ Жоржель и др. приписываютъ Ростопчину самое тлетворное вліяніе на Павла и склонны изображать Ростопчина, какъ одного изъ самыхъ низкихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ временщиковъ. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ тѣмъ труднѣе, что обѣ противоположныя изображенія представлены въ литературѣ писателями, явно заинтересованными въ отстаиваніи своей версіи. Если Сегюръ вообще всю свою книгу превращаетъ въ сплошной панегирикъ своему родственнику и подкрѣпляетъ свои сужденія разсказами, которые представляли собой семейныя преданія ростопчинскаго дома—источникъ, явно односторонній,—то, съ другой стороны, запальчивые хулители Ростопчина принадлежатъ къ числу тѣхъ людей, планы и домогательства которыхъ были въ свое время разстроены настойчивыми и искусными дѣйствіями Ростопчина, какъ это было, напримѣръ, съ аббатомъ Жоржелемъ: естественно предположить, что эти люди, рисуя намъ образъ Ростопчина, вольно или невольно поддались чувству личнаго противъ него раздраженія. Въ подобныхъ случаяхъ разсказы мемуаристовъ приходится подвергать особенно строгой документальной провѣркѣ.

И вотъ, сопоставляя показанія мемуаровъ и семейныя преданія съ тѣми документальными данными, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, мы приходимъ къ заключенію, что если Ростопчинъ и не былъ въ качествѣ Павловскаго временщика чудовищемъ зла и порока, то все же его никакъ нельзя считать свободнымъ отъ отвѣтственности за многія отрицательныя черты правленія Павла. Мы готовы допустить, что въ разсказахъ Сегюра есть зерно истины, быть можетъ, и обросшее преувеличеніями; что Ростопчину, дѣйствительно, случа-

лось порой успѣшно останавливать опрометчивые порывы Павла во имя справедливости и пользы дѣла; мы не упускаемъ изъ виду и того, что на такихъ людей, какимъ былъ Павелъ, всякое благотворное воздѣйствіе возможно лишь до извѣстнаго предѣла. Но допуская все это, мы должны также признать и слѣдующіе два факта: 1) были случаи когда Ростопчинъ, совершенно независимо отъ капризовъ императора, и даже тайкомъ отъ него, въ силу побужденій личной мстительности, злоупотреблялъ предоставленной ему властью. Такой именно случай и вызвалъ, какъ я уже упомянулъ, окончательную опалу Ростопчина въ концѣ царствованія Павла. Это не вяжется, разумѣется, съ образомъ рыцаря безъ страха и упрека и не внушаетъ увѣренности въ томъ, что Ростопчинъ слишкомъ дѣятельно возвышалъ голосъ передъ императоромъ за правду и справедливость; 2) намъ извѣстно съ полною точностью, что въ нѣкоторыхъ очень важныхъ политическихъ вопросахъ Ростопчинъ не только не вліялъ умѣряющимъ образомъ на экспансивную порывистость своего государя, но, наоборотъ, самъ побуждалъ его къ такимъ рѣшеніямъ, которыя вносили большое разстройство въ ходъ государственныхъ дѣлъ. Пусть скажутъ, что Ростопчинъ въ этихъ случаяхъ не стремился во что бы то ни стало потакать капризамъ государя, а самъ добросовѣстно ошибался; это будетъ означать только, что Ростопчинъ раздѣлялъ всю близорукость и необдуманную порывистость Павла.

Это замѣчаніе цѣликомъ примѣнимо къ области иностранной политики, руководительство которой въ теченіе большей части царствованія Павла сосредоточивалось въ вѣдѣніи Ростопчина. Извѣстно, какими рѣзкими зигзагами шла внѣшняя политика Павла, въ какой сильной степени былъ ей присущъ характеръ импульсивнаго, личнаго каприза. Внезапно, словно почеркомъ пера мѣнялась вся система политики безъ всякаго вниманія къ тѣмъ безчисленнымъ послѣдствіямъ, какія влечетъ за собой въ области международныхъ отношеній малѣйшее

измѣненіе однажды принятаго направленія. Затративъ столько изъ ряда выходящихъ усилій на борьбу съ Франціей рука объ руку съ Австріей и Англіей, Павелъ вдругъ переворачиваетъ вверхъ дномъ все международное положеніе Россіи и объявляетъ себя смертельнымъ врагомъ Англіи. Глубокіе и сложные политическіе и экономическіе интересы Россіи совершенно заслоняются при этомъ игрушечными счетами изъ-за Мальты. Къ этому безразсудному дипломатическому сальто-мортале Ростопчинъ приложилъ свое имя. Въ этомъ случаѣ его поведеніе не можетъ быть оправдано ни съ какой стороны. Одно изъ двухъ—или онъ не рѣшился противодѣйствовать Павлу, и тогда отпадаетъ безъ остатка все, что его хвалители говорятъ о нравственной силѣ его характера, ибо нельзя было бы и найти повода болѣе важнаго для проявленія такой независимости; или онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ пагубности этого шага, и тогда приходится заключить, что вліяніе Ростопчина могло лишь утверждать Павла въ его опреметчивыхъ порывахъ.

Самъ Ростопчинъ, стараясь защищаться отъ упрековъ за его дѣятельность при Павлѣ, ссылался впослѣдствіи на то, что онъ не былъ тогда свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ обширномъ оправдательномъ письмѣ къ Семену Воронцову отъ 30 іюня 1801 г. изъ Воронова онъ говорилъ между прочимъ: „что касается до политической моей системы, то я не могъ ее имѣть при государѣ, который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противодѣйствія малѣйшимъ своимъ желаніямъ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить къ мѣрамъ, которыя почиталъ я лучшими. Я знаю, что разрывъ съ Англіей былъ приписанъ мнѣ“...*)

*) Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III.

Очень любопытно, что не только заднимъ числомъ, но и въ самый разгаръ своей противоанглійской „конъюнктуры“ Ростопчинъ старался убѣдить своего друга Воронцова—яраго англомана—въ томъ, что онъ, Растопчинъ тутъ не при чемъ, что разрывъ съ Англіей совершается помимо и противъ его воли. Какъ разъ тогда Ростопчинъ писалъ Воронцову (письмо отъ 28 марта 1800 г,): ...„я ни на что не годенъ и только убиваюсь, глядя на то, что дѣлается и чему воспрепятствовать я не могу. Узнайте же разъ навсегда, что государь ни съ кѣмъ не говоритъ ни о себѣ, ни о дѣлахъ. Онъ не терпитъ, чтобы ему заикались о нихъ. Онъ отдаетъ приказанія и требуетъ безпрекословнаго исполненія... Вы зовете меня министромъ, а я не болѣе, какъ секретарь... Мнѣ противно покидать службу на 36 году возраста, но я сказалъ себѣ, что оставаться долѣе нельзя. Еще не знаю, когда именно настанетъ мое увольненіе, но лишь бы отказъ не состоялся въ выраженіяхъ, послѣ которыхъ повторительное прошеніе можетъ быть сопряжено съ опасными послѣдствіями, то черезъ три мѣсяца я поселюсь у себя въ деревнѣ и долго оттуда не выѣду. Тогда увидятъ, имѣлъ ли я вліяніе и былъ ли усерденъ къ благу“...

Между тѣмъ, разрывъ съ Англіей повлекъ за собой отставку Семена Воронцова,—нашего посла въ Лондонѣ, проводника англофильской политики После этого Ростопчинъ шлетъ Семену Воронцову шифрованное письмо такого содержанія: „видите, что мнѣ приходится подписывать и могу ли я оставаться! Если съ вами такъ поступаютъ, чего ждать мнѣ? Сердце мое обливается кровью и мнѣ жаль васъ. Орошаю слезами ваши руки. Будемъ плакать вмѣстѣ. Дѣлать нечего“. Это было написано въ началѣ апрѣля 1800 г., а 23 мая Ростопчинъ писалъ Александру Воронцову: „за разрушеніе союза съ коварнымъ вѣнскимъ дворомъ означены четыре жертвы: кн. Суворовъ, гр. Семенъ Романовичъ, Англія и я. Три первыхъ принесены, а я еще остался, но весьма холодно и спо-

койно ожидаю своего жребія. Чудно, что до сихъ поръ еще живъ" *).

Смыслъ приведенныхъ писемъ яснѣе яснаго: Ростопчинъ возмущенъ разрывомъ съ Англіей, новый курсъ внѣшней политики взятъ вопреки его стремленіямъ, и въ связи съ этимъ онъ готовится къ опалѣ. И вотъ, приходится признать, что ни одна строка этихъ писемъ не соотвѣтствовала дѣйствительности. Желая оправдаться въ глазахъ друзей, Ростопчинъ прибѣгалъ къ самой грубой лжи. Прикидываясь въ письмахъ къ Воронцовымъ обреченной жертвой капризовъ императора, Ростопчинъ на самомъ дѣлѣ являлся душою противоанглійской авантюры.

Англійскій посолъ Витвортъ въ ноябрѣ 1800 г. писалъ Семену Воронцову: „роковое измѣненіе въ настроеніи и политикѣ его величества мы должны въ значительной степени приписать вліянію Ростопчина". **) Аббатъ Жоржель настойчиво называетъ Ростопчина иниціаторомъ разрыва Россіи съ Австріей и Англіей. ***) Сами Воронцовы отнюдь не были введены въ заблужденіе лживыми увѣреніями Ростопчина, и Семенъ Воронцовъ, хотя и продолжалъ сохранять по отношенію къ Ростопчину дружескія чувства въ память прежнихъ услугъ, тѣмъ не менѣе самымъ рѣзкимъ образомъ порицалъ его иностранную политику при Павлѣ и въ письмѣ къ Панину отъ 6 мая 1801 г. сказалъ, что онъ считаетъ „иностранную политику Ростопчина истиннымъ позоромъ для моей родины". ****)

Всѣ эти отзывы мы можемъ провѣрить неоспоримыми документальными данными. Эти данныя показываютъ, что если Ростопчинъ и не являлся и н и ц і а т о р о м ъ противоанглійской

---

*) Ibid.

**) „Матеріалы для жизнеопис. гр. Н. П. Панина", т. V.

***) „Voyage á S.-Petersbourg". Разсказъ Жоржеля о томъ, какъ Ростопчинъ разстраивалъ попытки Дюмурье, общеизвѣстенъ, и я не привожу его „Путешествіе въ Петербургъ при Павлѣ I" аббата Жоржеля; пер. Н. И. Соболевскаго.

****) „Архивъ Воронцова", т. XI, стр. 180.

авантюры, то во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ все, для того, чтобы поддержать Павла въ тѣхъ самыхъ рѣшеніяхъ, которыми онъ возмущался въ письмахъ къ Воронцовымъ. Ростопчина изобличаетъ Записка, поданная имъ Павлу въ сентябрѣ 1800 г. и конфирмованная Павломъ 2 октября. Записка наполнена нападками на Англію, противъ которыхъ Павелъ на поляхъ приписалъ: „мастерски сказано". Здѣсь Ростопчинъ категорически настаиваетъ на разрывѣ съ Англіей, соблазняя Павла фантастической перспективой раздѣла Турціи при помощи Франціи и Пруссіи. Въ результатѣ этого раздѣла, по мнѣнію Ростопчина, „греки сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій". Восхищенный Павелъ приписалъ на полѣ: „а можно и подвесть". Представивъ Павлу эту Записку, Ростопчинъ наотрѣзъ отказался довести до свѣдѣнія императора Записку Панина, въ которой намѣчалась совершенно противоположная система внѣшней политики. Это именно произведеніе ростопчинскаго пера, поражающее легкомысленнымъ дилетантизмомъ сужденій о вопросахъ первостепенной важности, и укрѣпило окончательно Павла въ тѣхъ безразсудныхъ рѣшеніяхъ, которыя мелькнули тогда въ его воспаленномъ умѣ и которыя едва-едва не довели насъ до войны съ Англіей и до фантастическаго похода на Индію.

Любопытно, что Ростопчинъ какъ разъ въ томъ письмѣ къ Семену Воронцову отъ 30 іюня 1801 г., въ которомъ онъ старается представить себя неотвѣтственнымъ за всю эту авантюру, незамѣтно для себя самого переходитъ затѣмъ къ пространнымъ доказательствамъ правильности всѣхъ предпринятыхъ тогда противъ Англіи дѣйствій и тѣмъ съ головой выдаетъ свою тѣсную прикосновенность ко всему тому, отъ чего онъ только что пытался отречься.

Напрасно также въ вышеприведенныхъ письмахъ къ Воронцовымъ Ростопчинъ старался связать возможность своей опалы съ своимъ мнимымъ неодобреніемъ политики императора. Намъ отлично извѣстно, что опала, дѣйствительно на-

чинавшая тогда угрожать Ростопчину и вскорѣ на самомъ дѣлѣ его постигшая, была обусловлена совершенно иными обстоятельствами, въ которыхъ Ростопчинъ сыгралъ предосудительную роль злобнаго интригана.

Опала сразила Ростопчина въ серединѣ февраля 1801 г. На цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ ему пришлось удалиться съ арены государственной дѣятельности. Онъ прожилъ эти годы частью въ Вороновѣ, подмосковномъ имѣніи (въ 50 верстахъ отъ Москвы), пріобрѣтенномъ имъ у графа Алексѣя Воронцова незадолго до опалы, частью въ Москвѣ. Въ Вороновѣ была полная чаша. Пышная усадьба состояла изъ великолѣпно украшеннаго дома, окруженнаго паркомъ, который тянулся дальше, нежели хваталъ глазъ. Обширные пруды были разсѣяны по лугамъ и рощамъ. Длинныя дороги прорѣзывали лѣса и соединяли деревни, принадлежавшія къ этому громадному имѣнію. Жизнь Ростопчина въ деревенскомъ уединеніи довольно подробно освѣщена въ перепискѣ Ростопчина съ кн. Циціановымъ". *) Энергичная натура Ростопчина нашла себѣ здѣсь приложеніе въ заботахъ объ усовершенствованіи хозяйства. У него были обширные конскіе заводы, считавшіеся образцовыми. Онъ увлекался опытами заведенія раціональнаго полевого хозяйства, выписывалъ изъ Англіи, Шотландіи и Голландіи сельскохозяйственныя машины и опытныхъ агрономовъ, устроилъ у себя нѣчто вродѣ агрономической школы, написалъ и напечаталъ разсужденіе „Плугъ и соха", въ которомъ подвергъ разбору очередные вопросы сельскохозяйственной экономіи. Его письма къ Циціанову за это время полны сообщеніями о его хозяйственныхъ пробахъ, удачахъ и разочарованіяхъ. Онъ до такой степени увлекался въ тѣ годы этой своей дѣятельностью, отводилъ такое широкое мѣсто ея описанію въ перепискѣ съ друзьями, что Циціановъ какъ-то даже попросилъ его поменьше говорить объ этихъ вещахъ.

При всемъ томъ деревенскіе интересы отнюдь не погло-

---

*) Напечатана въ книгѣ II изданія „Девятнадцатый вѣкъ".

тили цѣликомъ его стремленій. Честолюбивый характеръ и живой умъ не давали ему успокоиться на мирномъ существованіи захолустнаго помѣщика. Есть нѣкоторыя указанія на то, что съ воцареніемъ Александра Ростопчинъ предпринималъ попытки къ возвращенію на арену государственной дѣятельности. До начала Отечественной войны эти попытки оказывались неудачными. Время отъ времени Ростопчинъ наѣзжалъ въ Москву, подолгу живалъ тамъ, блисталъ остротами въ московскихъ гостиныхъ, читалъ въ пріятельскихъ кружкахъ свои сатирическія комедіи, послѣ прочтенія бросавшіяся имъ въ каминъ, и будировалъ противъ либеральнаго курса правительственной политики. Долгое время этотъ будущій „французоѣдъ“ оставался поклонникомъ Наполеона, въ которомъ онъ видѣлъ тогда не „исчадіе революціи“, какъ онъ клеймилъ впослѣдствіи Наполеона, а, наоборотъ, водворителя во Франціи твердаго порядка, сокрушителя революціонной гидры. Русско-австрійская коалиція противъ Франціи вызвала горячія порицанія Ростопчина. 4 ноября 1803 г. онъ писалъ Циціанову: „новости изъ Петербурга гласятъ о войнѣ съ Франціей. Это будетъ жертва, приносимая любви гр. Воронцова къ англичанамъ. Какую выгоду можемъ извлечь изъ этой войны?“ Даже убійство герцога Энгіенскаго не измѣнило его благопріятнаго настроенія по отношенію къ наполеоновской Франціи. Въ письмѣ къ Циціанову онъ признаетъ, что „это убійство возбуждаетъ желаніе предъявить къ Бонапарту требованія, которыя бы помѣшали ему возмущать общую безопасность“, тѣмъ не менѣе онъ тутъ же замѣчаетъ, что война съ Франціей была бы только не выгодна для насъ. Попрежнему, какъ и при Павлѣ, онъ мечтаетъ не о борьбѣ съ Наполеономъ, а объ одолѣніи Англіи. Въ письмѣ къ Циціанову отъ 21 сентября 1804 г. онъ повторяетъ всѣ тѣ бредни, которыя нѣкогда развивались имъ въ Запискѣ, поданной Павлу и въ которыхъ онъ не рѣшался тогда признаться Воронцовымъ. „Нужно одолѣть Англію,—пишетъ онъ,—и для этого произ-

вести раздѣлъ Турціи согласно старому моему плану, т.-е. намъ взять Молдавію и Румелію съ Константинополемъ, остальное отдать Пруссіи и Австріи, изъ Греціи и острововъ создать республику, Египетъ предоставить Франціи, а затѣмъ послать 50 тысячъ человѣкъ подъ твоей командой чрезъ Персію въ Индію и тамъ разрушить до основанія всѣ владѣнія Англіи". А когда война Россіи и Австріи съ Франціей началась, Ростопчинъ писалъ: „война объявлена. Нашъ императоръ, уже имѣвшій краснуху и корь, хочетъ еще испытать англичанъ и австрійцевъ".

И вдругъ въ 1807 г. поклонникъ Наполеона сразу превращается въ ярого его ненавистника. Только съ этого года Ростопчинъ впадаетъ въ неистовую галлофобію, которая ранѣе была ему чужда.

Запомнимъ это обстоятельство. Оно получитъ для насъ важное значеніе при характеристикѣ политическихъ воззрѣній Ростопчина.

Въ 1807 г. въ виду новыхъ успѣховъ Наполеона и какъ разъ передъ возникновеніемъ союза между Наполеономъ и Александромъ Ростопчинъ шумно выступилъ и противъ политическаго сближенія съ Франціей и противъ увлеченія русскаго дворянства французской цивилизаціей. Въ этомъ году вышелъ памфлетъ Ростопчина „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ", явившійся манифестомъ шовинистическаго національзма. Я уже говорилъ въ другой связи о томъ фурорѣ, который былъ произведенъ въ тогдашнемъ обществѣ этимъ памфлетомъ. Имя Ростопчина было на всѣхъ устахъ. Онъ вдругъ достигъ вершины популярности. Съ этого момента онъ усиленно стремится играть политическую роль. Въ томъ же году онъ пишетъ императору письмо (помѣченное 17 декабря 1806 г.), чрезвычайно важное для пониманія того строя мыслей, выразителемъ котораго Ростопчинъ являлся въ теченіе всей послѣдующей жизни. Здѣсь Франція объявляется источникомъ политической заразы, ибо изъ нея выходятъ всѣ толки о мни-

мыхъ вольностяхъ, грозящіе возмущеніемъ черни и истребленіемъ дворянства. Вотъ почему надлежитъ бороться съ Франціей не на животъ, а на смерть, и, готовясь къ такой борьбѣ, теперь же выслать изъ предѣловъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, а также заняться истребленіемъ внутренней, туземной крамолы въ лицѣ русскихъ мартинистовъ. *)

Такъ, галлофобія и восхваленіе національныхъ добродѣтелей принимали у Ростопчина характеръ не безотчетнаго проявленія „народной гордости“, а разсчитаннаго средства для отстаиванія незыблемости дворянскихъ привилегій отъ притязаній черни.

Ростопчинъ выступилъ такимъ образомъ въ 1806 г. духовнымъ вождемъ національнаго шовинизма и соціально-политической реакціи. Въ этомъ качествѣ онъ вскорѣ получилъ доступъ въ тверской политическій салонъ великой княгини Екатерины Павловны, гдѣ уже блисталъ свойственникъ Ростопчина по женѣ Карамзинъ. Тамъ, въ Твери, около честолюбивой и энергичной великой княгини группировалась консервативная оппозиція противъ конституціонныхъ плановъ Сперанскаго.

Послѣ политическихъ выступленій Ростопчина въ 1806 г. его приняли въ тверскомъ салонѣ съ распростертыми объятіями. Екатерина Павловна поставила себѣ задачей сблизить Ростопчина съ императоромъ.

Когда-то, еще въ концѣ царствованія Екатерины II, Ростопчинъ, ставъ фаворитомъ цесаревича Павла, сошелся и съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Впослѣдствіи Александръ началъ относиться къ Ростопчину съ рѣзкой непріязнью. Говорили, будто бы причиной этой непріязни были дошедшіе до Александра осуждающіе отзывы Ростопчина о поведеніи Александра передъ кончиной Павла. Теперь Екатерина Павловна ради своихъ политическихъ цѣлей рѣшила сдѣлать все для того, чтобы разрушить предубѣжденіе своего брата противъ Ростопчина. Въ ноябрѣ 1809 г. Александръ

*) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

посѣтилъ сестру въ Твери. Къ этому времени туда былъ вызванъ и Ростопчинъ. По свидѣтельству Жозефа де-Местра, Александръ имѣлъ тамъ продолжительную бесѣду съ Ростопчинымъ. Вскорѣ послѣ этого Ростопчинъ былъ назначенъ оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта съ правомъ оставаться жить въ Москвѣ.

Съ этого момента и самъ Ростопчинъ, и Екатерина Павловна начинаютъ подготовлять почву къ замѣщенію Ростопчинымъ престарѣлаго Гудовича на посту московскаго генералъ-губернатора. Ростопчинъ въ московскихъ салонахъ поднимаетъ на смѣхъ Гудовича, вышучиваетъ его старческіе недостатки и даже передразниваетъ его жесты и гримасы къ шумному удовольствію публики.

Въ то же время онъ переписывается съ Екатериной Павловной и въ эти письма также включаетъ разные щелчки по адресу Гудовича, быть можетъ, съ тѣмъ расчетомъ, что соотвѣтствующія мѣста писемъ могутъ быть показаны кому слѣдуетъ. Шутки надъ Гудовичемъ перемежаются здѣсь съ другими весьма знаменательными сообщеніями, въ которыхъ Ростопчинъ явнымъ образомъ старается дать понять, какія важныя государственныя услуги могъ бы онъ оказать по части уловленія крамолы. Такъ, въ письмѣ, отправленномъ въ Тверь въ апрѣлѣ 1810 г., *) Ростопчинъ сообщаетъ, что къ своему пріѣзду въ Тверь онъ заготовитъ для великой княгини „исторію сословія мартинистовъ въ Россіи, имѣя всѣ нужныя для сего свѣдѣнія **); тайное сіе общество,—пишетъ далѣе Ростопчинъ,—бывъ разсѣяно при Екатеринѣ, возстало было на минуту при Павлѣ, но нынѣ явно господствуетъ и достигаетъ безопасно до своей цѣли, увѣря государя въ своемъ ничтожествѣ“. Послѣ этихъ строкъ идутъ шутливыя сообщенія о концертахъ, театральныхъ новинкахъ и московскихъ „каналь-

*) Русскій Архивъ, 1876 г., т. I, стр. 374—375.

**) Эта „Записка о мартинистахъ“ дѣйствительно была составлена. Она напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1875 г., III, стр. 75.

скихъ модныхъ французскихъ лавкахъ". А затѣмъ Ростопчинъ добирается и до Гудовича. „Графъ Иванъ Васильевичъ,—пишетъ Ростопчинъ,—дѣлаетъ противное калифу Гарунъ-аль-Рашиду, которому всякое утро напоминали для униченія, что онъ—человѣкъ. А нашему, хотя онъ и не вантрилокъ, но собственный утробный гласъ кричитъ ежесекундно: „ты—фельдмаршалъ Гудовичъ! графъ! главный! грозный! герой!" Посему извольте себѣ представить, какъ онъ милъ для просителей и посѣтителей..."

Въ этихъ усиліяхъ прошло около трехъ лѣтъ. Съ началомъ Отечественной войны представилась дѣйствительная надобность смѣнить престарѣлаго Гудовича и замѣстить его постъ болѣе энергичнымъ человѣкомъ. Тогда Екатерина Павловна со всей настойчивостью стала выдвигать передъ братомъ кандидатуру Ростопчина. Александръ долго упирался. Ему попрежнему было трудно побѣдить въ себѣ предубѣжденіе противъ этого человѣка. „Вѣдь онъ даже и не военный,—возражалъ Александръ,—а московскому главнокомандующему присвоенъ военный мундиръ!" „Это дѣло портного", бросила въ отвѣтъ великая княгиня. Въ концѣ-концовъ Александръ долженъ былъ признать, что по обстоятельствамъ момента важно было поставить во главѣ Москвы лицо, особенно популярное въ общественномъ мнѣніи. Со времени изданія своего памфлета Ростопчинъ считался наиболѣе яркимъ представителемъ противофранцузской партіи, и это обстоятельство рѣшило его выборъ. Въ маѣ 1812 года Ростопчинъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и вслѣдъ затѣмъ состоялось его назначеніе московскимъ главнокомандующимъ. Вскорѣ послѣ этого назначенія совершилось паденіе Сперанскаго. Молва приписывала Ростопчину дѣятельное участіе въ подготовкѣ этого событія. По рукамъ ходило письмо, якобы представленное Александру отъ имени „Ростопчина и всѣхъ москвичей" съ требованіемъ удаленія Сперанскаго. Мы совершенно согласны съ А. Поповымъ, который считаетъ это письмо фальсификаціей

на томъ основаніи, что тамъ многіе факты переданы такимъ образомъ, какъ Ростопчинъ ни за что ихъ не передалъ бы. *) Что Ростопчинъ сочувствовалъ паденію Сперанскаго, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Врядъ ли можно повѣрить словамъ самого Ростопчина о томъ, что это событіе явилось для него полной неожиданностью: вѣдь теперь уже совершенно доказано, что паденіе Сперанскаго въ значительной мѣрѣ было подготовлено тверскимъ кружкомъ Екатерины Павловны, съ которымъ Ростопчинъ былъ такъ тѣсно связанъ. Но, повидимому, на долю Ростопчина при этомъ дѣйствительно не досталось никакой активной роли, и общественная молва приписала ему такую роль лишь по соображеніямъ вѣроятія, а не по несомнѣннымъ фактическимъ даннымъ.

Назначеніе Ростопчина вызвало противоположныя чувства въ общественныхъ кругахъ Москвы. Клевреты Ростопчина, какъ Булгаковъ, Брокеръ, Оденталь въ Петербургѣ, **) конечно, ликовали. Бестужевъ-Рюминъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ въ своихъ „Запискахъ“: ***) „лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце у меня облилось кровью, какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго“. Можетъ быть, впрочемъ, настроеніе того времени окрасилось въ памяти Бестужева въ такой очень ужъ мрачный цвѣтъ въ связи съ послѣдующими его столкновеніями съ Ростопчинымъ. Вигель утверждаетъ, что большинство было обрадовано этимъ назначеніемъ, хотя не надолго, а Волкова, впослѣдствіи одобрявшая первые шаги Ростопчина въ роли главнокомандующаго, при его назначеніи писала: „пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ; надо признаться, что онъ и

---

*) А. Поповъ: „Эпизоды изъ исторіи 1812 г.“, Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

**) Русскій Архивъ, 1867 г., № 11; Русская Старина, 912 г., май.

***) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“, 1859 г., кн. 2.

не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ". *)

Эти разнообразные отзывы можно свести къ нѣкоторому единству, предположивъ, что и среди тѣхъ круговъ, которые сочувствовали направленію Ростопчина и потому могли только привѣтствовать его назначеніе, было не мало людей, не чувствовавшихъ къ Ростопчину личной симпатіи: одни были задѣты его колкимъ языкомъ, другимъ не нравились его развязныя выходки противъ старика Гудовича.

Дѣятельности Ростопчина на посту московскаго главнокомандующаго я пока не буду касаться. Намъ придется остановиться на ея главнѣйшихъ эпизодахъ ниже, въ связи съ анализомъ политическаго міровоззрѣнія Ростопчина. Въ это время развернулись со всею ясностью и черты его характера, и особенности его убѣжденій. Самъ Ростопчинъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ государственныхъ заслугахъ въ эпоху Отечественной войны. Онъ со всею серьезностью утверждалъ, что именно его дѣятельности обязана Европа сокрушеніемъ могущества Наполеона. Въ письмѣ къ императору Александру отъ 2 декабря 1812 г. онъ писалъ: „во всѣ времена мое честолюбіе состояло лишь въ томъ, чтобы снискать вашу довѣренность; я былъ ею облеченъ и спасъ имперію." **) Такого рода заявленія Ростопчинъ расточалъ направо и налѣво. ***) Онъ любилъ ссылаться при этомъ на ту широкую популярность, которую его имя снискало себѣ въ Западной Европѣ послѣ 1812 года. Дѣйствительно, въ проявленіяхъ такой популярности не было недостатка. Въ Кенигсбергѣ носили чепчики à la Rostopchine. Всюду выставлялись его портреты. Въ Лондонѣ именемъ Ростопчина называли лошадь взявшую первый призъ на скачкахъ. Появилась въ продажѣ

---

*) Русскій Архивъ, 1872 г., № 12.

**) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

***) См., напримѣръ, его письмо къ управляющему его имѣніями. Русскій архивъ, 1864 г., № 4.

„ростопчинская водка“ и т. д., и т. д. Интересно отмѣтить при этомъ, что Ростопчинъ не прочь былъ и съ своей стороны принимать нѣкоторыя мѣры къ муссированію своей популярности за границей. Такъ, напримѣръ, въ 1814 г. онъ просилъ Семена Воронцова посодѣйствовать тому, чтобы городъ Лондонъ оказалъ ему какую-нибудь почесть. „Вы мнѣ высказываете, любезный графъ, что были бы польщены какимъ-либо выраженіемъ вниманія со стороны города Лондона“, пишетъ Воронцовъ Ростопчину отъ 7 іюня 1814 г. Воронцовъ отклонилъ это порученіе, сославшись на то, что онъ по старости и болѣзненному состоянію отстранился отъ общества и ведетъ совершенно уединенную жизнь. Чтобы утѣшить Ростопчина, онъ прибавляетъ, что управленіе Лондона находится въ рукахъ совѣта, избираемаго цехами, гдѣ преобладаетъ чернь, и потому вовсе не лестно было бы получить знаки отличія отъ такого учрежденія. *)

Какъ бы то ни было комплиментами заграничнаго происхожденія и ограничился тріумфъ Ростопчина. У себя дома ему приходилось довольствоваться восторгами однихъ только близкихъ пріятелей и клевретовъ. Громадное большинство общества возненавидѣло Ростопчина за его дѣятельность въ качествѣ правителя Москвы въ 1812 году. Лонгиновъ писалъ Семену Воронцову отъ 22 февраля 1813 г.: „у Ростопчина нѣтъ ни одного друга въ Москвѣ и тамъ его каждый день клянутъ всѣ. Даже народъ ненавидитъ его теперь въ такой же степени, какъ былъ раньше имъ возбужденъ. Я получилъ сотни писемъ изъ Москвы и видѣлъ много людей, пріѣхавшихъ оттуда: о Ростопчинѣ существуетъ только одно мнѣніе“. **)

Самъ Ростопчинъ приписывалъ эту ненависть исключительно тому, что москвичи сдѣлали его козломъ отпущенія за понесенныя ими матеріальныя потери при пожарѣ Москвы. Несомнѣнно, что этотъ мотивъ игралъ большую роль въ возбу-

*) Русскій Архивъ, 1872 г.

**) Русскій Архивъ, 1912 г.

жденіи противъ Ростопчина. Но онъ не былъ единственнымъ. Люди, совершенно не заинтересованные, не понесшіе личныхъ потерь и даже готовые отдавать справедливость Ростопчину тамъ, гдѣ это было возможно, тѣмъ не менѣе отвернулись отъ него въ это время съ чувствомъ нравственной брезгливости. Рѣшающую роль сыгралъ въ этомъ случаѣ возмутительный поступокъ Ростопчина съ несчастнымъ Верещагинымъ. Это событіе возбудило одинаково и негодованіе общества, и гнѣвъ государя. Среди различныхъ условій, подготовившихъ опалу Ростопчина, казнь Верещагина занимала, по нашему мнѣнію, главное мѣсто.

Въ моментъ занятія Москвы французами Ростопчинъ присоединился къ арміи Кутузова и состоялъ при ней во время знаменитаго флангового движенія съ рязанской дороги на калужскую. Среди этого движенія онъ сдѣлалъ „эфектный жестъ“, предавъ огню свою Вороновскую усадьбу, чтобы она не досталась врагамъ. Затѣмъ онъ принялся поносить Кутузова и въ письмахъ къ государю изображать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ состояніе арміи. Онъ еще не подозрѣвалъ, что вмѣсто обвиненія другихъ въ глазахъ императора ему пора было подумать о самооправданіи. Черезъ нѣкоторое время онъ демонстративно оставилъ армію и поселился во Владимірѣ, гдѣ собралось въ то время большое общество московскихъ бѣглецовъ. Здѣсь Ростопчина уже начали посѣщать заботы о собственномъ положеніи. Французы очистили Москву; Ростопчинъ въ качествѣ московскаго главнокомандующаго долженъ былъ вернуться въ столицу.

Послѣ всего происшедшаго ему было очень важно при возобновленіи фактическаго начальствованія надъ Москвой заручиться одобреніемъ своихъ дѣйствій со стороны государя. Между тѣмъ, Александръ молчалъ Это былъ тревожный знакъ. Еще изъ Владиміра, 13 октября 1812 г. Ростопчинъ написалъ государю: „я еще очень слабъ, но дня черезъ три или четыре отправлюсь въ Москву. Ничего не знаю, государь,

каково ваше мнѣніе на мой счетъ. Вы не изволили мнѣ сказать о томъ ни слова". Не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, Ростопчинъ написалъ уже изъ Москвы еще нѣсколько писемъ государю и, наконецъ, 7 ноября обратился къ Александру съ просьбой разрѣшить ему пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій. Только послѣ этого получился отвѣтъ. Александръ писалъ: „я былъ бы вполнѣ доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при этихъ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, если бы не дѣло Верещагина или, вѣрнѣе, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее не слѣдовало производить подобнымъ образомъ. Повѣсить или разстрѣлять было бы лучше". *)

Между строкъ этого письма Ростопчинъ не могъ не прочесть предвозвѣщенія конца своей служебной карьеры. Правда, онъ еще въ теченіе двухъ лѣтъ оставался на посту московскаго главнокомандующаго. Но то была лишь своего рода агонія. Участь Ростопчина въ душѣ Александра была рѣшена. А рѣзкія, самовластныя и нерѣдко жестокія распоряженія Ростопчина, возбуждавшія всеобщія противъ него жалобы, только способствовали ускоренію развязки. Летучіе слухи, исходившіе изъ малоосвѣдомленныхъ круговъ, пророчили порой дальнѣйшее возвышеніе Ростопчину. Такъ, Лонгиновъ писалъ Семену Воронцову отъ 10 августа 1813 г., что по слухамъ вскорѣ предстоитъ отставка Румянцева, „пока совсѣмъ не знаютъ, кого назначатъ на его мѣсто; мѣсяцъ тому назадъ называли графа Ростопчина, котораго въ Москвѣ долженъ замѣнить Горчаковъ, но это былъ слухъ заглохшій, какъ много другихъ, и все остается въ неизвѣстности". **)

На самомъ дѣлѣ дни служебной карьеры Ростопчина были

*) Русскій Архивъ. 1892 г., т. II; Русская Старина, 1893 г., т. 77.

**) Русскій Архивъ, 1912 г.

сочтены. Въ іюнѣ 1814 г. Ростопчинъ устроилъ въ Москвѣ пышныя празднества въ честь занятія Парижа союзными войсками и заключенія мира. 25 іюля въ Москву прибылъ государь. Ростопчинъ былъ принятъ имъ весьма холодно. „Когда я видѣлъ императора,—сообщилъ Ростопчинъ въ письмѣ къ женѣ,—и обѣдалъ съ нимъ, онъ говорилъ со мною только о безразличныхъ вещахъ; подожду еще недѣлю и потомъ испрошу аудіенцію, чтобы получить приказанія насчетъ чрезвычайныхъ суммъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, и попросить полной отставки". 30 августа 1814 г. состоялось увольненіе Ростопчина отъ должности московскаго главнокомандующаго съ назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. Послѣднее назначеніе было чисто титулярнымъ, и съ этого момента Ростопчинъ уже до конца жизни фактически превратился въ партикулярнаго человѣка.

Въ 49 лѣтъ для Ростопчина жизнь кончилась. Началось „житіе". Сегюръ пишетъ, что сознаніе ненависти, скопившейся около его имени, дѣлало для Ростопчина невыносимымъ пребываніе въ Москвѣ, а явная немилость государя отягощала для него существованіе и вообще въ предѣлахъ Россіи. Сначала онъ бодрился и, переѣхавъ въ Петербургъ, пробовалъ попрежнему беззаботно шутить. Передъ нами его письмо къ Д. И. Киселеву (отцу графа П. Д. Киселева) отъ 23 февраля 1815 г. изъ Петербурга. Здѣсь онъ пишетъ: „мы живемъ спокойно и весело", и прилагаетъ къ письму затѣйливо-шуточную приписку къ женѣ Киселева. Однако, тутъ же говорится: „я съ безпокойствомъ вижу приближеніе апрѣля мѣсяца и рѣшительно ѣду къ водамъ одинъ, оставляя своихъ, съ коими столь рѣдко и на короткое время разлучался". *) Начинается странствіе по заграничнымъ курортамъ для лѣченія ревматизмовъ, а затѣмъ Ростопчинъ и совсѣмъ переселяется за границу, вмѣстѣ съ семьей.

*) Русскій Архивъ, 1863 г., № 12.

Въ 1815 г. онъ совершилъ первое путешествіе на воды въ Теплицъ и оттуда въ Пирмонтъ. Сохранились его письма къ женѣ изъ этой поѣздки. Въ нихъ много говорится о молитвенномъ настроеніи Ростопчина. „Я молюсь Богу съ жаромъ, надеждой и раскаяніемъ", —пишетъ онъ, сообщая при этомъ, что онъ постоянно держитъ при себѣ Новый Завѣтъ и ежедневно его читаетъ. По свидѣтельству Варнгагена, Ростопчинъ въ этотъ періодъ своей жизни по вечерамъ, съ наступленіемъ темноты, часто бывалъ охвачиваемъ страшнымъ волненіемъ. Призракъ окровавленнаго Верещагина вставалъ передъ его глазами и наполнялъ его душу такимъ ужасомъ, что онъ не могъ удержаться отъ криковъ; въ такомъ положеніи его застали однажды лакеи, прибѣжавшіе на его крикъ. Сегюръ, отрицающій виновность Ростопчина въ дѣлѣ Верещагина, объявляетъ это сообщеніе Варнгагена несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Я не вижу особенной надобности настаивать на правильности этого разсказа Варнгагена, но долженъ замѣтить, что 1) Варнгагену не было никакой нужды въ этомъ случаѣ измышлять факты; 2) этотъ разсказъ, вопреки мнѣнію Сегюра, не только не противорѣчитъ вышеупомянутымъ письмамъ Ростопчина къ женѣ, но, наоборотъ, какъ разъ согласуется съ выраженнымъ въ этихъ письмахъ настроеніемъ покаянія и раскаянія.

Въ 1816 г. Ростопчинъ опять уѣхалъ за границу, на этотъ разъ—почти на весь остатокъ своей жизни: онъ вернулся въ Россію лишь за два года до смерти. Онъ отправился сначала въ Карлсбадъ на лѣченіе водами, потомъ черезъ Штутгартъ и Франкфуртъ... въ Парижъ. И для этого безудержнаго проклинателя французскаго племени Парижъ оказался въ концѣ-концовъ такой же Меккой, какъ и для всѣхъ русскихъ баръ, вскормленныхъ на традиціяхъ XVIII столѣтія. Отъ этого года мы также имѣемъ рядъ писемъ Ростопчина къ женѣ, опубликованныхъ Сегюромъ. По этимъ письмамъ можно прослѣдить, какъ первоначально подавленное настроеніе Ростопчина мало-

по-малу улучшается по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ цѣлебной духовной атмосферѣ столь ненавидимой имъ ранѣе Франціи. На пути изъ Россіи въ Карлсбадъ онъ то и дѣло пишетъ женѣ о томъ, что его держатъ въ своей власти черныя мысли. „Что у меня бываютъ удушья, проходящія со слезами“; „люди живые и мертвые меня не интересуютъ“— подобными замѣтками пестрятъ эти письма. Однако, уже изъ Карлсбада онъ начинаетъ писать не только о мрачныхъ мысляхъ, но и о живыхъ людяхъ, его окружающихъ, причемъ снова на поверхность выплываетъ его колкая, насмѣшливая наблюдательность. „Графиня Зичи говоритъ въ носъ и хочетъ казаться ученой женщиной; у нея видъ умирающей королевы, диктующей послѣднюю волю“; „дамы на водахъ по наружности и повадкѣ зависятъ отъ ранга... дама, водящая за руку ребенка, считается добродѣтельной матерью; дама, которая кричитъ и говоритъ съ жаромъ, признается патріоткой“ и т. д. Осенью Ростопчинъ былъ въ Штутгартѣ и Франкфрутѣ-на-Майнѣ и оттуда собрался въ Парижъ. „Соблюдая аппарансы“, онъ изъ Франкфурта еще писалъ Семену Воронцову 4 октября: „жертвую вамъ Италіей и отправляюсь въ Парижъ. Прошу васъ заранѣе имѣть въ виду, что только вы одинъ привлекаете меня туда, ибо не только у меня нѣтъ охоты видѣть этотъ городъ, но испытываю даже какое-то отвращеніе отъ мысли, что мнѣ предстоитъ туда ѣхать“. *)

Но стоило ему переѣхать французскую границу, и сейчасъ же дало себя знать сердце истиннаго русскаго барина, какъ магнитная стрѣлка къ сѣверу, всегда и несмотря ни на что тяготѣющее къ Парижу. Первое его письмо изъ Парижа къ женѣ такъ и дышитъ радостью школьника, вырвавшагося изъ карцера въ рекреаціонную залу. „Я употребилъ 4 дня на переѣздъ изъ Страсбурга въ Парижъ... дороги превосходныя, хотя и покрытыя водой. Прекрасная почта! Распрягаютъ и запрягаютъ въ десять минутъ безъ предварительнаго заказа ло-

*) „Архивъ Воронцова“ т. VIII, стр. 321.

щадей... я отъ чистаго сердца заключилъ миръ съ французами. У себя дома они совсѣмъ иные, нежели внѣ своей страны". Далѣе слѣдуютъ восторги передъ французской вѣжливостью. „Крестьяне, нищіе, почталіоны говорятъ вамъ премилыя вещи, совершенно естественно... со времени моего прибытія сюда я не слышалъ даже намека на грубость" и т. д.

Пріѣздъ Ростопчина тотчасъ былъ замѣченъ парижанами, которые немедленно начали съ увлеченіемъ носиться съ столь неожиданнымъ гостемъ. Въ 1817 г. Ростопчинъ явился пикантной новинкой парижскаго сезона, и поднявшаяся около него суета, подстрекаемая всеобщимъ любопытствомъ, тѣшила его честолюбивое сердце, проливала цѣлительный бальзамъ на его душевныя раны. Газеты немедленно возгласили пріѣздъ Ростопчина. „Болѣе двадцати лицъ,—пишетъ Ростопчинъ женѣ,— совершенно мнѣ незнакомыхъ, выразили желаніе повидать меня... я видѣлъ г-жу Свѣчину, и она назвала мнѣ дюжину лицъ, которыя умоляли ее залучить меня къ ней... я возбудилъ интересъ подобно морскому чудовищу или слону; удивились, найдя во мнѣ человѣка простого, добродушнаго и въ достаточной мѣрѣ оригинальнаго; ко мнѣ относятся съ уваженіемъ, и я благодаренъ"... Парижская толпа прозвала Ростопчина кратко: „губернаторомъ", и спѣшила поглазѣть на него всюду, гдѣ онъ появлялся. Онъ началъ посѣщать театръ Варьете, и благодаря этому въ кассѣ театра сразу поднялись сборы. Посыпались приглашенія на обѣды и вечера. Сегюръ утверждаетъ, что Ростопчинъ, хотя и не остался равнодушнымъ къ этой популярности, но не далъ себя увлечь шумихой парижской жизни и скоро ограничилъ выѣзды самымъ тѣснымъ кругомъ знакомыхъ, бывая преимущественно въ салонѣ старой графини Вадемонъ. Къ 11 часамъ,—говоритъ Сегюръ,—онъ ежедневно бывалъ уже въ постели. Самъ Ростопчинъ въ письмахъ къ женѣ тоже изображаетъ свой образъ жизни въ это время, какъ существованіе разочарованнаго мудреца. „Парижъ,—пишетъ онъ,—открываетъ много удовольствій для молодыхъ л ю

дей, для новичковъ въ обществѣ и для свинообразныхъ представителей человѣческаго рода. Но я не принадлежу ни къ одной изъ этихъ категорій. Спектакль не имѣетъ для меня никакой притягательности, я дважды видѣлъ Тальма̀, дважды видѣлъ Марсъ и не имѣю никакой охоты снова смотрѣть ихъ, хотя и отдаю полную справедливость ихъ таланту, превосходящему все, что я видѣлъ до сихъ поръ. Двухъ балетовъ было для меня достаточно, чтобы перестать ходить въ Оперу. Я часто бываю въ Варье́те́, гдѣ Потье и Бруне разыгрываютъ фарсы, это очень забавно, но нельзя всегда быть расположеннымъ смѣяться надъ фарсами. Я хожу туда, потому что абонированъ на ложу съ англійскимъ, испанскимъ, прусскимъ и нидерландскимъ посланниками. Въ углу ложи стоитъ диванъ, и я часто въ теченіе всего представленія занимаюсь на немъ разговорами". На-ряду съ описаніемъ своего благонравія Ростопчинъ наполняетъ письма изліяніями любви къ семьѣ.

У насъ есть, однако, свѣдѣнія о томъ, что въ этихъ письмахъ картина жизни Ростопчина въ Парижѣ рисуется не съ полною точностью. Какъ разъ въ 1817 г. въ Парижѣ былъ Вигель и видѣлъ тамъ Ростопчина. Вотъ что онъ записалъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Не уважая и не любя французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 1812 г., Ростопчинъ жилъ безопасно между ними, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ и со стороны собиралъ свѣдѣнія. Наблюденія его и сужденія, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію... Совсѣмъ не схожій съ Ростопчинымъ другой недовольный—Чичаговъ—сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю, могутъ ли парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди въ ихъ стѣнахъ, какъ не въ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ себѣ все дозволеннымъ. Разъ получилъ я,—продолжаетъ Вигель,—отъ Рос-

топчина приглашеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, приготовленнымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль. Это была настоящая маркиза, не выдуманная. Но не только Сенъ-Жерменское предмѣстье, а всѣ порядочныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Къ ней Чичаговъ взялся представить Калліархи, а Ростопчинъ съ С. и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай, какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Мнѣ больно было видѣть русскихъ вельможъ, которые, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я нашелъ предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. Калліархи былъ у Ростопчина домашнимъ буффономъ, С.—-весьма полезнымъ вѣстовщикомъ. Я же, кажется, ни на что не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благосклонности, я думаю, отъ того что я всегда съ жадностью слушалъ его умныя рѣчи. На прощаніе онъ подарилъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма схожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки
Сижу, поджавши руки". *)

Очень можетъ быть, что забавное похожденіе, упоминаемое Вигелемъ, не носило такого предосудительнаго характера, какъ это желаетъ представить Вигель, но во всякомъ случаѣ, приведенная страничка изъ воспоминаній Вигеля важна для насъ, какъ нѣкоторый корректив къ тому возвышенно великопостному тону, съ какимъ самъ Ростопчинъ говорилъ въ письмахъ къ семьѣ о своей жизни въ Парижѣ.

Весною 1817 г. Ростопчинъ переѣхалъ въ Баденъ. И здѣсь его появленіе вызвало сенсацію. По свидѣтельству Варнгагена, „имя Ростопчина затмило всѣ другія. Его личность, въ которой находили соединеніе всевозможныхъ противоположностей, привлекала вниманіе всѣхъ".

*) „Воспоминанія Вигеля", т. V, стр. 132—134.

Къ осени къ Ростопчину въ Парижъ пріѣхала и его семья, и они основались тамъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Ростопчинъ продолжалъ вращаться въ парижскомъ высшемъ свѣтѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за политической и общественной жизнью Франціи и плоды своихъ наблюденій сообщалъ въ интересныхъ письмахъ къ Семену Воронцову. Затѣмъ онъ свелъ эти наблюденія воедино въ обширной запискѣ, которую онъ отправилъ къ императору Александру передъ своимъ возвращеніемъ въ Россію въ 1823 г. Записка называлась—„Картина Франціи". И эти письма, и эта записка послужатъ намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи важнымъ матеріаломъ для характеристики міровоззрѣнія Ростопчина. Кромѣ того, онъ написалъ въ эти же годы свою извѣстную брошюру—„Правда о пожарѣ Москвы".

Помимо этихъ литературныхъ занятій, онъ заполнялъ свой невольный обширный досугъ собираніемъ библіотеки и картинной галлереи. Въ письмахъ къ Воронцову онъ то и дѣло упоминаетъ о пріобрѣтеніи книгъ и картинъ. *)

Ни разсѣянія свѣтской жизни, ни кабинетныя занятія, ни семейныя радости—въ Парижѣ онъ выдалъ замужъ двухъ дочерей—не могли вернуть Ростопчину довольства своимъ существованіемъ. Какъ ни какъ, жизнь его была разбита, онъ чувствовалъ себя рыбой, выброшенной на берегъ. Никакихъ перспективъ не открывалось передъ нимъ ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. И настроеніе разочарованности и хандры часто окрашиваетъ его пріятельскія посланія къ Воронцову. Въ концѣ декабря 1819 г. онъ пишетъ, напримѣръ: „я прошелъ съ неизмѣнной порывистостью своего характера чрезъ всѣ обольщенія жизни; я испыталъ всѣ роды любви, всѣ виды безумствъ: я увлекался любовью къ женщинамъ, къ почестямъ, къ общественнымъ хваламъ, къ отечеству, и результатомъ всѣхъ этихъ жертвъ было превращеніе моей лич-

*) „Архивъ Воронцова", т. VIII, стр. 357—358, 379, 449, 483, 504 и друг.

ности въ складъ болѣзней, въ вмѣстилище скуки и мнительности и существованіе, близкое къ ничтожеству. Не великъ былъ списокъ моихъ друзей. Но вслѣдствіе смертей и другихъ обстоятельствъ я все вычеркивалъ и вычеркивалъ изъ него, и вотъ теперь въ немъ уже не болѣе четырехъ именъ"... *)

Наконецъ, его потянуло на родину. Не задолго передъ тѣмъ, какъ покинуть Парижъ, онъ написалъ старшей дочери: „Ты хорошо дѣлаешь, что любишь родину... всегда нужно кончить возвращеніемъ на родину, чтобы умереть тамъ, если на то будетъ воля Божія. Можно странствовать по свѣту для своего удовольствія, образованія или здоровья, и все-таки внутренній голосъ скажетъ намъ: иди кончать жизнь тамъ, гдѣ ты ее началъ" (Сегюръ).

Ростопчинъ, дѣйствительно, ѣхалъ въ Россію умирать. Тѣ два года, которые онъ прожилъ на родинѣ, можно съ полнымъ правомъ назвать медленнымъ умираніемъ. Вернувшись въ свое Вороново, заново отстроенное послѣ 12-го года, Ростопчинъ написалъ тамъ воспоминанія о событіяхъ Отечественной войны. Къ зимѣ 1823 г. онъ переѣхалъ въ Москву въ свой домъ на Лубянкѣ. Здѣсь къ нему пришла полная отставка отъ службы. Вскорѣ затѣмъ безнадежно занемогла его младшая дочь. Въ мартѣ 1824 г. чахотка унесла въ могилу молодую дѣвушку. Это окончательно сломило Ростопчина. Его здоровье стало быстро разрушаться. Къ концу 1825 г. онъ уже стоялъ одной ногой въ могилѣ. Онъ еще продолжалъ отзываться на текущія событія раздраженно-колкими замѣчаніями. Такъ, послѣ катастрофы 14 декабря 1825 г. въ обществѣ быстро распространилось его извѣстное bon mot: „до сихъ поръ революціи дѣлались сапожниками, желавшими стать важными господами, а тутъ—революцію пытались совершить важные господа, чтобы сравняться съ сапожниками". Эти шутки произносились уже умирающими устами. Водянка быстро дѣлала свое дѣло. Въ послѣдній разъ онъ съ усиліемъ

*) „Архивъ Воронцова", т. VIII, стр. 472.

поднялся съ постели, чтобы у себя на дому принести присягу императору Николаю Павловичу. Послѣ этого онъ приказалъ подать шампанское и въ кругу домочадцевъ провозгласилъ тостъ за новаго государя. 30 января 1826 г. его не стало. Онъ умеръ 60 съ лишнимъ лѣтъ, и согласно его желанію, былъ похороненъ безъ всякой помпы на Пятницкомъ кладбищѣ. Въ различные моменты жизни онъ много разъ сочинялъ эпитафіи для своего будущаго надгробнаго памятника. Въ концѣ-концовъ онъ пожелалъ, чтобы надгробный камень надъ его прахомъ былъ украшенъ слѣдующей надписью:

Среди своихъ дѣтей
Я отдыхаю отъ людей

Эта надпись, дѣйствительно помѣщенная надъ его могилой, вѣрно выразила итогъ его жизни. Общеніе съ людьми не принесло ему отрады. Задолго до смерти онъ былъ обреченъ на полное почти духовное одиночество. Онъ не могъ не чувствовать своего положенія: слишкомъ сгущена была вокругъ его имени атмосфера негодованія и злобы. И можетъ быть, наиболѣе тяжкой чертой такого существованія являлось то обстоятельство, что въ глубинѣ души, въ самыхъ сокровеннѣйшихъ изгибахъ молчаливыхъ помышленій онъ долженъ былъ признавать суровый судъ людей надъ своей личностью не лишеннымъ вѣскихъ основаній. Люди отринули его не потому, что онъ остался непризнаннымъ и непонятымъ. Какъ разъ наоборотъ: своими поступками онъ слишкомъ ясно обнаружилъ передъ свѣтомъ сущность своей личности и слишкомъ больно далъ почувствовать многимъ ея отрицательныя стороны.

Мы обозрѣли внѣшнія рамки біографіи Ростопчина. Теперь мы можемъ перейти къ изученію внутренняго смысла дѣятельности этого человѣка и попытаться опредѣлить тотъ общественный типъ, выраженіемъ котораго явилась его личность. Быть можетъ, это разсмотрѣніе покажетъ намъ, что

„ростопчинскій духъ“ надолго пережилъ того человѣка, біографію котораго мы только что разсказали, что, и покоясь въ могилѣ въ теченіе вотъ уже 86 лѣтъ, Ростопчинъ все еще не пересталъ быть духовнымъ современникомъ извѣстной категоріи общественныхъ дѣятелей нашихъ дней.

IV.

Моральныя свойства Ростопчина.

Въ своей повѣсти „Охъ, французы!“ Ростопчинъ, описывая смерть стараго дворянина, бывшаго образцомъ національныхъ русскихъ добродѣтелей, даетъ слѣдующее перечисленіе тѣхъ доблестей, которыя, по его мнѣнію, составляютъ сущность „истиннаго русскаго духа“: „страхъ Божій, любовь къ отечеству, почтеніе къ государю, состраданіе къ людямъ и уваженіе къ начальству“. Въ письмѣ къ императору Александру отъ 17 декабря 1806 г. Ростопчинъ указываетъ на то, что для сохраненія мощи государства необходимо пресѣкать въ корнѣ „толки мнимой вольности“, ибо всѣ проистекающія изъ такихъ толковъ возмущенія сводятся къ желанію черни „истребить дворянство“.

Итакъ, обязанность населенія - чтить начальство; задача начальства — охранять дворянство отъ буйной черни. Въ этихъ двухъ положеніяхъ для Ростопчина, какъ для политика, весь „законъ и пророки“. Ростопчинъ отъ младыхъ ногтей и до гроба былъ неуклоннымъ знаменосцемъ того „стараго порядка“, который въ Россіи достигъ окончательнаго завершенія въ царствованіе Екатерины II и существо котораго сводилось къ совмѣщенію политическаго абсолютизма съ соціальнымъ рабствомъ. Въ Россіи, сказалъ Сперанскій, крестьяне — рабы своихъ господъ, господа — рабы своихъ государей. Нельзя лучше выразить сущность политико соціальнаго строя Россіи того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя ярче формулировать государствен-

но-общественный идеалъ Ростопчина. Но для Ростопчина особенно характерно то, что эту идеологію всяческаго рабства онъ развертывалъ, какъ независимое общественно-политическое знамя. Въ этомъ его глубокое отличіе отъ другого выкормленника павловской Гатчины—Аракчеева. И Аракчеевъ стоялъ за рабье государственное міросозерцаніе. Но, будучи послѣдователенъ до конца, онъ разумѣлъ поръ рабьимъ повиновеніемъ полное отреченіе отъ духовной самостоятельности, полную готовность, не разсуждая и не прекословя, исполнять малѣйшее желаніе господина. Ростопчинъ носился, наоборотъ, съ фантастическимъ идеаломъ независимаго гражданина, исповѣдующаго идеологію политическаго рабства и увлеченнаго этой идеологіей не за страхъ, а за совѣсть. Для Аракчеева воля господина была закономъ независимо отъ ея содержанія, ибо входить въ ея разсмотрѣніе и оцѣнку значило бы въ его глазахъ переступать границы того дѣйствительнаго повиновенія, которое составляетъ существо подлиннаго холопства. Хотя бы приказанія господина оказались взаимопротиворѣчивыми,— ихъ нужно исполнять, не обинуясь. Въ силу этого положенія Аракчеевъ могъ съ одинаковымъ рвеніемъ и насаждать каторжный режимъ въ военныхъ поселеніяхъ и составлять проекты объ отмѣнѣ крѣпостного права. Все зависѣло лишь отъ того, что̀ прикажутъ свыше. Дѣло холопа—техническое умѣніе выполнить каждый данный приказъ; идеи, принципы, убѣжденія—дѣло господина. Въ этой истинной холопьей философіи все какъ нельзя болѣе ясно и послѣдовательно. Напротивъ того, политическая программа Ростопчина вся пронизана противорѣчіями. Онъ не какъ холопъ, а какъ гражданинъ, настаиваетъ на порабощеніи общества, видя въ этомъ единственно спасительное начало государственной жизни. По его мнѣнію, общество должно стоять за политическое рабство въ странѣ не въ силу отказа отъ всякаго права на самостоятельныя сужденія о государственныхъ вопросахъ, а въ силу самостоятельнаго признанія того, что только политическимъ рабствомъ достигается об-

щественное благо. Согласно этой философіи общество не только должно безропотно подчиняться политическому безправію, но если бы самодержавный монархъ рѣшилъ дать ему политическія права, оно должно было бы требовать во имя общаго блага, чтобы его оставили на прежнемъ безправномъ положеніи, иначе говоря, въ этомъ случаѣ общество во имя принципа безправія, т.-е.—что то же—во имя безусловнаго повиновенія волѣ самодержавнаго монарха, должно было бы противиться этой волѣ и настаивать на своемъ правѣ быть безправнымъ. Ростопчинъ нигдѣ не формулировалъ такимъ именно образомъ этихъ положеній, логически вытекавшихъ изъ его воззрѣній. Всего вѣроятнѣе, что онъ самъ испугался бы подобныхъ выводовъ изъ его убѣжденій. И тѣмъ не менѣе только къ этимъ выводамъ и ни къ какимъ другимъ могъ привести тотъ строй мысли, за который онъ всегда стоялъ. Онъ всегда отстаивалъ необходимость политическаго рабства, претендуя въ то же время на независимость мысли и поведенія, которыя могутъ быть свойственны только свободнымъ гражданамъ. Но независимая общественная мысль по самой своей природѣ не можетъ превозносить политическое рабство, не впадая въ безвыходный кругъ самыхъ уродливыхъ противорѣчій. Ростопчинъ не становился лицомъ къ лицу съ такими самопротиворѣчіями по той лишь причинѣ, что русская жизнь того времени практически ихъ не подчеркивала: политическое безправіе общества стояла незыблемо, и Ростопчину въ этомъ отношеніи не приходилось вступать въ какой бы то ни было разладъ между теоріей и практикой. Но представимъ себѣ, что Александръ I дѣйствительно приступилъ бы къ осуществленію конституціонной реформы. Истинные конституціоналисты той поры, конечно, привѣтствовали бы свое превращеніе изъ холоповъ въ гражданъ и были бы только послѣдовательны. Аракчеевы, не сморгнувъ, стали бы конституціоналистами по приказанію начальства и тоже были бы вполнѣ послѣдовательны съ своей точки зрѣнія, предписывающей всякое приказаніе начальства безпрекословно исполнять.

Но въ какое положеніе попали бы Ростопчины въ моментъ перехода къ новому государственному строю?

Какъ бы они ни поступили, имъ во всякомъ случаѣ пришлось бы увязнуть въ безвыходныхъ самопротиворѣчіяхъ. Одно изъ двухъ: или они примирились бы съ исчезновеніемъ политическаго безправія общества,—это означало бы съ ихъ стороны отказъ отъ своего политическаго идеала, или они отказались бы признать дѣйствительность октроированной конституціи, отказались бы признать дѣйствительность того акта самодержавной воли монарха, который состоялъ въ отказѣ отъ самодержавія, и въ такомъ случаѣ они опять-таки стали бы въ противорѣчіе съ собственной идеологіей, но только съ другой стороны: во имя сохраненія чистоты самодержавія они стали бы бунтовщиками противъ самодержавнаго рѣшенія монарха ввести конституцію.

Все это не фантазія, не словесное только развитіе отвлеченныхъ возможностей. Мы, русскіе начала XX столѣтія, какъ разъ только что наблюдали подобное явленіе въ окружающей насъ дѣйствительности. Развѣ мы не видѣли въ наши дни „истинно-русскихъ монархистовъ", пытавшихся дать теоретическое объясненіе своему непризнанію основъ новаго строя и принужденныхъ ради этого договариваться до безнадежныхъ абсурдовъ вродѣ того, что „неограниченное самодержавіе имѣетъ границу", ибо „самодержавный монархъ не знаетъ ни о д н о г о ограниченія, к р о м ѣ о д н о г о: онъ не можетъ отказаться отъ своего самодержавія".

Все это мы слышали и читали еще совсѣмъ недавно, и вотъ, при свѣтѣ этихъ именно недавнихъ нашихъ впечатлѣній, Ростопчинъ, какъ представитель извѣстнаго общественнаго типа, и получаетъ въ нашихъ глазахъ особенный интересъ. Ростопчинъ—отдаленная эмбріональная форма современныхъ намъ истинно-русскихъ приверженцевъ самодержавія съ рабьей идеологіей, но съ крамольническимъ темпераментомъ, готовыхъ съ пѣною у рта отстаивать абсолютную власть монарха, но лишь

въ виду увѣренности въ томъ, что эта абсолютная власть можетъ служить не иначе, какъ интересамъ именно ихъ группы, по нѣмецкой формулѣ: „Der König absolut, wenn er unsern Willen thut“.

Въ Ростопчинѣ черты этого типа выражены еще слабо, намеками. Какъ я уже замѣтилъ, это объясняется тѣмъ, что въ условіяхъ русской жизни того времени не было еще многихъ данныхъ для полнаго развитія такого типа во всѣхъ его сторонахъ. Но личность Ростопчина тѣмъ и любопытна для интересующихся физіологіей русскаго общества, что въ ней мы получаемъ возможность наблюдать зачаточную завязь одной изъ тѣхъ формацій, которыя такъ рѣзко обозначились въ наши дни при новомъ сочетаніи политическихъ условій.

Если Ростопчинъ рѣзко и опредѣленно высказывался всегда противъ измѣненій въ существующемъ государственномъ строѣ, если онъ являлся „охранителемъ“ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, то его побуждало къ этому не желаніе поддѣлаться во что бы ни стало къ курсу правительственной политики. Онъ не отказался отъ охранительныхъ воззрѣній и въ тотъ періодъ, когда правительственный курсъ принялъ завѣдомо либеральное направленіе: въ дни всемогущества Сперанскаго, въ періодъ подготовки конституціонной реформы Ростопчинъ рѣшительно всталъ въ ряды консервативной оппозиціи. Я очень далекъ отъ представленія о Ростопчинѣ, какъ о рыцарѣ безъ страха и упрека. Онъ былъ, на самомъ дѣлѣ, преисполненъ человѣческихъ слабостей. Но при всѣхъ этихъ слабостяхъ ему все же не были чужды стремленія къ извѣстной духовной независимости.

Ростопчинъ былъ безпощаденъ къ своимъ врагамъ, и надо признать, что онъ готовъ былъ бороться съ ними не только въ честномъ открытомъ бою, но и при помощи интригъ самаго низменнаго сорта. Достаточно будетъ привести нѣсколько тому примѣровъ, чтобы для читателя стало ясно, какъ далекъ былъ Ростопчинъ отъ истиннаго величія души.

Еще въ самомъ началѣ служебной карьеры Ростопчина, при жизни Екатерины II, вскорѣ послѣ извѣстнаго уже намъ эпизода съ несостоявшеюся дуэлью Ростопчина съ Барятинскимъ, Завадовскій въ письмѣ къ Семену Воронцову такъ высказался о Ростопчинѣ: „Ростопчинъ—голова заносчивая... въ интригахъ придворныхъ его элементъ". *) Мы знаемъ не мало фактовъ, показывающихъ, что эти интриги нерѣдко пріобрѣтали характеръ настоящей жестокости по отношенію къ людямъ, которые почему-либо становились Ростопчину поперекъ жизненной дороги, причемъ эта жестокость выражалась въ большинствѣ случаевъ не въ открытыхъ дѣйствіяхъ, а въ разнаго рода ухищренныхъ подкопахъ изъ-за прикровенной засады. Когда въ царствованіе Павла Ростопчина постигла первая опала вслѣдствіе того, что онъ не поладилъ съ всесильной тогда партіей Нелидовой, онъ сумѣлъ и въ положеніи опальнаго подготовить паденіе вліянія Нелидовой, войдя для этого въ комплотъ съ Кутайсовымъ. У насъ есть опредѣленныя указанія на то, что именно рука Ростопчина руководила той интригой, въ результатѣ которой мѣсто Нелидовой при императорѣ Павлѣ заняла Лопухина. **) И какъ только этотъ будуарно-дворцовый переворотъ завершился, Ростопчинъ немедленно пожалъ его плоды. Опала съ него была снята, и онъ былъ осыпанъ еще бóльшими почестями, чѣмъ ранѣе. Переписка Ростопчина съ императоромъ Александромъ въ 1812 г. содержитъ въ себѣ рядъ любопытнѣйшихъ примѣровъ того, съ такимъ разсчитаннымъ искусствомъ умѣлъ Ростопчинъ забрасывать при удобномъ случаѣ камешки въ огородъ своихъ враговъ, чтобы мало-по-малу зачернить ихъ репутацію. Даже въ наиболѣе торжественные, патетическіе моменты великой національной опасности, когда, казалось, было уже не до мелочныхъ личныхъ счетовъ, Ростопчинъ не оставлялъ тактики мелкаго подсиживанія непріятныхъ ему лицъ и

*) „Арх. Вор." XII, стр. 167.

**) Кн Ад. Чарторижскій: „Мемуары", т. I.

въ свои донесенія монарху о дѣлахъ величайшей государственной важности постоянно вплеталъ разнаго рода намеки, кивки, шпильки съ очевидной личной подкладкой. 29 августа 1812 г. Ростопчинъ писалъ Александру изъ Москвы, уже объятой ужаснымъ волненіемъ въ виду безостановочнаго поступательнаго движенія Наполеона послѣ Бородинской битвы. Наскоро передаются въ этомъ письмѣ свѣдѣнія о неудачахъ съ Леппиховскимъ шаромъ и о пререканіяхъ съ сенаторами, которые не обнаруживали желанія безпрекословно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ Ростопчина. По письму видно, что Ростопчинъ писалъ его впопыхахъ, исполненный тревоги и мрачныхъ предчувствій. Но знаменательно, что даже и въ такой моментъ онъ не забываетъ снабдить свое письмо змѣинымъ шипомъ по очень прозрачному адресу. Письмо заканчивается словами: „я не перестану до конца служить вамъ и моему отечеству. Живой или мертвый,—не ослабну въ желаніи, чтобы вы распознали людей, которые, пользуясь вашимъ довѣріемъ, привели васъ на край пропасти своею глупостью, неспособностью и лукавствомъ". Этотъ элементъ личныхъ навѣтовъ еще болѣе усилился въ тѣхъ письмахъ Ростопчина къ государю, которыя онъ отправлялъ уже по занятіи Москвы французами. Присоединившись на время къ арміи, Ростопчинъ всецѣло присталъ къ разноголосому хору тѣхъ людей, которые въ это время старались всячески чернить Кутузова въ глазахъ государя. Ростопчинъ предался этому занятію съ особенной страстностью и выполнялъ его съ особеннымъ искусствомъ. Отъ 13 сентября онъ пишетъ изъ лагеря на Пахрѣ: „...уже четыре дня Кайсаровъ подписываетъ бумаги вмѣсто князя (т.-е. вмѣсто Кутузова), поддѣлываясь подъ его почерки, потому что князя никто не видитъ: онъ ѣстъ и спитъ цѣлый день. Бенигсенъ на всѣ лады имъ руководитъ". Вотъ образчикъ ядовитаго ростопчинскаго злословія, сразу попадающаго въ двѣ цѣли—и въ Кутузова, и въ Бенигсена: все идетъ плохо, и въ томъ виноваты и Кутузовъ, какъ ничего не дѣлавшій, и Бенигсенъ,

какъ истинный вдохновитель всѣхъ этихъ плохихъ операцій,— таковъ смыслъ пущенной Ростопчинымъ отравленной стрѣлы. На самомъ же дѣлѣ, какъ общеизвѣстно, между Кутузовымъ и Бенигсеномъ были крайне натянутыя отношенія и ни о какомъ подчиненіи Кутузова вліянію Бенигсена ни одинъ правдивый человѣкъ не могъ бы заикнуться... Въ своемъ злословіи Ростопчинъ не церемонился съ истиной. Чрезвычайно характерно въ интересующемъ насъ теперь отношеніи письмо Ростопчина отъ 19 сентября. Сначала идутъ жалобы на господствующее въ арміи мародерство, на неспокойное состояніе крестьянъ, на возможность бунтовъ, въ которыхъ выплывутъ на поверхность сокровенные „замыслы мартинистовъ". Затѣмъ начинаютъ, какъ горохъ, сыпаться краткія замѣтки объ отдѣльныхъ личностяхъ, и надо только удивляться умѣнію автора письма въ столь нимногихъ словахъ натворить столько зла непріятнымъ ему людямъ. Ростопчину достаточно одной фразы, чтобы нанести непоправимый вредъ репутаціи того, кого онъ рѣшилъ оцарапать уколомъ своего пера. Вотъ характерныя строки эгого письма:

„...Здѣсь есть люди, желающіе Палена. Но этотъ человѣкъ весьма опасенъ. По ненависти онъ предпочтетъ вашу гибель благу государства. Мнѣ не нравится, что Бенигсенъ покровительствуетъ полякамъ. Злодѣю, какъ Бонапартъ, нужны измѣнники. Вчера пріѣхалъ кн. Волконскій, какъ я предполагаю, чтобы прислужиться Кутузову; онъ сказалъ ему, что вы не особенно огорчились гибелью Москвы. Окружающіе фельдмаршала негодяи повторили это, такъ что все падетъ на вашу отвѣтственность и подтвердитъ возникшія сомнѣнія въ томъ, что столицу не защищали по вашему приказанію. Мнѣ думается, что этотъ кн. Волконскій, не дастъ вамъ точнаго понятія объ ужасномъ состояніи, въ которомъ находится армія". *) Кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ отношеніяхъ той поры, тотъ сразу увидитъ, съ какимъ тонкимъ искусствомъ

---

*) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

каждое изъ этихъ замѣчаній Ростопчина было разсчитано на самыя слабыя мѣста свойственной Александру подозрительности. Я привелъ три образчика изъ писемъ Ростопчина къ государю, рисующіе изворотливые пріемы ростопчинскаго интриганства. Но подобные примѣры можно было бы черпать изъ этой переписки цѣлыми пригоршнями.

Надо признать, что личные навѣты такого рода представляли собой еще наиболѣе невинныя проявленія человѣконенавистничества, на которое былъ способенъ Ростопчинъ. Когда нужно было свалить особенно непріятнаго врага, или гибелью ни въ чемъ неповиннаго человѣка вывести себя самого изъ критическаго положенія и замести слѣды собственныхъ ошибокъ,—въ такихъ случаяхъ Ростопчинъ отваживался не разъ на дѣйствія, которыя нельзя назвать иначе, какъ преступными.

Такіе термины, какъ подлогъ, вѣроломство, отреченіе отъ собственныхъ словъ, не будутъ слишкомъ сильными для характеристики этихъ дѣйствій. Въ извѣстномъ изданіи „Матеріалы для жизнеописанія Панина“ можно найти длинный рядъ тягчайшихъ обвиненій противъ Ростопчина, рисующихъ его нравственную личность въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Къ этимъ обвиненіямъ нужно, конечно, относиться съ большой осторожностью. Вѣдь Панинъ былъ заклятымъ врагомъ Ростопчина. Но нужно признать, что среди этихъ обвиненій есть нѣкоторыя—и притомъ наиболѣе серьезныя,—въ подтвержденіе которыхъ у насъ имѣются неопровержимыя документальныя доказательства. На нихъ-то я и остановлю сейчасъ вниманіе читателя. Я уже не разъ упоминалъ въ предшествующемъ изложеніи, что окончательная опала Ростопчина при Павлѣ была вызвана весьма предосудительнымъ образомъ дѣйствія павловскаго фаворита. Вотъ въ чемъ онъ заключался.

Панинъ занималъ при Павлѣ постъ вицеканцлера, т.-е. ближайшаго помощника Ростопчина по управленію коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Вслѣдствіе ряда рѣзкихъ столкновеній

съ Ростопчинымъ Панинъ былъ отставленъ отъ службы. Ростопчинъ не удовольствовался этимъ и искалъ случая окончательно погубить Панина. Что же предпринялъ онъ для этой цѣли? Ростопчинъ стоялъ тогда во главѣ управленія почтовыми учрежденіями. Это давало ему возможность сводить счеты съ своими соперниками при помощи перлюстраціи ихъ частной корреспонденціи. Панинъ былъ остороженъ и не давалъ повода уличить себя въ чемъ-нибудь этимъ путемъ.

Тогда Ростопчинъ не остановился передъ злостной фальсификаціей. На почтѣ было перехвачено какое-то письмо, въ которомъ находились сочувственныя строки о нѣкоемъ, не названномъ по имени, опальномъ вельможѣ: „я видѣлъ нашего Цинцината въ его помѣстьѣ“, сказано было въ этомъ письмѣ. Ростопчинъ тотчасъ представилъ письмо государю, заявивъ, что это письмо писано Панинымъ, а подъ лестнымъ наименованіемъ Цинцината въ немъ разумѣется кн. Репнинъ, незадолго передъ тѣмъ подпавшій подъ гнѣвъ государя. Павелъ распалился страшнымъ гнѣвомъ и повелѣлъ московскому главнокомандующему Салтыкову объявить Панину высочайшій выговоръ за то, что онъ позволяетъ себѣ восхвалять людей, заслужившихъ опалу монарха. Панинъ заявилъ Салтыкову, что онъ никогда никому не писалъ подобнаго письма. Объ этомъ заявленіи доложили императору. Полагаясь безусловно на Ростопчина, Павелъ принялъ отреченіе Панина отъ письма за величайшую дерзость и повелѣлъ, уличивъ Панина, сослать его въ деревню за 200 верстъ отъ Москвы. Въ это время къ Кутайсову явился дѣйствительный авторъ злополучнаго письма. То былъ нѣкто Приклонскій, служившій у Паниныхъ. Узнавъ въ Москвѣ, что изъ-за его письма, которое онъ писалъ Муравьеву, стряслась такая бѣда надъ неповиннымъ Панинымъ, Приклонскій имѣлъ благородство смѣло открыть свое авторство. Онъ прискакалъ въ Петербургъ и черезъ Кутайсова довелъ до свѣдѣнія государя, что авторъ письма—вовсе не Панинъ, а онъ—Приклонскій, а подъ Цин-

нинатомъ въ письмѣ разумѣется не кн. Репнинъ, а Панинъ. Ярость Павла не имѣла предѣловъ при полученіи этого извѣстія. „Ростопчинъ—чудовище,—сказалъ государь,—онъ хочетъ сдѣлать изъ меня орудіе своей личной мести; ну, такъ я же постараюсь, чтобъ она обрушилась на него самого“.

И Ростопчинъ въ тотъ же день очутился въ ямѣ, которую онъ готовилъ для Панина. Во всей этой исторіи особенно важны два обстоятельства: 1) Ростопчинъ не могъ не знать хорошо почерка Панина, находившись долгое время въ непосредственныхъ съ нимъ служебныхъ сношеніяхъ, и 2) по общему контексту письма Приклонскаго нельзя было не понять, что рѣчь въ немъ шла не о Репнинѣ, а о Панинѣ. Очевидно, такимъ образомъ, что Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этой исторіи съ обдуманнымъ злостнымъ намѣреніемъ, а вовсе не по какой-нибудь ошибкѣ. *)

Съ тѣмъ же Панинымъ позднѣе у Ростопчина разыгралась еще одна исторія, показывающая, что Ростопчинъ, смѣлый на злостные подлоги, способенъ былъ простирать свою трусость до лживаго отреченія отъ собственныхъ поступковъ и словъ, когда его требовали къ отвѣту и припирали къ стѣнѣ. По-

*) „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, т. V; Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III. Рожерсонъ въ письмѣ къ С. Воронцову отъ 22 февраля 1801 г. настаиваетъ на томъ, что истиннымъ источникомъ опалы Ростопчина послужила вовсе не эта исторія съ письмомъ, а размолвка Ростопчина съ Кутайсовымъ. Ростопчинъ позволилъ себѣ отпустить нѣсколько насмѣшливыхъ остротъ о любовницѣ Кутайсова Шевалье, и Кутайсовъ рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ погубить Ростопчина. Однако, и Рожерсонъ признаетъ, что письмо, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ, принадлежало Приклонскому. „Архивъ Воронцова“. т. XXX, стр. 129—130. Вяземскій, въ „Старой записной книжкѣ“ приводитъ и еще одинъ фактъ злостной поддѣлки Ростопчинымъ письма, на этотъ разъ съ цѣлью погубить своего врага почтъ-директора Пестеля. Въ этомъ поддѣльномъ письмѣ сообщалось о мнимомъ участіи Пестеля въ какомъ-то фантастическомъ заговорѣ. Вяземскій говоритъ, что слышалъ о томъ отъ Карамзина.—Вяземскій. „Сочиненія“, т. VIII, стр. 391—392,

дробный разсказъ объ этой исторіи, сопровожденный оправдательными документами, находимъ въ томѣ VII „Матеріаловъ для жизнеописанія Панина". Вкратцѣ дѣло сводилось къ слѣдующему.

Въ іюнѣ 1801 г. Ростопчинъ написалъ изъ Воронова первое письмо къ Семену Воронцову, послѣ продолжительнаго перерыва въ ихъ дружеской перепискѣ. Перерывъ этотъ произошелъ по той причинѣ, что Семенъ Воронцовъ, не одобрявшій вообще англофобской политики Ростопчина при императорѣ Павлѣ, въ то же время не сталъ на сторону Ростопчина и въ его тогдашнихъ столкновеніяхъ съ Панинымъ и даже въ одномъ своемъ письмѣ къ Панину назвалъ его „своимъ добрымъ другомъ". Это послѣднее обстоятельство стало тогда же извѣстно Ростопчину и глубоко его уязвило. Рѣшившись въ 1801 г. возобновить письменныя сношенія съ Воронцовымъ, Ростопчинъ все же началъ свою возобновленную переписку съ упрека въ томъ, что Воронцовъ находитъ возможнымъ называть Панина своимъ другомъ. При этомъ Ростопчинъ не преминулъ въ письмѣ обрушиться на Панина въ самыхъ несдержанныхъ выраженіяхъ, называя его человѣкомъ подлымъ, низкимъ интриганомъ, заслуживающимъ эшафота, презрѣнія честныхъ людей и удивленія негодяевъ. Черновикъ этого письма въ 1812 г. былъ забранъ французами въ московскомъ домѣ Ростопчина и въ ноябрѣ 1812 г. былъ напечатанъ Наполеономъ въ Journal de l'Empire, а оттуда перепечатанъ на столбцахъ Усть-Эльбскихъ Вѣдомостей. Понимая, что опубликованіе такого письма не могло не вызвать отпора со стороны Панина, Ростопчинъ помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ въ номерѣ отъ 29 марта 1813 г. слѣдующее заявленіе: „что всего гнуснѣе, Бонапарте напечаталъ въ газетахъ письмо, будто бы моею рукою писанное и найденное въ моихъ бумагахъ, перемѣняя въ немъ и слогъ, и слова, и мысли..." Заявленіе это было разумѣется, въ высшей степени подозрительно по своей дву-

смысленности. Сопоставивъ двѣ фразы, набранныя нами курсивомъ, читатель заявленія никакъ не могъ бы понять, писалъ ли Ростопчинъ въ дѣйствительности подобное письмо или нѣтъ, сфальсифицировано ли письмо цѣликомъ по приказу Наполеона, или въ подлинномъ ростопчинскомъ письмѣ были лишь допущены крупныя искаженія. Понятно, что, въ виду такой двусмысленности этого заявленія, Панинъ не могъ имъ удовлетвориться и потребовалъ отъ Ростопчина категорическаго разъясненія всей этой исторіи. Не буду воспроизводить здѣсь пространнаго разсказа самого Панина о всѣхъ подробностяхъ его сношеній съ Ростопчинымъ по этому дѣлу. Разсказъ этотъ напечатанъ въ VII томѣ названнаго выше изданія. Приведу лишь то, что имѣетъ существенную важность для характеристики нравственной личности Ростопчина. На требованіе Панина объяснить со всею точностью, въ какой именно мѣрѣ Ростопчинъ отрекается отъ текста, приписаннаго его перу въ заграничныхъ газетахъ, Ростопчинъ отвѣчалъ сначала слѣдующей запиской: „вотъ уже годъ, какъ я узналъ, что Бонапартъ нашелъ возможнымъ напечатать въ гамбургской газетѣ и германскихъ журналахъ нѣсколько писемъ. Сказанное мною въ Русскомъ Вѣстникѣ выражаетъ то, что я думаю о пріемахъ Наполеона. Естественно, что я не могу признать ни одной бумаги, которая будетъ напечатана и приписана моему имени по приказанію дурного человѣка, оказывающаго мнѣ честь своею ненавистью“. Вмѣсто яснаго и точнаго отвѣта на предложенный вопросъ здѣсь опять былъ экивокъ, за которымъ вполнѣ можно было предположить желаніе увильнуть отъ откровеннаго объясненія. Ростопчину предложено было формально отречься отъ письма, которое уже было ему приписано въ иностранной печати, а онъ вмѣсто того заявлялъ, что не можетъ поручиться за вѣрность того, что ему можетъ быть приписано въ будущемъ. Панинъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ вторично потребовалъ отъ Ростопчина такого отвѣта, который

не оставилъ бы уже никакихъ сомнѣній по своему изложенію. Онъ твердо рѣшилъ или добиться отъ Ростопчина такого отвѣта или потребовать его къ барьеру. И тогда Ростопчинъ написалъ Панину: „То, что я имѣлъ честь сказать вамъ въ моемъ первомъ письмѣ относительно брошюръ, гнусностей и глупостей, публикуемыхъ по приказанію Бонапарта отъ моего имени, относится также и къ письму къ графу Воронцову. Его ненависть противъ меня достаточно извѣстна, чтобы служить доказательствомъ тому, что хула на поименованныхъ тамъ лицъ была написана подъ его диктовку или авторомъ этихъ бюллетеней“.

Такимъ образомъ, Панинъ получилъ полное удовлетвореніе. Ростопчинъ письменно засвидѣтельствовалъ, что приписанный ему въ иностранныхъ газетахъ текстъ цѣликомъ выдуманъ съ цѣлью повредить ему. И вотъ, теперь мы можемъ съ документомъ въ рукахъ убѣдиться въ томъ, что Ростопчинъ для избѣжанія отвѣтственности передъ Панинымъ пошелъ на самую беззастѣнчивую ложь. При разборкѣ архива Воронцова былъ найденъ оригиналъ письма Ростопчина къ Воронцову отъ 30 іюня 1801 г., и этотъ оригиналъ оказался дословно сходнымъ съ текстомъ, напечатаннымъ Наполеономъ. *)

Выходитъ, что вопреки заявленіямъ Ростопчина—письменнымъ и печатнымъ—Наполеонъ не только не выдумывалъ несуществующаго письма, но даже ничего не измѣнилъ въ томъ, что дѣйствительно вышло нѣкогда изъ-подъ пера Ростопчина и отъ чего онъ затѣмъ малодушно отрекся, когда отъ него во имя чести потребовали отчета въ его словахъ.

Такую же завѣдомую ложь допустилъ Ростопчинъ и въ страшномъ дѣлѣ Верещагина. Дѣло это много разъ было подробно излагаемо въ печати, и я имѣю всѣ основанія считать его общеизвѣстнымъ. Пересказывать здѣсь это дѣло я поэтому не буду, ограничившись лишь указаніемъ на то, что наиболѣе

---

*) См. Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III.

обстоятельныя и строго-критическія изслѣдованія всѣхъ перипитій этой ужасной исторіи представлены въ двухъ работахъ: въ сочиненіи Попова „Москва въ 1812 году“ *) и въ очень цѣнной статьѣ, помѣщенной въ VIII томѣ изданія П. И. Щукина „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г.“ и озаглавленной „Дѣло Верещагина“. Въ настоящій моментъ меня интересуетъ лишь одинъ вопросъ въ верещагинскомъ дѣлѣ—какой характеръ носили пріемы Ростопчина при веденіи этого дѣла. Какъ разъ по этому вопросу авторы двухъ названныхъ только что работъ расходятся въ своихъ толкованіяхъ.

Въ процессѣ Верещагина всего болѣе бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство: Верещагина судили, какъ сочинителя той статьи, которую онъ давалъ читать разнымъ лицамъ. Между тѣмъ, эта статья представляла собой русскій текстъ рѣчи Наполеона, напечатанный въ иностранныхъ газетахъ, слѣдовательно, Верещагинъ былъ не сочинителемъ, а только переводчикомъ статьи, сочиненіе которой было ему поставлено въ вину. Очевидно, что при той или иной квалификаціи поступка Верещагина мѣра его отвѣтственности существенно измѣнялась. Сочиненіе рѣчи, исполненной вражды къ Россіи, въ цѣляхъ ея распространенія, было бы въ тотъ моментъ дѣйствительно тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ. Но переводъ отрывка изъ иностранной газеты, касающагося событій, которыя не могли не привлекать къ себѣ въ то время всеобщаго вниманія, очевидно, можно было бы принять не болѣе, какъ за проявленіе, можетъ быть, не совсѣмъ осторожной любознательности. Во всякомъ случаѣ фактъ перевода на русскій языкъ одной изъ рѣчей Наполеона самъ по себѣ отнюдь еще не могъ свидѣтельствовать о сочувствіи переводчика содержанію этой рѣчи.

И вотъ, является вопросъ: на комъ лежитъ нравственная отвѣтственность за искаженіе сущности поступка Верещагина,

---

*) Русскій Архивъ, 1875 г.

за превращеніе его передъ лицомъ суда изъ переводчика въ сочинителя опасной бумаги? Поповъ всецѣло обвиняетъ въ этомъ Ростопчина, указывая на то, что въ рядѣ писемъ къ государю Ростопчинъ опредѣленно и настойчиво называлъ Верещагина сочинителемъ (auteur) прокламаціи отъ имени врага своего отечества". Такъ именно выразился Ростопчинъ въ письмѣ къ Александру отъ 30 іюня 1812 года, въ которомъ онъ впервые сообщалъ государю о томъ, какого онъ откопалъ злодѣя". Въ письмѣ отъ 4 іюля Ростопчинъ опять говоритъ объ „открытіи сочинителя такъ называемаго обращенія Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза". Правда, Верещагинъ самъ въ показаніяхъ на слѣдствіи вскорѣ сталъ утверждать, что онъ сочинилъ злосчастную рѣчь, приписавъ ее Наполеону. Но Поповъ справедливо указываетъ на то, что Ростопчинъ не могъ не знать, что Верещагинъ въ дѣйствительности былъ не болѣе, какъ переводчикомъ. Ростопчинъ, конечно, видѣлъ Усть-Эльбскія Вѣдомости, въ которыхъ была напечатана та самая рѣчь Наполеона. Позднѣе въ своихъ мемуарахъ Ростопчинъ прямо написалъ: „Верещагинъ не признался, отъ кого онъ получилъ эту бумагу, которая не могла быть сочинена имъ". Слѣдовательно, Ростопчинъ въ письмахъ своихъ отъ 30 іюня и 4 іюля сознательно вводилъ въ заблужденіе государя, приводя факты въ ложномъ освѣщеніи и не стѣсняясь тѣмъ, что эта ложь грозила полной гибелью неповинному человѣку.

Составитель статьи въ сборникѣ П. И. Щукина вводитъ, однако, въ сужденія обо всѣхъ этихъ фактахъ новыя, весьма важныя соображенія. Онъ указываетъ на то, что превращеніе Верещагина изъ переводчика въ сочинителя произошло не только не по иниціативѣ Ростопчина, но прямо вопреки желанію и настоящимъ цѣлямъ московскаго главнокомандующаго. По совершенно справедливому и согласному съ обстоятельствами дѣла мнѣнію автора этой статьи, Ростопчинъ, возбуждая и раздувая настоящее дѣло, цѣлилъ вовсе не въ Вереща-

гина, который самъ по себѣ не представлялъ для Ростопчина никакого интереса; онъ цѣлилъ въ ненавистныхъ ему мартинистовъ, въ остаточныхъ птенцовъ стараго новиковскаго масонскаго гнѣзда, къ которымъ принадлежалъ и московскій почтмейстеръ Ключаревъ и которыхъ Ростопчинъ во что бы ни стало стремился представить революціонерами и измѣнниками. Въ этихъ цѣляхъ для Ростопчина гораздо было важнѣе показать, что Верещагинъ не самъ задумалъ свое дѣло, а явился лишь орудіемъ Ключарева и его кружка, что онъ не изъ своей головы выдумалъ содержаніе найденной у него бумаги, а заимствовалъ ея содержаніе изъ иностранныхъ газетъ, которыя могъ получить только черезъ почтамтъ, т.-е. черезъ „масона" Ключарева. Версія объ авторствѣ Верещагина, напротивъ, отнимала у Ростопчина возможность добраться до предлагаемыхъ руководителей и направителей молодого человѣка. Эту версію и выдвинулъ передъ судомъ не Ростопчинъ, а самъ Верещагинъ, добровольно отягощая свое личное положеніе изъ благороднаго желанія отвести грозу отъ своихъ покровителей и наставниковъ. Конечно, было бы достаточно простой справки съ иностранными газетами, чтобы ввести обвиненія въ правильныя границы и раскрыть самонаговоръ Верещагина. Но, какъ опять-таки совершенно справедливо указалъ авторъ излагаемой статьи, этого не возможно было сдѣлать по правиламъ тогдашняго судопроизводства, ибо, согласно одной изъ основныхъ процессуальныхъ аксіомъ того времени, собственное признаніе подсудимаго въ винѣ почиталось „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта", оно уже не подлежало дальнѣйшей провѣркѣ, судъ обязанъ былъ принять его на вѣру. Послѣ самооговора Верещагина Ростопчинъ уже не могъ, если бы и хотѣлъ, опровергнуть авторство Верещагина даже предъявленіемъ оригинала переведенной Верещагинымъ рѣчи! Авторъ статьи думаетъ даже, что Ростопчинъ и возненавидѣлъ Верещагина именно за то, что тотъ сказкой о своемъ авторствѣ лишилъ Ростопчина возможности подвести

подъ судъ Ключарева и другихъ московскихъ масоновъ. За это-то Ростопчинъ и отомстилъ Верещагину позднѣе такъ жестоко, натравивъ на него уличную толпу. *)

Мы думаемъ, что многія указанія и соображенія автора этой статьи вполнѣ основательны. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Ростопчину нужна была вовсе не гибель какого-то Верещагина; ему было нужно очернить Ключарева и другихъ московскихъ масоновъ и представить ихъ заговорщической шайкой. Правильно и то, что, разъ Верещагинъ объявилъ самъ себя авторомъ, а не переводчикомъ, Ростопчину стало уже безцѣльно возстанавливать передъ судомъ истинную сущность роли Верещагина, ибо это все равно не могло дать никакого практическаго результата. И все-таки, несмотря на всѣ эти обстоятельства, авторъ статьи, думается намъ, не правъ, снимая съ Ростопчина всякую отвѣтственность въ отягощеніи участи Верещагина во время разбирательства дѣла. Не нужно забывать, что процессъ Верещагина принадлежалъ къ числу такихъ, по которымъ окончательная резолюція могла быть постановлена только государемъ. Если судебныя учрежденія до высшей инстанціи, т.-е. сената включительно были связаны при постановкѣ своихъ вердиктовъ самонаговоромъ подсудимаго, то окончательная резолюція монарха постановлялась внѣ всякихъ формальныхъ ограниченій, не на основаніи какихъ-либо предустановленныхъ процессуальныхъ пра-

*) Нерѣдко этотъ поступокъ Ростопчина объясняютъ иначе. Говорятъ, что Ростопчинъ, прежде чѣмъ покинуть свой домъ передъ входомъ французовъ въ Москву, натравилъ толпу на Верещагина для того, чтобы отвлечь отъ собственной особы толпу, бывшую тогда очень возбужденной противъ главнокомандующаго. Авторъ статьи сомнѣвается, чтобы Ростопчинъ сдѣлалъ это изъ страха передъ толпой Авторъ отмѣчаетъ два обстоятельства: 1) Ростопчинъ сначала смотрѣлъ на толпу съ б а л к о н а и потомъ вышелъ говорить съ ней н а к р ы л ь ц о, что указываетъ на то, что онъ толпы не боялся, и 2) настроеніе толпы вовсе и не было страшно: Мутона она не тронула а Верещагина начала терзать только по призыву Ростопчина.

вилъ, а, какъ принято выражаться, „въ путяхъ монаршаго милосердія“. Слѣдовательно, Ростопчинъ, убѣжденный въ неправильности обвиненія Верещагина въ авторствѣ злополучной рѣчи, долженъ былъ бы во имя справедливости и доброты сердца разъяснить государю совершаемую судебную ошибку, и это разъясненіе могло бы имѣть чисто практическую цѣль, оно могло бы повліять на содержаніе окончательной резолюціи монарха. Ростопчинъ поступилъ совершенно иначе. Убѣдившись въ томъ, что, благодаря самоотверженности Верещагина, все равно не удастся запутать въ процессъ Ключарева и его единомышленниковъ, Ростопчинъ начинаетъ мстить Верещагину за то, что тотъ разстроилъ его планы, и вопреки собственному убѣжденію начинаетъ въ своихъ донесеніяхъ государю упорно называть Верещагина сочинителемъ, а не переводчикомъ бумаги,—только такъ и можно объяснить поведеніе Ростопчина въ этомъ дѣлѣ. Очень можетъ быть, что то же чувство мести по отношенію къ Верещагину составило одно изъ побужденій, подстрекнувшихъ Ростопчина отдать Верещагина на разстерзаніе черни передъ входомъ въ Москву французовъ.

Этимъ звѣрскимъ поступкомъ Ростопчинъ несомнѣнно попралъ не только божескіе, но и человѣческіе законы. Въ то время, когда передъ домомъ московскаго главнокомандующаго творился судъ Линча, формальный процессъ Верещагина еще не былъ завершонъ. По дѣлу состоялось уже постановленіе сената. Но, какъ я уже замѣтилъ, это постановленіе должно было обязательно поступить на благовоззрѣніе императора. Такимъ образомъ, если бы даже сенатъ приговорилъ Верещагина къ смертной казни, то и въ такомъ случаѣ Ростопчинъ не имѣлъ бы права исполнять приговора впредь до конфирмаціи его государемъ. Но даже и въ сенатскомъ приговорѣ Верещагинъ присуждался вовсе не къ смертной казни, а къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжныя работы въ Нерчинскъ. Немудрено, что для послѣдующихъ самооправда-

ній передъ государемъ въ этомъ дѣлѣ Ростопчинъ не могъ изобрѣсти никакихъ способовъ, кромѣ продолженія самаго беззастѣнчиваго лганья. Въ письмѣ къ Александру 2 декабря 1812 г. Ростопчинъ уже, зная, какъ повредило ему въ глазахъ государя дѣло Верещагина, старается оправдаться и пишетъ: „Верещагинъ былъ злодѣй по натурѣ и по принципамъ; сенатъ осудилъ его единогласно на крайнюю казнь". Это была явная ложь, въ которой Александру не трудно было убѣдиться. Немудрено, что самооправданія Ростопчина не имѣли никакого успѣха.

Уже и въ приведенныхъ примѣрахъ нравственная личность Ростопчина обрисовывается вполнѣ выразительно. Но я долженъ добавить къ сказанному еще двѣ черты. Не стѣсняясь пускать въ ходъ ложные навѣты для того, чтобы подготовить гибель непріятныхъ ему лицъ, Ростопчинъ доходилъ порой въ своемъ нравственномъ паденіи и до отвратительнаго вышучиванія беззащитнаго, находящагося въ полной его власти врага. Во время своего хозяйничанія въ Москвѣ передъ приходомъ Наполеона Ростопчинъ, между прочимъ, распорядился выслать изъ столицы на баркѣ по Москвѣ рѣкѣ группу французовъ, почтенныхъ московскихъ жителей, среди которыхъ были артисты, книгопродавцы и т. п. Высылаемые не подали никакого повода къ примѣненію по отношенію къ нимъ подобной мѣры. Но со стороны Ростопчина то былъ одинъ изъ тѣхъ эфектныхъ по внѣшности жестовъ, которые—какъ увидимъ ниже—складывались у него въ цѣлую опредѣленную систему. Иностранцы были посажены на барку, отплытіе которой должно было состояться при большомъ стеченіи народа. Можно представить себѣ настроеніе этихъ несчастныхъ во время торжественной церемоніи отплытія барки! И вотъ въ такой-то моментъ Ростопчинъ счелъ неизлишнимъ дать этимъ бѣднягамъ возможность насладиться его генералъ-губернаторскимъ остроуміемъ. Передъ отплытіемъ барки чиновникъ прочиталъ арестантамъ посланіе Ростопчина, въ которомъ возвѣщалось,

что ихъ удаляютъ, чтобы предотвратить кровопролитіе и „не подражать сатанинскому бѣшенству французскихъ революціонеровъ"; обозвавъ высылаемыхъ негодяями и посовѣтовавъ имъ сдѣлаться добрыми русскими гражданами—замѣтимъ, что высылаемые не были изобличены ни въ чемъ предосудительномъ, —Ростопчинъ заканчивалъ письмо милыми каламбурами: „войдите въ барку и войдите въ самихъ себя (т.-е. „не будьте внѣ себя") и не превратите ее въ барку Харона. Прощайте, добрый путь".

Все неприличіе и вся нравственная низость этого посланія не доходили до сознанія Ростопчина.

Наконецъ, чтобы довершить очеркъ нравственныхъ недостатковъ интересующей насъ личности, мы должны сказать, что Ростопчина нельзя признать безупречно-честнымъ человѣкомъ и въ самомъ узкомъ, матеріальномъ смыслѣ этихъ словъ. Ростопчинъ не могъ бы по совѣсти сказать про себя, что къ его рукамъ никогда не прилипало чужое добро. Коцебу и Панинъ обвиняютъ Ростопчина въ корыстномъ пользованіи казенными деньгами еще въ бытность его министромъ при Павлѣ. Обвиненія эти приходится оставить на отвѣтственности названныхъ лицъ, не забывая того, что эти лица вообще были проникнуты враждебными чувствами къ Ростопчину. Но былъ въ жизни Ростопчина эпизодъ, въ которомъ способность этого человѣка къ развязному обращенію съ чужой собственностью вырисовывается уже болѣе завѣренными чертами. То было въ очень отвѣтственное для Ростопчина время, когда его служебное положеніе и вся обстановка момента должны были бы побуждать его къ особенно осторожному взвѣшиванію каждаго своего шага. Москва только что была очищена французами. Ростопчину предстояло заводить порядокъ на московскомъ пепелищѣ. Прежде всего необходимо было твердою рукою положить предѣлъ всякаго рода мародерству. И, конечно, надо было начать съ полиціи и съ другихъ представителей власти, заставивъ ихъ держаться на высотѣ самаго безупреч-

наго исполненія долга. Ну, а Ростопчинъ началъ съ того, что первый вошелъ въ дѣлежъ недограбленнаго французами имущества частныхъ лицъ. Еще сидя во Владимірѣ и только собираясь вернуться въ Москву, Ростопчинъ занимался съ своимъ прихвостнемъ Булгаковымъ пріятными разговорами о разныхъ вещицахъ, брошенныхъ на произволъ судьбы въ богатыхъ домахъ разрушенной Москвы. Вотъ что писалъ Булгаковъ своей женѣ изъ Владиміра отъ 19 октября 1812 г.: „...графъ (т.-е. Ростопчинъ) намѣренъ выместить наши потери. Такъ какъ мы лишились всего, то онъ объявилъ намъ, что мы вправѣ взять изъ магазина Шальме все, что только намъ заблагоразсудится. Онъ предлагаетъ тебѣ и seconde maman лучшіе два чайные сервиза, для seconde maman—запасъ французскаго табаку, для тебя духовъ, помады и все, что мнѣ вздумается. Для себя самого графъ возьметъ столовый сервизъ, такъ какъ его собственный похищенъ. Приложены печати, приставленъ караулъ, опись составлена, такъ что Ивашкина ошибется въ своихъ разсчетахъ; развѣ ея мужъ захватитъ другую какую-нибудь лавку...“ *) Упоминаемая здѣсь Шальме была содержательницей самаго крупнаго французскаго магазина въ Москвѣ. Она бѣжала изъ Москвы вмѣстѣ съ наполеоновской арміей, бросивъ на произволъ судьбы свой магазинъ. Ивашкинъ—московскій полицеймейстеръ. Теперь читатель пойметъ, какую картинку раскрываетъ передъ нами только что процитированное письмо Булгакова, драгоцѣнное по своей откровенности. Лишь только ушли французы, у дымящихся еще развалинъ Москвы засуетились русскіе чиновники, стараясь перебить другъ у друга остатки французской добычи. Къ богатому магазину приставляется стража, составляется опись вещамъ. Отъ кого охраняется магазинъ? Отъ московскаго полицеймейстера, чтобы онъ тамъ не началъ хозяйничать въ пользу своей супруги. Для чего предпринята

*) Русскій Архивъ, 1905 г., т. I, стр. 704.

эта охрана? Для того, чтобы наиболѣе соблазнительныя вещи могли безпрепятственно забрать себѣ московскій главнокомандующій и его клевреты.

Благія намѣренія, намѣченныя Ростопчинымъ во Владимірѣ, были приведены въ исполненіе въ Москвѣ. Тотъ же Булгаковъ писалъ къ женѣ уже изъ Москвы отъ 25 октября: „графъ взялъ у бездѣльницы Шальме все, что нужно для стола; когда онъ выйдетъ, я тоже отправлюсь забрать свою долю"...*)

Административный грабежъ производился подъ руководствомъ Ростопчина такъ широко и непринужденно, что объ этомъ тогда говорила вся Москва. Извѣстная уже намъ Волкова писала пріятельницѣ 17 декабря 1812 г.: „я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину вслѣдствіе его послѣдней выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальме, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600 тысячъ рублей товара, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5 тысячъ рублей вещей. Сообрази сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ Волковъ отказался отъ своей доли. Спиридоновъ, московскій комендантъ и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна". **)

---

*) Ibid., стр. 797.

**) Русскій Архивъ, 1872 г. Очень возможно, что въ этихъ поступкахъ Ростопчина проявилось не корыстолюбіе, а просто желаніе украсить свой домъ нарядными вещами. Это не мѣняетъ, однако, сущности дѣла: произвольнаго присвоенія себѣ Ростопчинымъ не принадлежавшаго ему имущества.

V.

Политическія и соціальныя воззрѣнія Ростопчина.

Я могу теперь считать себя свободнымъ отъ возможности упрека въ томъ, что я оставилъ читателя въ невѣдѣніи относительно отрицательныхъ сторонъ личности Ростопчина. Но и послѣ всего сказаннаго выше я долженъ заявить, что, какъ ни далекъ былъ Ростопчинъ отъ истиннаго величія души, ему все же не было чуждо стремленіе къ независимости поведенія, и подчасъ онъ умѣлъ выражать эту независимость въ такихъ поступкахъ, на которыхъ виднѣлась печать нравственной смѣлости. Быть можетъ, онъ слишкомъ громко сказалъ о себѣ въ своей полушуточной автобіографіи „Memoires, ecrits en dix minutes“: „жизнь моя была плохая мелодрама, съ хорами, плясками, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Я игралъ въ ней героевъ, тирановъ, любовниковъ, благородныхъ отцовъ, резонеровъ, но никогда не брался за роли лакеевъ“. Но въ его нравственномъ формулярѣ какъ-ни-какъ можно указать поступки, дѣйствительно несовмѣстимые съ духовнымъ лакействомъ. Уже его рѣшимость при самомъ началѣ своей карьеры громко обличить тѣхъ придворныхъ, которые манкировали служебными обязанностями по отношенію къ опальному наслѣднику престола,—уже эта рѣшимость требовала по тому времени значительнаго запаса независимой смѣлости. Но, скажутъ, то была вспышка горячей молодости, когда еще кровь не перебродила. Однако, вотъ и еще факты. При Павлѣ Ростопчинъ былъ на положеніи фаворита. Тягостность такого положенія болѣе чѣмъ очевидна. Насколько же Ростопчинъ желалъ и сумѣлъ сохранить при этомъ духовную самостоятельность? Сегюръ рисуетъ намъ сцены, въ которыхъ Ростопчинъ выступаетъ передъ Павломъ въ роли поистинѣ безстрашнаго римлянина легендарныхъ эпохъ античной исторіи. Однажды,

разсказываетъ Сегюръ, Павелъ вернулся съ парада въ страшномъ гнѣвѣ: сукно солдатскихъ мундировъ показалось ему плохимъ. Онъ приказалъ Ростопчину тутъ же предписать графу Воронцову сдать поставку сукна на русскую армію англійскимъ фирмамъ. Ростопчинъ позволилъ себѣ замѣтить, что это разоритъ русскихъ фабрикантовъ. Павелъ разсвирѣпѣлъ въ еще большей мѣрѣ. Тогда Ростопчинъ садится къ столу и пишетъ приказъ Воронцову. Павелъ скрѣпляетъ написанное своею подписью. Ростопчинъ снова беретъ перо и вслѣдъ за подписью императора приписываетъ: „не дѣлайте ничего: онъ сумасшедшій“. „Ты что-то добавилъ къ моему приказу?“ спрашиваетъ Павелъ. Ростопчинъ показываетъ императору сдѣланную приписку, Павелъ прочиталъ, поблѣднѣлъ, заходилъ по комнатѣ крупными шагами и вдругъ... бросилъ приказъ въ каминъ и обнялъ Ростопчина со словами: „Благодарю тебя. Ты правъ. Дай Богъ, чтобы всѣ мои слуги были такими“.

Вотъ другой фактъ, разсказанный въ книгѣ Сегюра. Императоръ разгнѣвался на императрицу Марію Ѳедоровну и приказалъ Ростопчину изготовить указъ о ссылкѣ Маріи Ѳедоровны въ Соловки вмѣстѣ съ объявленіемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей незаконнорожденными. Ростопчинъ пробовалъ отговорить государя отъ такого шага, но безъ успѣха. Тогда Ростопчинъ удалился и черезъ нѣсколько часовъ прислалъ Павлу письмо такого содержанія: „Государь, ваши приказанія исполняются, и я занятъ составленіемъ роковой бумаги. Я буду имѣть несчастіе представить ее вамъ завтра утромъ. Дай Богъ, чтобы вы не имѣли несчастія ее подписать и включить въ исторію страницу, которая покроетъ позоромъ ваше царствованіе. Небо дало вамъ все, чтобы вы могли пользоваться счастьемъ и распространять его на весь міръ, но вы при жизни создаете себѣ адъ и сами себя къ нему присуждаете. Я слишкомъ дерзокъ, я готовлю себѣ гибель, но моимъ утѣшеніемъ въ немилости будетъ сознаніе,

что я достоинъ вашихъ благодѣяній и моей чести“. Черезъ нѣсколько минутъ Ростопчинъ получилъ отвѣтъ Павла: „Вы ужасный человѣкъ, но вы правы. Да не будетъ больше рѣчи объ этомъ. Будемъ пѣть и забудемъ все. Прощайте, сеньеръ Ростопчинъ“.

Довѣрять ли этимъ сообщеніямъ? Происходили ли эти факты именно такъ, какъ они здѣсь разсказаны? Къ большому неудобству нашему разсказанные Сегюромъ эпизоды касаются того, что могло произойти лишь съ глазу на глазъ между Павломъ и Ростопчинымъ. Значитъ, естественнымъ источникомъ свѣдѣній объ этихъ фактахъ былъ самъ Ростопчинъ. А мы знаемъ, какъ свободно могъ обращаться Ростопчинъ съ правдой въ тѣхъ или иныхъ личныхъ цѣляхъ. Въ своемъ мѣстѣ я уже указывалъ на то, что книга Сегюра вообще носитъ характеръ сплошного безудержнаго панегирика Ростопчину. Вотъ почему сообщенія Сегюра приходится оставить въ сторонѣ.*) Но изъ павловской поры можно привести одинъ

*) Кн. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“ сообщаетъ подобный же фактъ. Ростопчинъ настойчиво уговаривалъ Павла не подписывать одного указа. Павелъ стоялъ на своемъ. Вдругъ императоръ спросилъ: „что готовъ ты сдѣлать, чтобы я уничтожилъ эту бумагу?“ „А все, что будетъ угодно вашему величеству, хотя бы пропѣть арію изъ итальянской оперы“, отвѣчаетъ Ростопчинъ. „А нука спой!“ говоритъ императоръ. Ростопчинъ затягиваетъ арію съ разными фіоритурами. Императоръ начинаетъ подтягивать и при этомъ раздираетъ на клочки уже подписанный имъ указъ. Вяземскій: „Сочиненія“, т. VIII, стр. 156. И этотъ разсказъ могъ исходить только отъ самого Ростопчина, ибо дѣло идетъ опять о сценѣ, разыгравшейся между Ростопчинымъ и Павломъ одинъ на одинъ. Въ другой своей статьѣ „Характеристическія замѣтки и воспоминанія о гр. Ростопчинѣ“ (Русскій Архивъ, 1877 г., т. II) кн. Вяземскій говоритъ: „Служба Ростопчина при императорѣ Павлѣ неопровержимо убѣждаетъ, что она не заключалась въ одномъ раболѣпномъ повиновеніи. Извѣстно, что онъ въ важныхъ случаяхъ оспаривалъ съ смѣлостью и самоотверженіемъ, доведенными до послѣдней крайности, мнѣнія и предположенія императора, котораго оспаривать было дѣло нелегкое и небезопасное“.

эпизодъ, можетъ быть, не столь эфектный, какъ вышеизложенные, однако, не менѣе трогательный и, главное, засвидѣтельствованный съ различныхъ сторонъ. Суворовъ умиралъ въ Петербургѣ, находясь подъ опалой Павла. И вотъ, несмотря на эту опалу, Ростопчинъ, нѣкогда начинавшій подъ начальствомъ геніальнаго полководца свою карьеру, явился къ изголовью умирающаго и присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ его жизни.

На посту московскаго главнокомандующаго Ростопчинъ въ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ также не останавливался передъ шагами, соединенными съ несомнѣннымъ рискомъ вызвать противъ себя неудовольствіе государя. И не всегда подобные шаги сводились къ проявленію вѣроломства или жестокости. Бывало и нѣчто иное.

Булгаковъ—саттеллитъ Ростопчина—заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „партикулярныя донесенія Александру Ростопчинъ писалъ всегда набѣло и обыкновенно на французскомъ языкѣ. По приказанію графа я бралъ съ нихъ копіи и запиралъ въ особый ящикъ на ключъ. Не одинъ разъ дрогнула у меня рука, списывая то, что Ростопчинъ говорилъ государю, критикуя правительственныя мѣры, рѣзко отзываясь о приближенныхъ къ трону лицахъ“. *)

Извѣстныя доселѣ письма Ростопчина къ Александру нѣкоторыми своими мѣстами показываютъ, что Ростопчинъ дѣйствительно говорилъ съ Александромъ рѣзко, не оглядываясь по сторонамъ. Въ письмѣ отъ 23 августа 1812 г. Ростопчинъ пишетъ, напримѣръ, „посреди самыхъ неотложныхъ занятій не могу воздержаться, чтобы не думать о злосчастномъ вашемъ жребіи, благодаря которому выборъ вашъ останавливается на существахъ подлыхъ, промышляющихъ вашею славою и благосостояніемъ государства“... Вѣдь написать такія строки значило то же, что сказать государю: „вы не умѣете выбирать людей, вашъ выборъ никуда не годится“. А Ростоп-

*) Старина и Новизна, кн. VII, 1904 г.

чинъ, конечно, отлично зналъ, съ какой щепетильной чувствительностью относился Александръ къ такого рода критикѣ его дѣйствій. Ростопчинъ не разъ даетъ Александру совѣты, какъ надо дѣйствовать, и эти совѣты опять-таки облекаетъ въ такую рѣшительную форму, преподноситъ ихъ такимъ недопускающимъ смягченій тономъ, какъ никогда не рѣшаются дѣлать царедворцы, приспособляющіеся къ дующимъ сверху вѣтрамъ. 7 октября 1812 г. Ростопчинъ, напримѣръ, пишетъ государю изъ Владиміра: „напишите манифестъ, исполненный печали, о потерѣ Москвы; народъ чувствителенъ; онъ не понимаетъ, отчего вы не промолвите слова, и выводитъ изъ этого, что вы приказали сдать Москву". Давать Александру совѣты такомъ тономъ, похожимъ на требованія и упреки, позволяла себѣ только любимая сестра Александра, Екатерина Павловна.

Ростопчинъ отваживался заявлять Александру отъ имени населенія такія требованія, которыя завѣдомо не могли быть пріятны государю. Всѣмъ было извѣстно, что Александръ очень недоброжелательствовалъ Кутузову. И тѣмъ не менѣе, Ростопчинъ взялъ на себя миссію облечь въ письменную форму общераспространенное тогда желаніе видѣть Кутузова во главѣ русскихъ военныхъ силъ. 6 августа 1812 г. Ростопчинъ писалъ государю: „Москва желаетъ, чтобы командовалъ Кутузовъ и двинулъ ваши войска... Я въ отчаяніи, что долженъ послать вамъ это донесеніе, но его требуютъ отъ меня моя честь и присяга". *) Впослѣдствіи Александръ призналъ въ письмѣ къ сестрѣ, что именно это обращеніе Ростопчина окончательно побудило его согласиться, скрѣпя сердце, на передачу Кутузову главнаго командованія. „Въ Петербургѣ,— писалъ Александръ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 18 сентября 1812 г.,—я нашелъ умы всѣхъ за назначеніе стараго Кутузова въ главнокомандующіе. То было общее требованіе. Зная этого человѣка, я сначала не

*) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

желалъ этого, но когда письмомъ отъ 5 августа Ростопчинъ засвидѣтельствовалъ мнѣ, что вся Москва желаетъ, чтобы Кутузовъ командовалъ, такъ какъ Барклай и Багратіонъ къ этому неспособны, я не могъ поступить иначе, какъ уступить общему желанію, и я назначилъ Кутузова". *)

Александръ принималъ къ свѣдѣнію подобныя заявленія отъ имени населенія, но не прощалъ въ душѣ тѣмъ смѣльчакамъ, которые отваживались на роль громкихъ выразителей такихъ заявленій. И Ростопчинъ, конечно, не могъ не понимать, что его августовское письмо отнюдь не должно было увеличить благорасположеніе къ нему государя.

Какъ же примирить эти двѣ столь разнородныя черты въ духовной личности Ростопчина—низкое интриганство и способность къ малодушной лжи по отношенію къ своимъ соперникамъ и врагамъ и благородную смѣлость въ высказываніи своихъ мнѣній даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла подвергнуть его риску монаршей немилости? Думаю, что эта двойственность можетъ быть объяснена только слѣдующимъ образомъ. Ростопчинъ считалъ, что въ борьбѣ съ врагами хороши и допустимы всякія средства, и тутъ онъ, ничтоже сумняся, перешагивалъ черезъ всѣ нравственныя перегородки, доходилъ до крайняго предѣла моральнаго паденія. Но, не стѣсняясь моральными принципами, Ростопчинъ въ то же время твердо держался опредѣленныхъ соціально-политическихъ принциповъ, обнаруживая несомнѣнную смѣлость и независимость въ ихъ высказываніи и отстаиваніи.

Въ этомъ-то именно—повторю еще разъ—и заключалась наиболѣе любопытная для насъ особенность политической физіономіи Ростопчина. Независимо смѣлое отстаиваніе свободолюбивыхъ идеаловъ—въ порядкѣ вещей. Пресмыкающаяся угодливость передъ властью сторонниковъ политическаго раб-

---

*) В. кн. Николай Михайловичъ: „Переписка имп. Александра I съ велик. кн. Екатериной Павловной", стр. 87.

ства—обычное явленіе. Но въ лицѣ Ростопчина мы не находимъ ни того, ни другого. Его идеаломъ было политическое и соціальное рабство духовно независимыхъ гражданъ. И этотъ идеалъ онъ не только исповѣдывалъ, но и стремился осуществлять въ личной практикѣ. И вотъ, разсматривая дѣятельность Ростопчина съ этой стороны, мы и получаемъ возможность на конкретномъ примѣрѣ изслѣдовать, къ какимъ практическимъ результатамъ вообще приводитъ стремленіе сочетать воедино столь взаимопротиворѣчивыя, столь исключающія другъ друга начала.

Наиболѣе ярко личность Ростопчина выразилась въ его дѣятельности на посту московскаго главнокомандующаго въ 1812 году, и когда говорятъ о Ростопчинѣ, всегда разумѣютъ все совершонное имъ именно въ это достопамятное время. Обыкновенно объясненіе всѣхъ его тогдашнихъ поступковъ выводится исключительно изъ личныхъ чертъ его характера, изъ особенностей его темперамента, изъ свойствъ его натуры.

Въ гораздо меньшей степени вниманіе лицъ, писавшихъ о Ростопчинѣ, обращалось на другую сторону дѣла.

Образъ дѣйствій Ростопчина въ качествѣ градоправителя Москвы въ моментъ величайшей національной опасности не только характеренъ для его личности, но въ то же время типиченъ для цѣлой общественной формаціи, сложившейся въ давнія времена и до сихъ поръ имѣющей многихъ представителей. Поступки Ростопчина въ 1812 году, при всей своей видимой легкомысленности, непродуманности и нелѣпости, въ сущности цѣликомъ вытекали изъ опредѣленнаго склада убѣжденій, являлись неизбѣжнымъ выводомъ изъ законченнаго политическаго міросозерцанія. Эту связь между поступками Ростопчина и его воззрѣніями я и постараюсь освѣтить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ теченіе всей своей жизни Ростопчинъ являлся убѣжденнымъ противникомъ политической свободы, народнаго самоопредѣленія и народной самодѣятельности. Въ громадномъ

количествѣ разнаго рода писаній, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ различные моменты его жизни, нельзя подмѣтить ни единаго диссонанса, ни единаго колебанія въ направленіи его мысли по вопросу о политической вольности.

Въ первой пробѣ его очень еще юнаго пера, въ знакомыхъ уже намъ его очеркахъ: „Путешествіе въ Пруссію", онъ видитъ въ стремленіи къ политической вольности не что иное, какъ недопустимую дерзость. Съ этой точки зрѣнія Мирабо для него—не болѣе какъ дерзкій нахалъ, какихъ нельзя терпѣть въ благоустроенномъ обществѣ. Спеціально для Россіи, по мнѣнію Ростопчина, самодержавный строй—единственная опора мощи государства, и вотъ почему появленіе свободолюбивыхъ стремленій онъ склоненъ объяснять прежде всего происками иностранцевъ, желающихъ ослабленія Россіи. Любопытное мѣсто на эту тему находимъ въ одномъ письмѣ Ростопчина къ Циціанову отъ 1805 года. Ростопчинъ жилъ тогда въ своемъ Вороновѣ. Тамъ его посѣтилъ Юнгъ. Сообщая Циціанову о пріѣздѣ этого гостя, „сына славнаго о хозяйствѣ писателя", Ростопчинъ замѣчаетъ, что хотя видимая цѣль пріѣзда Юнга состоитъ просто „въ познаніи слоя земли, обрабатыванія произведеній и проч.", но, по слухамъ, онъ намѣренъ заняться и составленіемъ для Россіи преобразовательныхъ проектовъ. „Можешь себѣ представить,—замѣчаетъ Ростопчинъ,—какъ Питтъ настроилъ этого Юнга. Россія имъ всѣмъ давно тяжела. Образъ ея правленія составляетъ всю силу. Перемѣни пружину, и въ ту же минуту изъ эликотовыхъ часовъ выйдетъ несчастная кукушка". *)

Я уже говорилъ выше о томъ, что въ періодъ преобразовательной дѣятельности Сперанскаго Ростопчинъ, только что начавшій тогда снова выдвигаться изъ деревенскаго уединенія на общественную арену, опредѣленно и рѣшительно примкнулъ къ партіи стараго порядка, сталъ правовѣрнымъ членомъ кон-

*) „Девятнадцатый вѣкъ", т. II, стр. 100.

сервативнаго тверского салона великой княгини Екатерины Павловны, откуда была подведена мина подъ конституціонныя начинанія Сперанскаго. Черезъ тверской салонъ Ростопчинъ прошелъ и въ московскіе главнокомандующіе. Когда послѣ крушенія своей административной карьеры Ростопчинъ поселился за границей и получилъ возможность воочію наблюдать за дѣятельностью конституціонныхъ учрежденій, онъ ни въ чемъ не отступилъ отъ своихъ прежнихъ политическихъ воззрѣній и продолжалъ исповѣдывать ту любимую свою мысль, что политическая свобода есть источникъ народной пагубы. Варнгагенъ въ своихъ замѣткахъ о знакомствѣ съ Ростопчинымъ въ Баденѣ пишетъ: „Ростопчина отталкивалъ либеральный духъ, которому государи начали тогда уступать... онъ не могъ понятъ, какъ можно было дѣлить власть; онъ полагалъ, что только при посредствѣ единства власти можно всего достичь, будетъ ли эта единая власть представлена самимъ монархомъ или министромъ, или фаворитомъ, или любовникомъ".

Либеральныя стремленія не внушали Ростопчину никакихъ симпатій; отъ представителей конституціоннаго направленія, отъ „либералистовъ"—какъ говорили тогда у насъ, онъ неуклонно сторонился. Когда въ Парижѣ княгиня Водемонъ хотѣла сблизить Ростопчина съ Бенжаменомъ Констаномъ, Ростопчинъ сказалъ ей только: „княгиня, этотъ человѣкъ никогда не будетъ моимъ Веніаминомъ".

Обильныя указанія на политическое настроеніе Ростопчина во время его пребыванія за-границей подъ конецъ его жизни находимъ въ его письмахъ этой поры къ Семену Воронцову.

Приведу нѣсколько образчиковъ. *) Въ 1817 г. онъ пишетъ изъ Бадена: „Въ Штутгартѣ я остановился на 17 дней по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе дурной погоды и затѣмъ для того, чтобы посмотрѣть на окончательное разложеніе безполезныхъ штатовъ, созванныхъ не на благо

*) „Архивъ князя Воронцова", т. VIII.

народовъ, но на бѣдствіе настоящихъ и будущихъ государей... Когда я вижу, что короли занимаются лишь конституціями, министры—повышеніями, а народы—революціями, я иногда бываю вынужденъ сожалѣть о паденіи Бонапарта, который былъ бичомъ въ рукахъ Провидѣнія". Конституціонныя требованія—не плодъ дѣйствительной нужды въ нихъ, а просто проявленіе общественной блажи. „Жители лѣваго берега Рейна,—пишетъ Ростопчинъ изъ Эмса въ томъ же году,—потребовали конституціи; это стало столь же неизбѣжнымъ, какъ требованіе хлѣба и зрѣлищъ у римлянъ". Дѣятельность народнаго представительства—сплошная безтолковщина: „представительное правленіе не можетъ нисколько соотвѣтствовать нуждамъ націи, когда каждый хочетъ говорить и никто не умѣетъ слушать".

Дѣятели либеральныхъ партій именуются Ростопчинымъ не иначе, какъ канальями. „Карлсбадскія постановленія и въ особенности циркулярная нота прусскаго министерства привели въ ярость либеральныхъ каналій здѣшней страны" (письмо изъ Парижа отъ 8 ноября 1819 г.). „Нѣмецкая декларація привела въ ярость здѣшнихъ каналій-пропагандистовъ. Они полагають въ своемъ невѣжествѣ, что Германія подымется всей массой ради нѣсколькихъ головъ, украшенныхъ париками à la Brutus. Эти французскіе якобинцы похожи на пьяныхъ, которые спѣшатъ напоить вновь пришедшаго, чтобы отъ него не отличаться" (тоже отъ 3 октября). Торжество реакціи въ Россіи привѣтствуется Ростопчинымъ самымъ горячимъ образомъ. „Судя по новымъ распоряженіямъ не только въ Россіи, но и въ Польшѣ, либеральная манія, кажется, начинаетъ проходить и больше уже не желаютъ ставить на карту свое существованіе ради похвалъ жалкихъ писакъ; въ этомъ отношеніи Зандъ убійствомъ Коцебу оказалъ великую услугу народамъ и долговѣчности царствующихъ особъ" (17 декабря 1819 г.); „Нарышкинъ съ женой спокойно и счастливо живуть въ Москвѣ, гдѣ свободы боятся въ такой же мѣрѣ, въ

какой здѣсь ее добиваются" (5 февраля 1820 г., Парижъ). Стремленіе къ политической свободѣ не можетъ рождаться изъ дѣйствительныхъ потребностей націй; это — не что иное, какъ слѣдствіе адскихъ замысловъ парижскихъ якобинцевъ, раскидывающихъ повсюду свои сѣти: „Міръ никогда не успокоится, пока будетъ существовать французская нація съ своей столицей—Парижемъ. Нужно, чтобы улица Ришелье поросла травой и въ Пале-Роялѣ началась охота на дикихъ кроликовъ. Всѣ бѣдствія революціи исходятъ изъ Парижа" (Парижъ, 8 февраля 1821 г.). Къ этимъ сѣятелямъ революціонной крамолы Ростопчинъ причисляетъ также всю интеллигенцію всѣхъ странъ: ученые студенты въ Германіи—вскормленники якобинцевъ... По счастью для народовъ у разрушителей порядка нѣтъ денегъ и только поэтому они не въ силахъ произвести большаго безпорядка" (1 іюля 1823 г., Карлсбадъ).

Всѣ эти идеи о зловредности представительныхъ учрежденій и политической свободы, объ искусственномъ возбужденіи конституціонныхъ стремленій путемъ коварныхъ происковъ взбалмошныхъ агитаторовъ, о полномъ несоотвѣтствіи свободныхъ учрежденій дѣйствительнымъ потребностямъ націй,—всѣ эти идеи, разсыпанныя отдѣльными крупицами въ письмахъ Ростопчина, были имъ выражены въ совершенно законченной формѣ и систематическомъ порядкѣ въ обширномъ посланіи къ императору Александру, которое было составлено Ростопчинымъ въ 1823 г. подъ названіемъ „Картина Франціи". *) Это произведеніе Ростопчина, очень важное для изученія его воззрѣній, написано интересно, съ извѣстнымъ литературнымъ блескомъ, съ любопытными экскурсами, обличающими въ авторѣ живую наблюдательность. Въ набросанной здѣсь картинѣ есть мѣстами вѣрныя краски, остроумно подмѣченные штрихи дѣйствительной жизни. Но все это нанизано на основную предвзятую идею, составлявшую сущность политическаго

---

*) Русскій Архивъ, 1872 г.

міровоззрѣнія Ростопчина, благодаря чему эта „Картина Франціи“ въ концѣ-концовъ въ цѣломъ вышла тенденціознымъ памфлетомъ. Эта основная идея сводится къ тому, что благо народовъ въ отсутствіи политической свободы, а распространенное увлеченіе „вольностями“—не что иное, какъ психическая эпидемія, разносимая повсюду изъ Франціи.

Трактатъ открывается характеристикой французовъ, какъ легкомысленныхъ вѣтрогоновъ; революція, говорится далѣе,—была спекуляціей недобросовѣстныхъ политикановъ на легкомысліе французской націи. И это стремленіе къ постояннымъ дальнѣйшимъ переворотамъ съ тѣхъ поръ не умираетъ во Франціи, перекидывается и въ другія страны, ибо его дѣятельно поддерживаютъ разнообразные элементы общества частью изъ суетности, частью изъ тщеславія. Съ этой точки зрѣнія Ростопчинъ характеризуетъ и умѣренныхъ конституціоналистовъ и радикаловъ, сосредоточенныхъ въ Парижѣ. Прежнія слова — „свобода и равенство“—замѣнены новыми, „конституція и оппозиція“, но это обновленіе революціоннаго словаря ни въ чемъ не измѣнило сущности разрушительныхъ стремленій, гнѣздящихся попрежнему въ Парижѣ и оттуда раскидывающихся повсемѣстно. Всѣ революціонныя броженія и вспышки, гдѣ бы онѣ не проявлялись, подготовляются, говоритъ Ростопчинъ, парижскими комитетами, которые всюду имѣютъ своихъ агентовъ, хотя и остерегаются письменныхъ сношеній. Такъ и въ Россіи,—утверждаетъ Ростопчинъ, французскіе либералы находятся въ сношеніяхъ съ русскими раскольниками, которые въ свою очередь связаны съ мартинистами, съ членами библейскаго общества и съ донскими казаками!

Итакъ, нормальныя, здоровыя стремленія націй могутъ быть направлены только къ охранѣ и укрѣпленію политическаго деспотизма. Увлеченіе политической свободой есть не болѣе какъ болѣзнь, искусственно прививаемая обществу недобросовѣстными, корыстными политиканами. Вотъ сущность

политическаго credo Ростопчина. Въ сферѣ политическихъ вопросовъ Ростопчинъ—не консерваторъ, а реакціонеръ. Онъ цѣликомъ, начисто отрицаетъ жизненное значеніе политическаго прогресса.

На какой почвѣ возникало у Ростопчина такое міровоззрѣніе, въ чемъ его корни, гдѣ его отправныя точки?

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, необходимо бросить взглядъ на соціальныя воззрѣнія Ростопчина. Ростопчинъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ незыблемой неприкосновенности дворянскихъ привилегій и крѣпостной зависимости крестьянъ. Эмансипаторскія теченія въ области крестьянскаго вопроса всегда встрѣчали съ его стороны полное осужденіе.

Въ наиболѣе законченномъ видѣ Ростопчинъ выразилъ свое отношеніе къ этимъ теченіямъ въ разборѣ извѣстной книги Стройновскаго. Какъ уже было отмѣчено В. И. Семевскимъ, въ возраженіяхъ Ростопчина на книгу Стройновскаго переплетены здравыя мысли, внушенныя непосредственнымъ знаніемъ быта русской деревни, съ явными парадоксами, подсказанными, очевидно, чувствомъ сословно-дворянскаго эгоизма.

Здравыя замѣчанія высказываются Ростопчинымъ преимущественно въ той части его разсужденій, въ которой онъ критикуетъ способы и условія освобожденія крестьянъ, предложенные Стройновскимъ. Здѣсь не трудно было найти въ предложеніяхъ Стройновскаго не мало непрактичнаго и не соображеннаго съ дѣйствительными условіями крестьянскаго быта. *) Но Ростопчинъ не ограничивается критикой способовъ освобожденія, предложенныхъ Стройновскимъ; онъ отвергаетъ вообще необходимость освобожденія и стремится доказать, что крѣпостная зависимость крестьянъ представляетъ собою благодѣтельный и необходимый элементъ общественнаго строя Россіи. Ростопчинъ настаиваетъ на томъ, что „слово

---

*) Подробности см. у В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. I.

вольность или свобода изображаетъ лестное, но неестественное для человѣка состояніе, ибо жизнь наша есть безпрестанная зависимость отъ всего". Послѣ этого философскаго соображенія, оставляющаго открытымъ вопросъ, почему же въ такомъ случаѣ крѣпостная зависимость рекомендуется лишь для крестьянъ, Ростопчинъ выдвигаетъ и соображеніе практическое: вольность есть источникъ разложенія государства, ибо: „первое дѣйствіе вольности есть самовольство, второе—непослушаніе, третье—возстаніе противъ власти". Такимъ образомъ, крѣпостное право благодѣтельно для государства, какъ надежный оплотъ государственнаго порядка. Но оно благодѣтельно и для самихъ крѣпостныхъ крестьянъ, ибо обезпечиваетъ для нихъ экономическую поддержку со стороны ихъ владѣльцевъ и спасаетъ ихъ поэтому отъ нищеты и разоренія, такъ какъ для помѣщика „раззорять крестьянъ есть самый вѣрный способъ раззорять себя". Ростопчинъ не отрицаетъ, конечно, наличности злоупотребленій помѣщичьей властью, которыя иногда очень тяжело отзываются на существованіи крѣпостной деревни. Но отъ этого непріятнаго вопроса онъ отмахивается опять-таки общимъ философскимъ размышленіемъ на ту тему, что вѣдь люди вообще страдаютъ и погибаютъ отъ многихъ причинъ и помимо помѣщичьихъ насилій, какъ-то: отъ эпидемій, холода, падающихъ съ горъ снѣговъ, наводненій и войнъ. Ростопчинъ забываетъ прибавить при этомъ, что люди не только страждутъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, но и неотступно стараются устранить вызывающіе ихъ причины и поводы.

Въ отношеніи къ вопросу о крѣпостномъ правѣ Ростопчинъ никогда не обнаруживалъ никакихъ колебаній. Всякая законодательная мѣра, пробивавшая хотя бы самую скромную брешь въ твердынѣ крѣпостного права, вызывала въ немъ глубокое неудовольствіе. А возобновлявшіеся время отъ времени въ теченіе царствованія Александра I слухи о готовности правительства приступить къ отмѣнѣ крѣпостной зависимости крестьянъ поселяли въ его душѣ острую тревогу. Много разъ

цитировались тѣ мѣста изъ писемъ Ростопчина къ Стиціанову, въ которыхъ Ростопчинъ изливалъ желчь по случаю изданія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Повторять этихъ цитатъ я не буду, онѣ слишкомъ извѣстны, но въ параллель съ ними поставлю письмо Ростопчина къ Александру I отъ 21 февраля 1814 года, въ которомъ читаемъ: „нѣкоторыхъ лицъ волнуетъ новая тревога, которая занимаетъ только глупую, легковѣрную публику; это—возвѣщенный газетами пріѣздъ Лагарпа въ главную квартиру. Изъ этого извѣстія заключаютъ, что, вѣроятно, вновь поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Нѣкто Каразинъ, на словахъ филантропъ, а въ душѣ еврей, говорилъ подъ секретомъ, что въ Петербургѣ засѣдаетъ уже комитетъ, которому поручено выработать проектъ этого освобожденія и что въ немъ предсѣдательствуетъ графъ Кочубей. Я надѣюсь, что Ваше Величество не разсердитесь на старую кумушку Москву. Она стала еще смѣшнѣе и глупѣе, чѣмъ когда-либо. Она не можетъ имѣть твердаго убѣжденія, такъ какъ она всему вѣритъ, все повторяетъ и всего боится“ *).

Врядъ ли мы ошибемся, предположивъ, что эта заключительная стрѣла въ „кумушку Москву“ была пущена Ростопчинымъ лишь для того, чтобы прикрыть собственное непріятное настроеніе отъ переданныхъ въ письмѣ слуховъ. Не ошибемся мы и въ томъ случаѣ, если признаемъ аргументацію, выдвинутую Ростопчинымъ противъ освобожденія крестьянъ въ разсмотрѣнныхъ выше его памфлетахъ, неполной и даже не совсѣмъ искренней. Онъ отстаивалъ тамъ необходимость крѣпостного права въ интересахъ государства и самихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Интересы дворянства какъ будто отходили при этомъ въ его глазахъ на самый заднiй планъ. Но врядъ ли кто усомнится въ томъ, что они-то именно и составляли настоящую подкладку крѣпостническихъ тенденцій Ростопчина.

---

*) Русская Старина, 1893 г., т. 77.

Въ цитированномъ уже выше письмѣ Ростопчина къ Цицiанову, въ которомъ Ростопчинъ сообщаетъ о прiѣздѣ къ нему Юнга, читаемъ еще такiя строки: „Этотъ маратель поселился въ Москвѣ на два года; жилъ у меня десять дней и душилъ запросами, изъ коихъ одинъ замѣчателенъ: какъ дѣлится время между господина и крестьянина, т.-е. какъ сей послѣднiй работаетъ—поденно, недѣльно или мѣсячно! Съ нимъ помощникъ—переводчикъ Кайсаровъ, философъ съ чертою головою, коего Строгановъ, Кочубеевъ подмастерье, мнѣ рекомендовалъ на французскомъ языкѣ и подписалъ тако: „P. Stroganoff". *) Кричи—vive la Nation! На фонарь не поднимутъ, а на ворота. .". Вотъ эти-то ворота въ роли парижскихъ фонарей съ болтающимися на нихъ дворянскими трупиками и вставали въ воображенiи Ростопчина каждый разъ, какъ только заходила рѣчь о возможности отмѣны крѣпостного права. Когда онъ называлъ крѣпостное право основою благоденствiя Россiи, онъ понималъ подъ этимъ прежде всего неприкосновенность привилегiй дворянства. Боязнь за судьбу этихъ привилегiй и дѣлала изъ Ростопчина заклятаго противника социальныхъ реформъ.

Изъ того же источника проистекало и его политическое реакцiонерство. Конституцiонная реформа государственнаго строя страшила его, какъ несомнѣнная, по его мнѣнiю, прелюдiя къ соцiальному перевороту. Только самодержавная монархiя представлялась ему надежной плотиной, могущей сдержать напоръ демократическихъ силъ. Снимутъ эту плотину, и демократическая волна хлынетъ со всесокрушающей стремительностью и снесетъ безъ остатка всѣ привилегiи и преимущества, доставляющiя дворянству командующее положенiе въ государственной жизни.

Политическая реакцiя во имя сохраненiя дворянскихъ привилегiй—вотъ сущность тѣхъ воззрѣнiй, представителемъ которыхъ являлся Ростопчинъ и благодаря которымъ его лич-

*) Т.-е. безъ графскаго титула.

ность способна привлекать къ себѣ особенное вниманіе въ наши дни, когда реакціонная роль дворянства въ политической жизни Россіи выступила съ такой осязательной выпуклостью.

Крѣпостническія тенденціи не всегда соединялись у насъ съ поклоненіемъ абсолютизму. И въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка у насъ были крѣпостники-конституціоналисты, и можно указать и такіе моменты въ новой русской исторіи, когда именно дворянское сословіе, и притомъ какъ разъ во имя своихъ сословно-дворянскихъ интересовъ, выступало носителемъ конституціонной идеи. Конституціонные проекты 1730 г., выдвинутые изъ среды верховниковъ и шляхетства, всѣ были построены на совмѣщеніи политическихъ свободъ для дворянъ съ соціальной неволей для крестьянства. Князь Щербатовъ при Екатеринѣ II и графъ Мордвиновъ при Александрѣ I развивали точно также конституціонно-аристократическія тенденціи, одновременно ополчаясь противъ абсолютизма и за соціальныя привилегіи дворянства. Для нихъ, точно также, какъ и для составителей проекта 1730 г., аристократическая конституція представлялась цѣннымъ благомъ, именно какъ наилучшее средство закрѣпить безповоротно и нерушимо привилегіи своего сословія путемъ прямого воздѣйствія на законодательство черезъ представительныя учрежденія.

Ростопчинъ принадлежалъ къ совершенно иному теченію въ средѣ дворянства, теченію, особенно окрѣпшему въ Россіи въ началѣ XIX ст. подъ вліяніемъ событій французской революціи. Въ этихъ событіяхъ люди, подобные Ростопчину, наиболѣе болѣзненно восприняли и наиболѣе твердо запомнили то, что за превращеніемъ генеральныхъ штатовъ въ національное учредительное собраніе тотчасъ послѣдовала ночь 4 августа со смертнымъ приговоромъ привилегіямъ дворянства. Крушеніе абсолютизма съ этихъ поръ окончательно отождествилось въ ихъ пониманіи съ торжествомъ черни надъ благороднымъ дворянствомъ. Афоризмъ Монтескье: „нѣтъ дворянина, нѣтъ и мо-

нарха“ для нихъ замѣнился другимъ: „нѣтъ деспота, нѣтъ и дворянина“. Какъ бы ни звучали параграфы конституціонной хартіи, имъ неизмѣнно слышалась тамъ отходная дворянству, какъ привилегированному сословію. Народное представительство,—разсуждали они,—само по себѣ, въ своей внутренней природѣ, всегда несетъ торжество демократическихъ началъ. Аристократическая конституція—не что иное, какъ переходная форма, лишенная всякой устойчивости; разъ созданы представительныя учрежденія, тѣмъ самымъ открыты шлюзы передъ всенароднымъ потокомъ, который и не замедлитъ хлынуть къ источнику власти.

Таковъ былъ господствующій строй мысли въ тѣхъ поколѣніяхъ дворянской массы, которыя съ молодости были ушиблены ужасомъ отъ событій французской революціи и которыя подъ вліяніемъ этого ужаса твердо-натвердо усвоили мысль, что самодержавная власть монарха надъ подданными есть лучшая гарантія власти дворянина надъ зависимыми отъ него низшими классами населенія. На этой политической философіи всецѣло стоялъ и Ростопчинъ. Съ молодыхъ лѣтъ и на всю жизнь Ростопчинъ былъ загипнотизированъ одной идеей: что незыблемости дворянскихъ привилегій грозитъ всенародный бунтъ, который можетъ быть предотвращенъ лишь неослабнымъ давленіемъ сильной власти на всю народную жизнь. Вся организація государственныхъ учрежденій, вся политика правительства, всѣ общественныя усилія должны быть, по его мнѣнію, направлены на достиженіе одной цѣли—чтобы въ деревнѣ было тихо, чтобы не вспыхнула вторая пугачевщина, вѣчно грозящій призракъ которой неотступно стоялъ передъ воображеніемъ дворянина Этимъ „дворянскимъ страхомъ“ обусловливалось политическое реакціонерство Ростопчина; имъ же объяснялся и его соціальный консерватизмъ; изъ того же источника проистекалъ... и его націонализмъ.

VI.

Націонализмъ Ростопчина.

Начиная съ появленія памфлета „Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“ и во все послѣдующее время Ростопчинъ выступалъ въ своихъ писаніяхъ заклятымъ врагомъ французовъ. Въ связи съ этой враждой къ французамъ Ростопчинъ обрушивался съ горькими обличеніями на рабскую подражательность русскаго дворянскаго общества французскимъ модамъ и на пренебреженіе его къ своей родной старинѣ. Всѣ эти темы развивались въ тогдашней литературѣ не однимъ Ростопчинымъ. Протестъ противъ французоманіи русскаго общества рѣзко былъ выдвинутъ еще въ сатирическихъ журналахъ XVIII ст. и не умолкалъ въ теченіе всего Александрова царствованія, получивъ яркое выраженіе и въ великой грибоѣдовской комедіи.

Но голосъ Ростопчина не затеривался въ этомъ хорѣ, а напротивъ того, рѣзко изъ него выдѣлялся особенной запальчивой крикливостью. Сравните въ этомъ отношеніи Новикова и Грибоѣдова съ Ростопчинымъ. Всѣ трое заняты обличеніемъ одной и той же общественной слабости. Но первые два, прежде всего, озабочены стремленіемъ поучать и обличать тѣхъ, *кто подражаетъ*. Ростопчинъ тратитъ свой пылъ главнѣйше на выраженіе ненависти къ тѣмъ, *кому подражаютъ*. У Новикова и Грибоѣдова на первомъ планѣ задача предостеречь и исправить поведеніе соотечественниковъ, у Ростопчина—заклеймить французовъ. Грибоѣдовъ готовъ предпочесть „оригиналы спискамъ“ и хочетъ только того, чтобы каждая нація,—Россія такъ же, какъ и Франція,—оставалась при своемъ, не гоняясь за чужими модами. Ростопчинъ ставитъ вопросъ такъ: чтобы русскіе не подражали французамъ, онъ готовъ воскликнуть „да погибнетъ Франція!“ Если москвичи корчатъ изъ себя парижанъ, то виноваты парижане,

разносящіе по свѣту столь заразительныя для другихъ народовъ моды и ухватки. Русская подражательность французскимъ модамъ является, такимъ образомъ, въ изображеніи Ростопчина лишь производнымъ бѣдствіемъ другого, гораздо горшаго бѣдствія, состоявшаго въ томъ, что на земномъ шарѣ существуетъ такая гнусная нація, какъ французская.

Ожесточеніе противъ французовъ охватило многихъ русскихъ послѣ тѣхъ дикихъ поступковъ, которыми запятнали себя войска Наполеона во время занятія Москвы и другихъ русскихъ городовъ. Въ пламенной формѣ вылились эти чувства, напримѣръ, въ письмахъ поэта Батюшкова. Вотъ на образецъ отрывки изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу отъ сентября 1812 года: „...ужасные поступки вандаловъ и французовъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ... мщенія! мщенія! варвары, вандалы! и этотъ народъ извѣрговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи; и мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны! хорошо и они намъ заплатили! можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о неистовыхъ поступкахъ...“ и т. д. *) Возмущенный зрѣлищемъ вандализма Наполеоновыхъ войскъ, Батюшковъ готовъ разочароваться и во всемъ томъ, что было внесено Франціей въ общечеловѣческую цивилизацію. Мысли такого рода, какъ прямой результатъ событій отечественной войны, посѣщали тогда многихъ русскихъ людей. Въ pendant къ письму Батюшкова укажу, наприм., на „Письма изъ Москвы“ неизвѣстнаго автора, помѣщенныя въ Сынѣ Отечества за 1813 г. **) Письма начинаются съ подробнаго описанія французскихъ неистовствъ въ Москвѣ въ 1812 г., и вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ горькимъ сѣтованіяхъ на манію

---

*) Русская Старина, 1883 г., май.

**) Перепечатано въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., кн. X.

русскихъ во всемъ подражать французамъ и къ настойчивой критикѣ всей французской культуры и литературы. Любопытно, что письмо кончается пророческимъ описаніемъ того, что послѣ Отечественной войны французоманія еще болѣе усилится.

Въ подобнаго рода заявленіяхъ мы уже встрѣчаемъ какъ будто чисто ростопчинскую ненависть къ французамъ, распространяющуюся не только на отдѣльныя стороны французскаго характера, но и на всю французскую культуру. И все-таки, даже и по сравненію съ такими, наиболѣе рѣзкими проявленіями непріязни къ французамъ, Ростопчинъ побиваетъ рекордъ по непримиримости своей галлофобіи. Такія лица, какъ Батюшковъ или анонимный авторъ статьи въ Сынѣ Отечества, отправлялись отъ отдѣльныхъ фактовъ, которые рѣзнули ихъ по сердцу, и только въ виду этихъ фактовъ съ грустью и душевной болью подвергали они сомнѣнію достоинства французской цивилизаціи. Во всѣхъ писаніяхъ Ростопчина этой поры чувствуется совершенно обратная постановка вопроса. Онъ каждой строчкой своихъ яростныхъ противофранцузскихъ восклицаній какъ будто хочетъ злорадно сказать: чего же было и ждать отъ этого народа, все прошлое и вся духовная природа котораго никогда не представляла ничего, кромѣ отталкивающихъ чертъ нравственнаго разложенія.

Изъ всего этого можно было бы вывести заключеніе, что Ростопчинъ по натурѣ, органически былъ враждебенъ всему французскому и преисполненъ того русскаго національнаго духа, который выражался въ столь прославляемой Ростопчинымъ національной русской старинѣ. Мы знаемъ, однако, что на дѣлѣ не было ничего подобнаго. Съ головы до ногъ Ростопчинъ былъ вскормленникомъ той самой французской культуры, которая такъ полюбилась русскому барству того времени. Безъ французскаго языка, французскихъ книжекъ, французской кухни онъ не могъ бы просуществовать и нѣсколь-

кихъ дней. Г. Покровскій въ статьѣ своей о комедіи Ростопчина „Вѣсти или убитый живой" произвелъ остроумное сопоставленіе обличительныхъ строкъ „Мыслей вслухъ на Красномъ крыльцѣ" противъ французоманіи съ частными письмами самого Ростопчина. Оказалось, что Ростопчинъ самъ грѣшилъ какъ разъ тѣми именно видами французоманіи, которые со страстнымъ негодованіемъ обличались въ его памфлетѣ. Совпаденіе доходитъ до смѣшного. *) Прославленіе исконно-русскихъ формъ жизни въ памфлетахъ Ростопчина являлось не болѣе какъ словеснымъ маскарадомъ. Потому-то оно и не производитъ на непредубѣжденнаго читателя впечатлѣнія внутренней убѣдительности. Скажу болѣе: почитать Ростопчина,— и можетъ показаться, что ненависть къ Франціи онъ впиталъ въ себя чуть ли не съ молокомъ матери. А между тѣмъ, какъ мнѣ уже пришлось указать въ одной изъ предшествующихъ главъ, Ростопчинъ до 1807 г. былъ настойчивымъ сторонникомъ тѣснаго политическаго сближенія Россіи съ Франціей. Русско-австрійская коалиція противъ Франціи вызывала съ его стороны рѣзкое осужденіе. И только съ 1807 г. онъ внезапно и круто перемѣнилъ фронтъ, превратившись въ поистинѣ необузданнаго ненавистника французовъ. Въ періодъ Отечественной войны эта ненависть быстрыми шагами подымалась на еще большую высоту.

Почему же только съ 1807 г. французоманія стала вызывать негодованіе Ростопчина, почему только съ 1807 г. имъ овладѣла страстная любовь къ русскому національному „духу" и русскому исконному укладу жизни?

Все станетъ яснымъ, лишь только за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы обратимся не къ печатнымъ произведеніямъ Ростопчина, а къ его частной перепискѣ. Эта переписка вскры-

---

*) Вяземскій, знавшій лично Ростопчина, пишетъ про него: „складомъ ума, остроуміемъ былъ онъ (Ростопчинъ) ни дать ни взять настоящій французъ Онъ французовъ ненавидѣлъ и ругалъ на чисто французскомъ языкѣ". Русскій Архивъ, 1877 г., т. II.

ваетъ съ совершенной отчетливостью, что и въ основѣ его галлофобіи, вспыхнувшей съ 1807 г., лежалъ тотъ же „дворянскій страхъ", который мы нашли въ основѣ его соціальныхъ и политическихъ воззрѣній.

Франція, какъ разсадникъ салонной культуры, какъ законодательница модъ и даже какъ источникъ просвѣтительной философіи и изысканной литературы, не только не была ненавидима Ростопчинымъ въ первую половину его жизни, но, наоборотъ, имѣла въ немъ одного изъ своихъ горячихъ поклонниковъ. Съ какимъ увлеченіемъ этотъ будущій ненавистникъ всего французскаго восхвалялъ въ свое время въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой французскій геній Дидро!

Эксцессы французской революціи, въ которыхъ для дворянскихъ ушей Ростопчина явственно прозвучало memento mori по адресу привилегированной знати, все же не измѣнили его общаго тяготѣнія къ Франціи, которому онъ и оставался вѣренъ до 1806—7 года: вѣдь соціальныя передряги, пережитыя Франціей, казались чѣмъ-то неизмѣримо далекимъ отъ русской жизни, не могущимъ имѣть къ ней ни малѣйшаго отношенія. Русско-прусская коалиція, однако, вдругъ показала, что Наполеонъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ чуть ли уже не вплотную подходитъ къ предѣламъ Россіи. Тильзитскій союзъ былъ принятъ русскимъ обществомъ, какъ прелюдія къ борьбѣ съ Наполеономъ не на жизнь, а на смерть. Мы теперь знаемъ, что точно такъ же смотрѣлъ на этотъ союзъ и самъ императоръ Александръ. И тотчасъ же русскимъ дворянствомъ овладѣлъ все возрастающій страхъ передъ французской опасностью. Боялись не военнаго генія Наполеона, не возможныхъ пораженій русскихъ войскъ на ратномъ полѣ; боялись магической силы одного призывнаго слова, которое могло раздаться изъ устъ французовъ: то было слово—в о л я. Дворянство не сомнѣвалось, что лишь только пришлые иноземцы провозгласятъ этотъ призывъ, онъ найдетъ могучій откликъ въ многомилліонной крѣпостной

массѣ, и Россія въ мигъ будетъ объята крестьянскимъ мятежомъ. Дворянское общество въ 1806—7 г. начало взирать на французовъ со страхомъ и трепетомъ, не какъ на возможныхъ будущихъ покорителей русскаго государства, но какъ на возможныхъ будущихъ освободителей русскихъ крестьянъ отъ крѣпостного ига. Этотъ „дворянскій страхъ" всецѣло переполнилъ и душу Ростопчина, и подъ его-то давленіемъ все французское представилось ему въ отталкивающемъ, отвратительномъ свѣтѣ. Тогда-то онъ и превратился внезапно изъ выкормленника французской культуры въ самаго необузданнаго галлофоба. Нѣтъ ничего легче, какъ подтвердить все только что сказанное документальными цитатами. Трудность можетъ состоять развѣ только въ обиліи этого матеріала, котораго такъ много, что не знаешь, какія именно цитаты предпочесть въ качествѣ образчика, ибо всѣ онѣ одинаково характерны и отчетливо-убѣдительны.

Уже въ декабрѣ 1806 г. Ростопчинъ обратился къ императору Александру съ письмомъ, содержаніе котораго въ высшей степени важно для характеристики воззрѣній Ростопчина. Въ этомъ письмѣ все договорено до конца и вопросы поставлены ребромъ. Въ виду опасности, грозящей Россіи со стороны Франціи, Ростопчинъ, по его словамъ, „во исполненіе долга христіанина и вѣрноподданнаго" рѣшается изложить государю мысли, „внушенныя обстоятельствами, познаніемъ людей, ревностью къ славѣ отечества и къ сохраненію дворянъ, коихъ наконецъ и вы сами, государь, признали справедливо единственною подпорою престола".

Дворянство,—говоритъ далѣе Ростопчинъ,—всѣмъ пожертвуетъ отечеству и сумѣетъ преградить всемірному врагу доступъ въ хранимую Богомъ землю, но... „все сіе—усердіе, мѣры и вооруженіе, доселѣ нигдѣ неизвѣстныя, обратятся во мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всѣхъ бунтахъ

и возмущеніяхъ единая цѣль черни, къ чему она нынѣ еще поспѣшнѣе устремится по примѣру Франціи и, бывъ къ сему уже приготовлена несчастнымъ просвѣщеніемъ, коего неизбѣжныя слѣдствія есть гибель закона и царей"; вотъ почему, по заявленію Ростопчина, „вліяніе живущихъ въ Россіи французовъ оказываетъ уже пагубное дѣйствіе на сословіе слугъ, кои уже ждутъ Бонапарта, дабы быть вольными". *)

Эти тревоги были присущи тогда не только Ростопчину. Доводя ихъ до свѣдѣнія государя, Ростопчинъ являлся выразителемъ настроенія, охватившаго широкіе и разнообразные круги русскаго дворянства. Напечатанныя до сихъ поръ частныя письма разныхъ лицъ той эпохи переполнены указаніями на то, что въ перспективѣ войны съ Наполеономъ русское дворянство въ первую очередь страшилось не французовъ, а собственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ. Приведу лишь для образца два-три примѣра.

Варвара Ивановна Бакунина 1 мая 1812 г. записала въ своемъ дневникѣ: „боятся, что когда Наполеонъ приблизится къ русскимъ губерніямъ и объявитъ крестьянъ вольными, то можетъ легко сдѣлаться возмущеніе, но что до этого Фулю, Армфельду и прочимъ". **)

Извѣстный масонъ и въ то же время ярый крѣпостникъ Поздѣевъ писалъ Сергѣю Степановичу Ланскому изъ Вологды 19 сентября 1812 года: „...одни дворяне и ихъ приказчики побуждаютъ къ повиновенію къ государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности и все это поддерживалось головами французскими и изъ русскихъ, а нынѣ и паче французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію и именно

*) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

**) Русская Старина, 1885 г., сентябрь.

связь государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами... французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ, то и ожидай всеобщаго возстанія; при этакомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго бунта противъ государя и дворянъ и прикащиковъ, кои власть государя подкрѣпляютъ“...

Тотъ же Поздѣевъ въ письмѣ къ графу Разумовскому отъ 21 сентября 1812 г. писалъ: „...гдѣ Богъ велитъ оканчивать и вамъ дни свои? Ибо гдѣ теперь безопасность? потому что и мужики наши по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію ожидаютъ какой-то вольности; хотя и видятъ роззореніе совершенное, но очаровательное слово вольности кружитъ ихъ головы, ибо мало смыслящихъ, а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды“. *)

Цитаты подобнаго рода можно было бы умножить въ какой угодно мѣрѣ. Зато, когда событія вскрыли неосновательность этихъ страховъ, дворянство вздохнуло полной грудью, и радость, его охватившая, только еще рельефнѣе оттѣнила силу предшествующей тревоги. А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому отъ 27 декабря 1812 г.: „...сильное сіе сотрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ: отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною“... **)

---

*) Русскій Архивъ, 1872 г.

**) Русскій Архивъ, 1866 г., т. I.

Въ письмахъ Ростопчина за соотвѣтствующій періодъ на первый планъ выдвигаются тѣ же самые мотивы, общіе громадному большинству дворянской массы. И въ ожиданіи войны и среди ея уже разгорающихся перипетій его воспаленные страхомъ помыслы всецѣло прикованы къ крѣпостной деревнѣ. Какъ отзовется она на французскій призывъ къ свободѣ? - Въ этомъ вопросѣ для него—вся суть положенія.

23 іюля 1812 г. Ростопчинъ пишетъ Александру по случаю состоявшагося распоряженія объ изъятіи казенныхъ крестьянъ отъ участія въ мобилизаціи: „со временъ Пугачева въ губерніяхъ, зараженныхъ духомъ мятежа, сей послѣдній подавляемъ былъ крестьянами казенными, надъ которыми не имѣло силы слово свобода. Заставляя ихъ дѣйствовать вперемежку, легко будетъ остановить успѣхъ рѣзни“.

8 сентября онъ пишетъ государю изъ арміи съ тульской дороги: „весьма опасны два распространяемыя въ арміи понятія: одно, будто, отдавая Москву, Кутузовъ исполнилъ ваше приказаніе, другое—будто вы дозволили Бонапарту проникнуть въ ваши владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ провозгласилъ въ нихъ свободу отъ вашего имени“. Въ письмѣ отъ 21 сентября изъ лагеря подъ Нарой Ростопчинъ сообщаетъ: „испугавшись сначала приближенія непріятеля, крестьяне покидали свои жилища. Но такъ какъ наши ихъ - грабятъ, то они соблазнились коварными внушеніями ополченцевъ, большая часть которыхъ вернулась домой и послѣдовали ихъ примѣру, говоря, что они вольные, а другіе,—что они подданные Наполеона“. *)

Въ письмѣ къ Балашову отъ 23 іюля 1812 г. Ростопчинъ повторяетъ то же, что онъ писалъ и государю: „увольненіе казенныхъ крестьянъ отъ ополченія наравнѣ съ помѣщичьими произвело дурное дѣйствіе, кое по времени можетъ имѣть дурныя слѣдствія. Люди, опредѣленные на защиту отечества, будутъ все помѣщичьи. Въ нихъ естественно родится зависть

---

*) Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

къ казеннымъ крестьянамъ и вмѣстѣ съ симъ ненависть къ господамъ; при случаѣ самомалѣйшаго со стороны ихъ неповиновенія или неудовольствія они будутъ защищать общее свое право, а удержать или остановить ихъ будетъ некому... важнѣе всего то, что неудовольствіе въ народѣ можетъ обратиться на дворянъ, яко виновныхъ въ семъ случаѣ тѣмъ что ихъ крестьяне бывъ ихъ собственностью, одни и несутъ тяжелый ихъ наборъ". *)

Мысль о возможности крестьянскаго бунта засѣла въ умѣ Ростопчина съ самаго начала Отечественной войны. Онъ тогда же сказалъ Глинкѣ: „мое главное теперь дѣло то, чтобы обезпечить и удалить дворянъ изъ уѣздовъ; Богъ знаетъ какой возьмутъ оборотъ наши внутреннія обстоятельства". **)

И впослѣдствіи, уже по уходѣ французовъ изъ Москвы, Ростопчинъ самъ заявлялъ, что его заботы и его заслуга во время войны сводились къ предупрежденію бунта, который былъ бы опаснѣе самаго французскаго вторженія. 14 ноября 1812 г. онъ писалъ Киселеву: „...кромѣ ругательства, клеветы и мерзостей не получилъ я ничего отъ того города, въ которомъ многія обязаны мнѣ жизнью. Самый малый бунтъ распространился бы вездѣ и я не знаю, кто бы тогда выгналъ Наполеона и гдѣ бы каждый очутился"... ***)

На-ряду съ такими заявленіями Ростопчинъ, пока шла война, не однажды съ радостью доносилъ Александру и писалъ другимъ лицамъ, что расчеты Наполеона на возмущеніе крестьянъ противъ господъ не оправдываются, и это чередованіе пессимистическихъ и оптимистическихъ заявленій въ устахъ Ростопчина какъ нельзя лучше выражаетъ то нервное, выбитое изъ равновѣсія душевное состояніе „межъ страха и надежды",

---

*) Дубровинъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ", № 55.

**) С. Глинка: „Записки о 1812 годѣ", стр. 34.

***) Русскій Архивъ, 1863 г., № 12.

которое испытывало въ это время дворянство, само себя терроризовавшее перспективами второй пугачевщины. Такъ, 6 августа 1812 г. Ростопчинъ писалъ Багратіону: „злоба къ Бонапарту такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ; и эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ". *)

30 іюля Ростопчинъ писалъ Балашеву: „а вамъ сообщаю новое доказательство, что слово вольность, на коей Наполеонъ создалъ свой замыселъ завоевать Россію, совсѣмъ въ пользу его не дѣйствуетъ. Русскихъ проповѣдниковъ свободы нѣтъ, ибо я въ счетъ не кладу помѣшанныхъ, ни пьяныхъ, коихъ слова остаются безъ дѣйствія". **)

Однако, этотъ оптимизмъ въ устахъ Ростопчина и другихъ представителей того же класса скорѣе походилъ тогда на подбадриваніе самихъ себя и то и дѣло смѣнялся новыми мрачными опасеніями. Въ этихъ опасеніяхъ и коренился источникъ всѣхъ мѣропріятій, всего образа дѣйствій Ростопчина во времена его генералъ-губернаторствованія въ Москвѣ. Сознаніе того, что въ распоряженіи французовъ имѣется такое волшебное слово, какъ воля, заставляло Ростопчина въ ожиданіи возможнаго прихода Наполеона внутрь Россіи сосредоточивать свои заботы не столько на оборонѣ Россіи отъ внѣшняго врага, сколько на оборонѣ дворянства отъ возмущенія крѣпостныхъ людей. Ростопчинъ ничего не сдѣлалъ для военнаго укрѣпленія Москвы, для организаціи особой московской милиціи, которую онъ обѣщалъ Кутузову, для своевременной подготовки эвакуированія изъ столицы многочисленныхъ казенныхъ учрежденій. Онъ хлопоталъ лишь объ одномъ—о предупрежденіи внутренняго мятежа, о предотвращеніи возстанія крѣпостной массы на господъ.

---

*) Русская Старина, 1883 г., № 12.

**) Дубровинъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ", № 62.

VII.

Ростопчинъ, какъ администраторъ.

Административная дѣятельность Ростопчина въ качествѣ градоправителя Москвы много разъ подвергалась суровой критикѣ историковъ. Въ ложномъ направленіи этой дѣятельности, въ ея безплодности, въ сопровождавшихъ ее безцѣльно жестокихъ подробностяхъ усматривали обыкновенно доказательство административной бездарности Ростопчина, жестокости и легкомысленности его натуры. Мнѣ думается, что объясненія всему этому надлежитъ искать глубже. Мы уже знаемъ, что Ростопчинъ вовсе не былъ бездарной личностью. Наоборотъ, онъ обладалъ живымъ, острымъ, незауряднымъ умомъ. И если его дѣйствія въ 1812 году были нелѣпы—а они, дѣйствительно, были таковыми,—то ихъ нелѣпость вытекала изъ самаго существа той задачи, которую онъ себѣ ставилъ, а эта задача была ему подсказана не отсутствіемъ административныхъ дарованій, а всѣмъ строемъ его пронизаннаго внутренними противорѣчіями міровоззрѣнія.

Всѣми силами души онъ отстаивалъ всегда политическое и соціальное рабство. Его идеаломъ было безгласное общество и порабощенный народъ. И по волѣ судьбы ему пришлось выступить на административномъ поприщѣ въ одинъ изъ такихъ моментовъ, въ которыхъ сама жизнь съ особенной яркостью подчеркиваетъ всю мертворожденность, всю безсмысленность такой политической философіи.

Въ виду нашествія врага въ предѣлы Россіи и связанной съ этимъ страшной опасности приходилось строить надежды на спасеніе Россіи на патріотическомъ воодушевленіи широкихъ массъ населенія. „Бородачи составляютъ твердыню Россіи“, писалъ Ростопчинъ государю въ іюнѣ 1812 г. Но неподдѣльное патріотическое воодушевленіе народныхъ массъ всегда связано съ подъемомъ народной самодѣятельности, съ

пробужденіемъ свободолюбиваго духа въ народномъ сознаніи. Ростопчинъ отдавалъ себѣ въ этомъ полный отчетъ и потому-то онъ такими испуганными взорами всматривался въ будущее. Онъ оказывался лицомъ къ лицу съ труднѣйшей дилеммой: или подавлять въ массахъ всякія вспышки горячаго чувства, держать народъ всѣми мѣрами въ состояніи мертвеннаго равнодушія къ совершающимся событіямъ и тѣмъ самымъ отнять у Россіи могущественнѣйшій факторъ побѣды надъ врагомъ— патріотическое одушевленіе массъ; или опереться на чувство народа въ поднимающейся внѣшней борьбѣ и, слѣдовательно, заранѣе примириться съ возможностью того, что народныя массы почувствуютъ себя самостоятельной силой и потому, по одолѣніи врага, громко и настойчиво заявятъ о своихъ правахъ и потребуютъ ихъ признанія со стороны власти и привилегированныхъ классовъ. Капитуляція передъ требованіями народныхъ массъ являлась въ глазахъ Ростопчина не менѣе зловѣщей перспективой, чѣмъ капитуляція передъ пушками Наполеона. И вотъ, передъ Ростопчинымъ выдвинулась та самая задача, которую ставятъ себѣ всѣ патріоты-реакціонеры: использовать чувства народнаго патріотизма, оставляя въ силѣ народную порабощенность. Выполненіе такой противоестественной задачи было явно невозможно. И примѣръ Ростопчина представилъ какъ нельзя болѣе яркое доказательство того, что всѣ, задающіеся подобными планами политики, неизбѣжно обрекаютъ себя на жалкую роль политическихъ авантюристовъ, вся дѣятельность которыхъ состоитъ изъ сплошной фальсификаціи ими же провозглашаемыхъ началъ. Истиннаго народнаго патріотизма, неразлучнаго со стремленіемъ народа къ свободному самоопредѣленію, они боятся сильнѣе, чѣмъ иноземнаго вторженія. И они стараются вызвать въ массахъ для своихъ цѣлей лишь фальсификатъ патріотизма, т.-е. разжечь въ толпѣ наиболѣе темные инстинкты человѣконенавистничества. Они въ одно и то же время и взываютъ къ народному одушевленію и смертельно боятся его неизбѣжныхъ, нормальныхъ послѣд-

ствій. И потому они возлагаютъ свои расчеты на фальсификаты народнаго воодушевленія и стремятся подмѣнить подлинный энтузіазмъ народныхъ массъ безчиннымъ озорствомъ разнузданной уличной толпы.

Ростопчинъ и пошелъ по этому пути. Къ такимъ именно пріемамъ свелась вся его политика въ 1812 году. И, повторяю еще разъ, то не были съ его стороны ошибки, внушенныя административной бездарностью и рутинерствомъ. Несмотря на всѣ его личныя дарованія, для него не существовало иного выхода изъ даннаго положенія при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя составляли сущность его міросозерцанія. Идеологія рабства осуждаетъ даже и талантливыхъ государственныхъ людей въ великіе моменты народной жизни на жалкій авантюризмъ и безплодное политическое паясничество,—вотъ то заключеніе, къ которому приводитъ изученіе дѣятельности Ростопчина.

Всѣ заботы Ростопчина въ 1812 г. были сосредоточены на томъ, чтобы возможный взрывъ народныхъ страстей не обрушился на помѣщичью власть. И съ этою цѣлью онъ изобрѣталъ различныя искусственныя мишени, на которыя можно было бы направить въ нужный моментъ народное негодованіе. Такими мишенями должны были явиться измѣнники и крамольники. Если таковыхъ подъ рукою не имѣется, ихъ нужно изобрѣсти усиліями администраціи—этотъ-то сто ь общеизвѣстный теперь рецептъ административной магіи и былъ въ крупныхъ размѣрахъ испробованъ Ростопчинымъ въ Москвѣ, взволнованной приближеніемъ страшнаго врага. Ростопчинымъ было рѣшено, что измѣнниковъ должны будутъ поставить изъ своей среды проживающіе въ Москвѣ французы, а гнѣздилищемъ крамолы можно будетъ объявить кружки московскихъ „мартинистовъ“,—тѣ остатки и обломки былыхъ новиковскихъ организацій, которые еще существовали въ Москвѣ, хотя и не играли уже никакой общественной роли, и жили, что называется, ниже травы, тише воды. На московскихъ французовъ и на „мартинистовъ“ Ростопчинъ и обратилъ свою админи-

стративную энергію, которая ознаменовалась такими беззастѣнчиво недобросовѣстными пріемами, что отвратила отъ Ростопчина симпатіи многихъ безпристрастныхъ и не утратившихъ нравственнаго чувства людей. Иногда высказывается та мысль, что въ этихъ своихъ дѣйствіяхъ Ростопчинъ просто-напросто слишкомъ зарвался по легкомысленной неосмотрительности и уже поневолѣ, чтобы спасти свое положеніе, долженъ былъ итти до конца, вплоть до чудовищно нелѣпыхъ распоряженій. Думаю, что такое объясненіе не соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ 1812 г. Ростопчинъ методически осуществлялъ ту самую программу дѣйствій, которая была имъ обдумана и предложена императору Александру еще въ въ 1806 г. Я цитировалъ выше письмо Ростопчина къ Александру отъ 17 декабря 1806 г., въ которомъ онъ предупреждалъ, какія опасности могутъ быть возбуждены толками „о мнимой вольности“, если эти толки подстрекнутъ крестьянъ „на пріобрѣтеніе воли истребленіемъ дворянства“. Далѣе, въ томъ же письмѣ слѣдовало указаніе мѣръ, посредствомъ которыхъ такая опасность могла бы быть предотвращена. Вотъ эти мѣры: „Государь, исцѣлите Россію отъ заразы, прикажите выслать за границу сонмище ухищренныхъ злодѣевъ, коихъ пагубное вліяніе губитъ умы и души несмыслящихъ подданныхъ вашихъ... Заклинаю васъ именемъ Божіимъ, подумайте о прошедшемъ и о настоящемъ, о измѣнѣ Степанова, о расположеніи умовъ, о философахъ, о мартинистахъ и о выборѣ начальника московской милиціи“. Въ этихъ строкахъ—вся программа будущихъ дѣйствій Ростопчина въ 1812 г.: пока иностранцы не успѣли еще возжечь въ крестьянахъ ненависти къ помѣщикамъ, нужно возжечь ненависть крестьянъ къ иностранцамъ и къ неблагонадежнымъ врагамъ царской власти изъ среды русскихъ измѣнниковъ. „Мартинисты“ крѣпко засѣли въ мысляхъ Ростопчина, онъ давно облюбовалъ въ нихъ удобную мишень для устремленія административной энергіи. Войдя въ салонъ великой княгини Екатерины Павловны, онъ сразу взялъ тамъ на свою долю амплуа изобли-

чителя мартинистовъ. Въ 1810 г. онъ приготовилъ для великой княгини пространную записку, заключающую въ себѣ, по его словамъ, „исторію сословія мартинистовъ въ Россіи“, на основаніи „всѣхъ нужныхъ для сего свѣдѣній“. *)

И такъ, дѣйствія Ростопчина на генералъ-губернаторскомъ посту были планомѣрны и давно обдуманы. Они не стали отъ этого болѣе цѣлесообразными и соотвѣтственными важности переживаемаго момента.

Что касается московскихъ жителей французскаго происхожденія, то, конечно, при обстоятельствахъ того времени были всѣ основанія зорко слѣдить за ихъ поведеніемъ и настроеніемъ. Ни для кого вѣдь не составляло тайны, какъ широко пользовался Наполеонъ политическимъ шпіонажемъ въ тѣхъ странахъ, на которыя онъ собирался обратить силу своего оружія. Однако, всѣ пріемы Ростопчина ясно показываютъ, что на первомъ планѣ у него было вовсе не серьезное и добросовѣстное пресѣченіе дѣятельности настоящихъ агентовъ французскаго правительства. Онъ просто ухватывался за любой попавшійся подъ руку случай для того, чтобы разжигать въ массѣ ненависть къ французамъ. Насколько поводъ къ тому былъ серьезенъ и дѣйствительно обоснованъ въ каждомъ данномъ случаѣ, это вовсе не заботило Ростопчина. Онъ гонялся лишь за эфектами, могущими возбудить страсти толпы, хотя бы ради этого и приходилось звѣрски губить ни въ чемъ неповинныхъ людей. Въ сущности, въ Москвѣ не было ни измѣны, ни народнаго возбужденія противъ мѣстной французской колоніи. Ростопчинъ стремился во что бы то ни стало создать видимость того и другого. Онъ началъ съ собственнаго повара-француза (собственно бельгійца) Турнэ. Рубилъ этотъ поваръ въ кухнѣ говядину ножомъ. Поваренокъ чѣмъ-то разсердилъ его. Турнэ въ гнѣвѣ сказалъ поваренку: „вотъ, по-

*) Русскій Архивъ, 1876 г., т. I; id., 1875 г., III, стр. 75. Ср. „Архивъ кн. Воронцова“, т XXVI, стр. 497—507.

годи, пусть только придетъ нашъ императоръ, вотъ что онъ съ вами сдѣлаетъ", и продолжалъ рубить. Этимъ и ограничился весь инцидентъ. Турнэ впослѣдствіи объяснялъ, что онъ подъ нашимъ императоромъ разумѣлъ Александра I. Ростопчинъ тутъ же велѣлъ привезти Турнэ въ телѣжкѣ на Красную площадь и тамъ передъ Гостиннымъ дворомъ на позорной скамьѣ ему дали 25 ударовъ розгами. Послѣ этой экзекуціи несчастный въ полумертвомъ состояніи былъ отправленъ прямо съ площади въ Сибирь, какъ былъ, въ бѣлой холстинной курткѣ. Таковы же были и другія появленія „измѣны" со стороны живущихъ въ Москвѣ иностранцевъ, которыхъ Ростопчинъ подвергалъ примѣрнымъ наказаніямъ. Ростопчинъ заявлялъ въ письмахъ къ государю, что такія кары необходимы для удовлетворенія народнаго чувства, которое якобы пылаетъ ненавистью къ иноземцамъ. Онъ даже выставлялъ себя благодѣтелемъ иноземцевъ, говорилъ что его мѣропріятія были направлены на спасеніе имъ жизни отъ неистовства толпы. Я упоминалъ выше объ отправленіи Ростопчинымъ изъ Москвы на баркѣ нѣсколькихъ десятковъ иностранцевъ. Ростопчинъ утверждалъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, что этимъ онъ спасъ жизнь высланнымъ иностранцамъ. *) А. Поповъ правильно замѣтилъ, что вся обстановка, въ которой совершилось это выселеніе, скорѣе способна была возбудить, нежели успокоить недоброжелательство толпы къ иноземцамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ловили по Москвѣ иностранцевъ, затѣмъ, наловивъ до 40 человѣкъ, посадили ихъ въ барку на Москвѣ рѣкѣ въ присутствіи громадной толпы зѣвакъ; передъ отплытіемъ барки арестантамъ громогласно прочитали наполненную

*) А. Поповъ отмѣтилъ, что Ростопчинъ путается въ своихъ объясненіяхъ по этому пункту. Въ одномъ мѣстѣ записокъ онъ говоритъ, что спасъ этихъ иностранцевъ, ибо, не будучи высланы, они навѣрное пристали бы къ арміи Наполеона и погибли бы вмѣстѣ съ нею. Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что, удаляя этихъ иноземцевъ изъ Москвы, онъ спасалъ ихъ отъ ненависти народа.

глумленіемъ надъ ними бумагу генералъ-губернатора; странно всѣ эти пріемы объяснять заботливостью о предохраненіи иностранцевъ отъ народа,—между тѣмъ, исторія плаванія этой барки какъ разъ неопровержимо доказываетъ, что и предохранять французовъ было бы въ сущности не отъ кого, такъ какъ вопреки стараніямъ Ростопчина русскій народъ не проявлялъ никакой фанатической ненависти къ мирно и спокойно жившимъ среди него иностранцамъ. Барка, наполненная французами, почти безъ инцидентовъ, въ полной безопасности проѣхала по Москвѣ рѣкѣ и Окѣ до Нижняго-Новгорода. Наполеонъ уже занималъ Москву, Москва уже пылала, а плывшіе на баркѣ французы спокойно сходили на берегъ, покупали въ деревняхъ провизію и встрѣчали всюду пріемъ, въ которомъ нельзя было подмѣтить и тѣни народнаго ожесточенія. Въ доказательство того же положенія А. Поповъ приводитъ еще тотъ знаменательный фактъ, что уже послѣ занятія Вильны Наполеономъ цѣлая группа иностранцевъ, г-жа Сталь съ своими спутниками, ни слова не зная по-русски, совершенно спокойно проѣхали по Россіи отъ австрійской границы до Москвы и Петербурга. „Мы въѣхали въ Россію, – записала сама Сталь,— въ такое время, когда французская армія уже проникла далеко въ предѣлы Россіи. Никто изъ насъ не говорилъ по-русски. Мы говорили языкомъ врага, опустошавшаго страну... и несмотря на то, наше путешествіе по Россіи совершилось легко и безопасно; такъ велико было гостепріимство и дворянства и народа“. Сергѣй Глинка, энтузіастъ-патріотъ, пишетъ слѣдующее про 1812 годъ: „я близокъ былъ къ народу, я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ... и живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи“. Шумиха, поднимавшаяся Ростопчинымъ, оставалась чуждой народу, не находила отклика въ его душѣ; народъ инстинктивно распознавалъ ея искусственный характеръ и ея полную ненужность для тѣхъ истинно великихъ по своей важности задачъ, которыя стояли передъ страной.

На-ряду съ этимъ натравливаніемъ толпы на мнимыхъ французскихъ шпіоновъ Ростопчинъ съ первыхъ же дней своего генералъ-губернаторствованія приступилъ къ подготовкѣ административной облавы на московскихъ „мартинистовъ". Уже на другой день по вступленіи своемъ въ должность Ростопчинъ писалъ государю: „...здѣсь есть два проповѣдника иллюминатства; одинъ—типографщикъ Семенъ, другой—книгопродавецъ Алартъ. Я поручилъ наблюдать за ними человѣку весьма способному. Но эти люди такъ же, какъ и мартинисты, игроки и всѣ плуты высшаго разряда, пріутихли; они хотятъ узнать, какъ я буду управлять, чтобы опредѣлить потомъ и свой образъ дѣйствій". Московскіе масоны были совершенно чужды какихъ бы то ни было склонностей и побужденій къ политическимъ демонстраціямъ. Но Ростопчинъ рѣшилъ во что бы то ни стало представить ихъ опасной подпольной организаціей, угрожающей государственному порядку и склонной къ государственной измѣнѣ. Нерѣдко указывается на то, что Ростопчинъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ католическихъ патеровъ, которые ненавидѣли масоновъ и поспѣшили использовать въ этомъ направленіи свою близость къ дому Ростопчина послѣ того, какъ жена графа приняла католичество. Дѣйствительно, до насъ дошли письма московскихъ патеровъ, въ которыхъ выражается радость по случаю назначенія Ростопчина градоправителемъ Москвы и заявляется увѣренностъ въ томъ, что это обстоятельство облегчитъ борьбу съ масонствомъ. Эти письма, однако, нисколько еще не доказываютъ того, что Ростопчинъ дѣйствовалъ именно по внушеніямъ католическихъ патеровъ. Мы уже знаемъ, что разгромъ масонскихъ кружковъ былъ намѣченъ Ростопчинымъ, какъ необходимая политическая мѣра еще задолго до его назначенія на постъ генералъ-губернатора. Теперь онъ только принялся приводить въ исполненіе давнишніе планы.

Открыть и уничтожить несуществующій заговоръ—вотъ

что ставилъ Ростопчинъ своей задачей. Передъ пріемомъ государя въ московскомъ Слободскомъ дворцѣ Ростопчинъ началъ распускать фантастическіе слухи о томъ, что „мартинисты" рѣшили произвести на этомъ пріемѣ какую-то демонстрацію. Для острастки Ростопчинъ поставилъ у дворца на весь этотъ день нѣсколько фельдъегерскихъ троекъ и потомъ самодовольно утверждалъ, что только благодаря этой мудрой предупредительной мѣрѣ въ Слободскомъ дворцѣ все сошло гладко. Гдѣ же, однако, были крамольники? Никто нигдѣ ихъ не видѣлъ. Для осуществленія своего плана Ростопчину необходимо было ихъ создать, хотя бы изъ ничего. Скоро имъ была намѣчена ближайшая жертва его замысловъ. То былъ начальникъ московскаго почтамта Ключаревъ, воспитанникъ Шварца, почитатель Новикова, человѣкъ, близкій къ масонскимъ кружкамъ того времени. Различныя обстоятельства побудили Ростопчина обрушиться въ первую голову именно на Ключарева. Во-первыхъ, у Ключарева ранѣе было крупное столкновеніе съ Брокеромъ, клевретомъ Ростопчина. Брокеръ изъ-за Ключарева долженъ былъ оставить службу въ московскомъ почтамтѣ и теперь, получивъ благодаря Ростопчину мѣсто третьяго московскаго полицеймейстера и играя роль довѣреннаго лица при генералъ-губернаторѣ, онъ рѣшилъ свести счеты съ своимъ бывшимъ начальникомъ и постарался о томъ, чтобы именно съ Ключарева началъ Ростопчинъ свои крамолоистребительные подвиги. Въ недавно напечатанныхъ письмахъ Оденталя, петербурскаго чиновника, поклонника Ростопчина, къ Булгакову находимъ любопытныя строки—въ письмѣ отъ 13 августа 1812 г.:—„Что за дьявольщина съ Ключаревымъ! Какъ это быть можетъ? Не по злобѣ ли кто губить его хочетъ? Я съ нимъ въ ссорѣ, но буду крайне жалѣть, ежели онъ дѣйствительно по иллюминатству своему дошелъ до послѣдней степени сумасшествія. Не Брокеръ ли тутъ опять доносчикомъ? Остерегайтесь! Въ васъ есть душа". *)

*) Русская старина, 1912 г., августъ.

Въ этихъ строкахъ—сразу цѣлыхъ два указанія: 1) человѣкъ, знавшій Ключарева и притомъ не симпатизировавшій ему, считаетъ предъявленныя Ключареву обвиненія труднодопустимыми, невѣроятными и 2) при первыхъ же слухахъ о дѣлѣ Ключарева у человѣка, знавшаго московскія отношенія, прежде всего подымается подозрѣніе насчетъ интриги Брокера.

Впрочемъ, у самого Ростопчина были свои поводы спѣшить съ обвиненіями противъ Ключарева. Ключаревъ управлялъ московскимъ почтамтомъ, а Ростопчинъ считалъ совершенно необходимымъ держать почтамтъ въ полной отъ себя зависимости. Только распоряжаясь въ почтамтѣ, какъ у себя дома, Ростопчинъ могъ чувствовать себя застрахованнымъ отъ жалобъ въ Петербургъ на его дѣйствія: всѣ такія жалобы были бы имъ во-время перехвачены посредствомъ перлюстраціи. Мы вѣдь уже знаемъ, какъ беззастѣнчиво пользовался Ростопчинъ вскрытіемъ чужихъ писемъ во время своей службы при Павлѣ. Погубивъ Ключарева, Ростопчинъ сразу убивалъ двухъ зайцевъ: дѣлался и удачнымъ изобличителемъ крамолы, и хозяиномъ почтамта. *)

Когда у Верещагина былъ найденъ переводъ рѣчей Наполеона, помѣщенныхъ въ иностранныхъ газетахъ, Ростопчинъ пустилъ въ ходъ всѣ усилія, чтобы формально запутать въ это дѣло Ключарева. Ростопчинъ стремился установить, что Верещагинъ получилъ отъ Ключарева иностранныя газеты для перевода возмутительныхъ рѣчей и что Ключаревъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ солидарно со всѣми московскими масонами. Планы Ростопчина были разстроены самимъ Вереща-

*) Еще до начала Верещагинскаго дѣла Ростопчинъ въ письмѣ отъ 7 іюня набрасываетъ тѣнь на Ключарева въ глазахъ государя: „если вашему величеству угодно почтить меня приказаніями касательно Леппиха, умоляю доставлять ихъ мнѣ черезъ курьера, такъ какъ мнѣ извѣстно, что Ключаревъ вскрываетъ всѣ письма и всѣ ихъ читаетъ“. Русскій Архивъ, 1892 г., т. II.

гинымъ, упорно выдававшимъ себя за автора, а не за переводчика найденныхъ у него рѣчей. Тѣмъ не менѣе Ростопчинъ въ донесеніяхъ государю, хотя и называлъ Верещагина авторомъ, все таки все время усиленно настаивалъ и на томъ, что Верещагинъ—исполнительный агентъ московскихъ мартинистовъ съ Ключаревымъ во главѣ. Замѣчательно, что Александръ съ начала и до конца относился очень сдержанно и холодно къ этимъ открытіямъ Ростопчина. Верещагинъ былъ схваченъ задолго до пріѣзда императора Александра въ Москву съ театра военныхъ дѣйствій. За это время Ростопчинъ нѣсколько разъ писалъ государю объ этомъ дѣлѣ, каждый разъ подчеркивая важное политическое значеніе своего открытія въ связи съ крамольными замыслами мартинистовъ. 30 іюня онъ послалъ первое донесеніе по этому дѣлу, начавъ словами: „вы увидите, государь, изъ моего донесенія министру полиціи, какого изверга откопалъ я здѣсь". Затѣмъ, сообщивъ свѣдѣнія о Верещагинѣ, онъ продолжаетъ: „образъ дѣйствій Ключарева во время розысковъ на почтѣ, его бесѣда съ преступникомъ съ глазу на глазъ, данное ему обѣщаніе покровительствовать и пр.,—все это должно убѣдить васъ, государь, что мартинисты суть скрытые враги ваши и что вамъ препятствовали обратить на нихъ вниманіе. Дай Богъ, чтобы здѣсь не произошло движенія въ народѣ; но я напередъ говорю, что лицемѣры-мартинисты обличатся и заявятъ себя злодѣями. Они играютъ въ смиреніе, чтобы тайкомъ готовить смуту..."

Съ 11 по 18 іюля государь пробылъ въ Москвѣ. Ростопчинъ, конечно, заговаривалъ съ государемъ о Верещагинскомъ дѣлѣ и о Ключаревѣ, но, повидимому, эти заговариванія не производили того эфекта, на который онъ разсчитывалъ. Это чувствуется по письму Ростопчина къ государю отъ 23 іюля, уже по отъѣздѣ Александра изъ Москвы. Здѣсь читаемъ: „въ перепискѣ нѣкоего Буффа съ Парижемъ и Ригою значится, что здѣшній почтамтъ не такъ дѣятеленъ и не такъ бдителенъ, какъ его хотѣли увѣрить. Здѣсь ходятъ слухи, что ми-

нистръ полиціи передъ своимъ отъѣздомъ видѣлъ этого мерзкаго Ключарева, котораго весь городъ ненавидитъ. Я имѣлъ честь говорить вашему величеству объ этомъ человѣкѣ. Не знаю, почтенъ ли я вашею полною довѣренностью, но, привыкнувъ чтить и любить моихъ государей- я всегда смотрѣлъ на службу не иначе, какъ на возможность приносить пользу, и никогда не руководился инымъ побужденіемъ, кромѣ безграничной преданности. Обстоятельства таковы, что въ случаѣ бѣдствія, сопровождаемаго или мятежомъ, или новою измѣною, подвергаются гибели государство и ваша священная особа. Поэтому на колѣняхъ умоляю ваше величество, коль скоро вы малѣйше сомнѣваетесь въ моихъ способностяхъ и усердіи, не колеблясь ни минуты, замѣните меня другимъ лицомъ, ибо я могу быть вамъ полезенъ другимъ образомъ".

Это письмо, несмотря на его настойчивый тонъ, повидимому, также не возымѣло желаемаго Ростопчинымъ дѣйствія, и черезъ нѣсколько дней—4 августа—онъ опять пишетъ государю: „хотя Наполеонъ послѣднія три недѣли имѣетъ мало успѣховъ, но эта адская секта мартинистовъ не можетъ удержать своей ненависти къ вамъ и Россіи, своей преданности непріятелю... осмѣливаюсь просить васъ, государь, въ случаѣ, если вы найдете нужнымъ оставить здѣсь Ключарева, прислать другого на мое мѣсто, потому что я сочту себя недостойнымъ занимать его съ честью..."

И на этотъ разъ домогательства Ростопчина не встрѣтили поддержки со стороны государя, и въ концѣ-концовъ Ростопчинъ рѣшился на свой страхъ, не предупредивъ прямого начальника Ключарева, выслать Ключарева въ Воронежъ. Объ этомъ своемъ шагѣ Ростопчинъ донесъ государю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „новыя ночныя сборища у этого негодяя Ключарева понудили меня отправить его въ Воронежъ. Это по моему было единственнымъ способомъ помѣшать осуществленію замысловъ мартинистовъ, которые почти достигали

возможности причинить бѣду Россіи". Такъ читается по переводному тексту, помѣщенному въ Русскомъ Архивѣ. По цитатѣ А. Попова письмо это читается такъ: „къ этому, т. е. къ высылкѣ Ключарева въ Воронежъ, я принужденъ былъ прибѣгнуть, какъ къ единственному средству предупредить замыслы мартинистовъ, которые доведены уже до того, что угрожали несчастіемъ Россіи, а вамъ—участію Людовика XVI. Со временемъ вы увидите, государь, что эта ужасная секта благорасположила васъ къ ней посредствомъ тѣхъ, кои сами къ ней принадлежали". Нѣсколько ранѣе высылки Ключарева Ростопчинъ арестовалъ и отправилъ въ Петербургъ къ министру полиціи почтамтскаго экзекутора Дружинина.

Итакъ, самовольно расправившись съ Ключаревымъ, Ростопчинъ въ оправданіе своего поступка представилъ Ключарева главою и руководителемъ цѣлаго заговора, да притомъ такого страшнаго, что въ число его замысловъ входило даже цареубійство. Надо думать, что для проницательнаго Александра былъ ясенъ дутый характеръ всѣхъ этихъ застращивающихъ донесеній Ростопчина, и по этой-то именно причинѣ Александръ и не спѣшилъ на нихъ откликаться. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Москвѣ происходили ночныя собранія, на которыхъ обсуждались планы цареубійства, если генералъ-губернатору были извѣстны дома, служившіе штабъ-квартирою заговорщиковъ, то естественно возникалъ вопросъ, почему же эти заговорщики не переловлены, почему все сводилось къ тому, чтобы выслать одного Ключарева? Въ увлеченіи избранной тактикой Ростопчинъ до такой степени утратилъ чувство мѣры, что не замѣчалъ того, что въ своихъ донесеніяхъ государю онъ самъ выдавалъ себя съ головой, ибо изъ этихъ донесеній можно было сдѣлать только два вывода: либо тотъ, что Ростопчинъ совершенно безпомощенъ въ борьбѣ съ крамолой, такъ какъ изъ переполненной страшными заговорщиками Москвы сумѣлъ выловить всего на всего одного Ключарева; либо тотъ выводъ, что всѣ эти сообщенія о заговорѣ

мартинистовъ—сплошной пуфъ, дерзостная попытка ввести въ заблужденіе монарха. И въ самомъ дѣлѣ, легкомысленно наговоривъ страшныхъ словъ о мартинистахъ въ донесеніяхъ къ государю, Ростопчинъ затѣмъ, можно сказать, бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы изобрѣсти хоть десятокъ заговорщиковъ среди этихъ, самымъ мирнымъ образомъ настроенныхъ, масонствующихъ москвичей. На что только онъ при этомъ ни пускался! 6 августа онъ доноситъ государю, что Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ *) и Лубяновскій распускаютъ слухъ о томъ, что Россіи грозитъ гибель отъ Наполеона, какъ наказаніе Божіе за кончину Павла. На этомъ основаніи онъ испрашивалъ у государя разрѣшенія выслать этихъ лицъ изъ Москвы въ ихъ деревни. Пріѣхалъ въ Москву извѣстный масонъ Поздѣевъ и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, отбылъ обратно въ деревню. Ростопчинъ сейчасъ же бьетъ въ набатъ. Пишетъ Поздѣеву рѣзкое письмо съ приказомъ больше въ Москву не являться, а государю доноситъ, что онъ поступилъ такимъ образомъ потому, что у Поздѣева въ Москвѣ „перебывало множество сектаторовъ". Между тѣмъ, воззрѣнія Поздѣева намъ хорошо извѣстны, это былъ монархистъ и ярый крѣпостникъ. Никакого „потрясенія основъ" отъ него исходить не могло. Упомянутому выше Кутузову Ростопчинъ запретилъ собирать у себя гостей. Вотъ и всѣ мѣры, какими пришлось ему ограничиться относительно мартинистовъ, несмотря на весь тотъ пылъ, съ которымъ онъ стремился представить ихъ адской сектой подготовителей цареубійства. Было очевидно, что вся поднятая Ростопчинымъ противомасонская шумиха носила чисто бутафорскій характеръ и была вызвана не желаніемъ спасти государство отъ внутренней реальной опасности, а какими-то другими намѣреніями. Чтобы оправдать хотя бы заднимъ числомъ свои нападки на мартинистовъ, Ростопчинъ и по уходѣ французовъ изъ Москвы продолжалъ, вновь водворившись на

*) Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, кураторъ московскаго университета.

своемъ посту, разыскивать нити и корни крамолы въ масонской средѣ. Для этой цѣли онъ не постѣснился нарушить покой глубокаго старца Новикова, который доживалъ многострадальные свои дни въ полной деревенской тиши, въ безусловномъ уединенiи, въ селѣ Авдотьинѣ Бронницкаго уѣзда. Командиръ егерьскаго полка тульскаго ополченiя Миллеръ задержалъ на рѣчной переправѣ крестьянина съ почтовой сумкой. Въ сумкѣ оказались письма къ Новикову въ село Авдотьино отъ эконома московскаго почтамта. По отзыву самого Миллера содержанiе писемъ было „чрезвычайно просто", а именно тамъ находились расчеты съ извозчикомъ и вѣсти о положенiи русскихъ войскъ—самыя сухiя. Однако, все это было адресовано не кому иному, какъ Новикову, патрiарху московскихъ масоновъ. И вотъ сыщицкая фантазiя начинаетъ работать: любопытнѣйшiй образчикъ того, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можетъ доходить стремленiе во что бы ни стало выжать крамолу изъ ничего не значащей записки. Миллеръ, заарестовавшiй эти письма, въ рапортѣ своемъ пишетъ: такъ какъ въ арестованномъ письмѣ ровно ничего нѣтъ замѣчательнаго, „выраженiя просты чрезвычайно", то это и должно означать, что эти выраженiя имѣютъ какой-то особый смыслъ, могущiй быть понятнымъ лишь для тѣхъ, „кои ключъ загадки сей имѣютъ". Кромѣ этого глубокомысленнаго заключенiя, Миллеръ простираетъ свою находчивость до указанiя на то, что цифры въ приводимыхъ въ письмѣ расчетахъ съ извозчикомъ „согласны съ числомъ тысячей войскъ обѣихъ армiй"! Это дѣйствительно необычайное донесенiе Миллера, направленное къ начальнику тульскаго ополченiя и тульскому губернатору, было доведено затѣмъ до свѣдѣнiя Ростопчина. Ростопчинъ тотчасъ воспрянулъ духомъ и предписалъ бронницкому капитанъ-исправнику „узнать навѣрное" чрезъ опросъ сосѣднихъ и окольныхъ селенiй, какiя сношенiя съ непрiятелями имѣли живущiе въ селѣ Авдотьинѣ поручикъ Новиковъ и въ сельцѣ Валовомъ надворный совѣтникъ Ключаревъ. При

этомъ Ростопчинъ заявлялъ капитанъ исправнику, что ему уже извѣстно о томъ, что Новиковъ и Ключаревъ принимали къ себѣ больныхъ изъ непріятельской арміи, и многіе французскіе чиновники ихъ посѣщали. *)

Это—не предписаніе искать, это—предписаніе во что бы ни стало найти ту крамолу, которая начальству была нужна. И все-таки ничего не было отыскано.

Вмѣсто того, чтобы направить всѣ усилія на предотвращеніе или ослабленіе тѣхъ дѣйствительныхъ опасностей, которыя угрожаютъ государству, администраторы типа Ростопчина всегда занимаются сочиненіемъ мнимыхъ крамолъ, для того, чтобы занять ими вниманіе массы и тѣмъ отвлечь это вниманіе отъ ея собственныхъ насущныхъ нуждъ и потребностей. Ростопчинъ не задумался пустить въ ходъ такую политику въ тотъ моментъ, когда, казалось бы, всю энергію надлежало направить на подготовку обороны отъ страшнаго внѣшняго врага. Но мысль Ростопчина была загипнотизирована одной заботой, одной боязнью—какъ бы не вспыхнулъ внутренній народный мятежъ противъ помѣщиковъ, и онъ спѣшилъ направить напоръ народныхъ страстей по иному пути, спѣшилъ возбудить народную ярость противъ измѣнниковъ и крамольниковъ. Вотъ почему, въ то время, когда Наполеонъ двигался на Москву, московскій генералъ-губернаторъ, отложивъ заботы о подготовкѣ военной обороны и своевременной эвакуаціи столицы, занимался лишь тѣмъ, что изобрѣталъ и сочинялъ несуществующую тамъ крамолу.

Дѣйствія Ростопчина въ 1812 г. потому такъ характерны, что въ силу своей рѣзкой прямолинейности они особенно наглядно вскрываютъ своеобразную позицію тѣхъ политиковъ, которые строятъ свои планы на одушевленіи народныхъ массъ и въ то же время боятся, какъ огня, проявленія народной самодѣятельности. По убѣжденію такихъ политиковъ, народу

*) Русскій Архивъ. 1866 г., I, стр. 692—694.

не должно быть мѣста среди дѣйствующихъ силъ государственной жизни: народъ не болѣе, какъ нѣмой и покорный рабъ на цѣпи... Пока ничто не нарушаетъ обычнаго существованія, политики этого типа ни на іоту не отступаютъ отъ этой основы своего политическаго символа вѣры. Но лишь только на политическій горизонтъ налетаютъ грозовыя тучи, лишь только назрѣваютъ крупныя историческія событія, вышибающія жизнь государства изъ ея обычной колеи,—какъ тотчасъ же выступаетъ наружу вся эфемерность подобной политической философіи. Въ эти моменты самые рьяные ея послѣдователи чувствуютъ себя вынужденными опереться на тѣ народныя массы, которыя обычно обрекаются ими на безгласіе и неподвижность. Но они рѣшаются на это съ безграничнымъ страхомъ передъ силою народнаго движенія. Болѣе всего боятся они того, чтобы народныя массы не развернули при этомъ со стихійной неудержимостью самостоятельныхъ стремленій къ улучшенію своей жизненной доли. И, обуянные этой боязнью, они стремятся, всколыхнувъ народное движеніе, сейчасъ же свести его на рядъ заранѣе подстроенныхъ фарсовъ, въ которыхъ идея свободнаго народнаго самоопредѣленія совершенно заслонилась бы крикливыми позами, искусственной шумихой, легкомысленнымъ бахвальствомъ, на самомъ дѣлѣ чуждыми подлиннымъ чувствамъ народной души.

Вотъ объясненіе всей той тактики, которой держался Ростопчинъ въ 1812 году. Она вытекала не только изъ личныхъ чертъ его характера, она подсказывалась строемъ политическихъ воззрѣній, свойственныхъ не ему одному, но и всей той формаціи государственныхъ дѣятелей, типичнымъ представителемъ которой онъ явился.

То, чтò по званію московскаго генералъ-губернатора Ростопчинъ обязанъ былъ сдѣлать при наличныхъ обстоятельствахъ въ первую очередь, отошло въ его глазахъ на самый задній планъ. Здѣсь я всецѣло присоединяюсь къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ А. Поповъ въ результатѣ вдум-

чиваго анализа дѣйствій Ростопчина въ 1812 году. Поповъ, на мой взглядъ, неопровержимо доказалъ, что Ростопчинъ отнесся съ безграничнымъ легкомысліемъ и къ подготовкѣ военной обороны Москвы и къ организаціи своевременнаго вывоза изъ Москвы казенныхъ учрежденій и не боевого населенія. Скажемъ по два слова о каждомъ изъ этихъ вопросовъ.

Вмѣсто того, чтобы строго согласовать свои мѣры по оборонѣ Москвы съ дѣйствіями Кутузова, Ростопчинъ занялъ самую несообразную позицію по отношенію къ главнокомандующему арміями. По закону во время войны приказанія главнокомандующаго должны были исполняться всѣми чиновниками пограничныхъ областей и губерній наравнѣ съ Высочайшими повелѣніями. Несмотря на это, Ростопчинъ позволялъ себѣ ставить Кутузову ультиматумы самымъ вызывающимъ тономъ, съ недвусмысленной угрозой, въ случаѣ несогласія на нихъ Кутузова, дѣйствовать независимо отъ него. „Вашъ отвѣтъ,—писалъ Ростопчинъ Кутузову, развивъ ему свой планъ,—рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду— съ вами передъ Москвой или одинъ въ Москвѣ“. Выступая съ такими вызывающими заявленіями, Ростопчинъ въ то же время вводилъ Кутузова въ заблужденіе относительно своихъ подготовительныхъ дѣйствій. Такъ, Ростопчинъ въ одномъ изъ писемъ положительно обѣщалъ Кутузову сверхъ общаго ополченія, уже находившагося при арміи, приготовить еще особый вооруженный отрядъ москвичей въ 80,000 человѣкъ. Ростопчинъ самъ вызвался на это дѣло, и Кутузовъ, конечно, не предполагалъ, что подобныя заявленія могутъ быть даваемы на вѣтеръ, и ввелъ обѣщанный Ростопчинымъ отрядъ въ свои расчеты. А Ростопчинъ между тѣмъ не ударилъ палецъ о палецъ, чтобы приступить къ осуществленію этого своего обѣщанія, ограничивъ все дѣло чисто словесной фанфаронадой Когда же Кутузовъ, предполагая эту московскую „дружину“ уже сформированной, распорядился дать ей опредѣленное боевое назначеніе, Ростопчинъ вломился въ обиду и оставилъ

безъ всякаго отвѣта эту, по его выраженію, „дурную шутку“ Кутузова. А. Поповъ полагаетъ, что именно послѣ этого эпизода Кутузовъ утратилъ уваженіе къ Ростопчину, пересталъ принимать въ серьезъ его дѣйствія и его слова, и при личномъ свиданіи съ нимъ на Поклонной горѣ и въ Москвѣ у Яузскаго моста просто-напросто вышучивалъ Ростопчина, говоря ему завѣдомо несообразныя вещи. Къ сказанному надо прибавить, что Ростопчинъ съ своей стороны вообще ничего не сдѣлалъ для укрѣпленія Москвы на случай военной обороны, хотя не переставалъ твердить направо и налѣво, что онъ собирается вмѣстѣ съ москвичами съ оружіемъ въ рукахъ защищать древнюю столицу.

Въ дѣлѣ очищенія Москвы передъ приходомъ непріятеля Ростопчинъ проявилъ полную нераспорядительность. Это также доказано съ очевидностью А. Поповымъ. Ростопчинъ приступилъ къ вывозу изъ Москвы казенныхъ учрежденій во второй половинѣ августа и сразу забралъ подъ казенныя надобности всѣ перевозочныя средства изъ девяти уѣздовъ Московской губерніи. Вывозъ казенныхъ учрежденій шелъ въ полномъ разгарѣ какъ разъ тогда, когда понадобились подводы и подъ войска, когда и московскіе жители хлынули изъ города цѣлыми массами. Въ результатѣ—многіе купцы и болѣе бѣдные жители лишились средствъ къ спокойному выѣзду, да и казенныя вѣдомства были удовлетворены подводами не сполна, и въ Москвѣ пришлось оставить на произволъ судьбы архивъ вотчиннаго департамента, библіотеку и всѣ учебные кабинеты московскаго университета и до 2,000 раненыхъ. Этого не случилось бы, если бы Ростопчинъ приступилъ къ постепенной вывозкѣ казенныхъ учрежденій еще съ начала августа, а съ другой стороны, если бы онъ не удерживалъ долгое время многихъ жителей торжественными завѣреніями въ своихъ афишкахъ, что Москва ни въ коемъ случаѣ не будетъ взята непріятелемъ. Въ своихъ мемуарахъ Ростопчинъ потомъ утверждалъ, что хотя онъ и не заявлялъ никогда прямо о необхо-

димости очищенія Москвы, но косвенными мѣрами старался побудить возможно большее количество людей заблаговременно оставить столицу. Это заявленіе Ростопчина, какъ показано А. Поповымъ, прямо противорѣчитъ фактамъ. Дѣйствительное отношеніе Ростопчина къ отъѣздамъ изъ Москвы видно изъ его писемъ къ императору, къ Багратіону, къ Толстому отъ 12, 13 и 24 августа, гдѣ онъ говоритъ, что радуется отъѣзду „дамъ и трусливыхъ мужчинъ женскаго полу". Еще 18 августа онъ издалъ объявленіе, въ которомъ говорилось, что „нельзя похвалить уѣзжающихъ мужчинъ, ибо если по ихъ мнѣнію существуетъ опасность, то уѣзжать непристойно, а если опасности нѣтъ, то—уѣзжать постыдно". И затѣмъ тутъ же Ростопчинъ повторялъ прежнія заявленія о томъ, что „злодѣй не будетъ въ Москву", и что онъ ручается въ томъ своею жизнью.

Ростопчинъ, правда, ссылался при этомъ на Кутузова и въ одной изъ своихъ афишекъ даже возвѣстилъ москвичамъ, что Кутузовъ поклялся своими сѣдинами въ томъ, что Москва не будетъ отдана непріятелю. Съ легкой руки Ростопчина такая клятва и теперь еще приписывается иногда Кутузову. А между тѣмъ, и въ этомъ случаѣ Ростопчинъ непринужденнѣйшимъ образомъ извратилъ истину. Такой клятвы нѣтъ совсѣмъ въ письмахъ Кутузова къ Ростопчину. Кутузовъ писалъ совсѣмъ иное. Въ письмѣ его къ Ростопчину отъ 21 августа читаемъ: „прошу увѣрить московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то это зависѣло отъ насъ, главнокомандующихъ". Такъ вотъ въ чемъ клялся Кутузовъ своими сѣдинами. Ростопчинъ въ своихъ афишахъ съ полной развязностью приписалъ осторожному главнокомандующему свое собственное легкомысліе.

Не проявляя должной распорядительности тамъ, гдѣ она настоятельно требовалась, Ростопчинъ зато развивалъ крикли-

вую суетливость въ такихъ дѣлахъ, которыя могли казаться необходимыми лишь человѣку, ослѣпленному въ корнѣ ложнымъ воззрѣніемъ на вещи. Ростопчинъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что великое дѣло національной самообороны можетъ быть благополучно совершено только посредствомъ искусственной инсценировки показныхъ эфектовъ, хитроумнаго лицедѣйства. По его понятіямъ народъ—всегда есть и долженъ оставаться младенцемъ, общество въ его совокупности всегда есть и должно оставаться сборищемъ простаковъ, которыхъ талантливый администраторъ долженъ умѣть водить за носъ и направлять по своему усмотрѣнію. И вотъ, выдумывая для народа младенческія утѣхи, а обществу бросая пыль въ глаза шумной суетливостью и разными затѣйливыми пустячками, Ростопчинъ твердо былъ убѣжденъ, что только его административному лицедѣйству Россія была обязана тѣмъ подъемомъ настроенія, который погубилъ Наполеона. Эта характеристика цѣликомъ основана на подлинныхъ заявленіяхъ самого Ростопчина. Проектируя сформированіе двухъ новыхъ полковъ, Ростопчинъ писалъ государю: „наименованіе этихъ полковъ кремлевскимъ, иверскимъ или успенскимъ доставило бы удовольствіе народу-младенцу". *) Разсказывая въ мемуарахъ о первыхъ шагахъ своихъ въ должности московскаго генералъ-губернатора, Ростопчинъ написалъ: „двухъ дней мнѣ достаточно было, чтобы бросить пыль въ глаза и убѣдить большую часть жителей Москвы, что я не утомимъ и что меня видятъ повсюду". Эти слова какъ нельзя лучше выражаютъ характеръ административныхъ пріемовъ Ростопчина, и приведенныя строки его мемуаровъ доказываютъ, что онъ поступалъ такъ вполнѣ сознательно, отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что его суетливыя ухватки не имѣютъ сами по себѣ для дѣла серьезнаго значенія и годятся лишь на то, чтобы чисто внѣшнимъ образомъ импонировать мало и поверхностно

*) Русская Старина 189? г., т. 77.

разсуждающей толпѣ. Вступивъ на постъ градоправителя Москвы, Ростопчинъ прежде всего пустилъ въ ходъ разные пустячки, посредствомъ которыхъ, по его словамъ, гораздо вѣрнѣе можно дѣйствовать на расположеніе духа населенія, нежели посредствомъ серьезныхъ мѣропріятій. Въ мемуарахъ онъ впослѣдствіи съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ, напримѣръ, о томъ, что въ первые же дни службы ему пришло въ голову приказать снять съ гробовыхъ лавокъ вывѣски съ гробами, чтобы такія вывѣски не наводили унынія на жителей напоминаніемъ о предстоящихъ опасностяхъ отъ врага. Кромѣ того Ростопчинъ былъ убѣжденъ, что этой мѣрой онъ обезпечилъ себѣ популярность среди именитыхъ московскихъ старухъ, задающихъ въ салонахъ тонъ общественному мнѣнію,— вѣдь старухи—разсуждалъ Ростопчинъ—всегда бываютъ благодарны, когда отъ ихъ глазъ удаляютъ эмблемы смертнаго часа. Правда, Ростопчинъ старался въ эти же дни блеснуть своимъ правосудіемъ и заботливостью о справедливости. „Въ первый же день,—читаемъ въ Ростопчинскихъ мемуарахъ,—я велѣлъ посадить подъ арестъ офицера въ военномъ госпиталѣ, которому была препоручена раздача пищи, потому что не нашелъ его въ кухнѣ во время завтрака; я оказалъ правосудіе крестьянину, которому вмѣсто 30 фунтовъ купленной имъ соли отпустили только 25“. Бѣда была въ томъ, что подобныя распоряженія предпринимались Ростопчинымъ, по его собственному признанію, не ради твердаго рѣшенія водворять всюду строгій законный порядокъ, а только для того, чтобы пустить пыль въ глаза; это были красивые жесты рекламнаго характера, вовсе не обѣщавшіе дѣловито-настойчивой борьбы съ злоупотребленіями, а разсчитанные лишь на то, чтобы возбудить шумъ и толки въ толпѣ.

Ростопчинъ подобно Кутузову очень дорожилъ репутаціей хитреца и лаврами искуснаго актера на административномъ посту, но разница заключалась въ томъ, что Кутузовъ считалъ вопросомъ чести обмануть врага своего народа, а Ростопчинъ

сводилъ свою задачу къ тому, чтобы обманывать самый этотъ народъ, скрывая отъ него истинное положеніе дѣлъ, не довѣряя его энтузіазму. Взывая повидимости къ народной борьбѣ съ непріятелемъ, онъ стремился на самомъ дѣлѣ свести эту народную борьбу къ нѣкоему административному фокусъ-покусу, достигаемому при помощи самыхъ мелкотравчатыхъ хитростей: искаженія фактовь въ официальныхъ заявленіяхъ да талантливой мимической игры генералъ-губернаторской физіономіи. У насъ есть рядь собственныхъ признаній Ростопчина въ томъ, что онъ систематически отступалъ отъ истины при опубликованіи получаемыхъ свѣдѣній съ театра войны. Въ запискахъ Ростопчина читаемъ: „во все время войны я держался правила при полученіи дурныхъ извѣстій возбуждать сомнѣніе въ его достовѣрности для ослабленія дурного впечатлѣнія. А прежде чѣмъ успѣвали собрать доказательства, вниманіе поражалось новымъ извѣстіемъ и т. д.“. *) Въ письмѣ къ Балашову отъ 11 іюня Ростопчинъ, сообщивъ о томъ, что извѣстіе о мирѣ съ турками возбудило общую радость, продолжаетъ: „народъ чрезвычайно веселъ и полагаетъ уже дунайскія наши войска на прусской границѣ. Я подпустилъ мысль, которая разошлась, что турки съ нами будутъ и обязались платить дань головами французскими“. Послѣднее прибавлено, но говорится. 18 августа Ростопчинъ писалъ тому же Балашову; „я для города печаталъ извѣстія изъ армій, прибавляя все, что можемъ успокоить умы“. **) Каждое утро въ генералъ-губернаторскомъ домѣ собиралось много разнаго рода лицъ, и Ростопчинъ, отправляясь туда же въ каретѣ съ своей дачи въ Сокольникахъ, дорогою, какъ онъ самъ говорилъ въ мемуарахъ, „подготовлялъ свое лицо для опредѣленнаго выраженія“.

---

*) Русская Старина 1889 г, № 12.

**) Дубровинъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, №№ 17 и 92.

Объ этихъ невинныхъ мимическихъ упражненіяхъ въ каретѣ Ростопчинъ вспоминалъ, какъ о важной своей государственной функціи. И онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что движенія народной души могутъ быть направляемы жестами, позами, заявленіями начальствующаго администратора.

Этой именно вѣрой продиктовано все содержаніе его знаменитыхъ „афишекъ". Цитатъ оттуда я приводить не буду. Онѣ слишкомъ много разъ повторялись въ различныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ 1812 году. Какъ палеонтологъ по обломку кости возстановляетъ строеніе животнаго, которому эта кость принадлежала, такъ по однѣмъ этимъ „афишкамъ" мы могли бы безошибочно представить себѣ весь складъ государственныхъ понятій Ростопчина, если бы даже у насъ не сохранилось никакихъ другихъ свѣдѣній объ этой личности.

Ростопчинъ вообразилъ, что онъ говоритъ въ этихъ афишкахъ настоящимъ народнымъ русскимъ языкомъ. На самомъ дѣлѣ языкъ афишекъ въ такой же мѣрѣ походилъ на истинную народную рѣчь, въ какой походитъ на подлинную рѣчь ребенка присюсюкивающій лепетъ въ устахъ взрослаго, желающаго снизойти до міра дѣтскихъ понятій и интересовъ. Эти афишки могъ писать только тотъ человѣкъ, который въ своей безпредѣльной отчужденности отъ настоящаго строя народныхъ чувствъ и думъ воображалъ, что народъ есть дѣйствительно младенецъ, не понимающій всего трагизма развертывающихся событій и могущій быть успокоеннымъ въ своихъ заботахъ и страхахъ начальственными прибаутками, сказанными ухарскимъ тономъ беззаботнаго забавника. „Я,—вашъ отецъ и командиръ, все вижу, все знаю и все сдѣлаю; а ваше дѣло—веселиться простодушно моими шуточками и сидѣть по домамъ, ни о чемъ не заботясь и не помышляя. Когда придетъ время, я васъ позову и скажу, что надо дѣлать"—такъ можно было бы резюмировать все содержаніе афишекъ, прибавивъ еще указаніе на то, что побить француза—плевое дѣло и, слѣдовательно, безпокоиться не о чемъ. Это говорилось для убѣж-

денія людей, которые не были вѣдь замурованы въ глухихъ стѣнахъ, которые видѣли и слышали, какія опасности надвигаются на родину, у которыхъ щемило на сердцѣ отъ сознанія близкой страшной бѣды. Они, эти люди, въ правѣ были ожидать, что въ такое время они услышатъ отъ начальника города серьезное, дѣловитое изложеніе плановъ правительства и подлиннаго положенія дѣлъ въ странѣ и въ арміи. А имъ вмѣсто того преподносились какіе-то юмористическіе листочки, гдѣ ихъ, какъ малыхъ ребятъ, старались успокоить и развлечь безшабашнымъ балагурствомъ. Немудрено, что „афиши" Ростопчина во многихъ кругахъ московскаго населенія встрѣтили рѣзко-отрицательную оцѣнку, слѣды которой остались въ письмахъ того времени.

Рисуясь ролью знатока народнаго духа, Ростопчинъ построилъ всѣ свои пріемы на такихъ расчетахъ, которые прямо противорѣчили особенностямъ склада русскаго народнаго характера. Онъ хватался за все показное, крикливо-театральное, не взявъ въ толкъ того, что подобные внѣшніе эфекты вовсе не во вкусѣ русскаго народа, а скорѣе во вкусѣ тѣхъ самыхъ французовъ, на подражаніе которымъ онъ такъ яростно нападалъ. Этимъ пристрастіемъ Ростопчина ко всему, бьющему на эфектъ, я склоненъ объяснить между прочимъ и то обстоятельство, что онъ такъ довѣрчиво поддался на удочку извѣстной затѣи Леппиха съ воздушнымъ шаромъ. Правда, мысль использовать эту затѣю для нуждъ войны принадлежала Александру, и Леппиху было разрѣшено приступить къ изготовленію военнаго воздушнаго шара въ Москвѣ еще до назначенія Ростопчина на постъ генералъ-губернатора, но Ростопчинъ ухватился за эту затѣю со всѣмъ увлеченіемъ. Позднѣе, въ мемуарахъ онъ изобразилъ это дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто оно все время крайне его тяготило, ибо онъ понималъ, что ничего путнаго отсюда не выйдетъ. Но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мемуары Ростопчина грѣшатъ противъ истины. Обнародованныя письма Ростопчина къ государю

ясно показываютъ, что Леппихъ и его шаръ быстро воспламенили суетное воображеніе московскаго генералъ-губернатора. Отпустивъ Леппиху очень крупныя суммы на приступъ къ работамъ, Ростопчинъ писалъ государю 7 мая: „мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, благодаря изобрѣтенію котораго военное ремесло станетъ безполезнымъ, освободится родъ человѣческій отъ своего адскаго губителя, а вы сдѣлаетесь вершителемъ судебъ государей и государствъ и благодѣтелемъ человѣчества". 30 іюня онъ писалъ: „я подружился съ Леппихомъ, который тоже меня любитъ, и машина стала мнѣ дорога, точно мое дитя. Леппихъ предлагаетъ мнѣ пуститься на ней вмѣстѣ съ нимъ, но я не могу этого сдѣлать безъ вашего позволенія, а поводъ прекрасенъ: ваша слава и благо Европы!" Въ письмѣ отъ 4 іюля читаемъ: „Леппихъ взялъ уже 72,000 р., хотя большая часть нужныхъ вещей оплачены и останется половина купленнаго купороса... не могу надивиться дѣятельности и усердію Леппиха. Онъ встаетъ первый и ложится послѣдній". Въ письмѣ отъ 13 августа: „Машина у Леппиха будетъ готова не ранѣе двухъ недѣль... онъ много беретъ денегъ; ему выдано уже 163 тысячи рублей. Но лишь бы послѣдовалъ успѣхъ, то и милліона будетъ не жалко". Только въ самомъ концѣ августа Ростопчинъ какъ будто начинаетъ прозрѣвать, и у него закрадывается мысль о томъ, что талантливость и усердіе Леппиха направлены только въ одну сторону — безпрерывнаго требованія все новыхъ и новыхъ суммъ на выполненіе его затѣи. Въ письмѣ отъ 29 августа Ростопчинъ сообщаетъ государю о полной неудачѣ перваго опыта съ поднятіемъ шара и прибавляетъ: „вслѣдъ затѣмъ начались безконечныя затрудненія. Ему (т.-е. Леппиху) надо какой-то особенной стали. Большая машина еще не готова, и мнѣ кажется, что надо будетъ отказаться отъ пользы, какую льстились получить отъ того". Послѣдующіе факты, какъ извѣстно, показали, что вся эта затѣя представляла собою мыльный пузырь, къ сожалѣнію, очень дорого обошедшійся казнѣ и не

замедлившій лопнуть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его рѣшили пустить въ дѣйствіе. Почему же Ростопчинъ такъ легкомысленно увлекся предпріятіемъ Леппиха и не разглядѣлъ во-время его шарлатанскаго характера? Не подслуживался ли онъ просто-напросто къ государю въ виду того, что предписаніе заняться Леппихомъ исходило отъ Александра? Я не допускаю такого объясненія. Во-первыхъ, самъ Александръ относился къ Леппиху вовсе не съ такимъ жаромъ, какъ Ростопчинъ. Вотъ что писалъ Александръ, впервые рекомендуя Леппиха Ростопчину въ письмѣ отъ 24 мая 1812 г.; „Леппихъ весьма искусный механикъ, съ изобрѣтеніемъ, которое можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Во Франціи дѣлались всевозможныя попытки, чтобы добиться открытія, на которое, повидимому, удалось напасть этому человѣку. Во всякомъ случаѣ, чтобы удостовѣриться въ этомъ, нужно произвести предлагаемые имъ опыты“. Такимъ образомъ, Александръ вовсе не предписывалъ Ростопчину сразу оказать Леппиху полное довѣріе. Наоборотъ, на Ростопчина возлагалось опредѣленное порученіе провѣрить репутацію Леппиха, слѣдя за его работами, и государь заранѣе допускалъ возможность отрицательнаго результата провѣрки. Извѣстенъ разсказъ Аракчеева о его бесѣдѣ съ Александромъ по дѣлу Леппиха, и изъ этого разсказа еще явственнѣе обозначается, что Александръ вовсе не раздѣляетъ того увлеченія Леппихомъ, которымъ дышатъ письма Ростопчина. На выраженныя Аракчеевымъ сомнѣнія въ солидности затѣи Леппиха Александръ далъ понять, что важно лишь ободрить народъ толками о какой-то необычайной машинѣ, которая будетъ дѣйствовать противъ войскъ Наполеона. Не забудемъ также и того, что Ростопчину вообще не было свойственно поддѣлываться подъ вкусы Александра, мы уже отмѣчали случаи, когда Ростопчинъ очень категорически дѣлалъ Александру такія представленія, которыя завѣдомо не могли быть пріятны государю. Значитъ, увлеченіе Леппихомъ, въ которомъ Ростопчинъ самъ впослѣдствіи постѣснился

признаться въ мемуарахъ, захватило его дѣйствительно къ полному посрамленію его дальновидности. Для меня несомнѣнно, что Ростопчинъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, сталъ жертвой своей безграничной склонности къ красивымъ эфектамъ и своей вѣры въ магнетическое дѣйствіе такихъ эфектовъ на чувства народной толпы. Недаромъ въ письмѣ отъ 30 іюня онъ забрасывалъ государю мысль о томъ, чтобы ему было разрѣшено подняться на шарѣ вмѣстѣ съ Леппихомъ. Подумать только: московскій генералъ-губернаторъ паритъ въ облакахъ надъ Москвой въ виду наполеоновской арміи! Для такой картины можно не пожалѣть и милліона рублей казенныхъ денегъ. Отсюда—преждевременные восторги Ростопчина передъ личностью Леппиха и передъ его затѣей.

Театральный характеръ носило и сожженіе Ростопчинымъ своего дома въ Вороновѣ съ тѣмъ, чтобы онъ не достался врагамъ. Этотъ актъ самопожертвованія былъ эфектомъ, но вовсе не вызывался необходимостью: не было основанія предполагать, что французы непремѣнно займутъ Вороново. Зато Ростопчинъ далъ себѣ этимъ возможность блеснуть трескучей риторикой совершенно во французскомъ, а отнюдь не въ русскомъ духѣ. Сожженіе дома было совершено при обстановкѣ, лишенной той цѣломудренной скромности, съ которой всегда выполняются истинно-героическіе поступки. Напротивъ, все было разсчитано на мелодраматическіе эфекты. Ростопчинъ пригласилъ на пожаръ многихъ генераловъ. Гостямъ были розданы факелы для участія въ разрушеніи. Когда домъ и надворныя строенія были уже охвачены пламенемъ и когда рухнула прекрасная скульптурная группа, сдѣланная по модели Монтекавалло въ Римѣ и украшавшая главный входъ въ домъ, Ростопчинъ въ присутствіи приглашенной публики воскликнулъ по-французски: „me voilà content!“ Затѣмъ онъ прикрѣпилъ къ дверямъ вороновской церкви доску съ надписью: „восемь лѣтъ я украшалъ этотъ деревенскій домъ и жилъ здѣсь счастливымъ среди семьи. Жители этого селенія въ ко-

личествѣ 1,720 душъ покидаютъ его въ виду вашего приближенія, и я по собственной волѣ предаю мой домъ огню, чтобы ваше присутствіе не осквернило его. Французы! Я оставилъ вамъ въ Москвѣ два моихъ дома съ мебелью стоимостью въ полмилліона рублей. Здѣсь же вы найдете только пепелъ".

Сколько разъ зато повторялъ потомъ Ростопчинъ при всевозможныхъ случаяхъ: „я сжегъ Вороново"! *)

Приписывалось ему сожженіе и всей Москвы при занятіи ея Наполеономъ. Но въ этомъ отношеніи я опять-таки совершенно присоединяюсь къ выводамъ А. Попова, который внимательнымъ разборомъ всѣхъ относящихся къ этому вопросу данныхъ убѣдительно доказалъ, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ не Ростопчина, а безыменной массы разнородныхъ элементовъ московскаго населенія, Ростопчинъ же своими распоряженіями лишь облегчилъ возможность появленія въ Москвѣ массовыхъ пожаровъ. **)

Изощряясь въ изобрѣтеніи всевозможныхъ эфектовъ, которые, по его мнѣнію, были необходимы для поддержанія въ народѣ патріотическаго одушевленія, Ростопчинъ не останавливался ни передъ грубой ложью, ни передъ звѣрскими жестокостями. Онъ самъ съ непринужденной откровенностью

---

*) Русскій Архивъ, 1866 г., I, стр. 717—718; Старина и Новизна, кн. VII, „Воспоминанія Булгакова".

**) Къ убѣдительнымъ соображеніямъ Попова теперь можно присоединить и одно новое документальное указаніе, обнародованіе котораго, на мой взглядъ, должно устранить всякіе дальнѣйшіе споры по этому вопросу. Въ трудахъ ярославской архивной комиссіи графиня В. А. Татищева недавно напечатала отрывокъ изъ рукописной біографіи Ростопчина, составленной въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія старшею дочерью графа Н. Ѳ. Нарышкиной. Здѣсь приводится, между прочимъ, письмо Ростопчина къ женѣ отъ 11 сентября 1812 г. (семья графа находилась въ это время въ Ярославлѣ). Въ этомъ письмѣ находимъ такія строки: „моя мысль поджечь городъ была бы полезной до вступленія злодѣя, но Кутузовъ меня обманулъ и когда онъ занялъ позицію въ 6 верстахъ наканунѣ отступленія отъ Москвы, было уже

признался въ мемуарахъ въ слѣдующей продѣлкѣ: послѣ Бородинской битвы онъ велѣлъ въ одно утро напечатать въ 5,000 экземплярахъ и распространить въ народѣ разсказъ о томъ, что къ митрополиту Платону якобы явился престарѣлый монахъ, попросилъ у него благословенія, сказалъ, что онъ возвратился, чтобы сражаться съ русскими, и послѣ этихъ словъ исчезъ, оставивъ свѣтлый слѣдъ. Конечно, это былъ св. Сергій, который, пишетъ далѣе Ростопчинъ, „былъ монахомъ Троицкаго монастыря, гдѣ и лежатъ его мощи: онъ ходилъ драться въ войско Дмитрія Донского противъ татарскаго хана Мамая и остался побѣдителемъ“. Здѣсь все характерно—и невѣжество Ростопчина—этого „знатока“ русскаго духа и родственника Карамзина—въ русской исторіи и безграничная безцеремонность въ измышленіи басенъ: вѣдь митрополитъ Платонъ былъ еще живъ, хотя и страдалъ тяжкой болѣзнью. *) 30 августа Ростопчинъ передалъ Глинкѣ для распространенія въ народѣ воззваніе „на Три горы“, въ которомъ жители призывались явиться вооруженными къ тремъ горамъ, чтобы съ генералъ-губернаторомъ во главѣ отстаивать столицу отъ непріятеля, и, передавая Глинкѣ это воззваніе, Ростопчинъ тутъ же сказалъ: „у насъ на Трехъ горахъ ничего не будетъ“. **) И дѣйствительно, наивные люди, явившіеся туда по этому призыву, не нашли тамъ генералъ-губернатора: онъ въ это время собирался

поздно. Французы ничего не нашли въ Москвѣ, но они могутъ сказать, что они ее ограбили и сожгли, что для нихъ торжество, тогда какъ видъ Москвы, превращенной въ пепелъ, возбудилъ бы ярость въ сердцахъ солдатъ и они бы увидѣли—съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло“... Итакъ Ростопчинъ здѣсь сожалѣетъ, что не онъ сжегъ Москву. Это письмо въ высшей степени цѣнно, какъ совершенно интимное признаніе женѣ, не предназначавшееся для огласки и притомъ сдѣланное по самымъ горячимъ слѣдамъ событій, можно сказать, еще при заревѣ московскихъ пожаровъ. См. „Труды ярославской архивной комиссіи“, кн. III, вып. III, Ярославль, 1912 г., стр. 15.

*) Русская Старина, 1839 г., декабрь.

**) С. Глинка: „Записки о 1812 годѣ“.

не отстаивать столицу, а покинуть ее вслѣдъ за удаляющейся арміей Кутузова. И онъ, дѣйствительно, уѣхалъ, оставивъ въ великомъ соблазнѣ тѣхъ, кто придавалъ значеніе его многократнымъ заявленіямъ о своей рѣшимости вмѣстѣ со всѣми московскими жителями биться подъ стѣнами Москвы независимо отъ того, что предприметъ Кутузовъ. Это опять была легкомысленная фанфаронада, разсчитанная на поднятіе настроенія въ народѣ: твердя направо и налѣво, что онъ противопоставитъ Наполеону ополченіе изъ жителей столицы и ея окрестностей, Ростопчинъ и не думалъ приступать къ составленію такого ополченія.

Зато у Ростопчина былъ сильный задоръ на то, чтобы передъ приходомъ французовъ разъярить уличную толпу видомъ человѣческой крови. Очень вѣроятно, что именно въ связи съ такимъ намѣреніемъ онъ пытался убѣдить нижегородскаго губернатора прислать въ Москву изъ Нижняго-Нов города Сперанскаго, несмотря на то, что для этого несомнѣнно требовалось бы особое Высочайшее повелѣніе. То, что не удалось совершить со Сперанскимъ, Ростопчинъ выполнилъ на несчастномъ Верещагинѣ.

Ростопчинъ былъ, повидимому, серьезно убѣжденъ, что именно благодаря его изобрѣтательности Наполеонъ не одержалъ побѣды надъ Россіей. 2 декабря 1812 г. онъ писалъ государю: „во всѣ времена мое честолюбіе состояло лишь въ томъ, чтобы снискать вашу довѣренность; я былъ ею облеченъ и спасъ имперію“. Эти притязанія на званіе спасителя имперіи Ростопчинъ основывалъ на томъ, что натравливаніями народа на маргинистовъ и французовъ онъ предотвратилъ мятежъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, на который Наполеонъ возлагалъ главныя надежды. Мы не ошибемся, признавъ эти притязанія Ростопчина столь же неосновательными, какой была и вся программа его дѣйствій. Своими стараніями возбудить въ народѣ и обществѣ патріотическій жаръ Ростопчинъ ломился въ открытую дверь: нужна была вся са-

моувѣренность презирающаго народъ бюрократа для того, чтобы прійти къ мысли, что безъ его жестовъ, прибаутокъ и побасенокъ народъ не пожелалъ бы отстаивать родину отъ вторженія иноземцевъ. Своими стремленіями изобрѣсти несуществующую крамолу Ростопчинъ попадалъ мимо цѣли, ибо народъ не обнаруживалъ никакой свирѣпости ни къ мѣстнымъ иноземцамъ, которыхъ онъ въ противоположность Ростопчину вовсе не склоненъ былъ огуломъ заподозрѣвать въ измѣнѣ, ни къ „мартинистамъ", которые для простонародья были вообще невѣдомы, а для интеллигентнаго общества являлись въ политическомъ отношеніи завѣдомо невиннѣйшими, мирными обывателями. Наконецъ, своими претензіями на глубокое знаніе народнаго духа и на роль вождя народныхъ массъ Ростопчинъ только выставлялъ напоказъ свою полную отчужденность отъ подлинныхъ особенностей народнаго характера; вся его „народность" сводилась къ тому, что онъ облекалъ въ форму мнимо-простонародныхъ прибаутокъ совсѣмъ не русскую страсть къ позировкѣ, риторикѣ и мелодраматическимъ эфектамъ. И потому его крикливая и суетливая дѣятельность въ 1812 г. осталась непонятной для народа и непроизводительной для государства.

То не былъ результатъ его личныхъ ошибокъ и увлеченій. То былъ результатъ цѣлаго міровоззрѣнія, вообще широко распространеннаго въ правящихъ кругахъ всѣхъ эпохъ. Это міровоззрѣніе считаетъ основою государственной мощи неограниченность власти правительства и держаніе народа на положеніи безгласнаго младенца. У Ростопчина эти политическіе догматы кромѣ того переплетались и сливались съ рѣзко выраженными инстинктами помѣщика-душевладѣльца. И исторія Ростопчина представляла одинъ изъ многихъ примѣровъ того, что сторонники указаннаго міросозерцанія чувствуютъ себя увѣренно и твердо только въ спокойные періоды государственной жизни. Когда же гроза налетаетъ на политическій горизонтъ, когда сотрясается организмъ государства, когда

развертываются событія, по своей важности являющіяся пробнымъ камнемъ государственной мудрости правящихъ лицъ,— тогда Ростопчины вмигъ утрачиваютъ твердость своей поступи и не находятъ въ своей близорукой политической догматикѣ надежной опоры для своихъ дѣйствій. Претендуя на роль вождей народной массы, они болѣе всего страшатся открытаго и свободнаго проявленія народнаго самосознанія, и это коренное внутреннее противорѣчіе въ ихъ поведеніи отнимаетъ силу у ихъ фальшивыхъ лозунговъ и осуждаетъ ихъ самихъ на жалкое метаніе, на изобрѣтеніе всякаго рода политическихъ буффонадъ, которыя были бы только наивны и смѣшны, если бы отъ нихъ не отдавало такъ часто зловѣщимъ запахомъ человѣческой крови.

Вотъ въ какомъ смыслѣ фигура Ростопчина получаетъ въ нашихъ глазахъ широко-типическій характеръ, вотъ въ какомъ смыслѣ значеніе его жизненной повѣсти далеко выходитъ за предѣлы чисто археологическаго интереса.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И РЕФОРМА 1861 Г.

I.

„Не шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься; показывать напротивъ, что „боишься“, трепещешь,—тогда какъ для этого и основаній никакихъ нѣтъ; вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться —это корень жизненной правды, все остальное можетъ быть, а можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопотъ,—вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать... Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого; напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... Атмосфера была полна страховъ; „пропадешь“ кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору“.

Нельзя лучше охарактеризовать настроеніе широкихъ круговъ русскаго общества за долгіе годы царствованія императора Николая I, нежели это сдѣлано въ только что приведенныхъ словахъ Глѣба Успенскаго. Печать безнадежной пришибленности и вытекающаго изъ нея равнодушія къ вопросамъ общественнаго блага лежала тогда на всемъ складѣ русскаго общежитія. „Какъ бы чего не вышло“—таковъ былъ господствующій лозунгъ общественнаго поведенія всѣхъ и каждаго. И неумолимая дѣйствительность слишкомъ больно наказывала отдѣльныхъ смѣльчаковъ, которые отваживались выйти изъ-подъ дѣйствія этого лозунга. Составившееся, напр., въ 40-хъ годахъ общество „петрашевцевъ“ представляло собою самую невинную организацію, не задававшуюся никакими пра-

ктическими планами; просто люди собирались вмѣстѣ читать интересовавшія ихъ книги и обсуждать почерпнутые въ этихъ книгахъ вопросы. Но припомните, какая страшная расправа обрушилась на головы этихъ людей, только за то, что они собирались для умныхъ разговоровъ, а не для картъ и жертвоприношеній Венерѣ и Бахусу. Легко понять послѣ этого, что въ обществѣ того времени не могло возникнуть и мысли о какихъ либо широкихъ соединеніяхъ вокругъ практическихъ общественныхъ задачъ. И общественная масса, боясь не только дѣйствовать, но даже мыслить, дичала, уходила съ головой въ чисто растительную жизнь, а не перебродившіе молодые идеалисты застывали въ красивой позѣ уѣздныхъ Гамлетовъ, „лишнихъ людей", пока не приходилъ ихъ чередъ разстаться съ фантазіями молодости и примириться съ ролью пассивнаго удобренія для какихъ-то будущихъ, отдаленныхъ идейныхъ всходовъ.

Разумѣется, и въ тѣ времена въ странѣ не могла совершенно замереть сознательная умственная дѣятельность. Но она по необходимости принимала оранжерейное, тепличное направленіе. Она сосредоточивалась въ тѣсныхъ кружкахъ передовыхъ мыслителей, которые, въ своей невольной оторванности отъ широкихъ массъ и отъ живого практическаго дѣла, увлекались тончайшими извилинами отвлеченной діалектики, усердно заостряли всѣ оттѣнки своихъ умозрительныхъ построеній и въ этой борьбѣ словесныхъ формулъ находили себѣ подмѣну той настоящей борьбы реальныхъ интересовъ, которая только и сообщаетъ жизни подлинное движеніе, неподдѣльную драматическую красоту и содержательность. Изъ-за различныхъ оттѣнковъ въ толкованіи формулъ гегельянской философіи добрые люди торжественно разрывали другъ съ другомъ, крѣпко цѣловались на прощанье и переставали навѣщать другъ друга съ сознаніемъ исполненнаго гражданскаго долга. Нельзя безъ почтительнаго и любовнаго уваженія вспоминать объ этихъ искреннихъ идеалистахъ 40-хъ годовъ, вкладывав-

шихъ столько души въ свои отвлеченныя диспутаціи; и нельзя въ то же время не пожалѣть о нихъ, обреченныхъ на одну только словесную борьбу; больно чувствовавшихъ, что ихъ благородныя общественныя стремленія замкнуты въ четырехъ стѣнахъ какого-нибудь гостепріимнаго салона; что ихъ блестящія импровизаціи не вызываютъ сочувственнаго эха изъ глубины общественныхъ массъ.

Въ такихъ условіяхъ протекала жизнь этихъ тѣсныхъ передовыхъ кружковъ той эпохи, изъ среды которыхъ сформировались два философско-политическихъ направленія—западническое и славянофильское, не сдѣлавшіяся двумя общественными партіями только за отсутствіемъ той арены, на которой могла бы развернуться ихъ практическая общественная дѣятельность.

Эта умственная аристократія той поры вела упорную мыслительную работу, спорила, волновалась и кипѣла. И все же ея голоса не могли скрасить жуткой тишины всеобщаго молчанія за предѣлами этого избраннаго меньшинства. Страна молчала и не двигалась. Точно летаргія сковала весь общественный составъ великаго народа.

Но это была только летаргія и не болѣе. Подъ обманчивымъ покровомъ вынужденнаго оцѣпенѣнія въ разнообразнѣйшихъ слояхъ общества таилось все возраставшее влеченіе къ дѣятельности и движенію. Нѣмой параличъ по предписанію начальства опротивѣлъ всѣмъ. Нуженъ былъ лишь первый внѣшній толчокъ со стороны, чтобы все всколыхнулось и загудѣло.

Такимъ толчкомъ послужила военная гроза, столь самонадѣянно вызванная императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который не отдавалъ себѣ отчета въ истинномъ состояніи государственныхъ силъ своей, „Казенной“ Россіи.

Война началась, и по мѣрѣ ея развитія быстро спадало очарованіе показного могущества „колосса на глиняныхъ ногахъ“. И вотъ, словно электрическая искра пробѣжала по-

мыслящей Россіи. Въ душахъ лучшихъ людей громко заговорилъ тотъ настоящій патріозимъ, котораго такъ боится власть, оторванная отъ народа. Севастопольская трагедія явилась въ глазахъ этихъ людей искупительной жертвой за грѣхи прошлаго и призывомъ къ возрожденію. Искреннѣйшіе патріоты стали возлагать свои надежды на пораженіе Россіи отъ внѣшняго врага. Въ августѣ 1855 г. Грановскій писалъ: „Вѣсть о паденіи Севастополя заставила меня плакать. А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее. Будь я здоровъ, я ушелъ бы въ милицію *безъ желанія побѣды России*, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа наболѣла за это время“. Объясненіе подчеркнутымъ нами словамъ этого письма найдемъ въ другихъ заявленіяхъ той же поры, принадлежащихъ людямъ иного лагеря, чѣмъ Грановскій. Тотчасъ послѣ паденія Севастополя Юрій Самаринъ писалъ: „Съ самаго начала восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи, гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами Западнаго Союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду, досталось намъ дорогою цѣною, но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки“. Иванъ Аксаковъ утверждалъ, что Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божье, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа“. Въ запискахъ Кошелева читаемъ: „Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе для нея и даже полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти без-

сознательное, было въ томъ же родѣ".—И дѣйствительно, въ то время люди самыхъ различныхъ положеній, направленій и настроеній, словно сговорившись, въ одинъ голосъ указывали въ своихъ письмахъ на то, что изъ развалинъ Севастополя должно будетъ подняться обновленіе и возрожденіе къ лучшей жизни всей Россіи. Такъ, въ одномъ письмѣ Ивана Сергѣевича Тургенева отъ 5 сентября 1855 г. также читаемъ указаніе на то, что паденіе Севастополя должно стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ стало для Пруссіи пораженіе при Іенѣ.

Первымъ признакомъ приближающагося возрожденія явилось небывалое ранѣе оживленіе общественнаго интереса къ очереднымъ, насущнымъ вопросамъ государственной жизни. Въ отвѣтъ на тяжелыя вѣсти съ театра войны усиленно заработала общественная мысль. Въ обществѣ стала обращаться масса рукописныхъ политическихъ записокъ, на страницахъ которыхъ развертывались яркія картины разстройства всѣхъ сторонъ государственной жизни Россіи, и выводъ, къ которому приходили авторы всѣхъ этихъ записокъ, могъ бы быть формулированъ въ одной фразѣ: „Такъ больше жить нельзя".— Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ представляли собою выдающіеся трактаты по зрѣлости мысли, по богатству фактическихъ наблюденій надъ различными сторонами русской жизни, по блестящей талантливости изложенія. Такова была, напр., извѣстная записка Юрія Самарина о крѣпостномъ правѣ, представляющая поистинѣ мастерской анализъ внутренняго состоянія Россіи въ концѣ царствованія Николая I; таковы были записки Погодина, писанныя имъ для представленія государю и если и уступавшія Самаринской запискѣ по объему захвата разсматриваемыхъ явленій, то не менѣе замѣчательныя по силѣ вложеннаго въ нихъ чувства и по той смѣлости, съ какой Погодинъ обращался прямо къ государю, рѣзко обличая самыя коренныя основы николаевской системы внутренняго управленія. Изобразивъ въ этихъ запискахъ показной характеръ благосостоянія Россіи и глубину ея дѣйствительнаго

упадка, Погодинъ говоритъ, обращаясь къ государю: „Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ, войди въ соприкосновеніе съ народомъ, призови на работу всѣ таланты,—мало ли ихъ на Святой Руси!—освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе общее благо, вели раскрыть настежь ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ... Не свѣтъ опасенъ, а тьма". Это была цѣлая программа, діаметрально противоположная тому, во что вѣровалъ и что исповѣдовалъ императоръ Николай Павловичъ. Во краю угла этой программы, конечно, становилась отмѣна крѣпостного права. Тотъ же Погодинъ писалъ въ этихъ запискахъ: „Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачовъ: на сторону Маццини не перейдетъ никто, а Стенька Разинъ лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы".

Надо думать, что и самъ Погодинъ въ глубинѣ души не предполагалъ, чтобы эта программа, сводившаяся къ отрицанію всего николаевскаго режима, могла быть усвоена императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Но внѣ этихъ началъ не видѣлось выхода изъ создавшагося положенія.

И вотъ почему кончина Николая Павловича была принята многими современниками, какъ крупный поворотный пунктъ въ историческомъ развитіи Россіи. „Въ настоящихъ обстоятельствахъ,—отмѣтилъ Никитенко въ своемъ дневникѣ,—смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи, очевидно, наступаетъ новая эпоха. Имераторъ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца, новая страница перевертывается въ ней рукою времени". „Важная миновала эпоха,—писалъ тогда же Хомяковъ,—что бы ни было, а будетъ уже не то".

Возможно быстрая ликвидація войны и немедленный приступъ къ рѣшительнымъ внутреннимъ преобразованіямъ—такова была ближайшая задача новаго царствованія, неотложность которой ясно сознавали наиболѣе просвѣщенные представители какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ круговъ.

Постановка на первую очередь вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права какъ рукой сняла общественную дремоту. И подъ вліяніемъ этого произошелъ важный переломъ, какъ въ жизни передовыхъ общественныхъ кружковъ, такъ и въ жизни рядовой общественной массы. Передовымъ кружкамъ открывалась возможность вывести свою дѣятельность за тѣсные предѣлы отвлеченныхъ, умозрительныхъ споровъ. Ихъ ожидало теперь живое, практическое и въ высшей степени отвѣтственное дѣло. „Уже не церковь съ своими догматами и учрежденіями,—писалъ тогда одинъ славянофилъ,—не философія нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями занимала насъ преимущественно. Грозныя событія приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять, ни подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе".

Но впервые поставивъ передовые круги общества лицомъ къ лицу съ практической задачей гражданскаго служенія, работа надъ крестьянской реформой въ то же время всколыхнула до самыхъ глубинъ и всю рядовую общественную массу, которая начала быстро и нервно откликаться на развертывающіяся событія, задѣтая за живое въ своихъ ближайшихъ реальныхъ практическихъ интересахъ. Зашумѣла и заговорила вся Россія, сверху и донизу, и разнообразные слои общества спѣшили внести свое слово и свое вліяніе въ ходъ общей работы. Такъ, подготовка реформы 19 февраля 1861 г. стала первымъ дебютомъ общественнаго мнѣнія новой Россіи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Посмотримъ же теперь, какъ отразилось участіе въ этомъ дебютѣ на внутренней жизни самого общества. Взглянемъ поочередно 1) на то, что сталось съ прежними передовыми кружками послѣ того, какъ они были вовлечены въ практическую государственную работу, и 2) на то, какъ реагировала на совершавшіяся событія рядовая общественная масса.

II.

Перемѣна царствованія вызвала еще болѣе усиленный подъемъ всеобщаго интереса къ предстоящимъ преобразованіямъ во внутренней жизни Россіи. Потокъ всевозможныхъ „записокъ“, посвященныхъ различнымъ преобразовательнымъ вопросамъ, хлынулъ съ новой силой. Но теперь содержаніе этихъ „записокъ“ все болѣе начало сосредоточиваться около крестьянскаго вопроса. Вкладчиками въ эту рукописную публицистическую литературу явились представители различныхъ общественныхъ лагерей. Такъ, среди записокъ, получившихъ тогда наибольшую извѣстность, встрѣчаемъ записки славянофиловъ Самарина, Кошелева; близкаго къ славянофиламъ, хотя и не раздѣлявшаго всѣхъ ихъ воззрѣній, кн. Черкасскаго и западника Кавелина. Западники и славянофилы поспѣшили выступить на арену гласнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ не только въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, но и сплоченными корпораціями. Тѣ и другіе воспользовались первою же возможностью для того, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе журналовъ, которые и должны были стать органами опредѣленныхъ политическихъ группъ. Такъ появились западническій „Русскій Вѣстникъ“ и затѣмъ славянофильская „Русская Бесѣда“. Кружки 40-хъ годовъ выступали теперь сплоченными рядами на открытую общественную арену и готовились пустить въ ходъ то оружіе, которое такъ долго натачивалось въ тишинѣ интимныхъ бесѣдъ. Но при этомъ произошло слѣдующее. Старыя общественныя партіи, которыя

вели столь обостренную полемику въ то время, когда имъ приходилось разбирать занимавшіе ихъ вопросы въ ихъ отзлеченной постановкѣ, теперь, скрестивъ оружіе въ открытомъ бою изъ-за практическаго дѣла, тотчасъ почувствовали себя болѣе союзниками, нежели непріятелями. Онѣ попрежнему расходились въ отправныхъ посылкахъ, но оказывались нерѣдко согласными въ заключительныхъ выводахъ по наиболѣе крупнымъ, основнымъ вопросамъ очередныхъ преобразованій. А если между ними и возникали существенныя разногласія, то всего чаще эти разногласія уже выходили за рамки ихъ прежней кружковой группировки и опирались нестолько на былые философскіе споры, сколько на тѣ практическія соображенія, которыя сами собой выдвигались на первый планъ при конкретной постановкѣ соотвѣтствующихъ вопросовъ. Такъ, общественная работа при подготовкѣ реформы 1861 г. повлекла за собою постепенную ликвидацію старыхъ кружковыхъ направленій и ихъ замѣну новыми общественными группировками.

Конечно, и западники и славянофилы принимались первоначально за новое дѣло еще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своей былой розни, еще всѣ обвѣянные отзвуками недавней междоусобной борьбы. Грановскій за два дня до своей смерти писалъ Кавелину (письмо отъ 2 октября 1855 г.): „Эти люди (т.-е. славянофилы) противны мнѣ, какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи всего, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи“. А черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Грановскій написалъ это письмо, Хомяковъ, извѣщая Самарина о смерти Грановскаго, выразился такъ: „Бѣдный Грановскій! Вы, вѣроятно, о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ, даже лучшихъ, нѣтъ ничего такого, что бы отвѣчало требованіямъ Россіи, особенно современной“. Такъ

западники и славянофилы взаимно отпѣвали направленія другъ друга какъ разъ въ тотъ моментъ, когда имъ противъ ихъ собственнаго ожиданія предстояло протянуть другъ другу руки для общаго дѣла. При основаніи „Русскаго Вѣстника“ была сдѣлана попытка привлечь къ участію въ этомъ западническомъ журналѣ нѣкоторыхъ славянофиловъ въ цѣляхъ сближенія; такъ, дали свои имена для публикаціи о журналѣ всѣ Аксаковы—Сергѣй Тимоѳеевичъ и его сыновья, Константинъ и Иванъ. Хомяковъ, однако, приглашенъ не былъ. Но это была лишь эфемерная попытка. Уже въ октябрѣ 1856 г. старикъ Аксаковъ писалъ сыну Ивану: „Статья Гилярова о моей книгѣ не принята въ „Русскій Вѣстникъ“, ибо содержитъ въ себѣ рѣзкія славянофильскія убѣжденія... Итакъ, Катковъ выведенъ на свѣжую воду и наши имена должны быть выключены изъ числа участниковъ“. Какъ уже было сказано, славянофилы затѣяли свой собственный журналъ „Русскую Бесѣду“, и у насъ есть положительныя указанія на то, что это предпріятіе было вызвано именно желаніемъ поднять свое знамя въ противовѣсъ „Русскому Вѣстнику“. 5 августа 1855 г. Кошелевъ писалъ Погодину: „...считаю долгомъ нашимъ непремѣннымъ теперь основать въ Москвѣ сильную оборону и живое наступленіе въ пользу началъ православія и народности, нами исповѣдуемыхъ, безъ чего цивилизація Русскаго Лѣтописца (такъ первоначально предполагали назвать будущій „Русскій Вѣстникъ“. А. Киз.) захватитъ все и сдѣлаются Катковъ, Грановскій и К° представителями Москвы“. А вотъ голосъ изъ противоположнаго лагеря, указывающій на то, какъ относились западники къ предстоящему появленію „Русской Бесѣды“. 2 октября 1855 г. Грановскій писалъ Кавелину: „Я до смерти радъ, что славянофилы затѣяли журналъ... я радъ потому, что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей; придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыя морочили такихъ дѣтей, какъ ты; надобно будетъ сказать послѣ-

днее слово системы, а это послѣднее слово—православная патріархальность, несовмѣстимая ни съ какимъ движеніемъ впередъ... Изъ всей этой безобразной партіи только у Петра Кирѣевскаго и у Ивана Аксакова есть живая душа и безкорыстное желаніе добра“.

Казалось, такимъ образомъ, что старые идейные враги готовились дать другъ другу послѣдній, рѣшительный бой. Полемика между новыми органами, на самомъ дѣлѣ, не замедлила вспыхнуть. Временами она принимала весьма запальчивый характеръ. Но вотъ что необходимо отмѣтить. Столкновенія были тѣмъ острѣе, чѣмъ отдаленнѣе отъ текущихъ практическихъ задачъ стояли дебатируемые вопросы. Немалые споры были подняты напримѣръ, по вопросу о сельской общинѣ. Но любопытно, что все остріе спора было направлено не на обсужденіе роли общиннаго землевладѣнія въ современной Россіи, а на разрѣшеніе вопроса объ историческомъ происхожденіи общины. Что такое наша община—продуктъ правительственной фискальной политики или исконное бытовое явленіе русской жизни?—Вотъ вопросъ, по которому западникъ и славянофилъ готовы были къ самымъ пылкимъ взаимнымъ схваткамъ, какъ будто дѣло шло о животрепещущей злобѣ дня, а не о кабинетно-академической, научной проблемѣ. И тѣ же идейные враги очень гладко столковались другъ съ другомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по дѣйствительно актуальному вопросу о томъ, какъ должно отнестись законодательство къ установленію тѣхъ или иныхъ формъ землепользованія въ освобождаемой русской деревнѣ: тѣ и другіе одинаково сошлись на томъ, что законодательство просто должно стать на почву признанія существующаго факта. Горячая полемика вспыхнула тогда же между двумя названными лагерями по поводу появившейся въ „Русской Бесѣдѣ“ статьи Тертія Филиппова о женской долѣ по русскимъ народнымъ пѣснямъ. Не менѣе жгучимъ поводомъ для журнальныхъ схватокъ послужила допущенная на страницы той же „Русской Бесѣды“

некрасивая выходка оріенталиста В. В. Григорьева противъ покойнаго уже Грановскаго. Конечно, и самый фактъ расхожденія по вопросамъ такого рода и тѣ воззрѣнія, которыя высказывались при этомъ представителями названныхъ теченій, съ ясностью обозначали все различіе направленій, вкусовъ, пріемовъ мысли и психическихъ организацій людей того и другого лагеря. И все же, какъ ни глубока была эта пролегавшая между ними раздѣльная борозда, она не могла заслонить собою того важнѣйшаго факта, что по самому главному и основному очередному вопросу русской жизни—по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права—западники и славянофилы оказывались не врагами, а товарищами по оружію. По общему складу всего своего міросозерцанія они отталкивались другъ отъ друга; но властные запросы текущаго дня, быть-можетъ, непримѣтно для нихъ самихъ смыкали ихъ ряды. Они никогда не могли бы столковаться относительно общихъ историческихъ судебъ Россіи и ея роли во всемірной цивилизаціи, но непосредственныя, *сегодняшнія* задачи превращали ихъ въ согласныхъ сотрудниковъ совмѣстнаго дѣла. А между тѣмъ эти непосредственныя задачи были такъ громадны, такъ глубоко было тогда ихъ жизненное значеніе, что поневолѣ точки соприкосновенія между двумя привыкшими къ взаимной борьбѣ общественными группами брали рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми ихъ теоретическими разногласіями и междоусобными личными счетами. И трудно сказать, какъ вѣрнѣе было бы назвать западниковъ и славянофиловъ въ этотъ знаменательный моментъ русской жизни: союзниками поневолѣ или непріятелями по недоразумѣнію? Быть-можетъ, всего правильнѣе очерчена сущность ихъ взаимныхъ отношеній въ великолѣпномъ по своей художественной образности опредѣленіи Герцена: „Мы, какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у насъ билось одно“.

Мы только что видѣли, какъ устами Грановскаго и Хомякова обѣ партіи обмѣнялись взаимными эпитафіями. Это было

при самомъ начальномъ выступленіи тѣхъ и другихъ на поприще практической общественной работы. Но, выйдя на это поприще, и западники и славянофилы скоро почувствовали потребность стать плечо о плечо. И въ пылу совмѣстной работы они научились обоюдно цѣнить положительныя стороны другъ друга въ большей мѣрѣ, нежели во время своихъ прежнихъ словесныхъ діалектическихъ дуэлей

Надо сказать, что эти объединительныя наклонности въ виду грандіозной важности предстоящей общей задачи не ограничились кругомъ славянофиловъ и западниковъ. Концентрація общественныхъ силъ шла и дальше, захватывая круги, расположенные и правѣе и лѣвѣе двухъ крупныхъ центральныхъ общественныхъ группъ. Западникъ Кавелинъ не задумался протянуть тогда руку стороннику „оффиціальной народности“ и своему давнему антагонисту по научной полемикѣ — Погодину только потому, что онъ подмѣтилъ у послѣдняго живое и даже горячее отношеніе къ вопросу о необходимости преобразованій и прежде всего отмѣны крѣпостного права. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Кавелина къ Погодину отъ 3 ноября 1855 г. „Время теперь такое — пишетъ Кавелинъ, — что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый — единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, можетъ-быть, столько же, сколько въ 1612 г., Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій... Много и много надо бы перетолковать, особенно людямъ разномыслящимъ, чтобъ не поддерживать духа раздвоенія, ненависти и подозрѣній въ теперешнее трудное многозначительное время. Мнѣ все такъ кажется, что большая часть людей у насъ на Руси враждуетъ по недоразумѣнію, оттого, что въ

споры входитъ много личнаго, чего можно избѣгнуть если переговорить серьезно и съ любовью въ твердомъ намѣреніи уважить справедливыя притязанія противной стороны. Думаю, что вы всего легче могли бы это сдѣлать съ своей стороны, Михаилъ Петровичъ! Я разумѣю, что вы всего бы лучше и рѣшительнѣе могли бы быть звеномъ примиренія". Этотъ призывъ, очевидно, не остался безъ отклика, потому что между Кавелинымъ и Погодинымъ съ той поры завязалась оживленная переписка.

Нельзя объяснить этого шага Кавелина его личнымъ прекраснодушіемъ: во-первыхъ, „прекраснодушіе" вовсе не было Кавелину свойственно; во-вторыхъ, приведенное письмо—лишь одинъ изъ многихъ симптомовъ подобнаго настроенія, проявлявшагося тогда въ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ. Если западникъ Кавелинъ протягиваетъ руку стороннику „офиціальной народности" Погодину, то, съ другой стороны, славянофильская „Русская Бесѣда" при своемъ появленіи была привѣтствуема съ крайняго лѣваго фланга тогдашней журналистики. Вотъ что писалъ тогдашній органъ нарождавшагося соціалистическаго народничества—„Современникъ": „Мы можемъ ошибиться, но у насъ есть твердое убѣжденіе, что „Русской Бесѣдѣ" такъ или иначе суждено играть благородную и благотворную роль въ русской литературѣ. Какъ бы ни проявились убѣжденія людей, соединяющихся въ „Бесѣдѣ", въ основѣ ихъ убѣжденій лежитъ начало животворящее—безкорыстная и глубокая любовь къ Россіи; а такая основа уже сама собою исключаетъ апатію, разрѣшающуюся въ дѣятельность рутинную, безплодную".

Со стороны редакціи „Современника", во главѣ которой стоялъ тогда Чернышевскій, это не было сознательнымъ закрываніемъ глазъ на разницу въ убѣжденіяхъ; это было лишь трезвое пониманіе того, что для даннаго момента, для интересовъ того текущаго, очередного дѣла, которое пріобрѣтало для страны первенствующую важность, пункты соприкосновенія

между сторонниками эмансипаціи получали гораздо болѣе высокую общественную цѣнность, нежели всѣ разъединявшія ихъ разногласія. Эта мысль съ полной отчетливостью была выражена „Современникомъ“ уже послѣ того, какъ ему пришлось не разъ полемизировать съ „Русской Бесѣдой“ по различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. „Всѣ статьи („Русской Бесѣды“), —писалъ „Современникъ“—сколько нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна не могла бы быть напечатана ни въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ни въ „Отечественныхъ Запискахъ“, ни въ „Современникѣ“... и однакоже, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе „Русской Бесѣдѣ“, желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія... Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть „Русская Бесѣда“, и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ... Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены... Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ; какъ скоро споръ переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни,—коренному разногласію нѣтъ мѣста“ *). Съ своей стороны, и наиболѣе чуткіе къ практическимъ запросамъ жизни славянофилы обнаруживали готовность признать положительныя заслуги своихъ идейныхъ противниковъ. Писалъ же Иванъ Аксаковъ въ октябрѣ 1855 г.: „Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ дорогъ и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ“.

Объясняются ли эти объединительныя стремленія тѣмъ взрывомъ энтузіазма, который охватилъ передовые круги общества послѣ изданія первыхъ рескриптовъ по крестьянскому дѣлу?

---

*) Курсивъ нашъ. А. К.

Я склоненъ думать, что въ основѣ этихъ взаимныхъ сближеній лежалъ вовсе не порывъ чувства, а естественное слѣдствіе того, что мы называемъ „силою вещей".

Дѣйствительно, велико было то оптимистическое одушевленіе, которое почувствовали при первыхъ рѣшительныхъ шагахъ правительства по крестьянскому дѣлу всѣ передовые общественные элементы безъ различія партійныхъ оттѣнковъ, отъ Погодина и Аксаковыхъ и до Герцена и Чернышевскаго включительно. Въ этотъ моментъ Аксаковъ восклицалъ въ стихахъ: „Дню вчерашнему — забвенье, дню грядущему—привѣтъ"; Герценъ писалъ восторженную статью съ эпиграфомъ „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" и даже Чернышевскій, отложивъ въ сторону всякія сомнѣнія и критическія оговорки, привѣтствовалъ рескриптъ на имя Назимова одушевленнымъ панегирикомъ: „Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ,—писалъ онъ,—увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы,—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ".

Конечно, этотъ довѣрчивый энтузіазмъ не могъ быть долговременнымъ. Лишь только началась черная работа по подготовкѣ сложной реформы, вскрылись противоположные интересы затронутыхъ реформою общественныхъ классовъ и группъ, и пошла тяжелая и затяжная борьба около каждаго параграфа обсуждаемыхъ проектовъ,—праздничные восторги тотчасъ смѣнились будничными заботами, тревогами и разочарованіями. Но эта-то именно черная работа надъ великой реформой и выдвинула основанія для тѣхъ новыхъ общественныхъ группировокъ, въ которыхъ растворились старыя партіи, уже утрачивавшія такимъ образомъ былыя побужденія къ взаимной борьбѣ во имя прежнихъ лозунговъ.

Напротивъ, въ моментъ восторговъ прогрессивнаго общества передъ первыми рескриптами еще свѣжи были предшествующія теоретическія разногласія, и попытки къ объединенію, тогда уже начавшіяся, все еще встрѣчали съ разныхъ сторонъ сдержанный холодокъ. Всѣ ликовали, но каждый—въ своемъ приходѣ.

Это обстоятельство наглядно выразилось въ исторіи того обѣда, который былъ устроенъ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г. съ цѣлью ознаменовать изданіе рескрипта 20 ноября. Устроители обѣда — западники Кавелинъ и Катковъ — очень желали придать этой общественной манифестаціи междупартійный и возможно болѣе широкій характеръ. Съ этою цѣлью Кавелинъ привлекъ къ участію Погодина. Однако, московскіе славянофилы въ полномъ своемъ составѣ отказались отъ участія въ обѣдѣ. Обѣдъ прошелъ прекрасно и произвелъ сильное впечатлѣніе, какъ первая серьезная общественная политическая манифестація. Погодинъ такъ и записалъ тогда же въ своемъ дневникѣ: „Обѣдъ имѣлъ значеніе, какъ первое выраженіе свободы чувствъ мимо правительства“... Тосты на обѣдѣ были произнесены Катковымъ, Станкевичемъ, Павловымъ, Погодинымъ, Бабстомъ, Кавелинымъ и Кокоревымъ. Катковъ говорилъ первымъ и началъ свою рѣчь съ выраженія радости по случаю того, что ему и его современникамъ довелось жить въ одну изъ такихъ эпохъ, когда люди „съ усиленнымъ біеніемъ сердца“ сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ. Онъ говорилъ далѣе о томъ, что единодушіе охватило всю мыслящую Русь и что такая минута не можетъ пропасть даромъ и не забудется въ исторіи. Павловъ провозгласилъ тостъ за того, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра. Погодинъ говорилъ о дворянствѣ и его всегдашней готовности къ жертвамъ на общее благо государства и высказывалъ увѣренность въ томъ, что дворянство и теперь не останется равнодушнымъ къ предоставляющемуся ему новому великому гражданскому и человѣческому подвигу. Бабстъ первый поставилъ точку надъ і и вмѣсто употребленныхъ предшествовавшими ораторами описательныхъ выраженій о „святомъ дѣлѣ“ или „подвигѣ правды и добра“ прямо произнесъ слова „уничтоженіе крѣпостного труда“, и посвятилъ свою рѣчь выясненію того, какое великое значеніе получитъ свободный трудъ для всей жизни государства. Кавелинъ говорилъ о томъ, какъ давно уже лучшіе люди многихъ поколѣній ожидали отмѣны рабства, и кончилъ призывомъ къ смягченію сердецъ и водво-

ренію повсюду любви и мира. Въ заключеніе краткое слово сказалъ Кокоревъ, выразившій пожеланіе, чтобы процессъ мыслей, ведущихъ ко благу крестьянъ, не прерывался у всѣхъ и по возвращеніи съ этого торжества въ свои жилища. Черезъ нѣсколько дней Кокоревъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ другую рѣчь, болѣе обширную, которую онъ приготовилъ для обѣда, но не произнесъ и въ которой онъ призывалъ купцовъ и другихъ капиталистовъ собрать путемъ пожертвованій капиталъ для выкупа земельныхъ надѣловъ въ пользу крестьянъ. Въ январѣ 1858 г. Кокоревъ уже у себя устроилъ второй обѣдъ, тоже посвященный обсужденію крестьянского дѣла, и затѣмъ онъ замышлялъ цѣлую банкетную кампанію, предполагая послѣдовательно пріурочивать такіе банкеты къ отдѣльнымъ событіямъ въ области движенія крестьянскаго дѣла. Этому плану не суждено было осуществиться. Недреманное око графа Закревскаго тотчасъ обратило вниманіе на этотъ „непорядокъ“, и на продолженіе банкетовъ было наложено грозное начальственное veto. Любопытно, что въ числѣ мотивовъ этого запрещенія Закревскій подчеркивалъ то обстоятельство, что инціаторъ обѣдовъ Кокоревъ не принадлежитъ къ дворянскому сословію, которое по Высочайшей волѣ призвано рѣшить вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, и потому, по мнѣнію Закревскаго, устройство обѣдовъ Кокоревымъ оскорбляетъ достоинство всего сословія. Разумѣется, этимъ, во всякомъ случаѣ характернымъ для своего времени, мотивомъ прикрывался просто на просто испугъ власти передъ самостоятельными проявленіями общественнаго мнѣнія.

Но почему же славянофилы отказались отъ участія въ обѣдѣ 28 декабря? Вѣдь по существу они могли только присоединиться ко всему тому, что было высказано въ этомъ собраніи. Доводы, приведенные самими славянофилами въ объясненіе ихъ поступка, представляются мнѣ неискренними. По словамъ Юрія Самарина, они считали, что банкетная демонстрація повредитъ крестьянскому дѣлу, подчеркнувъ сочувствіе этому дѣлу со стороны передовой интеллигенціи, находящейся на подозрѣніи у пра-

вительства, а по словамъ Кошелева—столь важное дѣло вообще надлежало начинать „не съ кулебякой во рту и не съ бокаломъ шампанскаго, а съ молитвой“. Несерьезность всѣхъ этихъ отговорокъ доказана была, однако, уже тѣмъ, что славянофилы въ полномъ составѣ явились на второй обѣдъ, устроенный Кокоревымъ, и тамъ произнесли рѣчи и Юрій Самаринъ и Кошелевъ. Ни кулебяка, ни шампанское на этотъ разъ не шокировали Кошелева, а тактическія соображенія Самарина могли бы быть выставлены по отношенію ко второму обѣду, такъ же какъ и по отношенію къ первому; не даромъ именно послѣ второго обѣда участники были приглашены въ полицію для отобранія отъ нихъ подписки въ непроизнесеніи впредь рѣчей. И вотъ, я прихожу къ заключенію, что 28 декабря славянофилы просто-на просто не пожелали поддержать предпріятіе, затѣянное западниками, доказавъ тѣмъ, что общій взрывъ энтузіазма послѣ изданія ноябрьскихъ рескриптовъ не заслонилъ еще сразу преданій старой кружковщины.

Напротивъ того, послѣдующая работа надъ реформой въ губернскихъ комитетахъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ быстро перетасовала старые кружки и партіи по совершенно новымъ группировкамъ. Этотъ процессъ, быть-можетъ, всего лучше символизировался тѣснымъ сотрудничествомъ, установившимся ко времени открытія редакціонныхъ комисій между Юріемъ Самаринымъ и Николаемъ Милютинымъ, который передъ открытіемъ этихъ комиссій, по свидѣтельству Ивана Аксакова, „числился западникомъ“.

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ партійныхъ изданій („Русская Бесѣда“, „Молва“, „Парусъ“) славянофилы развивали во всей чистотѣ свою политическую теорію: „правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія“; но эта теорія уже не задавала тона идейному движенію, и центръ тяжести идейной борьбы перемѣстился въ другую плоскость. Славянофильское народничество быстро заслоняется народничествомъ соціалистическимъ, которое вдвигаетъ нѣкоторыя изъ славянофильскихъ темъ (напр., тему объ общинѣ) въ совершенно иную идейную оправу и

соединяетъ ихъ съ совершенно иной соціально-политической программой. И прежняя борьба западничества и славянофильства смѣняется съ этого момента борьбой либеральнаго конституціонализма, демократическаго радикализма и соціалистическаго народничества („Русскій Вѣстникъ", „Русское Слово", „Современникъ"). А надъ всѣми этими разнообразными теченіями общественной мысли властно, порывисто и красиво носятся мощные звуки Герценскаго „Колокола". „Колоколъ", несомнѣнно, имѣлъ ближайшія точки соприкосновенія съ каждымъ изъ названныхъ теченій и отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности существенно отличался. Главная сила его заключалась все-таки въ той захватывающей увлекательной вибраціи, съ какой разносилъ онъ повсюду негодующій протестъ противъ пережитковъ „стараго порядка".

Такъ въ непосредственной связи съ разработкой крестьянской реформы совершилась ликвидація старыхъ общественныхъ партій, и возникли зародыши новыхъ общественныхъ направленій.

III.

Теперь съ вершинъ передовой интеллигентской мысли того времени спустимся къ рядовой общественной массѣ и посмотримъ, каковы были ея отклики на послѣдовательный ходъ событій, связанныхъ съ подготовкой крестьянской реформы. Здѣсь передъ нами развертывается знаменательная картина. И столичное и провинціальное общество, первоначально встрѣтившее наступленіе новаго царствованія въ какомъ-то растерянно-неопредѣленномъ настроеніи, вскорѣ приходитъ въ величайшее возбужденіе, лишь только стало извѣстно окончательное рѣшеніе правительства приступить къ ликвидаціи крѣпостного права. Съ этого момента прежней сонной апатіи, обволакивавшей до того всѣ стороны общественной жизни, какъ не бывало. Кто съ радостной готовностью привѣтствовать наступленіе новыхъ порядковъ, кто—съ пѣною у рта и скрежетомъ зубовъ отъ гнѣва на ненавистныхъ преобразователей,

кто—съ надеждой на лучшее будущее, кто—со страхомъ передъ неизбѣжностью всеобщаго развала,—но всѣ съ одинаковой возбужденностью и съ одинаковымъ сознаніемъ въ невозможности безучастнаго отношенія къ тому, что кругомъ происходитъ, усиленно принялись спорить, писать, развѣдывать политическія новости, отстаивать и распространять свои мнѣнія на различные вопросы, связанные съ реформой, словомъ—начали жить той повышенной общественной жизнью, которая отличаетъ сознательнаго гражданина отъ коптящаго небо обывателя.

Первые слухи относительно образованія новаго секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу вызвали въ обществѣ довольно смутное впечатлѣніе. Наиболѣе богатые и наиболѣе трусливые помѣщики не замедлили, впрочемъ, толпами кинуться за границу. Въ письмахъ того времени нерѣдко попадаются указанія на это явленіе: „нашихъ столько за границею,—читаемъ въ одномъ письмѣ,—что увѣряютъ, что надо ѣхать заграницу, чтобы видѣться съ русскими"; „отъѣзжающихъ за границу такъ много,—сказано въ другомъ письмѣ,—что имена ихъ раздвигаютъ объемъ газетъ". А у тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ уѣхать, на душѣ прочно водворялись либо страхъ, либо недоумѣніе предъ неизвѣстностью ближайшаго будущаго. „У насъ разсказываютъ,—пишетъ одинъ орловскій помѣщикъ знакомому въ Петербургъ въ началѣ 1857 г.,—что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все у насъ растащутъ. Квартирующіе у насъ въ Трубчевскѣ военные тоже говорили, что будто бы этого Англія требуетъ, а дворовые уши навострили". Это—образчикъ размышленій помѣщика, свыкшагося съ вѣрой въ то, что внѣ крѣпостного права нѣтъ спасенія. Надо замѣтить, однако, что и въ разсужденіяхъ болѣе просвѣщенно настроенныхъ помѣщиковъ въ этотъ моментъ не замѣчается увѣренности и ясности взгляда. Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее письмо помѣщика

Новомосковскаго уѣзда къ пріятелю: „Мнѣ родное пепелище дорого по воспоминаніямъ, хотя не могу сказать, чтобъ званіе помѣщика мнѣ было по душѣ. Не знаю, какъ у васъ, въ нашемъ краю многіе и многіе стали говорить объ этомъ важномъ вопросѣ человѣчества, т.-е. о помѣщичествѣ, но ce qui s'en suit; говорить—но, видно, дѣлать еще не время! Проекты летятъ тысячами, но всѣ неудовлетворительны; хочется всѣмъ чтобы и козы были сыты и сѣно цѣло. Всякій здравый умъ сознаетъ, что настоящій порядокъ и нелѣпъ и безнравствененъ и не только убыточенъ для обоихъ сословій. но безусловно есть непреодолимая преграда ко всякому развитію. Есть и у насъ маленькій кружокъ пріятелей, сочувствующихъ и понимающихъ другъ друга и немного мыслящихъ. Горячо было принялись мы за обсужденіе могущаго быть у насъ лучшаго порядка, лучшихъ отношеній насъ, владѣльцевъ, къ крестьянамъ нашимъ но-- увы!—первый шагъ, первое столкновеніе съ властью высшею разрушило все. Видно, еще долго ждать нашихъ лучшихъ дней“. Любопытно указаніе этого письма на то, что и въ глубокой провинціи въ это время уже появлялись попытки группироваться въ кружки для совмѣстной разработки крестьянскаго вопроса, но иниціаторы такихъ попытокъ не чувствовали подъ ногами твердой почвы. Притомъ, даже и наиболѣе благожелательнымъ къ реформѣ помѣщикамъ еще не доставало яснаго представленія о возможной программѣ предстоящей реформы. „Всѣ говорятъ, —пишетъ тогда же одинъ петербургскій помѣщикъ:—надобно, надобно, такъ не можетъ оставаться дѣло, а какъ только до дѣла,—не знаютъ, за что взяться, и теряются“.

И устрашенные и окрыленные надеждами одинаково испытывали въ это время чувство какого-то неопредѣленнаго ожиданія. „Диковинное настало время! на кого ни посмотришь, каждый и всѣ ждутъ чего-то“, замѣчаетъ въ письмѣ одинъ умный симбирскій помѣщикъ, рисуя настроеніе окружающаго общества. Но это ожиданіе носило еще характеръ смутный

и неувѣренный. Крѣпостники старались убѣдить сами себя вопреки волновавшимъ ихъ предчувствіямъ, что отмѣна крѣпостного права—вещь совершенно несбыточная; а тѣ, кто тяготились существующимъ положеніемъ, не рѣшились довѣриться своимъ надеждамъ, которыя столько уже разъ были обмануты. И всеобщее напряженіе еще не прорывалось наружу. Въ этотъ именно моментъ Некрасовъ писалъ:

„Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ, не поймешь!

Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна."

Такъ казалось поэту изъ окошка петербургской квартиры. На самомъ дѣлѣ страна находилась наканунѣ шумнаго взрыва общественнаго возбужденія. Искрой, произведшей этотъ взрывъ, явился рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, который содержалъ въ себѣ косвенное приглашеніе по адресу всего дворянства имперіи принять непосредственное участіе въ подготовкѣ реформы въ лицѣ выборныхъ отъ дворянства губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Непосредственное впечатлѣніе, произведенное этимъ рескриптомъ на людей, которые сочувствовали реформѣ, хорошо выразилось въ письмѣ князя Оболенскаго къ А. В. Головнину отъ 23 декабря 1857 г.: „Какъ описать вамъ наше удивленіе при полученіи послѣднихъ извѣстій? Великому дѣлу положено начало и какое прекрасное начало! Господь умудряетъ слѣпцовъ, сказано въ Писаніи, и въ этомъ дѣлѣ нельзя не признать Его видимаго присутствія. Ничто не обѣщало такого прекраснаго результата: ни приготовительная работа, ни качества большинства дѣятелей. Будущее намъ, конечно, неизвѣстно, но каково

бы оно ни было, оно не уменьшитъ значенія сей великолѣпной страницы въ исторіи государя... Вамъ, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей, слава, честь и благодареніе, но какъ не позавидовать счастью Ланского, знаетъ себѣ подписываетъ одинъ циркуляръ за другимъ и прямо идетъ въ безсмертіе въ розовомъ галстукѣ и клѣтчатыхъ штанахъ!"

Открытіе губернскихъ комитетовъ не оставляло уже никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло реформы вышло изъ области неопредѣленныхъ предположеній и вступило на путь практической разработки. Тогда-то встрепенулись всѣ и каждый, одни—для того, чтобы помочь по мѣрѣ силъ осуществленію великаго преобразованія, другіе—для того, чтобы спасти, что еще можно, изъ своихъ сословныхъ преимуществъ и матеріальныхъ выгодъ при неизбѣжной уже ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. И столица и провинція стали неузнаваемы. И тамъ и здѣсь жизнь забила ключомъ. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1858 г., писалъ въ Парижъ къ гр. Киселеву: „Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете, что начинается новая эра". — „Здѣсь, въ Петербургѣ, — писалъ Кавелинъ Погодину, — общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества, все говоритъ, все толкуетъ, и чрезъ это, разумѣется, учится." Но это возбужденіе не ограничивалось уже однимъ Петербургомъ. Провинція представляла такое же зрѣлище взбудораженнаго муравейника. „Крестьянскій вопросъ, — повѣствуетъ одинъ современникъ,—поднялъ все на ноги, все загрушилъ, затмилъ и поглотилъ собою, многіе съ ума сошли, многіе умерли. Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, не робѣлъ большой и малый владѣлецъ."

Выразительная картина общаго повышеннаго настроенія въ провинціи послѣ открытія губернскихъ комитетовъ набросана

была въ новогоднемъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“ за 1861 г „Толки и сужденія,—читаемъ въ статьѣ этой газеты,—не ограничивались стѣнами комитетовъ. Ими были заняты не только всѣ безъ исключенія сословія землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельныхъ собственностей изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ,—вездѣ слышались одни и тѣ же разсужденія—о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ.. Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три-четыре передъ симъ, глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину, вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность“. Далѣе въ цитируемой статьѣ отмѣчаются тѣ послѣдовательные моменты, черезъ которые проходила мысль рядовой массы провинціальнаго дворянства при постепенномъ освоеніи съ началами намѣченной реформы. Сначала, говорится здѣсь, громадное большинство помѣщиковъ провозглашало дружнымъ хоромъ: „безъ крѣпостного права мы погибнемъ!“ Мало-по-малу начала, однако, пробиваться на поверхность общаго сознанія иная мысль: „современное положеніе нестерпимо, нужно, чтобы насъ освободили отъ крестьянъ“; впрочемъ, эта мысль соединялась еще съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что и крестьянскія усадьбы и вся земля должны остаться цѣликомъ собственностью помѣщиковъ. Затѣмъ стали соглашаться и на продажу крестьянамъ усадебъ, разумѣется, за хорошія деньги. Пришла, однако, и такая пора, когда изъ перекрестнаго столкновенія различныхъ воззрѣній и доводовъ стала обрисовываться въ сознаніи боль-

шинства необходимость пойти и на предоставленіе освобождаемому крестьянину полевого надѣла!

Возможно, что цитированная статья „Сѣверной Пчелы“ нѣсколько сгущала радужныя краски изображаемой ею картины. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что основное явленіе — сильное оживленіе общественной мысли — было подмѣчено совершенно согласно съ дѣйствительностью: слишкомъ много указаній, идущихъ притомъ съ разнообразныхъ сторонъ имѣемъ мы на это явленіе отъ того времени

На ряду съ этимъ явленіемъ замѣчалось и другое: возбужденіе общества быстро начало принимать форму опредѣленныхъ общественныхъ группировокъ. Въ частныхъ письмахъ того времени встрѣчаемъ любопытныя указанія на то, какое впечатлѣніе новизны и неожиданности производило это обстоятельство на внимательныхъ наблюдателей тогдашней жизни. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ письмѣ Головина къ издателю брюссельской газеты „Le Nord“ Погенполю: „и съ той и съ другой стороны есть des modérés, des ultra conservateurs et des ultra progressistes; но главное состоитъ въ томъ, что эти лагери, находившіеся до сихъ поръ въ тѣни, не выдѣлялись и вдругъ рѣзко обозначились, разбивъ дворянское общество Россіи какъ бы на политическія партіи. Это новое явленіе въ русской исторіи. Бывало, дворъ раздѣлялся на партіи, но никогда не было, чтобы все дворянское сословіе группировалось въ партіи. Порваны старинныя дружескія связи, потому что явилась разность въ убѣжденіяхъ по вопросу объ эмансипаціи, взамѣнъ того завязались новыя связи, вслѣдствіе одинаковости взглядовъ на этотъ предметъ“.

Я не буду останавливаться на характеристикѣ этихъ новыхъ группировокъ въ средѣ землевладѣльческаго дворянства того времени. Замѣчу лишь вкратцѣ, что, какъ окончательно доказано недавними изслѣдованіями А. А. Корнилова, эти группировки сильнѣе всего обусловливались различіемъ помѣщичьихъ интересовъ разнообразныхъ полосъ Россіи въ связи съ различіемъ

условій помѣщичьяго хозяйства въ каждой изъ этихъ полосъ. Разумѣется, извѣстную роль играли здѣсь и различія въ размѣрахъ землевладѣнія у той или иной группы помѣщиковъ. Это была по преимуществу борьба интересовъ, а не борьба отвлеченныхъ идеологическихъ построеній. Тѣмъ энергичнѣе она велась, тѣмъ сильнѣе она захватывала обширные круги мѣстнаго общества. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ столкновенія представителей различныхъ направленій принимали столь обостренный характеръ, что дѣло доходило до бурныхъ сценъ и тяжелыхъ личныхъ оскорбленій. Юрій Самаринъ сообщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ является въ засѣданія комитета (онъ работалъ въ самарскомъ комитетѣ) не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ и даже въ виду угрожающаго положенія противниковъ вынужденъ былъ завести для себя изъ собственныхъ дворовыхъ тѣлохранительный отрядъ.

И, однако, тотъ же Самаринъ признавался въ другомъ письмѣ: „Временами бываетъ страшно тяжело, и все же въ тысячу разъ лучше прежней спячки".

Поднявшаяся открытая борьба противоположныхъ интересовъ не только оживила общественную жизнь и наполнила ее серьезнымъ содержаніемъ, но и принесла несомнѣнную пользу для самаго дѣла реформы. Конечно, въ губернскихъ комитетахъ относящіеся до реформы вопросы получали болѣе или менѣе одностороннюю постановку, при чемъ принимались во вниманіе прежде всего интересы дворянскаго сословія. Не только представители партіи большинства каждаго комитета, но и представители меньшинства, какъ показано съ полной отчетливостью въ изслѣдованіяхъ г. Корнилова, стояли на той же почвѣ защиты интересовъ землевладѣльческаго дворянства. Но даже и при этомъ неблагопріятномъ условіи чисто сословнаго состава комитетовъ, открытая борьба общественныхъ партій принесла свои положительные результаты, сразу раздвинувъ рамки реформы гораздо шире того, чѣмъ первоначально предполагали ограничиться петербургскія правящія сферы. Извѣ-

стно, что идея выкупа крестьянскихъ надѣловъ въ собственность крестьянскихъ обществъ, о которой первоначально правительство не хотѣло и слышать, была выдвинута изъ среды комитетовъ и не безъ борьбы съ административными препятствіями, въ концѣ-концовъ, была включена въ кругъ вопросовъ, предоставленныхъ для открытаго обсужденія.

Закрытіе губернскихъ комитетовъ по окончаніи ими работъ во многихъ мѣстахъ сопровождалось торжественными обѣдами и рѣчами. Въ Харьковѣ члены комитета подписали составленный ими проектъ особо изготовленными бронзовыми перьями съ буквами А. II и съ надписями на ручкахъ: „24 марта 1859 г. Харьковъ". Перья эти затѣмъ были взяты членами для храненія ихъ въ ихъ приходскихъ церквахъ. Все это черты, характерныя для обозначенія того подъема, который испытывало мѣстное общество въ связи съ участіемъ въ крестьянской реформѣ. Разумѣется, такое настроеніе раздѣлялось не всѣми. По случаю закрытія казанскаго губернскаго комитета въ апрѣлѣ 1859 года „Русскій Дневникъ" писалъ: „въ городѣ какъ и всегда, на этотъ разъ двѣ партіи— одна хочетъ обѣдовъ, рѣчей, шампанскаго; другая—ничего не хочетъ, т.-е. ни обѣдовъ, ни рѣчей, ни даже отмѣны крѣпостного состоянія". Но уже самое раздѣленіе на партіи повышало пульсъ мѣстной общественной жизни.

Послѣдовавшій затѣмъ вызовъ въ Петербургъ представителей отъ губернскихъ комитетовъ для объясненій съ редакціонными комиссіями далъ новый толчокъ напряженію общественной атмосферы. Извѣстны тѣ шумныя событія, которыми сопровождалось появленіе въ Петербургѣ такъ называемыхъ „депутатовъ перваго призыва". Зимой 1859 г. Петербургъ вообще былъ наводненъ массою пріѣзжаго изъ провинціи люда—предводителями дворянства, членами комитетовъ и т. п. Всѣ эти люди группировались около „депутатовъ перваго призыва" и умножали собою численность созывавшихся ими частныхъ совѣщаній Депутаты отнеслись къ трудамъ редакціонныхъ ко-

миссій съ рѣзкимъ осужденіемъ, усмотрѣвъ въ этихъ трудахъ разрушительныя тенденціи по отношенію къ правамъ и интересамъ дворянства. Ограниченіе роли депутатовъ представленіемъ однихъ только соображеній на труды редакціонныхъ комиссій и притомъ преимущественно со стороны мѣстныхъ условій той или другой губерніи еще болѣе раздражало депутатовъ, такъ какъ они претендовали на участіе въ перерѣшеніи самыхъ постановленій редакціонныхъ комиссій. И вотъ, начались шумныя частныя совѣщанія депутатовъ о подачѣ государю адреса о томъ, чтобы дѣло было окончательно рѣшено помимо редакціонныхъ комиссій на особомъ собраніи выборныхъ отъ дворянъ. Появилось нѣсколько проектовъ всеподданнѣйшаго адреса. Одинъ проектъ былъ составленъ Безобразовымъ, сторонникомъ сословнаго дворянскаго собора, другой проектъ составилъ Кошелевъ, появился затѣмъ третій, компромиссный проектъ, никого не удовлетворявшій, и именно потому, быть-можетъ, многихъ около себя объединившій; отдѣльное всеподданнѣйшее письмо подалъ депутатъ симбирскаго комитета Шидловскій. Всѣ эти адресы такъ или иначе проводили мысль о томъ, что окончательная разработка крестьянскаго дѣла была изъята изъ рукъ редакціонныхъ комиссій и поручена собранію особыхъ уполномоченныхъ отъ дворянъ. Особый характеръ носилъ совокупный адресъ депутатовъ Унковскаго, Хрущова, Шретера, Дубровина и Васильева: здѣсь говорилось о необходимости немедленнаго выкупа, введенія всесословнаго земства, преобразованія суда, отвѣтственности мѣстной администраціи передъ судомъ и свободы печати. Михаилъ Безобразовъ подалъ государю отъ себя лично записку, наполненную, съ одной стороны, страшной бранью на конституціонныя стремленія либераловъ, съ другой стороны—весьма туманными разсужденіями о томъ, что самодержавіе не должно быть безгранично, но должно умѣряться совѣщательнымъ соборомъ олигархическаго состава.

Такъ въ вихрѣ этого сложнаго общественнаго броженія

стали обрисовываться различныя теченія—охранительно-крѣпостническое, дворянско-олигархическое и либеральное, представители котораго считали, что съ паденіемъ крѣпостного права дворянство должно быть вознаграждено участіемъ въ мѣстномъ самоуправленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь строй управленія и гражданской жизни долженъ быть преобразованъ на правовыхъ началахъ

Правительство отнеслось рѣзко отрицательно ко всему этому движенію, не дѣлая никакого различія между его отдѣльными разновидностями. Ни одинъ адресъ не былъ принятъ и всѣ податели адресовъ понесли большія или меньшія кары. Это обстоятельство вызвало сильный ропотъ въ дворянскихъ кругахъ и въ столицѣ и въ провинціи. Между тѣмъ, какъ разъ во время отъѣзда изъ Петербурга депутатовъ перваго призыва—ноябрь и декабрь 1859 г.—во многихъ губерніяхъ предстоялъ созывъ дворянскихъ собраній. Правительство, основательно предполагая что на этихъ собраніяхъ только что разыгравшіяся въ Петербургѣ событія найдутъ себѣ громкій откликъ, циркулярно предписало губернаторамъ не допускать на дворянскихъ собраніяхъ сужденій по предметамъ, касающимся крестьянскаго вопроса. Этотъ циркуляръ лишь подлилъ масла въ огонь. Дворянскія собранія 1859 г. прошли очень бурно и ознаменовались рядомъ инцидентовъ политическаго характера. Дворянскія собранія повсюду признавали названный циркуляръ незаконнымъ, такъ какъ онъ противорѣчилъ праву дворянства обсуждать вопросы о пользахъ и нуждахъ своего сословія, съ которыми крестьянское дѣло тѣснѣйшимъ образомъ соприкасалось. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворянскія собранія обращались непосредственно къ государю съ просьбой отмѣнить этотъ циркуляръ, а въ Твери по предложенію Европеуса рѣшено было даже пріостановить засѣданія собранія впредь до полученія изъ Петербурга отвѣта на такое прошеніе. Во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія составили адресы государю съ указаніемъ на необходимость одновременно съ отмѣной крѣпостного права преобразовать на

новыхъ началахъ различныя части государственнаго устройства; здѣсь преимущественно говорилось о всесословномъ земствѣ, гласномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отвѣтственности передъ судомъ всѣхъ служащихъ, неприкосновенности личности, свободѣ печати. Замѣчательно, что всѣ эти преобразованія были уже намѣчены самимъ правительствомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже находились уже въ стадіи оффиціальной разработки, и, тѣмъ не менѣе, всѣ такія заявленія дворянскихъ собраній были принимаемы въ высшихъ сферахъ съ крайнимъ неудовольствіемъ; дворянскимъ предводителямъ, допустившимъ вотированіе такихъ адресовъ, были объявлены выговоры, а въ Твери, гдѣ пререканія различныхъ партій приняли особенно острый характеръ, наиболѣе видные представители либеральной оппозиціи—Унковскій и Европеусъ—были подвергнуты безъ суда и разслѣдованія высылкѣ изъ Твери—Унковскій въ Вятку, Европеусъ—въ Пермь.

Между тѣмъ, въ Петербургъ вскорѣ прибыли депутаты второго приглашенія отъ тѣхъ 24 комитетовъ, проекты которыхъ до того еще не были разсмотрѣны редакціонными комиссіями. Депутаты второго приглашенія, принадлежавшіе, главнымъ образомъ, къ комитетамъ хлѣбородныхъ и западныхъ губерній, уже не предпринимали никакихъ политическихъ манифестацій и не обращались ни съ какими заявленіями на Высочайшее имя. Въ ихъ средѣ рѣшительно преобладало крѣпостнически-охранительное теченіе. Они рѣзко высказались противъ надѣленія освобождаемыхъ крестьянъ землей, а также противъ крестьянскаго самоуправленія и требовали сохраненія за помѣщиками возможно болѣе широкой вотчинной власти. Они запальчиво нападали на редакціонныя комиссіи, обвиняя ихъ въ радикальномъ демократизмѣ и даже коммунизмѣ.

Такъ широкъ былъ діапазонъ общественной мысли, вскрывшійся въ различныхъ формахъ, лишь только общество получило возможность принять участіе въ разработкѣ великой государственной реформы. На ряду съ проявленіями косности и близорукаго сословнаго эгоизма не замедлили обнаружиться и иныя

теченія, сводившіяся къ сознанію необходимости связать крестьянскую реформу съ цѣлымъ кругомъ преобразованій, которыя ускорили бы переходъ Россіи къ началамъ правового порядка.

Правительство, съ своей стороны, поспѣшило поставить не мало преградъ свободному развитію общественной мысли. Мы видѣли только что, какъ сурово встрѣтило оно политическіе адресы дворянскихъ собраній 1859 г. Еще раньше тяжкія цензурныя стѣсненія пали на повременную печать. Уже въ началѣ 1858 г. поводомъ къ усиленію цензурнаго гнета было избрано напечатаніе въ „Современникѣ“ извѣстной записки Кавелина по крестьянскому вопросу. Самое слово „общественное мнѣніе“ пугало правительственныя сферы, какъ какой-нибудь жупелъ. Когда на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ въ честь артиста Щепкина, Константинъ Аксаковъ провозгласилъ тостъ за „общественное мнѣніе“, это тотчасъ же было замѣчено „на верху“ съ большимъ неудовольствіемъ.

И все-таки, несмотря на всѣ эти ограниченія и преграды, несмотря на вынужденную усѣченность проявленій тѣхъ идей и стремленій, которыя назрѣвали тогда въ массѣ общества, работа всѣхъ сознательныхъ элементовъ населенія надъ подготовкой реформы 1861 года за первыя шесть лѣтъ царствованія Александра II по справедливости можетъ быть признана первымъ дебютомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, какъ одного изъ факторовъ политической жизни.

Не даромъ Хомяковъ, прочтя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ некрологъ Грановскаго, писалъ Юрію Самарину: „Замѣтили ли вы похвалу Грановскому, какъ общественному русскому человѣку?.. Очень важно то, что это смѣли сказать и напечатать; царство Николая кончилось“.

Хомяковъ оказался въ этомъ случаѣ тонкимъ наблюдателемъ: появленіе въ печати новаго выраженія дѣйствительно знаменуетъ иной разъ цѣлый этапъ въ ходѣ общественнаго развитія.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ занимаетъ своеобразное мѣсто среди дѣятелей реформы 1861 г. Офиціально ему не было предоставлено первенствующаго положенія при разработкѣ реформы ни въ одну изъ ея послѣдовательныхъ стадій. Фактически онъ сумѣлъ стать душою и руководителемъ великаго дѣла въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его подготовки.

Формально Милютина все время держали на второстепенныхъ роляхъ, пока вырабатывалось Положеніе 19 февраля, и даже послѣ того, какъ значеніе его дѣятельности уже обозначилось такъ глубоко въ редакціонныхъ комиссіяхъ, попытки в. кн. Константина Николаевича ввести Милютина въ составъ членовъ Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу разбились о противодѣйствіе враждебныхъ этому плану сферъ. И однако, вопреки всѣмъ стремленіямъ ограничить и заслонить дѣйствительное вліяніе Милютина на ходъ крестьянской реформы, истинная сила незаурядныхъ государственныхъ дарованій этого человѣка въ соединеніи съ его горячей приверженностью къ дѣлу освобожденія сказывалась сама собой и, прорывая внѣшнія препятствія, становилась очевидной для всѣхъ сколько-нибудь внимательныхъ наблюдателей хода реформы. И вотъ почему стоитъ хотя немного прислушаться къ голосамъ современниковъ, чтобы тотчасъ замѣтить, какъ въ устахъ и сторонниковъ и противниковъ крестьянскаго освобожденія всего чаще мелькало тогда имя Милютина, произносимое одними съ чувствомъ глубокаго уваженія и надежды на успѣшный исходъ предпринятаго преобразованія, другими—съ ненавистью и скрежетомъ зубовнымъ

Поэтъ-народолюбецъ, желая воспѣть главнаго дѣятеля реформы, именно Милютину посвятилъ одушевленные звуки своей лиры, назвавъ его тѣмъ „кузнецомъ-гражданиномъ“, который, „чуть всколыхнулось болото стоячее“, не спалъ ни минуты, и „лишь не остыло бъ желѣзо горячее“, безъ оглядки началъ выковывать основы народнаго освобожденія. А съ другой стороны, вотъ что сообщалъ Милютину московскій профессоръ Дмитріевъ въ то время, когда роль Милютина въ редакціонныхъ комиссіяхъ обрисовалась уже во всемъ ея объемѣ: „о васъ я слышу часто, ваше имя во всѣхъ устахъ съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ“ *).

Можно ли отрицать, что и въ одушевленной оцѣнкѣ заслугъ Милютина со стороны друзей освобожденія, и въ этихъ взрывахъ злобы по его адресу со стороны закоренѣлыхъ крѣпостниковъ выразилось совершенно одинаковое признаніе той первенствующей роли, которая выпала на долю Милютина въ дѣлѣ реформы 1861 г. И значеніе этого признанія только усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно было завоевано Милютинымъ вопреки формальному ограниченію его дѣятельности второстепенными ролями.

Уже изъ сказаннаго ясно, какіе крупные таланты государственнаго дѣятеля отличали этого человѣка. Но интересъ къ его личности и дѣятельности повысится въ еще большей степени, если мы обратимъ вниманіе не только на размѣры его государственныхъ дарованій, но и на тѣ своеобразныя формы, въ которыя имъ суждено было отлиться въ условіяхъ русской общественности середины XIX ст.

Образъ Милютина, какъ государственнаго дѣятеля, не только плѣняетъ яркостью и силой, но и въ высшей степени заинтриговываетъ оригинальностью своихъ очертаній. Этотъ образъ совершенно не укладывается въ тѣ обычныя категоріи, по

---

*) „Русск. Стар.“, 1899, апрѣль, стр. 122.

которымъ мы привыкли распредѣлять отечественныхъ общественныхъ дѣятелей. Милютинъ несетъ на себѣ свой особенный отпечатокъ, спутывающій всѣ наши общепринятыя классификаціи. И съ этой стороны изученіе личности и дѣятельности этого человѣка получаетъ особенный интересъ не только для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи, но и для исторіи нашей общественности во всей широтѣ этого понятія.

I.

Внѣшнія рамки біографіи Милютина не отличаются сложностью. На первый взглядъ можетъ показаться достаточнымъ нѣсколькихъ минутъ, чтобы разсказать эту жизнь, цѣликомъ прошедшую въ кабинетной работѣ надъ грудами бумагъ и въ многочисленныхъ засѣданіяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій. И только глубже вглядѣвшись въ содержаніе дѣятельности Милютина, мы найдемъ въ его біографіи обильный матеріалъ для бесѣдъ и размышленій. Я напомню прежде всего внѣшній ходъ служебной дѣятельности Милютина для того, чтобы въ послѣдующей характеристикѣ не быть уже связаннымъ необходимостью придерживаться хронологическаго порядка при группировкѣ матеріала.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ родился 6 іюня 1818 г. Родъ Милютиныхъ ведетъ начало отъ богатой нѣкогда фамиліи, выѣхавшей въ Россію въ концѣ XVII ст. изъ Сербіи. Одинъ изъ предковъ Николая Алексѣевича ѣздилъ по порученію Петра Великаго въ Ліонъ и Италію для изученія шелковыхъ мануфактуръ и по возвращеніи въ Россію основалъ первую у насъ фабрику этого рода. Къ началу XIX ст. матеріальныя средства Милютиныхъ значительно разстроились; но въ то же время новыя родственныя связи вдвинули эту семью въ кругъ избранной столичной знати. Н. А. Милютинъ приходился племянникомъ одному изъ ближайшихъ и наиболѣе выдающихся сотрудниковъ императора Николая I, графу П. Д. Киселеву.

Конечно, не безъ вліянія этихъ родственныхъ связей Милютинъ очень рано началъ служебную карьеру. Ему было 16 лѣтъ, когда умерла его мать и съ ея смертью матеріальное положеніе семьи пришло въ полное разстройство. Подъ давленіемъ необходимости Милютинымъ пришлось продать родовое имѣніе въ Тульской губерніи и Николаю Алексѣевичу предстояло испытать послѣ беззаботной юности на родительскихъ хлѣбахъ строгую школу личнаго заработка. Тогда-то онъ и поступилъ на службу въ канцелярію хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Юный чиновникъ не долго оставался въ неизвѣстности. Канцелярская рутина не могла засосать этого человѣка, полнаго предпріимчивости, смѣлаго почина, свѣжихъ идей. Въ то время, когда служебная дѣятельность чиновниковъ ограничивалась почти всецѣло своевременной „очисткой“ бумагъ и когда министерскія канцеляріи весьма основательно сравнивались съ огромными бумажными фабриками, —работы Милютина, въ которыхъ свѣтилась независимая, живая мысль вскорѣ обратили на себя общее вниманіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Строгановъ, пораженный блескомъ изложенія и серьезностью содержанія составленной Милютинымъ записки о послѣдствіяхъ неурожая, пожелалъ лично познакомиться съ ея авторомъ. Получивъ приказаніе явиться въ кабинетъ министра, Милютинъ—такъ онъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи въ веселыя минуты—не на шутку испугался и сталъ уже подумывать о возможности внезапнаго путешествія въ восточныя губерніи. Увидѣвъ Милютина, министръ изумился еще болѣе: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы столь зрѣлый и выдающійся трудъ, какъ заинтересовавшая его записка, могъ вылиться изъ-подъ пера такого молодого человѣка. Въ видѣ испытанія министръ заставилъ Милютина тутъ же, въ своемъ кабинетѣ, написать новую записку, посвященную разбору первоначальныхъ предположеній о заведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Испытаніе было выдержано съ честью, и съ этого момента будущность Милютина была рѣшена: передъ нимъ открывалось ши-

рокое поле государственной дѣятельности. Онъ сдѣлался незамѣнимымъ человѣкомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и оставался на такомъ счету неизмѣнно, не смотря на послѣдовательную смѣну различныхъ министровъ *). Супруга Милютина - Марія Аггеевна—свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ, что преемникъ Строганова Перовскій не произнесъ ни одной рѣчи, не представилъ ни одного объясненнія въ государственный совѣтъ, которыя не были бы написаны рукою Милютина. При преемникѣ Перовскаго Бибиковѣ, въ 50-хъ годахъ, Милютинъ уже занималъ въ министерствѣ видное мѣсто директора хозяйственнаго департамента, въ которомъ сосредоточивались важныя дѣла по народному хозяйству всей Росссіи. Когда однажды гр. Киселевъ освѣдомился у Бибикова, доволенъ ли онъ его племянникомъ, министръ выразился такъ: „лучше его спросите, доволенъ ли онъ мною; я же могу только сказать, что если бы государь мнѣ велѣлъ уйти изъ министерства и самому назначить себѣ преемника, я безъ всякаго колебанія указалъ бы ему на Милютина".

Извѣстность не даромъ давалась Милютину, первые служебные шаги котораго живо напоминаютъ начало службы другого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля XIX столѣтія—Сперанскаго. На ряду съ блестящими дарованіями Милютинъ проявлялъ и необыкновенную рабочую силу. Въ запискахъ жены Милютина находимъ указаніе на то, какъ онъ работалъ въ это время: онъ ложился спать въ 3, 4 часа утра; вставалъ въ 10 часовъ; въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не покидалъ дома иначе, какъ по службѣ, дѣлая лишь исключеніе для вел. княг. Елены Павловны и для гр. Киселева **).

Въ теченіе царствованія Николая I Милютину не довелось среди этой усиленной служебной дѣятельности принять участія въ законодательныхъ работахъ по крестьянскому вопросу, хотя

---

*) Leroy-Beaulieu, Un homme d'état russe.

**) Изъ записокъ М. А. Милютиной. „Русск. Стар.", 1899., т 97.

въ качествѣ предсѣдателя хозяйственнаго департамента онъ уже тогда сталъ извѣстенъ, какъ врагъ крѣпостного права, стремившійся во всѣхъ дѣлахъ отстаивать по мѣрѣ возможности интересы беззащитныхъ крѣпостныхъ крестьянъ. За то на его долю выпала за это время важная, руководящая роль въ другой области законодательства: онъ явился творцомъ нового Городового Положенія для г. Петербурга, обнародованнаго въ 1846 г. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1842—1846 гг.) Милютинъ съ жаромъ работалъ надъ этимъ первымъ крупнымъ трудомъ своей молодости. Подъ его руководствомъ были собраны всѣ правительственныя постановленія о городахъ, начиная со времени Петра Великаго, и произведено обслѣдованіе городского хозяйства и управленія въ современной Россіи и въ особенности города Петербурга. 13 февраля 1846 г. выработанный Милютинымъ проектъ Городового Положенія для столицы получилъ силу закона и былъ введенъ въ дѣйствіе. Этотъ трудъ еще болѣе поднялъ извѣстность Милютина, какъ выдающагося государственнаго дѣятеля. Впрочемъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, этотъ же первый дебютъ Милютина на поприщѣ законодательной работы принесъ ему впослѣдствіи не мало непріятностей и затрудненій, упрочивъ за нимъ репутацію опаснаго либерала.

Распространившіеся въ разнообразныхъ сферахъ толки о Милютинѣ по случаю его работъ надъ вопросами городского самоуправленія послужили поводомъ къ сближенію Милютина съ вел. княг. Еленой Павловной, женщиной замѣчательной широтой своихъ просвѣщенныхъ взглядовъ на вопросы государственной жизни. Наслышавшись о Милютинѣ лѣтомъ 1846 г., Елена Павловна попросила гр. Киселева привести къ ней своего интереснаго племянника, и съ этого времени Милютинъ становится постояннымъ посѣтителемъ салона великой княгини и принимаетъ самое горячее участіе въ тѣхъ дебатахъ, которые велись здѣсь по важнѣйшимъ очереднымъ вопросамъ политики и прежде всего, и болѣе всего—по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Тѣ же работы по Городовому Положенію г. Петербурга развили въ Милютинѣ большой интересъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ. Онъ никогда не признавалъ оторваннаго отъ жизни бумажнаго законодательнаго творчества. Онъ всегда считалъ необходимымъ основывать правительственныя мѣропріятія на жизненныхъ данныхъ, на возможно болѣе точномъ ознакомленіи съ дѣйствительными отношеніями и потребностями населенія. Я уже упоминалъ о тѣхъ сложныхъ и обширныхъ статистическихъ работахъ, которыя предпринялъ Милютинъ въ связи съ подготовкой Городового Положенія 1846 г. Этотъ опытъ навсегда утвердилъ его въ высокой оцѣнкѣ значенія статистическихъ изслѣдованій для законодательной работы и для потребностей управленія. И вотъ, съ начала 50-хъ годовъ Милютинъ становится дѣятельнымъ членомъ статистическаго отдѣленія русскаго географическаго общества. При всемъ обиліи и разнообразіи своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей Милютинъ находитъ нужнымъ урывать время для активнаго участія въ работахъ названнаго отдѣленія, съ дѣятельностью котораго были связаны первые шаги научно поставленной статистики въ Россіи *). Кромѣ того, въ 1856 г. онъ принялъ участіе въ занятіяхъ спеціальнаго комитета, учрежденнаго для обсужденія ходатайствъ о льготахъ въ платежѣ банковыхъ долговъ по случаю восточной войны и неурожая.

---

*) Вотъ перечисленіе статистическихъ изданій, предпринятыхъ Милютинымъ и выполненныхъ подъ его руководствомъ: 1) „Число городскихъ и земледѣльческихъ поселеній въ Россіи" 1851 г., 2) „Очеркъ Нижегородской ярмарки " 1852 г., 3) „Городскія поселенія въ Россіи"—8 томовъ: Милютину принадлежатъ первые два тома; 4) „Общественное устройство и хозяйство городовъ"—2 т. 1859 г.; 5) „Банковые долги" 1856; 6) Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли съ публичныхъ торговъ съ 1 января 1854 г. по 1 января 1859 г.; 7) „Свѣдѣнія о цѣнахъ на пустопорожнія земли въ вольной продажѣ" 1856—1858 г.; 8) „Свѣдѣнія о Приказахъ Общественнаго Призрѣнія"; 9) „Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ" 1863—1864 гг.—Ср. „Русск.. Стар." 1880 г., т. 27, стр. 383 и слѣд.

Съ зимы 1858 года, по свидѣтельству супруги Николая Алексѣевича, въ положеніи его происходитъ рѣшительная перемѣна. При посредствѣ в. кн. Елены Павловны онъ становится извѣстнымъ государю. Его участіе въ различныхъ перипетіяхъ крестьянскаго дѣла, законодательная разработка котораго шла уже на всѣхъ парахъ, —участіе, хотя еще косвенное и частичное, но тѣмъ не менѣе для всѣхъ замѣтное, все болѣе сосредоточивало на немъ вниманіе правительственныхъ и общественныхъ сферъ и какъ-то неуловимо выдвигало его на авансцену текущей политики, предуготовляя ему послѣдующую громкую и блестящую политическую роль. Какъ ни распространены были въ столичномъ обществѣ толки о Милютинѣ, какъ о творцѣ Городового Положенія 1846 г., все же онъ оставался до этого времени въ глазахъ большинства не болѣе, какъ однимъ изъ второстепенныхъ чиновниковъ, даровитымъ, но тѣмъ не менѣе не выходящимъ изъ ряду, и только въ тѣсномъ кругу друзей онъ уже тогда пользовался огромнымъ вѣсомъ, какъ человѣкъ, которому предстоитъ сдѣлаться выразителемъ какихъ-то новыхъ прогрессивныхъ силъ въ государственной жизни Россіи. Теперь положеніе мѣнялось. Подготовительныя работы по крестьянской реформѣ всколыхнули Россію. Силою вещей, независимо отъ чьихъ бы то ни было симпатій и антипатій, человѣкъ такихъ крупныхъ государственныхъ дарованій и такого давняго и близкаго интереса къ дѣлу крестьянскаго освобожденія, какимъ былъ Милютинъ, не могъ оставаться болѣе въ тѣни, и вопреки всѣмъ कозням враждебныхъ ему элементовъ все подымающаяся волна политическаго оживленія неудержимо выносила его на своемъ гребнѣ на ту высоту, къ которой онъ былъ предназначенъ всѣмъ складомъ своей личности и всей своей предшествующей подготовкой. Съ этого момента начинается расцвѣтъ государственной дѣятельности Милютина. Въ 1859 г. онъ входитъ въ составъ редакціонныхъ комиссій по составленію проекта Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, несмотря на

упорное сопротивленіе враждебной партіи и вопреки предубѣжденію противъ него самого государя, получаетъ назначеніе на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Чѣмъ сталъ Милютинъ для редакціонныхъ комиссій, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь замѣчу только, что Милютинъ, войдя въ составъ этихъ комиссій съ репутаціей даровитаго чиновника, заканчивалъ свою въ нихъ работу уже окруженный славой крупнаго государственнаго дѣятеля, перворазряднаго реформатора. Конечно, въ вѣнокъ славы вплелись и терніи. Ихъ уколы больно язвили Милютина во все время работъ редакціонныхъ комиссій. Не даромъ онъ дошелъ въ концѣ-концовъ до такой степени нервнаго раздраженія, что съ нимъ стали дѣлаться истерическіе припадки, какъ о томъ свидѣтельствуетъ кн. Дм. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. Но самый тяжелый ударъ былъ еще впереди. Лишь только Положеніе о крестьянахъ получило законодательную санкцію и оставалось лишь приложить заботливыя усилія къ проведенію въ жизнь всего того, что съ такимъ трудомъ удалось вырвать изъ рукъ противниковъ реформы при составленіи закона, какъ Милютинъ, такъ же какъ и его непосредственный начальникъ Ланской,—должны были неожиданно для себя уступить поле дѣятельности другимъ людямъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія воли Ланской и Милютинъ получили отставку. Они довели дорогое дѣло до границы „обѣтованной земли“; здѣсь имъ пришлось внезапно остановиться и узнать, что они обречены на тяжелую роль стороннихъ наблюдателей того, какъ дѣло, ими приготовленное, будетъ приводиться въ исполненіе людьми, частью равнодушными, частью прямо враждебно настроенными къ одушевлявшимъ ихъ стремленіямъ и идеаламъ.

Измученный напряженной работой и сильными нравственными потрясеніями, Милютинъ уѣхалъ за-границу. Онъ покидалъ родину съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о невозможности послужить Россіи при ея первыхъ шагахъ на обновленномъ пути. Но онъ увозилъ съ собою также, по его собственнымъ словамъ,

„и прежнюю вѣру въ несокрушимость и живучесть великаго крестьянскаго дѣла". Такъ писалъ онъ самъ въ письмѣ къ одному знакомому непосредственно передъ своимъ отъѣздомъ.

Милютинъ прожилъ внѣ Россіи около двухъ лѣтъ. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Италію, Францію и Англію. Всего долѣе онъ оставался въ Римѣ и Парижѣ. Въ древней міровой столицѣ онъ отдыхалъ отъ кипучей политической дѣятельности на мирномъ созерцаніи великихъ историческихъ памятниковъ и на перечитываніи Тита Ливія, Саллюстія, Тацита. Ему было пріятно оторваться на время отъ злободневныхъ тревогъ, приносившихъ столько тяжелыхъ разочарованій, и погрузиться мыслью въ величественное прошлое. Но то была лишь краткая передышка на трудномъ пути государственной работы. Изъ Рима пришлось переѣхать въ Парижъ, куда Милютина звалъ его дядя, гр. Киселевъ, занимавшій тогда постъ нашего посла при французскомъ правительствѣ. Въ Парижѣ жизнь пошла совершенно иначе; о римскомъ уединеніи нечего было и думать. „Весь Парижъ" накинулся на Милютина, какъ на достопримѣчательнаго гостя. Политическіе дѣятели, ученые, литераторы,— всѣ наперерывъ стремились видѣть одного изъ главныхъ работниковъ только что совершившейся въ Россіи великой реформы. Милютина, какъ говорится, носили на рукахъ, какъ самую интересную новинку парижскаго сезона. „Никому не бывать пророкомъ въ своемъ отечествѣ", съ горечью замѣчалъ Милютинъ, описывая друзьямъ свои парижскіе тріумфы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ разгаръ этихъ тріумфовъ высокопоставленные петербургскіе друзья Милютина тщетно хлопотали о новомъ призывѣ его къ государственной дѣятельности. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо желалъ добиться назначенія Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но этому проекту не суждено было осуществиться. Дѣло дошло до того, что въ поискахъ за различными возможностями вернуть Милютина къ служебной работѣ одинъ изъ преданныхъ Милютину друзей, министръ народнаго пресвѣщенія Головнинъ, надумалъ

предложить ему постъ... директора публичной библіотеки. Но отъ этого предложенія уклонился самъ Милютинъ. Упомянувъ объ этомъ эпизодѣ въ своей извѣстной книгѣ о Милютинѣ, Леруа-Болье справедливо видитъ въ немъ маленькій, но въ высшей степени характерный штрихъ, указывающій на то, съ какой легкостью люди власти готовы были выкинуть за бортъ серьезной государственной работы такую крупную величину, какъ Милютинъ, и въ моментъ разработки сложнѣйшихъ государственныхъ преобразованій считали возможнымъ обращаться къ нему съ предложеніемъ согласиться на самопогребеніе въ такой тихой заводи, какъ публичная библіотека.

Потребовались совершенно исключительныя обстоятельства для того, чтобы даже въ правительственныхъ сферахъ Петербурга поняли, насколько безразсудно пренебрегали человѣкомъ первоклассныхъ государственныхъ талантовъ въ моментъ усиленной и сложной перестройки государственнаго зданія. Польша пришла въ движеніе. Назначеніе вел. кн. Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго съ предоставленіемъ руководительства текущимъ управленіемъ Царства маркизу Велепольскому не привело къ желаннымъ результатамъ. Страсти безостановочно разгорались, и къ осени 1863 г. вся Польша была уже охвачена пожаромъ мятежа. Тогда-то, послѣ долгихъ колебаній, рѣшились, наконецъ, обратиться къ Милютину. Въ правительственныхъ сферахъ къ этому времени созрѣлъ важный планъ: на ряду съ мѣрами военной строгости было рѣшено испробовать и другія средства для умиротворенія возставшей Польши. Рѣшено было приступить къ широкой аграрной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ съ цѣлью предоставленія твердаго земельнаго обезпеченія польскому крестьянину, который, будучи свободнымъ юридически, находился на границѣ экономическаго рабства, чувствовалъ себя въ полной матеріальной зависимости отъ землевладѣльца-шляхтича. Во главѣ этой-то новой соціальной реформы государь и рѣшилъ поставить Милютина. 31 августа 1863 г. Милютинъ, вызван-

ный въ Петербургъ, имѣлъ у государя продолжительную аудіенцію, которая длилась болѣе двухъ часовъ. Предложеніе государя испугало Милютина. Его смутили разнообразныя соображенія. Во-первыхъ, онъ вовсе не зналъ той страны и того народа, чьи судьбы ввѣрялись теперь въ его руки, а Милютинъ не находилъ возможнымъ перекраивать народную жизнь безъ вниманія къ ея особенному складу, на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ положеній. Во-вторыхъ, Польша была объята возстаніемъ, тамъ кипѣла вооруженная борьба. Милютинъ не считалъ себя способнымъ къ тѣмъ суровымъ пріемамъ, къ которымъ приходится прибѣгать въ военное время; онъ былъ реформаторъ, а не диктаторъ, и его тревожилъ вопросъ, удастся ли ему согласовать свои дѣйствія съ распоряженіями военныхъ властей. Милютинъ провелъ нѣсколько тревожныхъ дней въ тяжеломъ раздумьѣ. Великую услугу оказала Милютину въ это время нравственная поддержка старыхъ друзей. По первому же его зову прилетѣлъ въ Петербургъ Юрій Самаринъ. Это былъ человѣкъ, съ которымъ Милютина связывала давнишняя крѣпкая дружба. Еще въ самомъ началѣ царствованія Александра II Самаринъ пріѣзжалъ въ Петербургъ познакомиться съ Милютинымъ, о которомъ онъ слышалъ, какъ о горячемъ сторонникѣ крестьянскаго освобожденія по его дѣятельности въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. И они тогда же сошлись тѣсно и навсегда. Вступая въ редакціонныя комиссіи въ 1858 г., Милютинъ прежде всего приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы привлечь туда и Самарина. И общая работа въ редакціонныхъ комиссіяхъ еще сильнѣе укрѣпила ихъ дружескую связь. Теперь передъ лицомъ новой сложной задачи, одновременно и привлекательной и пугавшей, оба друга неразлучно прожили вмѣстѣ нѣсколько дней, повѣряя себя во взаимномъ обсужденіи всѣхъ подробностей предстоявшей работы. Два соображенія повліяли на ихъ окончательное рѣшеніе. Во-первыхъ, вопросъ объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ далеко не

былъ чуждъ лучшимъ людямъ изъ среды самихъ поляковъ. Въ варшавскомъ „Земледѣльческомъ Обществѣ“ планы крестьянской реформы стояли на первой очереди и подвергались подробному и энергичному обсужденію. Среди этихъ обсужденій мелькнула мысль и о надѣленіи крестьянъ землею, и только политическая борьба мѣшала осуществленію этихъ плановъ, отвлекала вниманіе и силы въ другую сторону. Итакъ, не являлось ли дѣломъ справедливости и государственной мудрости возобновить эти планы теперь, въ самый острый моментъ политической борьбы? Не могла ли прозвучать эта мирная законодательная работа примирительной нотой для тѣхъ, кому она сулила улучшеніе жизненной доли, а также и для тѣхъ, кто мечталъ уже раньше о подобной реформѣ, какъ о необходимой мѣрѣ? Милютинъ и Самаринъ съ самаго начала рѣшили ограничить свою будущую роль въ польскихъ дѣлахъ опредѣленными рамками. Они не будутъ касаться военныхъ мѣръ по подавленію возстанія. Вопросъ о подавленіи возстанія будетъ для нихъ лишь предлогомъ для распространенія и на Польшу того, что они считали благомъ для Россіи. Среди грохота оружія они принесутъ полякамъ масличную вѣтвь успокоенія и надеждъ на лучшее будущее.

Затѣмъ являлось и другое соображеніе. При составленіи Положенія 19-го февраля 1861 г. милютинской партіи пришлось согласиться на многія уступки многочисленнымъ врагамъ реформы. Многое сдѣлалось не такъ, какъ хотѣлось и мечталось. И вотъ теперь представлялся случай еще разъ попытать счастья, показать на дѣлѣ, какъ можно было бы по-настоящему провести въ жизнь ихъ планы крестьянскаго устройства. Могли ли старые борцы отстраниться отъ такого случая?

Въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій рѣшеніе было принято. Милютинъ просилъ государя избавить его отъ какого-либо постояннаго поста въ Польшѣ, но соглашался принять туда временную командировку. Государь предоставилъ Милютину полную свободу въ установленіи плана его дѣйствій.

Прежде всего Милютинъ засѣлъ за изученіе литературы, относящейся до различныхъ сторонъ внутренняго состоянія Польши. Его кабинетъ переполнился книгами на разныхъ языкахъ по исторіи, законодательству, финансамъ, религіи, положенію сельскихъ классовъ въ Польшѣ и т. п. Вслѣдъ за книжнымъ изученіемъ настала очередь личнаго ознакомленія съ польскимъ краемъ. Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ, кн. Черкасскимъ и Арцимовичемъ предприняли поѣздку по польскимъ селамъ. Имъ приходилось проѣзжать по мѣстностямъ, наиболѣе сильно охваченнымъ возстаніемъ, наполненнымъ повстанческими бандами. Но мирныя намѣренія путниковъ легко располагали въ ихъ пользу мѣстное населеніе. Они переѣзжали изъ деревни въ деревню, знакомились съ народомъ и его нуждами, и бѣдные мазуры и краковяки довѣрчиво и добродушно бесѣдовали съ ними о своемъ положеніи. Эта своеобразная мирная экспедиція по мятежному краю окончательно укрѣпила Милютина и его друзей въ ихъ планахъ. Они составили для государя обширный докладъ. Все было одобрено государемъ, и для разсмотрѣнія преобразовательныхъ предположеній Милютина былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина и съ участіемъ многихъ министровъ. Вмѣстѣ съ Милютинымъ въ составъ комитета вошли и Самаринъ и кн. Черкасскій. Во второй разъ Милютину приходилось выносить на своихъ плечахъ капитальную реформу среди серьезныхъ противодѣйствій всякаго рода. Январь и февраль 1864 года цѣликомъ прошли въ бурныхъ засѣданіяхъ комитета. На этотъ разъ Милютинъ и его друзья вышли изъ борьбы полными побѣдителями. Положеніе 19 февраля 1864 года удалось освободить отъ тѣхъ уступокъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ, которыя пришлось сдѣлать въ 1861 году.

Въ 1864 году удалось обратить въ собственность польскихъ крестьянъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли ранѣе, хотя бы на арендномъ только правѣ; не было уже никакихъ

„отрѣзокъ“ и притомъ земля передавалась крестьянамъ безъ всякаго выкупного платежа съ ихъ стороны: вознагражденіе землевладѣльцамъ было принято на счетъ казны. Было и еще одно очень важное различіе въ судьбѣ этихъ двухъ крестьянскихъ реформъ 1861 и 1864 гг. На этотъ разъ проведеніе новаго закона въ жизнь было отдано въ руки тѣхъ самыхъ людей, которые его задумали и отстояли. Главными направителями дѣла явились Милютинъ и кн. Черкасскій. Одушевленные сотрудники явились отовсюду на зовъ Милютина. Здѣсь были и прежніе сослуживцы Милютина по министерству и редакціоннымъ комиссіямъ, и новые молодые дѣятели, считавшіе за счастіе начать службу подъ руководствомъ Милютина, офицеры, бывшіе мировые посредники, уже испытанные на крестьянскомъ дѣлѣ, и т. д. Имъ предстояло въ качествѣ „комиссаровъ“ истолковывать народу истинный смыслъ вновь созданнаго Положенія и слѣдить за его правильнымъ примѣненіемъ. Милютинъ называлъ ихъ „своей гражданской арміей“. Это было мѣткое названіе. Они отправлялись въ взволнованный край вооруженные мыслью о законѣ и законности. Они шли проповѣдывать не право силы, а силу права. И Милютинъ заботливо напутствовалъ ихъ своими наставленіями и разъясненіями. Онъ собиралъ ихъ къ себѣ по вечерамъ и читалъ имъ цѣлыя лекціи о ихъ будущихъ обязанностяхъ.

Въ то же время на плечахъ Милютина лежала громадная работа и въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ январѣ 1865 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и членомъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія. Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ былъ сдѣланъ кромѣ того статсъ-секретаремъ по дѣламъ Польши. Но свѣча уже догорала. Организмъ, изнуренный трудами и душевными тревогами, отказывался служить. Появлялись зловѣщіе признаки серьезнаго недомоганія. Однако, Милютинъ не внималъ предостереженіямъ и просьбамъ родныхъ и друзей. Онъ продолжалъ работать, не покладая рукъ; онъ натягивалъ струну до послѣ-

дней возможности, но... пришелъ моментъ и струна лопнула. Въ ноябрѣ 1866 года, послѣ комитетскаго засѣданія, въ которомъ Милютинъ имѣлъ радость довести до блестящаго конца вопросъ о разрывѣ конкордата Россіи съ папой, Милютина поразилъ апоплексическій ударъ. Ему было тогда всего 48 лѣтъ. Онъ прожилъ послѣ того еще пять лѣтъ, частью за границей, частью въ Москвѣ, не будучи уже въ состояніи принимать участія въ государственной дѣятельности. Всюду онъ являлся центромъ всеобщаго почтительнаго и преданнаго вниманія; а когда разнеслась вѣсть о его предсмертной болѣзни, масса всякаго рода людей безпрерывно являлась освѣдомляться о его положеніи. Тысячная толпа проводила его останки до могилы *).

II.

Таковъ былъ внѣшній ходъ жизни Милютина. Намъ предстоитъ теперь всмотрѣться возможно внимательнѣе во внутренній смыслъ его дѣятельности. Я уже замѣтилъ выше, что Милютинъ представляется мнѣ совершенно исключительнымъ явленіемъ въ исторіи русской общественности. Въ чемъ же состояла эта исключительность? Какъ ни велики были государственные таланты Милютина, но русская исторія знаетъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, которые могутъ быть поставлены на ряду съ нимъ въ этомъ отношеніи. Вспомнимъ, наприм., Сперанскаго. Была, однако, въ Милютинѣ одна черта, дѣлающая его, на мой взглядъ, отдаленнымъ предтечей такого типа государственныхъ дѣятелей, который былъ совершенно неизвѣстенъ нашему политическому прошлому и нарожденія котораго мы еще не дождались и въ настоящемъ. Эта черта заключается въ томъ, что Милютинъ совмѣщалъ въ своей личности и своей дѣятельности представителя правящей бюро-

---

*) Для всего изложеннаго въ настоящей главѣ см. вообще Leroy-Beaulieu, loc. cit. и „Изъ записокъ М. А. Милютиной“, „Русск. Стар.“ 1899, тт. 97 и 98.

кратіи и представителя передовой интеллигенціи, притомъ совмѣщалъ эти два положенія не механически, а органически.

Историческія условія русской жизни вырыли цѣлую пропасть между этими двумя элементами нашего общественнаго строя, превратили ихъ въ два взаимно-враждебные стана. Мы привыкли къ той, вполнѣ подтверждающейся жизненными фактами, мысли что представитель правящей бюрократіи неизбѣжно является отщепенцемъ отъ передовой интеллигенціи, и, наоборотъ, всякій представитель передовой интеллигенціи есть прежде всего мятежный отрицатель всего того, что несетъ съ собою для страны правящая бюрократія. Намъ въ высшей степени трудно вообразить себѣ общественнаго борца въ мундирѣ чиновника. Между тѣмъ, конкретнымъ воплощеніемъ столь необычайнаго у насъ сочетанія какъ разъ и является Милютинъ. Въ этомъ его характернѣйшая отличительная особенность, въ этомъ специфическій интересъ изученія его дѣятельности. Личныя свойства Милютина, благородство его души, очевидная для всѣхъ чистота его намѣреній неизмѣнно снискивали къ нему глубокое уваженіе со стороны независимыхъ друзей общественнаго прогресса. И тѣмъ сильнѣе было недоумѣніе, возникавшее у многихъ, передъ своеобразіемъ занятой Милютинымъ политической позиціи. Это недоумѣніе съ обычной яркостью своего пера выразилъ Герценъ, писавшій, между прочимъ, въ періодъ работъ редакціонныхъ комиссій: „Братья Милютины—эти Аркадій и Гонорій Русской имперіи—становятся какими то сфинксами... Бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы, завтра... кто ихъ знаетъ что?“ *).

Между тѣмъ, весь интересъ отмѣченной выше особенности Милютина какъ государственнаго дѣятеля въ томъ и заключался, что эта особенность вытекала не изъ перемѣнчивости и неустойчивости взглядовъ или настроеній, а являлась резуль-

*) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. XVII, стр. 87.

татомъ опредѣленной оцѣнки наличныхъ условій текущаго момента. При нормальномъ господствѣ правового государственнаго порядка тѣсное взаимодѣйствіе и сотрудничество правительства и общества служитъ обычной принадлежностью, необходимой предпосылкой государственной жизни. При отсутствіи правового порядка отношенія слагаются обыкновенно на противоположной основѣ и лишь стеченіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ можетъ выдвинуть на краткій моментъ точки соприкосновенія между программой правительства и стремленіями передовой интеллигенціи. Такой исключительный моментъ выдался въ Россіи наканунѣ крестьянской реформы, и Милютинъ счелъ нужнымъ использовать его въ интересахъ дорогихъ для него идей, насколько то окажется возможнымъ. Громадность усилій, которыя ему пришлось затратить при этомъ на борьбу съ всевозможными препятствіями, показала, съ какимъ трудомъ подавались правящія сферы подъ напоромъ запросовъ жизни даже въ такое исключительное время. Тѣмъ выше становилась заслуга предпринятаго Милютинымъ общественнаго подвига.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свою бюрократическую карьеру, Милютинъ всегда былъ связанъ тѣсными идейными и личными узами съ передовыми элементами русской интеллигенціи. Въ 40-хъ годахъ молодымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Милютинъ считался главой петербургской интеллигентной молодежи, тяготѣвшей къ „западникамъ". Кн. Дм. Оболенскій описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ еженедѣльные обѣды, которые тогда устраивалъ у себя Милютинъ. На этихъ собраніяхъ, по свидѣтельству кн. Оболенскаго, всѣ сходились въ одномъ общемъ чувствѣ — въ желаніи лучшаго порядка. Служебный бытъ и высшія правительственныя лица подвергались здѣсь усиленной критикѣ. Грановскій, пріѣхавъ въ 1848 г. въ Петербургъ, познакомился съ Милютинымъ и писалъ женѣ про него: „Это—умный и благородный человѣкъ, съ которымъ пріятно встрѣтиться".

Въ другомъ письмѣ болѣе поздняго времени Грановскій писалъ про Милютина: „Я его уважаю и люблю“ *) Это тяготѣніе Милютина къ передовымъ общественнымъ кругамъ и внутреннее сродство съ ними остались въ полной силѣ и въ послѣдующую пору, когда онъ вступилъ въ разгаръ своей государственной дѣятельности. Важно отмѣтить, что Милютинъ, вопреки нерѣдкимъ упрекамъ по его адресу въ пристрастіи къ бюрократическимъ тенденціямъ, во всѣ важные моменты своей дѣятельности,—и въ эпоху редакціонныхъ комиссій и въ эпоху работъ по польскимъ дѣламъ,—опирался преимущественно на содѣйствіе и дружбу такихъ земскихъ людей, какъ Самаринъ или князь Черкасскій. Напротивъ того, правящая бюрократія всячески старалась оттолкнуть отъ себя Милютина, какъ нѣкое чужеродное тѣло, и принимала его въ свои ряды лишь съ крайней неохотой, повинуясь печальной для себя необходимости. Въ бюрократическихъ кругахъ его называли „краснымъ“, и эта репутація распространялась такъ настойчиво, что дошла до государя и на долгое время вселила въ умъ Александра II предубѣжденіе противъ Милютина, какъ противъ опаснаго революціонера. Это предубѣжденіе было настолько сильно, что едва не воспрепятствовало Милютину принять участіе въ той самой реформѣ, которая создала ему такую громкую славу. Лишь посредничество вел. кн. Елены Павловны и настойчивость Ланского, который чувствовалъ себя безпомощнымъ безъ сотрудничества съ Милютинымъ, восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Бюрократическіе тузы и руководители придворной камарильи чувствовали въ Милютинѣ чужого для себя человѣка, не выносили его прямоты, его нелицепріятія, его открытаго возмущенія всякаго рода административными злоупотребленіями и ставили ему на счетъ его предосудительныя, съ ихъ точки зрѣнія, связи съ либералами. Въ 1858 году противомилютинская бюрократическая

*) В. Якушкинъ, Милютинъ и ред. комм. „Русск. Стар.“, 1887, № 10.

клика пыталась пресѣчь служебный путь Милютина, дискредитируя въ глазахъ государя составленное Милютинымъ петербургское Городовое Положенiе 1846 г. Петербургскiй генералъ-губернаторъ Игнатьевъ рвалъ и металъ противъ тѣхъ болѣе чѣмъ скромныхъ зародышей самоуправленiя, которые были насаждены въ столицѣ названнымъ Городовымъ Положенiемъ. Въ 1858 г. произошелъ по существу совершенно ничтожный эпизодъ, который немедленно былъ раздутъ врагами городской думы въ цѣлое событiе. Петербургская дума разослала домовладѣльцамъ дипломы на право городского владѣнiя и право голоса на городскихъ выборахъ, такъ называемыя „обывательскiя грамоты". Дворянинъ Безобразовъ вернулъ думѣ присланную ему телеграмму при дерзко написанномъ письмѣ, въ которомъ онъ заявлялъ, что въ такой грамотѣ не нуждается, такъ какъ имѣетъ за нѣсколько столѣтiй свои дворянскiя грамоты, утверждающiя его права на всевозможныя владѣнiя. Случай этотъ попалъ въ печать. Одинъ изъ гласныхъ думы, Д. П. Хрущовъ, помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и письмо Безобразова и протоколъ думы по этому поводу. Тогда-то поднялась буря. Въ совѣтѣ министровъ многiе начали наперерывъ нападать на Милютина какъ на „создателя революцiоннаго учрежденiя". Самъ государь выразился на этомъ засѣданiи слѣдующимъ образомъ: „Милютинъ давно уже имѣлъ репутацiю краснаго и вреднаго человѣка". Узнавъ о словахъ государя, Милютинъ—тогда директоръ хозяйственнаго департамента—заявилъ Ланскому, что считаетъ нужнымъ проситься въ отставку. Ланской устранилъ такую развязку лишь тѣмъ, что заявилъ государю на личной аудiенцiи, что готовъ поручиться за Милютина, какъ за самого себя. Отставка была отвергнута, и черезъ нѣсколько дней государь принялъ Милютина. „Очень радъ васъ видѣть,—строго сказалъ Милютину государь.—Вы, кажется, пользуетесь особеннымъ довѣрiемъ вашего министра; надѣюсь, вы оправдаете это довѣрiе". *) Смыслъ этихъ словъ выяснился въ связи съ

---

*) Изъ записокъ М. А. Милютиной, loc. cit.

послѣдующимъ: Милютину пришлось въ сущности въ теченіе всей своей служебной дѣятельности испытывать какую-то затаенную подозрительность по отношенію къ себѣ со стороны высшихъ сферъ. Въ критическіе моменты пользовались его талантами, выказывали ему даже внѣшніе знаки благоволенія, но за всѣмъ этимъ неизмѣнно чувствовалась извѣстная внутренняя отчужденность отъ его личности, отсутствіе той живой и непроизвольной симпатіи, которую обнаруживаютъ къ своему человѣку. Черезъ три мѣсяца послѣ описаннаго эпизода вышелъ въ отставку товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, и всплылъ вопросъ о кандидатурѣ на этотъ постъ Милютина. Тотчасъ же составился сильный комплотъ противъ этой кандидатуры: Игнатьевъ, Муравьевъ, Долгоруковъ, Чевкинъ, Бутковъ и Тимашевъ и многіе другіе фигуранты сановнаго чиновничества повели агитацію противъ Милютина. Государь испытывалъ большія колебанія, разспрашивалъ о Милютинѣ Ростовцева и Ланского и прямо признавался имъ, что мнѣнія о Милютинѣ разнорѣчивы, но преимущественно дурны и клонятся къ тому, что Милютинъ—человѣкъ даровитый, но вредный. Въ концѣ концовъ Александръ II остановился на довольно странномъ компромиссѣ: Милютинъ былъ назначенъ временнымъ товарищемъ министра и проносилъ этотъ необычный титулъ вплоть до своей отставки въ 1861 г. Остряки называли его поэтому „временно - постояннымъ“ министерскимъ товарищемъ.

Мы уже знаемъ, что и на этомъ не закончились недоброжелательные счеты высшаго бюрократическаго міра съ Милютинымъ. По заключеніи работъ редакціонныхъ комиссій крестьянское дѣло сосредоточивалось въ Главномъ комитетѣ. Люди, серьезно смотрѣвшіе на подготовляемую реформу, понимали, какъ необходимо было бы ввести въ составъ Главнаго комитета самаго выдающагося члена редакціонныхъ комиссій—Милютина. И однако, всѣ усилія, направленныя къ этой цѣли, между прочимъ и со стороны вел. кн. Констан-

тина Николаевича, разбились о какія-то скрытыя противодѣйствія. Лишь только составленіе Положенія 19 февраля было окончательно завершено, отъ Милютина поспѣшили совершенно отдѣлаться, и мы уже видѣли, какими затрудненіями было осложнено его послѣдующее возвращеніе къ служебной дѣятельности.

Кажется, приведенные факты достаточно доказываютъ, что Милютинъ, будучи чиновникомъ и работая въ рядахъ правящей бюрократіи, вовсе не былъ представителемъ ея господствующаго духа, ея традицій, ея профессіональныхъ интересовъ. Онъ всегда былъ „не ко двору“ въ этомъ мірѣ, отъ котораго его отдѣляла глубокая нравственная пропасть.

А между тѣмъ, упреки въ бюрократизмѣ, въ недовѣріи къ общественнымъ силамъ обильно сыпались на Милютина въ теченіе его государственной дѣятельности и въ особенности въ эпоху редакціонныхъ комиссій. И надобно сказать, что эти толки имѣли за собой извѣстныя внѣшнія основанія. Вѣдь Милютинъ не случайно и не изъ какихъ-либо личныхъ расчетовъ тяготѣлъ всю жизнь къ „казенной службѣ“, къ работѣ въ той самой чиновничьей средѣ, которая такъ упорно его отъ себя отталкивала. Въ основѣ этого тяготѣнія лежало опредѣленное убѣжденіе въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ даннаго момента именно правительству суждено сыграть роль двигателя творческой, обновительной, преобразовательной работы, если только представители правительства будутъ проникнуты яснымъ сознаніемъ всей важности предстоящихъ задачъ. „Реформы сверху“—таковъ былъ лозунгъ Милютина, и этотъ лозунгъ въ его пониманіи заключалъ въ себѣ весьма высокія требованія какъ отъ населенія, такъ и отъ самого правительства. Значитъ ли это, что Милютинъ былъ абсолютистомъ и бюрократомъ, какъ его нерѣдко называли? Вотъ вопросъ, который необходимо изслѣдовать возможно внимательнѣе, чтобы получить представленіе о Милютинѣ, какъ политикѣ.

Бездна, отдѣлявшая Милютина отъ профессіоналовъ чино-

вничьей службы, заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ на эту службу не какъ на самодовлѣющую цѣль, а какъ на всего болѣе вѣрное, по его мнѣнію, средство служенія общественному благу. Эту мысль выразилъ Милютинъ въ словахъ, обращенныхъ къ государю, во время аудіенціи, тотчасъ по назначеніи его „временнымъ“ товарищемъ министра.

Государь началъ эту аудіенцію упоминаніемъ о репутаціи „краснаго и революціонера“, сложившейся около имени Милютина. Милютинъ отвѣтилъ на это, что революціонныя стремленія могли бы быть ему не чужды въ молодости, при иныхъ условіяхъ; но въ данный моментъ всякій оппозиціонный духъ противъ правительства утрачиваетъ значеніе въ виду того, что правительство оказывается либеральнѣе самого общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ, т.-е. именно ту мысль, которая составляла предметъ лучшихъ надеждъ тѣхъ, кого клеймили названіемъ красныхъ и революціонеровъ. Такъ передаетъ отвѣтъ Милютина, очевидно, съ его собственныхъ словъ, его супруга въ своихъ запискахъ. Не выражена ли въ этомъ замѣчательномъ отвѣтѣ—въ формахъ, приспособленныхъ къ условіямъ Высочайшей аудіенціи—та мысль, что Милютинъ считалъ возможнымъ служить правительству и работать въ рядахъ его представителей лишь постольку, поскольку правительственная программа оказывалась солидарной съ его собственными взглядами и стремленіями? Каковы же были эти стремленія и взгляды?

Въ эпоху работъ редакціонныхъ комиссій Милютинъ не скрывалъ своего недовѣрія къ представителямъ дворянскихъ комитетовъ. Вотъ это недовѣріе и подало поводъ для руководителей дворянскихъ круговъ изливать свою злобу на Милютина въ формѣ обвиненій его въ отчужденности отъ общественныхъ стремленій, въ своего рода бюрократическомъ якобинизмѣ. Милютина ославили тогда, какъ упорнаго и яраго врага общественной самодѣятельности. Любопытный отголосокъ этихъ толковъ находимъ въ воспоминаніяхъ Стремоухова, которыя

позволимъ себѣ процитировать по отрывку, приведенному въ трудѣ Барсукова о Погодинѣ *). „Всего интереснѣе,— писалъ Стремоуховъ,— были вечера у Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели редакціонныхъ комиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душою котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ, а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ. Не допуская признанія за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой иниціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ я коснулся этой темы, онъ вскочилъ, какъ ужаленый. „Никогда, —сказалъ онъ,— никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству, ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple,—rien par le peuple“,—при этомъ добавилъ онъ“. Таковъ разсказъ Стремоухова.

Очень возможно, что въ разгарѣ разговора Милютинъ прибѣгнулъ къ этому лозунгу просвѣщеннаго абсолютизма. Значитъ ли это, однако, что онъ былъ просвѣщеннымъ абсолютистомъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ? Не думаю, чтобы на этотъ вопросъ можно было отвѣчать утвердительно. Прежде всего надлежитъ не упускать изъ вида, что какъ въ разговорѣ со Стремоуховымъ, такъ и во всѣхъ другихъ политическихъ своихъ заявленіяхъ Милютинъ возставалъ не противъ

*) Т. XVII, стр. 132.

самодѣятельности общества, а противъ односторонне-сословныхъ вожделѣній дворянства. Онъ возставалъ противъ этихъ вожделѣній не во имя политическаго абсолютизма, а во имя соціальнаго демократизма. Вожди дворянской партіи находили возможнымъ изображать Милютина врагомъ общественной самодѣятельности только потому, что сами они склонны были отождествлять общество съ дворянствомъ и общественное мнѣніе съ односторонними стремленіями своего сословія. Съ такимъ отождествленіемъ Милютинъ никогда бы не могъ примириться. Это вовсе не значило, что Милютинъ былъ принципіальнымъ противникомъ самодѣятельности общества. Какъ можно было бы согласить признаніе Милютина сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ придавалъ такое важное значеніе развитію городского и земскаго самоуправленія? Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что Милютинъ, приступая къ участію въ крестьянской реформѣ, имѣлъ уже за собою такой трудъ, какъ Городовое Положеніе 1846 г., а передъ самымъ окончаніемъ составленія Положенія 19 февраля съ увлеченіемъ предался выработкѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и долженъ былъ прервать эти новыя занятія лишь благодаря своей внезапной отставкѣ. Для всесторонней характеристики политическихъ воззрѣній Милютина необходимо бросить взглядъ на эти его труды по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія.

Составленное Милютинымъ Городовое Положеніе для Петербурга далеко отъ совершенства съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій о началахъ самоуправленія *). Работая надъ этой реформой, Милютинъ ставилъ себѣ задачей оживить дѣятельность городского самоуправленія, вдохнуть жизненныя силы въ тѣ бездушныя формы, въ которыя обратились на практикѣ созданныя еще Екатериной II выборныя городскія учрежденія. Для осуществленія этой задачи были намѣчены два

---

*) Дитятинъ, „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи", т. II

способа. Во-первыхъ, Милютинъ считалъ необходимымъ усилить всесословный характеръ городского самоуправленія. Эта идея была положена въ основу также и Екатерининскаго Городового Положенія. Но тамъ она осталась лишь на бумагѣ. По закону всесословныя,—общія и шестигласныя градскія думы по Положенію 1785 г.,—въ дѣйствительности превратились въ такіе же односторонніе органы городскихъ купцовъ и ремесленниковъ, какими были и Петровскіе магистраты. И вотъ Милютинъ включаетъ въ свое новое Городовое Положеніе рядъ постановленій, которыя, по его мнѣнію, должны были бы привлечь къ активному участію въ городскихъ дѣлахъ не только купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, но также и живущихъ въ городахъ дворянъ. Участіе въ городскомъ самоуправленіи дворянства, какъ класса болѣе просвѣщеннаго, могло бы, по мысли Милютина, поднять на болѣе высокій уровень дѣятельность городскихъ учрежденій. И Милютинъ не остановился даже передъ предоставленіемъ городскимъ гласнымъ изъ дворянъ нѣкоторыхъ особыхъ преимуществъ, лишь бы только заинтересовать дворянъ городскими дѣлами. Эти любопытныя черты милютинскаго Городового Положенія 1846 г. могли бы послужить лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ упрековъ въ какой-то слѣпой ненависти къ дворянскому сословію, которые сыпались на голову Милютина въ эпоху редакціонныхъ комиссій. Сравненіе дѣйствій Милютина въ 1846 г. и въ 1858—61 гг. ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ человѣкъ всегда стоялъ не на точкѣ зрѣнія какихъ-либо сословныхъ симпатій и антипатій, а единственно—на точкѣ зрѣнія общегосударственнаго интереса. И въ 46 г., въ вопросѣ объ устройствѣ городского самоуправленія, и въ 58—61 г., въ вопросѣ о реформѣ соціально-экономическихъ отношеній въ странѣ, онъ стремился къ одному и тому же: къ возможному уравненію сословій, и уже не отъ него зависѣло то обстоятельство, что въ 46 г. ради этой цѣли приходилось побуждать дворянъ къ мало интересовавшему ихъ участію въ городскихъ дѣлахъ, а

въ 1858—61 гг. ради той же цѣли пришлось ополчиться противъ олигархическихъ, односторонне-сословныхъ стремленій и притязаній дворянства.

Вторымъ способомъ для лучшаго упорядоченія и оживленія дѣятельности городскихъ учрежденій Милютинъ считалъ тогда установленіе болѣе тѣснаго сотрудничества между выборными городскими органами и представителями коронной администраціи. Съ этой стороны Милютинъ дѣйствительно пошелъ дальше того, съ чѣмъ мы могли бы согласовать наши современныя представленія о сущности общественнаго самоуправленія. Милютинъ какъ будто склонялся къ той мысли, что интересы города выиграютъ отъ сочетанія самодѣятельности выборныхъ органовъ съ служебнымъ опытомъ коронной администраціи. И представителямъ этой послѣдней по Положенію 1846 г. было предоставлено весьма широкое вмѣшательство въ работу городскихъ учрежденій, не только въ смыслѣ надзора за закономѣрностью дѣйствій этихъ учрежденій, но и въ смыслѣ прямого воздѣйствія на самое содержаніе и общее направленіе ихъ дѣятельности... Не забудемъ, однако, что разбираемый законодательный трудъ Милютина былъ совершонъ въ глухую пору расцвѣта Николаевской реакціи, не забудемъ, далѣе, что и несмотря на удѣленіе столь видной роли коронному элементу въ Положеніи 46 г., это Положеніе снискало Милютину репутацію „краснаго и революціонера“ даже въ глазахъ правительства Александра II; не забудемъ всего этого, и тогда мы придемъ къ выводу, что для характеристики политическаго облика Милютина важны не тѣ черты Положенія 46 г., съ которыми мы теперь уже не можемъ согласиться, а общее стремленіе Милютина сдѣлать хотя что-нибудь для поддержанія началъ муниципальной автономіи въ періодъ расцвѣта полицейской государственности.

Когда же Милютину пришлось вернуться къ вопросамъ самоуправленія при иной общественной обстановкѣ, онъ поставилъ разработку этихъ вопросовъ уже на гораздо болѣе

широкія основанія. Я разумѣю его работы по составленію проэкта земскихъ учрежденій. Первоначальная программа земской реформы, начертанная въ то время, когда во главѣ комиссіи по организаціи земскихъ учрежденій стоялъ Милютинъ, была, какъ извѣстно, шире тѣхъ рамокъ, которыя были выставлены при дальнѣйшей разработкѣ реформы уже подъ руководительствомъ Валуева. Составленныя первоначально „Соображенія объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія“ содержали въ себѣ такія истины, подъ которыми никогда не согласился бы подписаться послѣдовательный сторонникъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма. „Земскимъ учрежденіямъ, —читаемъ мы здѣсь,—должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерніи и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ“. Участіе въ управленіи мѣстными дѣлами двухъ различныхъ по началу своему властей, по мнѣнію комиссіи, не приноситъ полезныхъ результатовъ и, какъ уже доказано опытомъ, приводитъ либо къ совершенному уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ, либо къ прекаканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ той и другой власти, къ замѣшательству и неуспѣшности въ распоряженіяхъ и, наконецъ, къ обоюдному уклоненію обѣихъ властей отъ исполненія обязанностей, къ ихъ одинаковому бездѣйствію и апатіи. На основаніи этихъ соображеній комиссія предлагала установить дѣйствительную самостоятельность и независимость земскихъ учрежденій съ предоставленіемъ правительственной власти лишь надзора за законностью состоявшихся уже постановленій и съ подчиненіемъ земскихъ учрежденій отвѣтственности за незаконныя и неправильныя дѣйствія лишь передъ судомъ *).

*) Матеріалы по земскому обществ. устройству. Спб. 1885 г., т. I.

У насъ есть документальное доказательство того, что всѣ изложенныя „соображенія“ комиссіи точно выражали личныя убѣжденія Милютина. Въ „Историческомъ обзорѣ дѣятельности комитета министровъ“, составленномъ г. Середонинымъ *), напечатана записка, поданная Милютинымъ въ совѣтъ министровъ при обсужденіи тамъ проекта земскихъ учрежденій. Въ этой запискѣ Милютинъ съ полной рѣшительностью высказывается за предоставленіе земскимъ учрежденіямъ истинной свободы и самостоятельности въ кругѣ присвояемыхъ имъ задачъ. Милютина такъ часто упрекаютъ въ бюрократизмѣ, что мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь дословно существеннѣйшія мѣста изъ упомянутой его записки. „Правильно поставленное земство,—писалъ Милютинъ,—привлечетъ къ себѣ лучшихъ образованныхъ людей, подниметъ уровень мѣстной администраціи, освободитъ высшее правительство отъ массы дѣлъ, дастъ молодымъ поколѣніямъ практическое направленіе и отвлечетъ многихъ отъ анархіи. Не могу не повторить искренняго убѣжденія, вынесеннаго изъ многолѣтней практики, что примѣненіе выборнаго начала къ администраціи тогда только можетъ быть дѣйствительно и полезно, когда выборныя лица уполномочиваются закономъ къ самостоятельной и серьезной дѣятельности. Въ противномъ случаѣ они превращаются большею частію въ орудіе произвола мѣстныхъ второстепенныхъ властей, прикрывая своимъ невольнымъ и безгласнымъ участіемъ самыя вопіющія злоупотребленія, иногда же и сами становятся сообщниками и пособниками злоупотребителей. Исторія нашей администраціи представляетъ къ тому, къ сожалѣнію, множество примѣровъ, несмотря на самое энергичное преслѣдованіе со стороны высшаго правительства. Горько будетъ, если новыя земскія учрежденія подчинятся той же участи, а это, мнѣ кажется, неминуемо послѣдуетъ, если правительству не удастся привлечь къ участію въ зем-

*) Т. III, ч. 2, стр. 70, 71.

скомъ управленіи живыя силы населенія. При нынѣшнемъ настроеніи русскаго общества можно разсчитывать на участіе лучшихъ и благонамѣренныхъ людей въ такомъ только случаѣ, когда они увидятъ, что ихъ призываютъ не для исполненія какихъ-либо механическихъ формальностей, но для разумной и истинно-полезной дѣятельности и въ то же время правительство, отказавшись отъ безплодныхъ усилій направлять и контролировать малѣйшія дѣйствія мѣстнаго управленія, не только ничего не потеряетъ, но пріобрѣтетъ новую силу, сосредоточивъ все свое вниманіе на общегосударственныхъ интересахъ"

На основаніи этихъ соображеній Милютинъ подымалъ голосъ противъ предоставленія губернаторамъ права присутствовать на засѣданіяхъ губернскаго собранія и участвовать въ совѣщаніяхъ безъ права голоса, а также утверждать выборъ членовъ земскихъ комитетовъ (управъ) и приговоры собраній о преданіи своихъ членовъ суду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Милютинъ допускалъ необходимость утвержденія дѣйствій земскихъ учрежденій мѣстными властями, но случаи эти, по его мнѣнію, должны быть точно опредѣлены въ самомъ законѣ.

Все это совершенно не вяжется съ пристрастіемъ къ лозунгу — „tout pour le peuple,—rien par le peuple". Вопреки этому лозунгу Милютинъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія и общественной самодѣятельности.

Но былъ ли Милютинъ сторонникомъ конституціонныхъ учрежденій или онъ соединялъ съ пристрастіемъ къ мѣстному самоуправленію вѣру въ незыблемость и плодотворность политическаго абсолютизма? Отвѣта на этотъ вопросъ прежде всего поищемъ въ той же бесѣдѣ Милютина съ государемъ, которую я уже цитировалъ и въ которой Милютинъ такъ чистосердечно исповѣдалъ свои завѣтные помыслы. Милютинъ сказалъ тогда государю: произволъ и неразвитость высшихъ слоевъ нашего общества создали бы у насъ при конститу-

ціонномъ правленіи деспотизмъ олигархіи, чего я для своего отечества вовсе не желаю нынѣ, когда правительство вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ отрицанія самой сущности конституціонализма, хотя именно такое отрицаніе было бы для Милютина всего выгоднѣе въ цѣляхъ самозащиты въ глазахъ императора. Милютинъ высказывается только противъ олигархіи представителей высшаго сословія и отрицаетъ желательность конституціи лишь постольку, поскольку ея введеніе въ данный моментъ сулило въ его глазахъ неизбѣжное установленіе олигархическаго строя. Таково и было дѣйствительное отношеніе Милютина къ конституціонному вопросу. Онъ былъ слишкомъ серьезно и послѣдовательно мыслящій человѣкъ, чтобы не понимать отрицательныхъ сторонъ абсолютизма. Въ этомъ отношеніи очень любопытно его письмо изъ-за границы отъ 23 апрѣля 1863 г. *). Онъ указываетъ въ этомъ письмѣ на враждебное отношеніе къ Россіи общественнаго мнѣнія Европы и проводитъ ту мысль, что эта враждебность цѣликомъ направлена противъ русскаго абсолютизма. „Чѣмъ долѣе я живу здѣсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь вь этомъ.“—пишетъ Милютинъ. По мнѣнію Милютина эти предубѣжденія противъ Россіи, вызванныя русскимъ абсолютизмомъ, укоренились такъ глубоко, даже въ сознаніи наиболѣе умѣренныхъ людей, что для разсѣянія ихъ потребуется очень много исключительныхъ усилій. И Милютинъ указываетъ далѣе на то, какъ даже популярныя мѣры окружаются въ Россіи такими проявленіями правительственнаго произвола, которыя парализуютъ благопріятное впечатлѣніе отъ этихъ мѣръ. Нельзя не замѣтить также, что Милютинъ, являясь горячимъ сторонникомъ развитія мѣстнаго самоуправленія, не могъ не понимать со свойственной ему остротой мысли, что послѣдовательные успѣхи въ странѣ идеи самоуправленія неминуемо должны были привести въ концѣ-концовъ къ реформѣ всего

*) Leroy-Beaulieu, loc. cit., стр. 152.

государственнаго строя на началахъ народнаго представительства, и, думается мнѣ, Леруа-Болье имѣлъ опредѣленныя основанія утверждать, что Милютинъ и его политическіе друзья, считая преждевременнымъ немедленное введеніе въ Россіи конституціонныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе смотрѣли на земство, какъ на зародышъ, изъ котораго со временемъ предстояло развиться представительному образу правленія въ Россіи.

Такимъ образомъ, Милютина нельзя характеризовать, какъ сторонника просвѣщеннаго абсолютизма и какъ принципіальнаго противника представительной формы правленія. Характерная особенность его воззрѣній заключалась лишь въ томъ, что необходимой предпосылкой какихъ бы то ни было усовершенствованій государственнаго строя онъ считалъ реформу соціальныхъ отношеній на демократическихъ началахъ. Политическая реформа не должна предварять собою реформу соціальную, она можетъ явиться лишь естественнымъ послѣдствіемъ уже вошедшаго въ жизнь и вполнѣ утвердившагося и въ законахъ и въ нравахъ уравненія сословій. Таковъ былъ основной догматъ политическихъ воззрѣній Милютина, таковъ былъ истинный источникъ его отрицательнаго отношенія къ конституціоннымъ стремленіямъ дворянскихъ круговъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Эта черта существенно отличаетъ Милютина отъ другого выдающагося русскаго реформатора XIX в. Сперанскаго и приближаетъ его къ Николаю Тургеневу.

Демократическіе идеалы Милютина и нашли себѣ опредѣленное выраженіе въ его дѣятельности по освобожденію крестьянъ, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и обратимся.

Мечта объ освобожденіи крестьянъ запала въ душу Милютина съ ранней молодости. Притомъ эта мечта сложилась у него не отвлеченно теоретическимъ путемъ, а какъ непосредственный плодъ лично пережитыхъ впечатлѣній. Уже подъ конецъ жизни, прикованный къ креслу предсмертнымъ недугомъ, Милютинъ разсказалъ друзьямъ знаменательный случай изъ

своего прошлаго. Какъ-то разъ, на масленицѣ, 16-лѣтній Милютинъ отправился въ собственномъ экипажѣ на танцовальное утро. День выпалъ очень морозный, но предвкушеніе веселья и теплая шуба скоро помогли молодому человѣку забыть, о холодѣ. Въ танцахъ время пролетѣло незамѣтно до 6 часовъ вечера. Съ бала Милютинъ поѣхалъ обѣдать въ одинъ знакомый домъ, гдѣ его ожидала пріятная встрѣча съ предметомъ его юношеской страсти. Послѣ обѣда опять вздумали танцовать, а тамъ сѣли за ужинъ. Было уже четыре часа утра, когда Милютинъ вернулся, наконецъ, домой. Все это время крѣпостной кучеръ Милютиныхъ дрогъ на морозѣ, дожидаясь у крыльца молодого барина. Всего-навсего ему пришлось просидѣть на козлахъ 15 часовъ. Когда на слѣдующій день Милютинъ вышелъ къ завтраку, мать встрѣтила его упреками въ безсердечномъ отношеніи къ несчастному кучеру. Тутъ только онъ сообразилъ, что онъ надѣлалъ; наканунѣ мысль о кучерѣ ни разу не пришла ему въ голову. „Съ этой минуты,—разсказывалъ впослѣдствіи Милютинъ,—я началъ бредить освобожденіемъ крестьянъ“ *).

Лишь только по воцареніи Александра II вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права окончательно былъ поставленъ на очередь, Милютинъ отдался всей душой его практической разработкѣ. Задолго до того, какъ ему была дана возможность принять видное оффиціальное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ въ качествѣ члена редакціонныхъ комиссій, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы хотя косвенно приложить свою руку къ этому дѣлу. Кажется, первымъ его шагомъ на этомъ пути были тѣ указанія, которыя онъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ давалъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, когда она задумала освободить крестьянъ своего полтавскаго имѣнія – Карловки. Эти указанія были направляемы, главнымъ образомъ, къ той цѣли, чтобы убѣдить великую княгиню въ необходимости обставить заду-

---

*) Н. А. Милютинъ. Некрологи. М. 1873, стр. 63—64.

манное ею предпріятіе не какъ единичный актъ личнаго великодушія, а какъ общественное начинаніе, которое могло бы послужить и образцомъ и отправной точкой для болѣе широкой постановки крестьянскаго дѣла во всемъ его объемѣ. Между прочимъ, Милютинъ настойчиво совѣтовалъ великой княгинѣ добиваться организаціи въ Полтавской губерніи особаго комитета изъ мѣстныхъ помѣщиковъ для обсужденія освободительнаго проекта, составленнаго для Карловки, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ вызвать въ мѣстной помѣщичьей средѣ общее движеніе въ пользу освобожденія. Не въ этихъ ли указаніяхъ, относящихся еще къ 1856 г., слѣдуетъ видѣть первый зародышъ мысли о передачѣ крестьянскаго дѣла на обсужденіе губернскихъ комитетовъ?

Другимъ человѣкомъ, чрезъ котораго Милютинъ начинаетъ въ это время проводить свои взгляды по крестьянскому дѣлу, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вскорѣ пошедшій рука объ руку съ Милютинымъ въ работахъ по крестьянскому вопросу. Такъ, Милютинъ посовѣтовалъ Ланскому возможно быстрѣе, въ одну ночь, отпечатать и разослать повсюду копіи Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, чѣмъ былъ предотвращенъ успѣхъ попытки кн. Орлова настоять предъ государемъ на отмѣнѣ распоряженія о повсемѣстной разсылкѣ рескрипта. Вмѣстѣ съ Арцимовичемъ Милютинъ поддерживалъ Ланского въ рѣшимости выступить рѣзко и опредѣленно противъ извѣстнаго проекта назначенія по всей Россіи генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями для предотвращенія бунтовъ и мятежей, которые, по мнѣнію крѣпостниковъ, должны были потрясти Россію при отмѣнѣ крѣпостного права. Въ мартѣ 1858 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета, въ засѣданіяхъ котораго участвовалъ и Милютинъ въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента. Впослѣдствіи, уже въ качествѣ товарища министра, онъ окончательно вступилъ въ составъ отдѣла. Съ этого момента Милютинъ впервые

получилъ непосредственное официальное отношеніе къ работамъ по подготовкѣ крестьянской реформы. На обязанность земскаго отдѣла было возложено направлять чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ доклады государю о положеніи вещей въ странѣ и наблюдать за ходомъ дѣла въ губернскихъ комитетахъ, руководя ихъ въ случаѣ надобности своими указаніями. Въ этомъ отношеніи земскій отдѣлъ выполнилъ съ честью очень важную роль, своевременно отражая своими докладами государю разнообразныя козни высокопоставленныхъ враговъ реформы. Однако, какъ ни важна была эта роль, все же она носила по преимуществу обсерваціонный, развѣдочный и вспомогательный характеръ. Въ качествѣ члена земскаго отдѣла Милютинъ все еще не имѣлъ возможности проводить открыто, отъ своего имени, свои творческія идеи по разрабатываемой реформѣ. Ему попрежнему приходилось дѣйствовать черезъ другихъ, изъ-за кулисъ, и въ запискахъ его жены мы находимъ любопытныя указанія на то, какъ искусно онъ пользовался для этого всякимъ удобнымъ случаемъ. Уже въ это время, какъ свидѣтельствуетъ М. А. Милютина, онъ ясно видѣлъ необходимость выкупа надѣльной земли въ собственность освобождаемыхъ крестьянъ при посредствѣ кредитной операціи. Но идея выкупа признавалась еще запретной въ правящихъ кругахъ, и государь нѣсколько разъ говорилъ Ланскому: „Это невозможно, объ этомъ нельзя и думать". Милютинъ упорно искалъ случая для пропаганды этой идеи и, натолкнувшись среди представляемыхъ въ земскій отдѣлъ частныхъ проектовъ записокъ на проектъ графа Алексѣя Бобринскаго съ предложеніемъ выкупа, рѣшилъ сдѣлать изъ гр. Бобринскаго орудіе для достиженія своей цѣли. Милютинъ познакомился съ Бобринскимъ въ салонѣ вел. кн. Елены Павловны и, передѣлавъ съ согласія Бобринскаго его проектъ, т.-е. вложивъ въ него собственныя мысли, выпустилъ этотъ проектъ съ гр. Бобринскимъ „по всѣмъ салонамъ, министерствамъ и царскимъ покоямъ".

Наконецъ, съ открытіемъ въ мартѣ 1859 г. редакціонныхъ комиссій, Милютинъ получаетъ возможность окончательно выйти изъ-за кулисъ и стать у самого кормила великой реформы.

Съ какими чувствами вступалъ Милютинъ въ редакціонныя комиссіи, лучше всего видно изъ его письма къ Юрію Самарину, въ которомъ онъ звалъ своего друга къ совмѣстной работѣ въ этихъ комиссіяхъ. „Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда,—писалъ Милютинъ.—Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать; но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни“ *). Достопамятные годъ и семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ шли занятія редакціонныхъ комиссій, (съ 4 марта 1859 г. по 10 октября 1860 г.), Милютинъ, можно сказать, горѣлъ лихорадкой работы. Комиссіи раздѣлились, какъ извѣстно, на отдѣленія—хозяйственное, административное, юридическое, сверхъ того къ нимъ была присоединена особая финансовая комиссія. Милютинъ работалъ во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ, въ хозяйственномъ кромѣ того несъ обязанности предсѣдателя и, наконецъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ общихъ собраніяхъ всѣхъ отдѣленій. Засѣданія хозяйственнаго отдѣленія происходили въ лѣтнее время на дачѣ Милютиныхъ подъ Петербургомъ. „Въ свѣтлыя, теплыя ночи—пишетъ въ своихъ мемуарахъ жена Милютина—столъ иногда выносился въ садикъ и ставился среди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8 часовъ вечера и часто длились до 5 часовъ утра. Окончаніе споровъ происходило уже за ужиномъ. Первое время недоставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ. Окрестные работники и крестьяне, извозчики и лодочники скоро разузнали, какого рода эти собранія, и пользовались всякимъ случаемъ,

*) „Русс. Стар.“ 1880 г. т. 27.

чтобы какимъ-нибудь образомъ выразить членамъ комиссіи свое участіе и благодарность" *).

Работая не покладая рукъ надъ непосредственной задачей редакціонныхъ комиссій, Милютинъ въ то же время поспѣвалъ всюду, гдѣ требовалось оказать помощь крестьянскому дѣлу личнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ. Благодаря тактичному посредничеству Милютина пришли къ полному согласію отношенія между Ростовцевымъ и Ланскимъ. Милютинъ очаровалъ пріѣхавшаго въ Петербургъ весной 1859 г. фельдмаршала кн. Барятинскаго, на котораго возлагали тайныя надежды петербургскіе аристократы-крѣпостники, думая воспользоваться въ своихъ цѣляхъ вліяніемъ фельдмаршала на государя. Эти надежды лопнули послѣ того, какъ Милютинъ разъяснилъ кн. Барятинскому принципы подготовляемаго преобразованія и обнаружилъ передъ нимъ вздорность тѣхъ обвиненій въ коммунизмѣ, которыя сыпались на редакціонныя комиссіи изъ лагеря крѣпостниковъ. Милютинъ и его друзья дали энергическій отпоръ притязаніямъ Позена, сильному вліянію котораго вначалѣ подпалъ Ростовцевъ и который стремился использовать это вліяніе для того, чтобы провести въ проектахъ редакціонныхъ комиссій свои замаскированныя крѣпостническія тенденціи. Наконецъ, Милютинъ принималъ неизмѣнное участіе въ составленіи тѣхъ записокъ, которыя Ланской подавалъ государю передъ прибытіемъ въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, а также и во время борьбы этихъ депутатовъ съ редакціонными комиссіями; эти записки имѣли цѣлью оборонить позицію редакціонныхъ комиссій отъ тѣхъ ударовъ, которые готовились имъ въ это время съ разныхъ сторонъ. Среди этихъ записокъ наибольшую важность имѣла записка, поданная государю въ августѣ 1859 г. подъ названіемъ: „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время", съ очеркомъ работъ губернскихъ комитетовъ, съ характеристикой различныхъ те-

---

*) Изъ записокъ М. А. Милютиной, loc. cit.

ченій и направленій, обнаружившихся въ развитіи крестьянскаго вопроса, и съ указаніемъ на тѣ ограниченія, которыя надлежало положить дѣйствіямъ дворянскихъ депутатовъ для того, чтобы они не могли сплотиться въ опредѣленную партію, противоположную правительственной программѣ крестьянской реформы. Эта записка, получившая столь важное значеніе въ исторіи реформы, была составлена Милютинымъ и Яковомъ Соловьевымъ.

Въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій Милютинъ сразу занялъ центральное, руководящее положеніе. Всегда убѣдительно краснорѣчивый, съ необыкновенной легкостью и ясностью схватывающій самую суть каждаго вопроса, всегда неизмѣнно послѣдовательный въ развитіи своихъ убѣжденій и всегда готовый къ вѣскому и находчивому отвѣту на вызовъ противника, онъ невольно подчинялъ окружающихъ власти своего нравственнаго вліянія. При чтеніи тѣхъ частныхъ протоколовъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій, которые велись Семеновымъ и которые напечатаны имъ въ его книгѣ „Освобожденіе крестьянъ“, можно видѣть, какое дѣятельное, руководящее участіе принадлежало все время Милютину при редактированіи журналовъ, постановленій, проектовъ и т. д. Онъ зорко слѣдилъ за всякой подробностью дѣлопроизводства комиссій и твердою рукою направлялъ руль ихъ многосложной работы. На ряду съ этимъ Милютину принадлежала и выдающаяся творческая роль въ трудахъ комиссій. Съ полнымъ блескомъ развернулись теперь его таланты иниціатора, организатора, вождя. Около него быстро сплотился согласный съ нимъ и преданный ему кружокъ. Къ этому кружку принадлежало большинство членовъ хозяйственнаго отдѣленія и почти всѣ члены финансовой комиссіи, участвовавшіе въ работахъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій Милютинъ былъ признаннымъ вождемъ этого кружка, тѣсная сплоченность котораго придавала милютинской партіи силу и авторитетъ въ ходѣ общей работы. Однако, Милютинъ не царилъ деспотически надъ руководимой имъ группой. Ему

не было чуждо сознаніе своего превосходства. Но это сознаніе всегда соединялось въ немъ съ полнымъ уваженіемъ къ самостоятельности чужого мнѣнія. Онъ умѣлъ отстаивать свои взгляды неотразимою аргументаціею, онъ производилъ на большинство людей чарующее впечатлѣніе своимъ блестящимъ и трезвымъ умомъ и искренностью своихъ убѣжденій, и въ этомъ заключался секретъ его обаянія и нравственнаго воздѣйствія на окружающихъ; но онъ совершенно не былъ способенъ къ тѣмъ мелочнымъ уловкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ завистливые и тщеславные люди ради удержанія за собою внѣшняго главенства. И вотъ почему около него группировались всегда не какіе-нибудь прирожденные сателлиты, посредственные и ничтожные, а люди крупные, выдающагося ума, таланта и самостоятельной воли, какъ Юрій Самаринъ или кн. Черкасскій. И то обстоятельство, что именно люди такого закала охотно становились въ ряды той группы, которой руководительствовалъ Милютинъ, всего лучше свидѣтельствуетъ о высотѣ его умственныхъ дарованій, о благородствѣ его моральной личности.

Вступая въ редакціонныя комиссіи, Милютинъ смотрѣлъ сначала очень пессимистически на предстоящую совмѣстную работу съ Ростовцевымъ въ виду полной неподготовленности послѣдняго въ области крестьянскаго вопроса и въ виду той репутаціи, которая окружала тогда имя Ростовцева. Какъ извѣстно, эти опасенія не оправдались. Ростовцевъ обнаружилъ искреннее желаніе учиться тому, съ чѣмъ онъ былъ плохо знакомъ ранѣе, и оказался ученикомъ добросовѣстнымъ и понятливымъ. Искренность его интереса къ тому дѣлу, за которое онъ взялся, всего ярче обнаружилась, на мой взглядъ, въ отношеніяхъ Ростовцева къ Позену. Порвоначально Ростовцевъ склоненъ былъ вѣрить въ Позена, какъ въ оракула, и открыто выставлялъ передъ всѣми свое безусловное подчиненіе вліянію послѣдняго. Но лишь только Милютинъ и другіе видные члены редакціонныхъ комиссій разоблачили крѣпостническую подкладку намѣреній Позена, Ростовцевъ доказалъ, что онъ свободенъ отъ чувства

ложнаго самолюбія, и рѣшительно порвалъ съ Позеномъ. Вообще Ростовцевъ цѣнилъ участіе Милютина въ работахъ редакціонныхъ комиссій и вполнѣ сознавалъ важное значеніе этого участія. „Милютинъ—наша нимфа Эгерія“,—говорилъ Ростовцевъ.

При такомъ настроеніи председателя комиссій Милютинъ и его кружокъ могли вести работу, не падая духомъ, какъ ни велика была ея трудность, какъ ни тяжелы были всякого рода нападки на ихъ дѣятельность со стороны враждебныхъ элементовъ.

Положеніе измѣнилось, когда по смерти Ростовцева на предсѣдательскомъ креслѣ редакціонныхъ комиссій появилась длинная, сухощавая фигура гр. Панина, съ безстрастно-спокойнымъ лицомъ, съ тяжелымъ, угрюмо-тусклымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Гр. Панинъ пользовался совершенно опредѣленной репутаціей узкаго и упрямаго формалиста и послѣдовательнаго крѣпостника. Его назначеніе было тяжелымъ ударомъ для Милютина и его кружка. Сколько уже было вынесено тревогъ за исходъ дорогого дѣла, и вотъ, когда впереди замелькалъ желанный берегъ, на горизонтѣ поднялась новая туча. Былъ моментъ, когда члены комиссій заговорили уже о томъ, чтобы сообща подать въ отставку. Правда, государь въ длинной бесѣдѣ съ Милютинымъ на одномъ изъ вечеровъ велик. кн. Елены Павловны заявилъ, что Панину дано положительное приказаніе не измѣнять направленія дѣла и довести его до конца; правда, самъ Панинъ объяснялъ свое назначеніе тѣмъ, что онъ „всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ собственными убѣжденіями“,—но тѣмъ не менѣе перемѣна предсѣдателя тяжело отозвалась на работахъ комиссій. Панинъ не проявлялъ открытаго противодѣйствія проектамъ комиссій; однако, его несочувствіе основнымъ началамъ реформы сказывалось при обсужденіи многихъ отдѣльныхъ вопросовъ, нерѣдко имѣвшихъ глубоко важное значеніе для всего дѣла. Въ засѣданіяхъ комиссій начали разыгрываться рѣзкія сцены, вызываемыя тѣми уловками, къ которымъ прибѣгалъ предсѣдатель. Главную тя-

жесть борьбы съ этими дѣйствіями Панина принялъ на свои плечи Милютинъ. Вступая въ горячіе споры съ предсѣдателемъ по поводу его предложеній, шедшихъ въ разрѣзъ съ планами редакціонныхъ комиссій, Милютинъ въ то же время выводилъ на свѣжую воду и такіе, явно предосудительные пріемы Панина, какъ произвольное измѣненіе протоколовъ въ духѣ собственныхъ воззрѣній. Однажды Милютинъ съ несомнѣнностью доказалъ неправильность, умышленно допущенную въ протоколѣ. Панинъ затрясся, поблѣднѣлъ и, задыхаясь, крикнулъ: „такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ жизни“.

Такъ накалялась атмосфера редакціонныхъ комиссій въ этотъ бурный періодъ ихъ дѣятельности. Милютинъ наживалъ себѣ непримиримыхъ враговъ своими рѣзкими обличеніями. Возмущенный измѣнчивостью поведенія одного члена, Милютинъ бросилъ ему въ упоръ слѣдующее обвиненіе: „ваши дѣйствія неблаговидны; я знаю, что вы хотите только подслужиться извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ комиссіямъ. Какъ вы служили 30 лѣтъ, мы не знаемъ, но все, что вы написали противъ комиссій, дѣлаетъ васъ недостойнымъ быть въ средѣ ихъ членовъ“. Въ дальнѣйшемъ спорѣ было уже произнесено слово „дуэль“. Дуэль не состоялась, но мы поймемъ, сколько злобы и ненависти скопилъ надъ своей головой Милютинъ такими порывами благородной горячности. Въ пылу борьбы онъ бралъ на себя одновременно и роль полководца, и роль застрѣльщика рѣшительныхъ битвъ.

Какова же была программа крестьянской реформы, которую отстаивалъ Милютинъ? Онъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ на возможно болѣе прочное поземельное обезпеченіе освобождаемаго крестьянина. Мы видѣли выше, какъ рано и скоро пришелъ онъ къ необходимости выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ при помощи кредитной операціи. На ряду съ этимъ онъ послѣдовательно стоялъ за увеличеніе размѣровъ надѣла и за облегченіе назна-

чаемыхъ за надѣлъ повинностей. Усилія, употребляемыя Милютинымъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ для достиженія этихъ цѣлей, можно отчасти прослѣдить по записямъ Семенова.

Какъ видно изъ этихъ записей, Милютинъ выступалъ въ общихъ собраніяхъ комиссій съ особенною настойчивостью въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимались попытки къ сокращенію земельной площади, отходящей въ составъ крестьянскаго надѣла. Такъ, напр., когда Панинъ предложилъ предоставить крестьянамъ-владѣльцамъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ отказываться отъ части надѣла, по соглашенію съ помѣщикомъ, Милютинъ выступилъ съ обширнымъ возраженіемъ. Онъ указывалъ на то, что у подворника легче, чѣмъ у общины, помѣщикъ сможетъ выманить согласіе на уменьшеніе надѣла за какія-нибудь временныя льготы, особенно въ критическіе для нихъ моменты; невзирая на это, комиссіи должны исходить не отъ отдѣльныхъ фактовъ, а отъ общегосударственныхъ соображеній, и временныя выгоды отдѣльныхъ крестьянъ не должны заслонять въ ихъ глазахъ общихъ интересовъ освобождаемаго сословія; Милютинъ подчеркивалъ, что принятіе предложенія Панина пошло бы въ разрѣзъ съ выгодами цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, ибо вымороченные подворные участки будутъ отходить къ обществу и, такимъ образомъ, уменьшеніе надѣловъ отдѣльныхъ дворовъ можетъ отразиться на интересахъ всего общества. Съ такой же энергіей Милютинъ отстаивалъ необходимость назначенія надѣла на бѣглыхъ крестьянъ въ виду того, что отнятіе отъ нихъ надѣла было бы прегражденіемъ для нихъ всякой возможности водвориться на прежнихъ мѣстахъ; онъ настойчиво доказывалъ также необходимость надѣленія крестьянъ лѣсомъ, за исключеніемъ только совершенно безлѣсныхъ мѣстностей. Когда тамбовскіе депутаты предложили разрѣшить помѣщикамъ покупать въ обмѣнъ на выкупныя свидѣтельства казенныя земли, Милютинъ возражалъ противъ этого, доказывая, что государственный земельный фондъ долженъ быть оберегаемъ для будущаго времени въ цѣляхъ надѣленія землей

дальнѣйшаго прироста крестьянскаго населенія. Наконецъ, Милютинъ вступилъ въ крупную стычку съ Панинымъ, когда послѣдній сдѣлалъ попытку свести на нѣтъ уже принятое комиссіями постановленіе о безсрочности пользованія надѣломъ со стороны крестьянъ впредь до выкупа. Милютинъ возсталъ противъ этой уловки, направленной къ обезземеленію крестьянъ, со всѣмъ свойственнымъ ему жаромъ. „Если допустить,—сказалъ тогда, между прочимъ, Милютинъ,—измѣненіе столь важнаго пункта, какъ „безсрочное пользованіе“, то мы окажемся подъ тяжкимъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы могутъ быть уничтожены“. Какъ извѣстно, эта отповѣдь достигла цѣли и Панинъ долженъ былъ отступить.

Возставая противъ уменьшенія надѣла, Милютинъ столь же горячо высказывался противъ увеличенія повинностей, полагаемыхъ за пользованіе надѣломъ. Онъ исходилъ изъ того положенія, что прежнія повинности должны быть, наоборотъ, понижены, и съ этой цѣлью онъ возражалъ противъ причисленія къ оброку разныхъ дополнительныхъ натуральныхъ повинностей прежняго времени, переводъ которыхъ на деньги былъ бы въ высшей степени произволенъ. Наконецъ, Милютинъ выступилъ съ энергичными возраженіями противъ допущенія періодической переоброчки надѣловъ, указывая на то, что переоброчка неминуемо отяготила бы крестьянъ, повела бы къ повышенію оброковъ и тѣмъ затянула бы согласіе многихъ помѣщиковъ на выкупъ. Какъ извѣстно, переоброчка хотя и была принята комиссіями, но для нея умышленно былъ назначенъ продолжительный срокъ, въ 20 лѣтъ, въ той надеждѣ, что ко времени наступленія этого срока добровольный выкупъ всѣхъ надѣловъ будетъ уже завершонъ. Хотя эта надежда и не оправдалась, но не сбылись и планы тѣхъ, кто мечталъ о переоброчкѣ. Когда насталъ положенный для нея срокъ, она была отсрочена по Высочайше утвержденному мнѣнію комитета министровъ, а затѣмъ въ 1881 г. выкупъ изъ добровольнаго былъ превращенъ въ обязательный, и вопросъ о переоборочкѣ устранился самъ собою.

На ряду съ экономическими интересами освобождаемыхъ крестьянъ Милютинъ горячо отстаивалъ и самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, — онъ высказывался противъ подчиненія выборныхъ крестьянскихъ властей мировому судьѣ. „Выборныя лица,—говорилъ онъ при этомъ,—тогда только и сильны, когда они находятся въ независимости отъ полицейскихъ и судебныхъ учрежденій" *).

Было бы неправильно утверждать, что дѣятельность Милютина и его кружка въ редакціонныхъ комиссіяхъ была свободна отъ ошибокъ. Несомнѣнной ошибкой надлежитъ, напр., признать принятіе въ видѣ общаго правила системы подесятинной градаціи при исчисленіи оброка, тогда какъ эта система отвѣчала жизненнымъ условіямъ лишь промысловыхъ мѣстностей; нельзя, конечно, одобрить и голосованія Милютина за сохраненіе помѣщикамъ право на тѣлесное наказаніе крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго періода. Но вѣдь не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, и эти ошибки не могутъ и не должны заслонить собою общаго характера и смысла дѣятельности Милютина, цѣлью котораго было предоставить крестьянину волю и землю не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ.

Ту же самую цѣль ставилъ себѣ Милютинъ и въ Польшѣ и, какъ уже было выше указано, тамъ ему удалось провести свои идеи въ болѣе широкомъ масштабѣ и въ болѣе чистой формѣ, нежели въ 1861 г.

Въ теченіе всей своей дѣятельности Милютинъ сумѣлъ на посту чиновника быть гражданиномъ, посвящая всю силу своихъ выдающихся дарованій служенію идеаламъ свободы и демократіи. И правъ былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, привѣтствовавшій Милютина на праздновании годовщины 19 февраля въ Баденѣ, въ 1868 г., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ увѣрен-

---

*) Семеновъ, „Освобожденіе крестьянъ", passim., В. Якушкинъ—Милютинъ и редакціонныя комиссіи, „Русская Стар." 1897 г., № 10.

ностью въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди, въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета".

———

БОРЬБА ЗА ЗЕМСТВО ПРИ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІИ.

I.

Исторія земскихъ учрежденій въ Россіи за истекшіе полвѣка ихъ существованія представляетъ собою процессъ извилистый и многогранный. Въ судьбахъ русскаго земства, болѣе или менѣе, отражались едва ли не всѣ преходящія и взаимно перекрещивавшіяся теченія и соціальной и политической исторіи пореформенной Россіи. Въ задачу настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе вліянія всѣхъ этихъ теченій на жизнь земскихъ учрежденій. Я намѣренъ остановить здѣсь вниманіе читателя лишь на исторіи выработки Земскаго Положенія 1864 г., на той борьбѣ противоположныхъ стремленій и принциповъ, въ огнѣ которой зарождалось пореформенное русское земство. Очеркъ этой борьбы, на мой взглядъ, представляетъ особенный интересъ именно въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какъ уже тогда въ зародышѣ обозначались всѣ многообразныя и взаимно-противорѣчивыя тенденціи, которыя и въ теченіе всего послѣдующаго пятидесятилѣтія наполняли своими столкновеніями внутреннюю, идейную жизнь земскихъ учрежденій. Русское пореформенное земство, можно сказать, уже во чревѣ матери, т.-е. въ нѣдрахъ той комиссіи, которая вырабатывала Земское Положеніе 1864 г., было обвѣяно вихрями соціальныхъ и политическихъ конфликтовъ, впослѣдствіи лишь разросшихся и получившихъ еще болѣе настойчивое выраженіе. Вотъ почему, припоминая основные моменты выработки Земскаго Положенія 1864 г., мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ истоки всѣхъ главнѣйшихъ теченій въ послѣдующихъ судьбахъ русскаго земства.

II.

Только что пало крѣпостное право. Всеобъемлющее значеніе этого преобразованія было ясно для всѣхъ, хотя сколько нибудь сознательныхъ элементовъ тогдашняго общества. Всѣ смотрѣли на отмѣну крѣпостного права—одни съ радостнымъ чувствомъ, другіе со скрежетомъ зубовъ—не только какъ на раскрѣпощеніе крестьянъ, но и какъ на приступъ къ раскрѣпощенію всей Россіи. Еще во время подготовительныхъ работъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, въ заявленіяхъ многихъ губернскихъ комитетовъ съ полной отчетливостью ставился вопросъ о томъ, что раскрѣпощеніе крестьянъ неминуемо должно будетъ повлечь за собою обновленіе всего нашего государственнаго быта. Какъ извѣстно, съ наибольшимъ блескомъ изложенія и наибольшей силой доводовъ эта точка зрѣнія была тогда развита въ заявленіяхъ тверского комитета, выходившихъ изъ подъ пера Унковскаго. И когда, наконецъ, пробилъ послѣдній часъ крѣпостной неволи, всѣ сознательные элементы населенія пережили его въ состояніи величайшаго душевнаго напряженія. Было бы, однако, крупной ошибкой представлять себѣ этотъ подъемъ общественнаго настроенія въ видѣ всеобщаго дружнаго порыва къ какой либо единой цѣли. Нѣтъ, этотъ подъемъ носилъ характеръ горячаго столкновенія противоположныхъ стремленій, готовыхъ вступить во взаимную борьбу.

Кажется, ни для кого изъ серьезныхъ людей не было тогда сомнѣнія въ томъ, что за крестьянской реформой должны послѣдовать дальнѣйшія преобразованія въ различныхъ областяхъ государственной жизни. Но пути этихъ преобразованій рисовались отнюдь не одинаково въ сознаніи различныхъ общественныхъ круговъ. Одни относились къ предстоявшимъ реформамъ, какъ къ залогу безостановочнаго движенія къ лучшему будущему. Другіе смотрѣли на грядущія реформы прежде всего, какъ на средство удержать ради своихъ инте-

ресовъ все, что только окажется возможнымъ, изъ умирающаго прошлаго. Старина и новизна давали другъ другу бой вокругъ каждой изъ тѣхъ реформъ, которыя властною силою времени выдвигались на очередь. И примѣнительно къ каждой отдѣльной реформѣ эта основная борьба старины и новизны окружалась дальнѣйшими частными осложненіями, расчлененіями и иногда довольно неожиданными сочетаніями партійныхъ группировокъ.

Подготовка земской реформы и составила какъ разъ первый актъ этой знаменательной борьбы.

Въ двухъ словахъ можно такъ обозначить схему тѣхъ сложныхъ столкновеній, въ огнѣ которыхъ разрабатывалась земская реформа 1864 г. Одни во имя будущаго желали земства самостоятельнаго и демократическаго. Другіе во имя своихъ интересовъ текущей минуты желали земства самостоятельнаго, но не демократическаго. Третьи во имя прошлаго допускали появленіе лишь земства и не демократическаго и не самостоятельнаго.

Ни одно изъ этихъ теченій не одержало тогда полной побѣды, Земское Положеніе 1864 г. представило собой нѣкоторый равнодѣйствующій итогъ всѣхъ трехъ теченій; главными дѣйствующими силами этой борьбы явились: 1) сторонники послѣдовательнаго соціально-политическаго обновленія Россіи, 2) представители классовыхъ интересовъ землевладѣльческаго дворянства, только что огорченнаго крестьянской реформой и 3) правящая бюрократія.

Основными пунктами перекрестной борьбы этихъ силъ служили: 1) вопросъ о соціальномъ составѣ земскихъ учрежденій и 2) вопросъ о предѣлахъ компетенціи и размѣрахъ государственнаго авторитета этихъ учрежденій. По первому вопросу представители классовыхъ стремленій дворянства, въ союзѣ съ правящей бюрократіей, шли противъ сторонниковъ демократическаго земства. По второму вопросу сторонники радикальной реформы, въ союзѣ съ дворянской партіей, стояли

противъ правящей бюрократіи. А правящая бюрократія, державшая въ своихъ рукахъ разработку реформы, поступила по девизу divide et impera: она проявляла готовность пойти на значительные авансы по отношенію къ дворянской партіи въ вопросѣ о соціальномъ составѣ земскихъ учрежденій и тѣмъ подрывала крѣпость союза этой партіи съ сторонниками радикальной реформы въ вопросѣ о степени самостоятельности земскихъ учрежденій.

Такова—общая схема. Попытаемся теперь бросить взглядъ на то, какое конкретное выраженіе получала тогда эта схема въ каждомъ изъ указанныхъ выше двухъ основныхъ вопросовъ по мѣрѣ хода работъ по составленію Земскаго Положенія 1864 г.

III.

Отмѣна крѣпостного права уже сама по себѣ ставила вопросъ о возможности и необходимости объединенія всѣхъ сословій на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія. Это была отправная точка, отъ которой, въ силу естественнаго сплетенія жизненныхъ условій, приходилось идти при обсужденіи состава проектируемыхъ земскихъ учрежденій. Но, вѣдь, отправляясь отъ этой точки, можно было намѣчать пути въ двѣ различныя стороны. Всесословность земства можно было разсматривать въ смыслѣ безсословности его, и такъ именно и понимали эту сторону дѣла тѣ, кто считалъ отмѣну крѣпостного права началомъ конца сословной организаціи русскаго общества. Отсюда вытекало требованіе объединенія на земскихъ выборахъ всѣхъ избирателей въ однородную массу, безъ всякаго отношенія къ различіямъ ихъ сословнаго происхожденія. Но съ другой стороны, всесословность земства можно было разсматривать лишь какъ удобную формулу, подъ покровомъ которой легко могло быть обезпечено и закрѣплено первенствующее положеніе въ земскихъ дѣлахъ дворянскаго сословія: вѣдь, идею всесословности можно было и не соединять

съ идеей равноправія всѣхъ сословій на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія. Такъ именно и понимали дѣло и тѣ представители правящей бюрократіи, которые въ дворянствѣ усматривали наиболѣе устойчивый и консервативный элементъ общества, и тѣ защитники сословно-дворянскихъ интересовъ, которые цѣнили земскую реформу, прежде всего, какъ средство вознаградить дворянъ за отмѣну крѣпостного права и, взамѣнъ утраченныхъ ими рабовладѣльческихъ правъ, создать для нихъ новую основу руководительства всею мѣстною жизнью въ видѣ привилегированнаго участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Для этой цѣли стоило только ввести въ строй самихъ земскихъ учрежденій сословную группировку съ предоставленіемъ дворянскому элементу разнаго рода преимуществъ передъ прочими сословными группами.

Въ наиболѣе послѣдовательной формѣ это земско-дворянское теченіе выражалось тогда въ статьяхъ Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Катковъ ставилъ вопросъ прямо на ту почву, что „земство надлежитъ образовать изъ дворянства, раздвинувъ нѣсколько организацію послѣдняго". Дворянскія собранія—по предложенію Каткова—должны были обратиться въ земскія собранія, лишь съ допущеніемъ туда новыхъ элементовъ. Всѣ, кто ранѣе могъ входить въ составъ дворянскихъ собраній, должны были, по мысли Каткова, получить право л и ч н а г о участія въ земскомъ собраніи съ измѣненіемъ лишь душевнаго или подесятиннаго ценза на оцѣночный, въ размѣрѣ отъ 40 до 50 тысячъ рублей. Остальные же жители уѣзда, удовлетворяющіе условіямъ ценза, должны были бы участвовать въ земскихъ собраніяхъ лишь черезъ уполномоченныхъ *).

Уже въ первоначальныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, изданныхъ въ 1859 г., при образованіи комиссіи по переустройству губернскаго и уѣзднаго управленія, предуказывалось, что комиссія, вырабатывая основанія новаго хозяйственно-распоряди-

*) Невѣдѣнскій—Катковъ и его время. Стр. 422—423.

тельного управленія въ уѣздѣ, должна будетъ „опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи уѣзда“. То же было сказано и примѣнительно къ образованію новаго хозяйственнаго управленія въ губерніи *). Итакъ, этими Высочайшими повелѣніями уже предрѣшалось: 1) что земская организація въ той или иной мѣрѣ должна будетъ строиться на сословномъ началѣ и 2) что степени участія каждаго сословія въ земскомъ самоуправленіи могутъ быть и не одинаковы. Для взаимной борьбы сословныхъ притязаній при выработкѣ Земскаго Положенія этими словами Высочайшихъ повелѣній открывался широкій просторъ. Прослѣдимъ же теперь, какъ ставился сословный вопросъ въ различные моменты подготовки земской реформы 1864 г.

IV.

Комиссія, вырабатывавшая Земское Положеніе 1864 г., съ самаго начала намѣтила по данному вопросу промежуточную позицію. Эта позиція сводилась къ тому, чтобы по формѣ дать удовлетвореніе сторонникамъ безсословности земства, а по существу заложить основы земства сословнаго и при томъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ въ немъ дворянскаго сословія. Такая тенденція сказалась и въ вопросѣ о составѣ избирателей при выборахъ въ уѣздное земское собраніе и въ вопросѣ о составѣ земскихъ гласныхъ. Бросимъ взглядъ поочередно на разработку каждаго изъ этихъ вопросовъ.

Уже въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія“, составленныхъ комиссіей, былъ развитъ планъ группировки избирателей при выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ на три избирательныхъ собранія. Въ основу этой группировки формально полагалось различіе не по сословной принадлежности, а по роду имущества и по

*) Матеріалы по земскому обществ. устройству, 1, стр. 1—2.

дѣленію населенія на общества. Но при этомъ въ „Соображеніяхъ“ прямо указывалось на то, что такая группировка имѣетъ особенную цѣнность потому, что подъ ея покровомъ въ сущности сохраняется дѣленіе по сословному признаку. „Все населеніе уѣзда — читаемъ въ „Соображеніяхъ“ — очевидно не можетъ быть соединено въ одно избирательное собраніе, уже и по условіямъ пространства и численности населенія нашихъ уѣздовъ. Раздѣленіе уѣзда, въ этомъ отношеніи, на части, могло бы всего естественнѣе и удобнѣе соотвѣтствовать дѣйствительному его дѣленію на общества; но въ нашихъ уѣздахъ значительное число имуществъ принадлежитъ лицамъ, не входящимъ въ составъ уѣздныхъ и городскихъ обществъ, именно частнымъ земельнымъ собственникамъ дворянскаго и другихъ сословій. Сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, не согласно съ характеромъ земскихъ учрежденій, имѣющимъ въ принципѣ не сословные, но общіе хозяйственные интересы извѣстной мѣстности. Самый естественный и удобный исходъ изъ этого затрудненія, повидимому, составляетъ дѣленіе уѣзднаго населенія, въ отношеніи избранія представителей, на три главныя части: классъ землевладѣльцевъ частныхъ, не входящихъ въ составъ обществъ, общества городскія и общества сельскія. Съ одной стороны, въ этомъ дѣленіи удерживается земскій характеръ предполагаемаго представительства, ибо дѣленіе имѣетъ основаніемъ различіе имуществъ и соединенныхъ съ ними интересовъ, съ другой сохраняется отчасти и историческій характеръ сословныхъ дѣленій, ибо въ каждомъ изъ классовъ преобладаетъ одно изъ главныхъ, исторически сформировавшихся сословій“ *).

При обсужденіи проекта Земскаго Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ были сдѣланы указанія на то, что раздѣленіе избирателей на три куріи при выборѣ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ вообще противорѣчитъ единству земскаго дѣла и началу объе-

*) Ibid., I, 151.

диненія сословій. Баронъ Корфъ, Бахтинъ и кн. Суворовъ заявляли въ Государственномъ Совѣтѣ, что всего правильнѣе было бы установить общія избирательныя собранія для всѣхъ избирателей, ибо иначе „гласные, выбранные отъ отдѣльныхъ курій, явятся защитниками особыхъ выгодъ отдѣльныхъ классовъ, а не представителями общихъ земскихъ интересовъ“ *).

Однако, эти предложенія не имѣли успѣха, и раздѣленіе избирателей на три куріи вошло въ законъ 1864 г.

Разрабатывая первоначальные проекты Земскаго Положенія, комиссія весьма заботилась о томъ, чтобы эта сословная сущность вводимой группировки избирателей по куріямъ съ достаточной ясностью проступала сквозь приданную ей безсословную оболочку. Относительно третьяго избирательнаго собранія въ этомъ отношеніи особенно заботиться было нечего: съ перваго же взгляда для всякаго было очевидно, что собраніе представителей сельскихъ обществъ есть не что иное, какъ сословно-крестьянское собраніе. Съ меньшей, но все же вполнѣ достаточной опредѣленностью собраніе представителей городскихъ обществъ, благодаря принятымъ условіямъ избирательнаго ценза по этой куріи, являлось по преимуществу собраніемъ представителей городскихъ купцовъ и промышленниковъ. Оставалось затѣмъ первое избирательное собраніе частныхъ землевладѣльцевъ. И здѣсь, въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка, составъ собранія очевидно получалъ почти всецѣло сословный характеръ: масса землевладѣльцевъ-дворянъ по численности неизбѣжно растворяла въ себѣ незначительную кучку землевладѣльцевъ недворянскаго происхожденія. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло именно о дворянахъ, то составители Земскаго Положенія сочли нужнымъ и формально выдѣлить дворянъ въ особую сословную группу въ составѣ самаго перваго избирательнаго собранія.

И въ первоначальномъ „Очеркѣ положенія о губернскихъ

*) Джаншіевъ—Изъ эпохи великихъ реформъ, 342—343.

и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ (ст. 11) и въ „Проектѣ“, разсмотрѣнномъ въ совѣтѣ министровъ въ іюлѣ 1862 г. (ст. 11) и въ „Положеніи“, составленномъ въ 1863 г. (ст. 14) составъ перваго избирательнаго собранія прямо разбивается въ свою очередь на двѣ группы: землевладѣльцевъ-дворянъ и землевладѣльцевъ—не дворянъ. Въ „Очеркѣ“ составъ перваго избирательнаго собранія опредѣленъ такъ: „сословіе дворянъ и поземельные собственники, не принадлежащіе ни къ мѣстному дворянству, ни къ составу мѣстныхъ волостныхъ обществъ“; въ „Проектѣ“ 1862 г. находимъ такое опредѣленіе: „дворяне-землевладѣльцы и другіе поземельные собственники, не принадлежащіе ни къ мѣстному дворянству, ни къ составу мѣстныхъ волостныхъ обществъ“; въ „Положеніи“ 1862 г. эта формула измѣнена такъ: „уѣздные землевладѣльцы дворянскаго и прочихъ сословій, не принадлежащіе къ составу мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ“.

И только въ окончательномъ текстѣ Земскаго Положенія 1864 г. (ст. 14) это подраздѣленіе исчезаетъ, и составъ перваго избирательнаго собранія опредѣляется просто: „уѣздные землевладѣльцы“.

Указанное подраздѣленіе членовъ перваго избирательнаго собранія не имѣло въ первоначальныхъ проектахъ чисто словеснаго характера. Въ немъ выражалась забота о томъ, чтобы внутри самаго этого собранія сословный принципъ превозобладалъ надъ классовымъ принципомъ, чтобы дворянству во всякомъ случаѣ было обезпечено большинство надъ землевладѣльцами не-дворянами.

Дѣло въ томъ, что въ связи съ этимъ подраздѣленіемъ намѣчалось установленіе неодинаковаго ценза для землевладѣльцевъ-дворянъ и для землевладѣльцевъ другихъ сословій. Такъ, въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія“ говорилось: „условія взаимнаго положенія сословій дѣлаютъ справедливымъ и полезнымъ дать (въ первомъ избирательномъ собраніи) нѣкоторое преимущество

землевладѣльцамъ-дворянамъ, почему казалось бы возможнымъ избирательный цензъ для частныхъ землевладѣльцевъ недворянскаго сословія положить нѣсколько выше, нежели для дворянъ, напр. вдвое или болѣе" *). Въ засѣданіяхъ общаго присутствія комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, происходившихъ 10 и 12 марта 1862 г., было положено для избирателей изъ состава дворянъ-землевладѣльцевъ установить земельный цензъ въ размѣрѣ 50 высшихъ душевыхъ надѣловъ, что же касается частныхъ землевладѣльцевъ недворянскаго сословія, то предсѣдатель и семь членовъ комиссіи намѣтили для нихъ земельный цензъ въ размѣрѣ 100 высшихъ душевыхъ надѣловъ, а остальные семь членовъ—въ размѣрѣ 125 таковыхъ же надѣловъ **).

Эти нормы ценза (50 высшихъ душевыхъ надѣловъ для дворянъ и 100 таковыхъ же надѣловъ для землевладѣльцевъ недворянъ) и были указаны въ „Очеркѣ положенія" (ст. 13) Въ „Проектѣ" 1862 г. (ст. 13) обѣ эти нормы были увеличены вдвое, слѣдовательно, съ оставленіемъ прежняго между ними пропорціональнаго соотношенія: для дворянъ—100 высшихъ душевыхъ надѣловъ, для недворянъ—200.

Итакъ, хотя фактически въ то время дворяне и вообще составляли несомнѣнное и значительное большинство въ средѣ землевладѣльческаго класса, но составители первоначальныхъ проектовъ сверхъ того желали еще искусственнымъ образомъ, посредствомъ цензовыхъ перегородокъ, увеличить численный перевѣсъ дворянъ среди избирателей по первому избирательному собранію. Противъ этихъ предположеній категорически протестовалъ главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи Корфъ въ своемъ отзывѣ на Проектъ 1862 г. Онъ писалъ: „допущеніе въ новомъ законѣ столь рѣзкаго, единственно на сословномъ началѣ основаннаго, различія

*) Матеріалы, I, 154.
**) Ibid., I, 180—181.

между избирателями едва ли будетъ хорошо принято и лицами недворянскаго званія, и самими дворянами, которыхъ оно поставитъ въ довольно неловкое положеніе относительно другихъ сословій и которыми открыто заявляется желаніе отказаться, при общихъ земскихъ выборахъ, отъ исключительныхъ сословныхъ преимуществъ".

Любопытно отмѣтить, что авторы вышеуказанныхъ предположеній, мотивируя выдвигавшіяся ими преимущества для дворянъ, лишь глухо ссылались на то, что они руководствуются при этомъ „взаимнымъ положеніемъ сословій", т.-е. попросту говоря, стремленіемъ поддержать привилегированность дворянства; а на первый планъ выдвигали иныя соображенія, какъ-то: высшую цѣнность дворянскихъ земель сравнительно съ большинствомъ земель, принадлежавшихъ лицамъ другихъ состояній, и, въ особенности, необходимость привлечь къ земскому дѣлу по преимуществу людей образованныхъ и привычныхъ къ общественной дѣятельности. Корфъ правильно замѣтилъ въ своемъ отзывѣ, что указанныя цѣли могли бы быть достигаемы иными способами, независимо отъ начала сословности; съ своей стороны онъ предлагалъ ввести пониженный цензъ вообще для владѣльцевъ земель заселенныхъ, съ правильно поставленымъ хозяйствомъ, и повысить для владѣльцевъ пустошей, а кромѣ того, предоставить непосредственное личное участіе въ выборахъ по очень пониженному цензу уѣзднымъ жителямъ, занимавшимъ выборныя должности, и также всѣмъ, окончившимъ высшія учебныя заведенія *).

Въ отвѣтѣ своемъ на критику Корфа Валуевъ вскрылъ всѣ свои карты по данному вопросу. Изъ отвѣта Валуева въ полной мѣрѣ выяснялось, что выставляемые имъ въ „Проектѣ" мотивы для различенія ценза дворянъ и землевладѣльцевъ иныхъ сословій сами по себѣ вовсе не были для него важны и лишь служили благовиднымъ прикрытіемъ для созданія въ земствѣ пре-

*) Ibid., II, с. 114—115.

обладанія дворянскаго сословія. На предложеніе Корфа примѣнить двѣ нормы ценза по первому избирательному собранію не къ сословнымъ различіямъ, а къ различенію земель заселенныхъ и незаселенныхъ, Валуевъ отвѣчалъ, что онъ не находитъ возможнымъ на это согласиться, ибо „при составленіи проекта вообще имѣлось въ виду облегчить переходъ отъ нынѣшнихъ учрежденій къ будущимъ и для сего удержать изъ первыхъ то, что безъ неудобства могло быть удержано, и не устранять безусловно изъ круга законоположеній о земствѣ сословныя начала, сохраняющія свою силу въ другихъ узаконеніяхъ". Правда, при этомъ Валуевъ вновь заявилъ, что для него преобладаніе въ земствѣ дворянства цѣнно лишь въ смыслѣ привлеченія къ земской дѣятельности наиболѣе образованнаго класса. Но курьезно то, что Валуевъ, столь подчеркивавшій значеніе образованности для земскаго дѣла, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ перешелъ къ возраженіямъ противъ предложеннаго Корфомъ введенія образовательнаго ценза для земскихъ избирателей независимо отъ ценза земельнаго. Предоставить право участія въ земскихъ выборахъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, Валуевъ не находилъ возможнымъ, на томъ основаніи, что „въ дѣлахъ земства, по преимуществу относящихся до мѣстнаго хозяйства, участіе лицъ сей категоріи не вызывается никакими прямыми къ тому уваженіями" *).

Значитъ, и восхваленіе образованности выдвигалось Валуевымъ лишь постольку, поскольку этимъ можно было болѣе или менѣе красиво задрапировать внѣдреніе въ земствѣ дворянскаго преобладанія.

Въ окончательномъ Проектѣ 1863 г. осталось различеніе, отстаиваемое Валуевымъ. Но въ Государственномъ Совѣтѣ этотъ вопросъ былъ подвергнутъ новому пересмотру и рѣшенъ вопреки предложеніямъ Валуева. Государственный Совѣтъ раз-

*) Ib. II, с. 5—7.

суждалъ, что „такое различіе въ цензѣ, имѣющее сословное основаніе, едва ли можетъ быть принято для опредѣленія права быть избирателемъ представителей интересовъ земскихъ, общихъ всѣмъ жителямъ мѣстности... нѣтъ ни основанія, ни надобности раздѣлять землевладѣльцевъ по сословіямъ, къ коимъ они принадлежатъ; характеръ землевладѣнія не мѣняется, составляетъ ли оно собственность дворянина или недворянина, и если принимать владѣніе землей за основаніе при опредѣленіи права участія въ земскомъ представительствѣ, то мѣра или цензъ, опредѣляющій это право, долженъ быть непремѣнно одинаковымъ для всѣхъ владѣльцевъ, не смотря на различіе между ними по происхожденію... установленіе въ видѣ особой привилегіи для дворянскаго сословія ценза, болѣе низкаго сравнительно съ цензомъ для прочихъ сословій, поставило бы дворянъ въ положеніе исключительное, которое повело бы къ разъединенію ихъ съ другими сословіями и воспрепятствовало бы успѣшному развитію новыхъ земскихъ учрежденій“.

На основаніи постановленія Государственнаго Совѣта это различеніе по цензу землевладѣльцевъ разныхъ сословій было отстранено и не вошло въ Земское Положеніе 1864 г. (см. ст. 23).

Конечно, это было, въ сущности, лишь чисто формальнымъ пораженіемъ сословнаго начала, ибо фактически въ то время классъ частныхъ землевладѣльцевъ состоялъ въ громадномъ большинствѣ именно изъ дворянъ, и первая курія, во всякомъ случаѣ, не могла не стать по преимуществу дворянской.

Сословная сущность этого по внѣшности классового дѣленія на куріи ярко проявилась и съ другой стороны. Если первое избирательное собраніе должно было состоять изъ всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій, то ясно, что и крестьяне, ставшіе собственниками выкупленныхъ уже надѣловъ, должны были также входить въ составъ первой, а не третьей куріи.

Однако, въ этомъ случаѣ тотчасъ же вступалъ въ силу со-

словный принципъ, и составители Положенія 1864 г. относили такихъ крестьянъ, именно по ихъ сословному положенію, къ третьей, крестьянской куріи. Такъ было намѣчено въ первоначальныхъ проектахъ, и Государственный Совѣтъ также примкнулъ къ такому рѣшенію даннаго вопроса. Въ мотивахъ, высказанныхъ за это рѣшеніе въ Государственномъ Совѣтѣ, съ полной явственностью была развита чисто сословная точка зрѣнія. „Крестьяне,—говорилось тамъ,—будутъ имѣть свое особое земское представительство; гласные будутъ выбираться у нихъ избирательными сходами, составленными изъ избирателей, выбранныхъ сельскими обществами“ и при этомъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, „выкупъ крестьянами ихъ надѣла, при чемъ они обращаются изъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ, не можетъ служить еще основаніемъ для выдѣленія ихъ изъ установляемой для крестьянъ вообще системы сельскихъ выборовъ и для сравненія ихъ въ этомъ отношеніи съ землевладѣльцами прочихъ сословій“. Почему же не можетъ? А потому—отвѣчаетъ Государственный Совѣтъ,—что „такое выдѣленіе крестьянъ собственниковъ единственно по дѣламъ земства изъ ихъ общественной среды... нарушило бы цѣлость сельскаго общества въ смыслѣ хозяйственной единицы и повлекло бы за собою разъединеніе интересовъ, связующихъ членовъ крестьянской общины.“

Правда, Государственный Совѣтъ счелъ возможнымъ сдѣлать исключеніе для тѣхъ крестьянъ, которые пріобрѣтутъ въ собственность, въ размѣрѣ, удовлетворяющемъ цензу, земли внѣ крестьянской надѣльной земли. Такимъ крестьянамъ-землевладѣльцамъ Государственный Совѣтъ положилъ предоставить право участія въ первомъ избирательномъ съѣздѣ, но все же, „по крестьянству“ они должны были также сверхъ того участвовать въ выборахъ и по третьей куріи *).

*) Матеріалы, II, 507—509

V.

Подчеркивая весьма явственно сословную подкладку группировки избирателей по тремъ избирательнымъ собраніямъ на выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ; устрояя первое избирательное собраніе, какъ дворянское по преимуществу, комиссія въ то же время въ первоначальныхъ своихъ предположеніяхъ придавала участію крестьянъ въ земскихъ выборахъ чисто фиктивный характеръ.

Предполагалось изъ среды крестьянъ привлекать къ выборамъ только сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія“ было указано на возможность двоякаго порядка организаціи выборовъ по третьей куріи: либо путемъ образованія сельскихъ избирательныхъ собраній изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ, либо путемъ составленія такихъ собраній изъ однихъ только сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Этотъ второй порядокъ признавался наиболѣе цѣлесообразнымъ. „Сельскіе старосты,—читаемъ въ „Соображеніяхъ“,—выбранные самими крестьянами, могутъ служить, безъ сомнѣнія, лучшими представителями интересовъ крестьянскихъ общинъ, ихъ избирающихъ, тѣмъ болѣе, что и назначеніе ихъ есть по преимуществу административно-хозяйственное; волостные старшины точно также суть естественные представители общественныхъ интересовъ цѣлой волости... избирательныя собранія старостъ и старшинъ по всей вѣроятности будутъ сознательнѣе и вѣрнѣе производить выборъ; кромѣ того, очевидно, что въ такомъ избирательномъ собраніи интересы общинъ будутъ представляемы совершенно правильно и съ полнымъ равновѣсіемъ, тогда какъ въ избирательныхъ собраніяхъ, составленныхъ изъ волостныхъ выборныхъ, будетъ, повидимому, перевѣсъ большихъ общинъ и волостей надъ малыми *). При обсужденіи „Сообра-

*) Ibid. I, 158.

женій“ въ общемъ присутствіи комиссіи въ засѣданіяхъ 10 и 12 марта 1862 г. вопросъ этотъ вызвалъ пренія. Нѣкоторые члены высказывались за предпочтительность образованія избирательныхъ собраній сельскихъ обывателей изъ выборныхъ на волостныхъ сходахъ крестьянъ, при чемъ противъ составленія этихъ собраній изъ однихъ только старостъ и старшинъ приводились два возраженія: 1) такой составъ избирательнаго собранія признавался слишкомъ ограниченнымъ сравнительно съ числомъ избираемыхъ лицъ и 2) представительство крестьянъ старостами и старшинами признавалось неуравнительнымъ, вслѣдствіе нерѣдко встрѣчающихся въ одномъ и томъ же уѣздѣ различій въ степени населенности волостей. Страннымъ образомъ при этомъ не было выдвинуто третьяго возраженія, наиболѣе естественнаго, заключающагося въ томъ, что старосты и старшины врядъ ли могли-бы чувствовать себя свободными при осуществленіи избирательныхъ правъ по своей сильной зависимости отъ ближайшаго начальства. Объ этой сторонѣ дѣла никто не заикнулся въ комиссіи и, напротивъ того, почему-то считалось неоспоримымъ то положеніе, что старосты и старшины явятся на выборахъ наилучшими представителями подлинныхъ мірскихъ интересовъ. Въ концѣ-концовъ комиссія вполнѣ примкнула къ тому, что предлагалось въ „Соображеніяхъ“, т.-е. остановилась на составленіи избирательнаго собранія по третьей куріи изъ однихъ старостъ и старшинъ по двумъ мотивамъ: „съ одной стороны, эти лица сами назначаются по выбору крестьянъ и по положенію своему могутъ лучше другихъ напоминать мѣстные интересы сельскаго сословія; а съ другой стороны, при этомъ способѣ правомъ участія въ избирательномъ собраніи будетъ, собственно, пользоваться черезъ представителя своего цѣлая сельская община, а слѣдовательно избирательныя права сельскаго сословія очевидно не будутъ болѣе обширны, нежели права землевладѣльцевъ“ *). Мотивировка эта заслуживаетъ вниманія.

---

*) Ibid. I, 182—183.

Ясно, что въ основѣ данной комбинаціи лежали не заботы о болѣе правильномъ представительствѣ отъ крестьянъ,—ибо странно было ради такой цѣли лишать крестьянъ права самимъ избрать своихъ гласныхъ и заставлять ихъ передавать это право старостамъ и старшинамъ,—а заботы объ обезпеченіи для дворянства преобладанія на выборахъ.

Въ „Очеркѣ" Положенія (ст. 12 и 19), въ „Проектѣ" 1862 г. (ст. 12 и 20) и въ „Проектѣ" 1863 (ст. 34) третье избирательное собраніе и было проектировано согласно первоначальнымъ „Соображеніямъ" лишь въ составѣ старостъ и старшинъ.

И въ этомъ пунктѣ предположенія комиссіи встрѣтили рѣшительную критику со стороны главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи барона Корфа. Корфъ прямо выдвинулъ самое существенное возраженіе. Онъ писалъ: „кажется, что производство выборовъ чрезъ административныя лица—хотя бы и сами они были выборные—не можетъ назваться явленіемъ совершенно правильнымъ. Крестьяне обыкновенно не считаютъ своихъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ людьми совершенно независимыми отъ постановленнаго надъ ними начальства, и едва ли будутъ смотрѣть на гласныхъ, этими людьми избранныхъ, какъ на своихъ представителей. Посему образованіе избирательныхъ собраній изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ нельзя не признать болѣе раціональнымъ" *). Любопытно, что въ своемъ отвѣтѣ на возраженія Корфа Валуевъ не нашелся ничего сказать по поводу этого замѣчанія Корфа и ограничился глухой ссылкой на то, что вопросъ о составѣ третьяго избирательнаго собранія достаточно уже разъясненъ въ „Соображеніяхъ", гдѣ, между тѣмъ, какъ разъ ничего не говорилось о степени самостоятельности старостъ и старшинъ по отношенію къ ихъ начальству **).

---

*) Ibid. II, 424.

**) Ibid. II, 113.

Только при обсужденіи проекта Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ предложенный комиссіей способъ составленія третьяго избирательнаго собранія былъ отвергнутъ и замѣненъ избраніемъ выборщиковъ на волостныхъ сходахъ. Эта замѣна была мотивирована Государственнымъ Совѣтомъ очень обстоятельно. Во-первыхъ, былъ воспроизведенъ аргументъ барона Корфа, притомъ дословно въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ онъ былъ изложенъ и въ „отзывѣ" Корфа; далѣе, было указано на то, что лица, пригодныя для занятія должностей старостъ и старшинъ, могутъ, однако, не обладать качествами, необходимыми для избирателей земскихъ гласныхъ, ибо отъ первыхъ требуется прежде всего исполнительность и распорядительность, а отъ вторыхъ—способность безпристрастно и правильно намѣтить лучшихъ представителей и защитниковъ общественныхъ интересовъ. Отмѣчалось при этомъ также, что зажиточные и лучшіе хозяева нерѣдко уклоняются отъ занятія должностей старостъ и старшинъ, тогда какъ они могутъ охотно пойти въ земскія собранія. Наконецъ, совершенно справедливо было указано и на то, что тамъ, гдѣ старосты и старшины дѣйствительно пользуются преимущественнымъ довѣріемъ, волостные сходы, конечно и по собственному побужденію именно ихъ и выдвинутъ въ составъ избирательной коллегіи, но только не слѣдуетъ дѣлать этого общеобязательнымъ правиломъ *). Неотразимость всѣхъ этихъ доводовъ настолько очевидна, что невольно опять-таки рождается мысль о томъ, что отстаиваніе отвергнутой Государственнымъ Совѣтомъ комбинаціи могло быть внушаемо прежде всего стремленіемъ стѣснить крестьянъ въ свободномъ пользованіи избирательнымъ правомъ.

*) Ibid. II, 515—516.

VI.

Итакъ, первоначально сословная тенденція въ дѣлѣ организаціи избирательныхъ курій для уѣздныхъ земскихъ выборовъ получила въ работахъ комиссіи довольно заостренное и настойчивое выраженіе. Эта острота была затѣмъ притуплена въ Государственномъ Совѣтѣ. Но, конечно, и послѣ отмѣченныхъ выше поправокъ, осуществленныхъ Государственномъ Совѣтомъ, все же осталась въ силѣ сословная подкладка установленнаго въ Положеніи 1864 г. куріальнаго распредѣленія избирателей. Къ сказанному выше можно прибавить теперь и еще одно наблюденіе. Заботливо обособляя избирателей-дворянъ въ особую группу, комиссія стремилась и въ самой дворянской средѣ установить дальнѣйшее расчлененіе въ смыслѣ предоставленія извѣстныхъ преимуществъ болѣе крупному дворянству.

Въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ объ устройствѣ земско-хозяйственаго управленія“ при обсужденіи размѣра земельнаго ценза для избирателей по куріи частныхъ землевладѣльцевъ высказана была заботливость о томъ, чтобы и малая земельная собственность не была изъята изъ земскаго представительства. На этомъ основаніи тамъ предполагалось понизить цензъ для землевладѣльцевъ при земскихъ выборахъ сравнительно съ цензомъ, установленнымъ для выборовъ дворянскихъ. Для участія въ дворянскихъ выборахъ требовалось, какъ извѣстно, владѣніе имѣніемъ, населеннымъ не менѣе, какъ 100 ревизскими м. п. душами крестьянъ. Эта цифра населенія или соотвѣтствующее ей количество земли, по утвержденію авторовъ „Соображеній“, могла быть принята за нормальную цифру с р е д н е й земельной собственности. Для земскихъ выборовъ предполагалось этотъ цензъ понизить именно въ видахъ привлеченія къ земскимъ выборамъ также владѣльцевъ мелкой земельной собственности. Уже цензъ въ сто высшихъ душевыхъ надѣловъ явился бы нѣкоторымъ пониженіемъ сравнительно съ цензомъ въ 100 душъ, ибо сто душъ въ переводѣ на землю соотвѣтствуютъ боль-

шему количеству земли, нежели сто высшихъ душевыхъ надѣловъ по той причинѣ, что расчетъ надѣловъ при составленіи Положенія 19 февраля 1861 г. былъ сдѣланъ такъ, чтобы извѣстная часть земли оставалась за владѣльцами. Но авторы „Соображеній“ полагали, что въ видахъ привлеченія къ земскимъ выборамъ также и владѣльцевъ малой земельной собственности нужно пойти еще далѣе въ сокращеніи избирательнаго ценза для землевладѣльцевъ, и потому они предложили опредѣлить этотъ цензъ въ 50 высшихъ душевыхъ надѣловъ *).

Однако, эта норма не удержалась, и въ проектѣ 1862 г. избирательный цензъ по первой куріи все-таки былъ опредѣленъ въ 100 душевыхъ надѣловъ, что вошло и въ окончательный текстъ Положенія 1864 г.

Такимъ образомъ, избирательный цензъ землевладѣльцевъ былъ установленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы основное ядро перваго избирательнаго собранія составлялось изъ представителей средней земельной собственности. Затѣмъ, является вопросъ, было ли на ряду съ этимъ предпринято что-либо въ спеціальныхъ интересахъ мелкихъ и крупныхъ собственниковъ?

Въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ“ комиссіи устанавливался, какъ уже было сказано, цензъ для участія землевладѣльцевъ въ земскихъ выборахъ въ 50 высшихъ душевыхъ надѣловъ и затѣмъ всѣ, неудовлетворяющіе этому цензу, совершенно устранялись отъ выборовъ. Однако, уже въ общихъ собраніяхъ комиссіи 10 и 12 марта 1862 г. былъ поднятъ вопросъ о возможности предоставить мелкимъ земельнымъ собственникамъ право образовывать составные, групповые цензы и на этомъ основаніи посылать на выборы коллективно избираемыхъ отъ такихъ составныхъ цензовъ уполномоченныхъ.

Пять членовъ комиссіи (и въ томъ числѣ предсѣдатель Валуевъ) возражали противъ этого предложенія, ссылаясь на то, что это усложнило бы составленіе избирательныхъ собраній и

*) Ibid. I, 152—153.

что при дворянскихъ выборахъ въ прежнее время представительство чрезъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ душевладѣльцевъ имѣло незначительное примѣненіе. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію пяти членовъ, въ случаѣ допущенія такого порядка не слѣдовало бы уже понижать нормальные размѣры ценза со 100 душевыхъ надѣловъ.

Тѣмъ не менѣе большинство комиссій высказалось за то, чтобы цензъ былъ намѣченъ въ 50 душевыхъ надѣловъ, и чтобы землевладѣльцамъ, имѣющимъ отъ 5 до 45 душевыхъ надѣловъ, было предоставлено избирать на выборы групповыхъ уполномоченныхъ *).

Въ проектѣ 1862 г. институтъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ былъ уже введенъ въ статью о составѣ избирательныхъ собраній землевладѣльцевъ, но одновременно съ этимъ цензъ былъ повышенъ съ 50 до 100 душевыхъ надѣловъ для дворянъ, а для недворянъ — до 200 душевыхъ надѣловъ, и, такимъ образомъ, участвовать въ выборахъ по складочнымъ цензамъ предоставлялось всѣмъ, кто владѣлъ имѣніемъ въ размѣрѣ отъ 5 до 100 душевыхъ надѣловъ, а недворянамъ—отъ 20 до 200 душевыхъ надѣловъ; при этомъ землевладѣльцамъ-дворянамъ указанной категоріи предоставлялось выбирать по одному уполномоченному на каждые 100 надѣловъ, а недворянамъ—на каждые 200 надѣловъ.

Эти начала легли въ основу и тѣхъ постановленій, которыя вошли въ окончательный текстъ Земскаго Положенія 1864 г. Такъ какъ тамъ для всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ безъ раздѣленія ихъ на дворянъ и недворянъ устанавливался одинъ и тотъ же цензъ въ 100 среднихъ душевыхъ надѣловъ, то и для участія въ составленіи группового ценза для избранія уполномоченнаго была принята одна общая отправная норма въ 5 душевыхъ надѣловъ.

---

*) Ibid. I, 180.

Такъ былъ разрѣшенъ вопросъ о представительствѣ отъ мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ.

Заботы о наиболѣе крупныхъ землевладѣльцахъ выразились въ поднятіи вопроса о допущеніи къ участію въ земскихъ выборахъ арендаторовъ, снимающихъ у частныхъ землевладѣльцевъ участки на долгіе сроки. Въ „Соображеніяхъ" предполагалось допустить въ избирательныя собранія землевладѣльцевъ лицъ, арендующихъ по контрактамъ на сроки не менѣе 6 лѣтъ пространство земли не менѣе 250 душевыхъ надѣловъ. Такъ какъ избирательный цензъ для землевладѣльцевъ намѣчался тогда въ 50 душевыхъ надѣловъ, то, слѣдовательно, арендаторскій участокъ, дающій избирательное право, намѣчался въ размѣрѣ, въ четверо превышающемъ земельный цензъ землевладѣльцевъ *).

Это правило и вошло и въ „Очеркъ" и въ проектъ 1862 г., причемъ въ послѣднемъ вмѣстѣ съ повышеніемъ землевладѣльческаго ценза до 100 надѣловъ и арендаторскій цензъ соотвѣтственно повышался до 400 надѣловъ. Находимъ это правило и въ проектѣ 1863 г.

Противъ допущенія арендаторовъ къ земскимъ выборамъ возсталъ Корфъ въ своемъ отзывѣ. Корфъ выдвинулъ два возраженія противъ этого допущенія: 1) по смыслу проекта Положенія о земскихъ учрежденіяхъ основаніемъ избирательнаго земскаго права избрано участіе въ уплатѣ денежныхъ налоговъ на нужды земства, опредѣляемое недвижимою собственностью; но раскладываемый на земли налогъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, всегда падетъ на собственника, а не на наемщика; 2) классъ арендаторовъ — говорилъ Корфъ — у насъ еще только зарождается и пока состоитъ преимущественно изъ такихъ лицъ которыя не связаны съ мѣстными интересами, живутъ сегодня здѣсь, а завтра тамъ" **). Валуевъ

*) Ibid. I, 155—156.
**) II, 416—417.

въ отвѣтъ на отзывъ Корфа горячо взялъ арендаторовъ подъ свою защиту. Онъ указалъ на то, что полное устраненіе арендаторовъ отъ участія въ земскихъ налогахъ еще не предрѣшено; что извѣстная часть поземельныхъ налоговъ можетъ падать и на арендатора въ видѣ части арендной платы; что предоставленіе участія въ земскихъ выборахъ предлагается только для держателей крупныхъ и долгосрочныхъ арендъ и потому будетъ относиться лишь до наиболѣе осѣдлой и связанной съ мѣстными интересами части этого класса; что, наконецъ, въ ближайшемъ будущемъ нужно ожидать дальнѣйшаго развитія и распространенія института аренды въ Россіи *).

Почему же Валуевъ такъ хлопоталъ объ интересахъ арендаторовъ? На этотъ вопросъ проливается нѣкоторый свѣтъ преніями, возникшими въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи Проекта Земскаго Положенія. Тамъ было указано на то, что арендаторы, какъ временные пользователи землею, всегда будутъ противъ такихъ коренныхъ нововведеній въ строѣ мѣстнаго хозяйства, которыя потребовали бы продолжительнаго времени, и будутъ заботиться лишь о мѣрахъ временныхъ, преходящихъ, результатами коихъ они могли бы сами воспользоваться. А между тѣмъ, съ другой стороны, предоставленіе арендаторамъ участія въ земскихъ выборахъ могло бы во многихъ случаяхъ повлечь за собою нарушеніе равенства въ правахъ землевладѣльцевъ: „владѣющій землею въ количествѣ, превышающемъ размѣръ, опредѣленный для права участія въ избирательномъ собраніи, можетъ раздать это превышающее количество земли арендаторамъ и чрезъ то получить въ пользу личныхъ своихъ интересовъ нѣсколько лишнихъ голосовъ... При возможности воспользоваться подобною раздачею земель въ аренду, крупные владѣльцы всегда будутъ въ состояніи располагать большинствомъ голосовъ и получать преобладающее вліяніе надъ мелкими“ **).

*) II, 7.

**) II, 505—506.

Итакъ, вотъ гдѣ была зарыта собака! Въ Государственномъ Совѣтѣ Валуевъ потерпѣлъ по этому вопросу пораженіе, и въ окончательный текстъ Положенія 1864 г. его предположенія о допущеніи арендаторовъ къ личному участію въ земскихъ выборахъ не вошли. Землевладѣльцу было предоставлено только передавать по довѣренности одному изъ своихъ арендаторовъ свой собственный голосъ на выборахъ въ случаѣ своего отсутствія, и притомъ лишь такому арендатору, который снимаетъ участокъ на срокъ не менѣе шести лѣтъ и контрактъ съ которымъ былъ заключенъ не менѣе, какъ за два года до выборовъ, а до истеченія срока контракта остается не менѣе трехъ лѣтъ.

VII.

Итакъ, при обсужденіи организаціи избирательныхъ собраній наиболѣе рѣзкія проявленія дворянской тенденціи были мало-по-малу сглажены. Зато стремленіе обезпечить для дворянскаго сословія преобладающее положеніе въ земствѣ одержало рѣшительную побѣду при обсужденіи состава самихъ земскихъ собраній.

Въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ" было уже указано на то, что въ составѣ земскаго представительства необходимо дать перевѣсъ „классу болѣе образованному и развитому, до извѣстной степени пользовавшемуся и доселѣ политическими правами и уже нѣсколько опытному въ гражданской жизни". Иными словами, предлагалось дать перевѣсъ дворянскому сословію въ составѣ земскихъ гласныхъ.

Въ „Соображеніяхъ" проектировалось опредѣлить число гласныхъ, избираемыхъ каждымъ изъ трехъ избирательныхъ собраній, на слѣдующихъ основаніяхъ: отъ собранія землевладѣльцевъ избирать по одному гласному на каждыя двѣ тысячи высшихъ или указныхъ душевыхъ надѣловъ, состоящихъ въ данномъ уѣздѣ въ частномъ владѣніи; отъ собранія пред-

ставителей городскихъ обществъ—по одному гласному на 200 домовладѣльцевъ въ малыхъ городахъ, съ населеніемъ менѣе 10 тысячъ душъ, и по одному на 300 домовладѣльцевъ въ прочихъ городахъ; и отъ собранія представителей сельскихъ обществъ—по одному гласному на каждыя 4000 душъ мѣстнаго населенія или на 4 тысячи душевыхъ участковъ. При такомъ расчетѣ, по указанію авторовъ „Соображеній", въ земскихъ собраніяхъ получилось бы общее количество гласныхъ отъ 31 до 75; въ томъ числѣ гласныхъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ отъ 10 до 59; отъ крестьянъ отъ 5 до 22 и отъ городскихъ обществъ—отъ 1 до 5 *).

Такъ внушительно было преобладаніе дворянскихъ гласныхъ, намѣченное уже въ „Соображеніяхъ". Въ проектѣ 1862 г. эти предположенія были нѣсколько измѣнены: отъ собранія землевладѣльцевъ положено избирать по одному гласному на каждыя 3 тысячи душевыхъ надѣловъ, а отъ крестьянскихъ волостей по одному гласному на каждыя 6 тысячъ среднихъ душевыхъ участковъ.

При дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса количество гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и отъ сельскихъ обществъ было исчислено примѣнительно къ вышеуказанной нормѣ по пяти разрядамъ, для сведенія слишкомъ большого разнообразія надѣльныхъ нормъ по отдѣльнымъ губерніямъ къ болѣе крупнымъ пяти рубрикамъ. Преобладаніе дворянскаго представительства осталось при этомъ, конечно, во всей силѣ, и только было принято общее правило, чтобы число гласныхъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ ни въ коемъ случаѣ не превышало число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ болѣе, нежели въ четыре раза **).

Насколько значительно всѣ эти предположенія выдвигали преобладаніе дворянскихъ гласныхъ въ составѣ земскаго пред-

*) Ibid. I, 158—159.
**) Ibid. I, 314—315.

ставительства, всего лучше видно изъ преній, возникшихъ по данному вопросу въ Государственномъ Совѣтѣ. Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ въ представленномъ ему проектѣ „отсутствіе всякаго соразмѣренія между числомъ гласныхъ отъ различныхъ классовъ общества: землевладѣльцевъ, горожанъ и крестьянъ; представители отъ землевладѣльцевъ значительно преобладаютъ; число ихъ во многихъ мѣстностяхъ оказывается вдвое и даже болѣе превышающимъ число гласныхъ отъ крестьянъ и городовъ". Государственный Совѣтъ находилъ, что „интересы личныхъ землевладѣльцевъ и интересы сельскихъ обществъ, хотя между ними есть много общаго, могутъ во многихъ случаяхъ быть противоположны и повести къ столкновеніямъ", при чемъ указывалось, какъ на вѣроятнѣйшіе поводы къ столкновенію интересовъ, на вопросы, которые будутъ касаться разверстанія земскихъ сборовъ, переложенія на деньги натуральныхъ повинностей, опредѣленія основаній для обложенія различныхъ земельныхъ угодій и т. п... „Нельзя не принять во вниманіе,—читаемъ въ заключеніяхъ Государственнаго Совѣта,—что при допущеніи огромнаго, подавляющаго преобладанія представителей землевладѣльческихъ интересовъ, выгоды сельскаго населенія въ Земскомъ Собраніи не будутъ достаточно ограждены. Если бы даже составленныя такимъ образомъ Собранія дѣйствовали съ полнымъ безпристрастіемъ, едва ли они пріобрѣтутъ довѣріе сельскаго населенія; крестьяне, подчиняясь съ покорностью требованіямъ Правительства, будутъ смотрѣть на постановленія Собраній, состоящихъ преимущественно изъ помѣщиковъ, какъ на произвольныя распоряженія самихъ помѣщиковъ"; на этихъ основаніяхъ Государственный Совѣтъ находилъ нужнымъ „устранить искусственное, на основаніи неточныхъ свѣдѣній и произвольныхъ правилъ, чрезмѣрное и несправедливое преобладаніе числа гласныхъ отъ землевладѣльцевъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ все же признавалъ полезнымъ „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ элементъ развитъ, дать нѣкоторый перевѣсъ гласнымъ отъ землевладѣльцевъ".

Въ этихъ видахъ Государственный Совѣтъ и внесъ слѣдуюшія измѣненія въ проектъ Валуевской комиссіи: 1) оставляя расчетъ числа гласныхъ отъ землевладѣльцевъ по одному гласному на 3000 среднихъ душевыхъ надѣловъ, назначить число гласныхъ отъ крестьянъ по одному на 3000 душъ и 2) поставить правиломъ, чтобы число гласныхъ каждаго разряда не превышало совокупнаго числа гласныхъ двухъ другихъ разрядовъ". Эти постановленія, вошедшія въ окончательный текстъ „Положенія" 1864 г., смягчая намѣченное первоначально преобладаніе дворянскихъ гласныхъ, тѣмъ не менѣе оставляли за ними такое положеніе, при которомъ число дворянскихъ гласныхъ, равное совокупному числу гласныхъ отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ, получало перевѣсъ передъ каждымъ изъ этихъ двухъ разрядовъ въ отдѣльности *).

Въ изложенныхъ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта особенно достойно вниманія открытое признаніе наличности соціальныхъ противоположностей между классами, объединяемыми въ земскихъ собраніяхъ, и необходимости считаться съ этими противоположностями при составленіи правилъ о земскихъ выборахъ.

На той же точкѣ зрѣнія стоялъ и баронъ Корфъ при обсужденіи вопроса о порядкѣ составленія губернскихъ земскихъ собраній. Останавливаясь на предложеніи комиссіи, чтобы губернскія земскія собранія составлялись изъ членовъ, избираемыхъ уѣздными собраніями данной губерніи, баронъ Корфъ замѣчалъ, что такой порядокъ можетъ оказаться вреднымъ для общественнаго дѣла тамъ, „гдѣ въ обществѣ существуютъ разнородные, даже находящіеся во взаимной борьбѣ интересы, какъ напр. между крестьянскими общинами и землевладѣльцами". Корфъ высказывалъ опасеніе, что, въ виду намѣчающагося преобладанія дворянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, въ губернскія собранія будутъ проходить отъ всѣхъ

*) Ibid. II, 523—525.

уѣздовъ только одни дворянскіе гласные. Во избѣжаніе этого Корфъ предлагалъ при избраніи губернскихъ гласныхъ по уѣзднымъ земскимъ собраніямъ примѣнять порядокъ пропорціональныхъ выборовъ ради огражденія правъ меньшинства *).

Валуевъ возсталъ противъ этого предложенія самымъ рѣшительнымъ образомъ. И любопытно, что въ своей полемикѣ противъ Корфа въ этомъ пунктѣ Валуевъ выдвинулъ не болѣе, не менѣе, какъ теорію полной гармоніи классовыхъ интересовъ. „Существованіе сословнаго антагонизма и тѣмъ болѣе сословной борьбы въ нашемъ обществѣ едва ли можетъ быть допущено; это значило бы давать общее значеніе явленіямъ частнымъ и случайнымъ и искусственно создавать затруднительныя положенія, которыхъ не существуетъ въ дѣйствительности. Нельзя указать ни на одинъ общій фактъ сословнаго антагонизма между землевладѣльцами и крестьянами“... Предполагаемый Корфомъ порядокъ пропорціональныхъ выборовъ при избраніи представителей отъ уѣздныхъ земскихъ собраній въ губернское собраніе Валуевъ считалъ непріемлемымъ на томъ основаніи, что при этомъ въ составъ губернскаго собранія проходили бы не представители хозяйственныхъ интересовъ цѣлаго уѣзда, а представители различныхъ мнѣній и партій уѣзднаго общества, между тѣмъ какъ по мнѣнію Валуева „не слѣдовало бы на земскую почву переносить политическія понятія о партіяхъ и направленіяхъ“ **). Получалось, такимъ образомъ, довольно своеобразное положеніе: тѣ, кто не желалъ закрывать глаза на существующія соціальныя противоположности въ населеніи, стремились къ ослабленію этихъ противоположностей путемъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія земскаго представительства между различными группами населенія; а тѣ, кто стремился къ заостренію этихъ противоположностей, создавая для дворянъ сугубо привилегированное

*) Ibid. II, 431—433.
**) Ibid. II, 16—17.

положеніе въ земствѣ, аргументировали теоріей гармоніи сословныхъ интересовъ и даже еще именно своихъ противниковъ упрекали въ томъ, что они искусственно сочиняютъ несуществующую сословную рознь. Въ вопросѣ о порядкѣ выборовъ губернскихъ гласныхъ, какъ извѣстно, восторжествовалъ Валуевъ.

VIII.

Еще по одному пункту сторонники дворянской тенденціи дѣятельно настаивали на своихъ притязаніяхъ при выработкѣ Земскаго Положенія 1864 г. Я разумѣю вопросъ о предсѣдательствованіи въ земскихъ собраніяхъ.

Уже въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ“ предсѣдательствованіе въ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ предполагалось предоставить уѣзднымъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. При обсужденіи этихъ „Соображеній“ въ комиссіи было замѣчено, что существуютъ губерніи, въ которыхъ не производится выборовъ въ губернскіе предводители; въ такихъ губерніяхъ, по постановленію комиссіи, губернскія земскія собранія должны были сами избирать себѣ предсѣдателя, но не иначе, какъ изъ среды гласныхъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію *). Въ „Очеркѣ“ Положенія предлагалось предоставить предводителямъ дворянства предсѣдательствовать не только въ земскихъ собраніяхъ, но и въ земскихъ комитетахъ (такъ назывались въ „Очеркѣ“ земскія управы) **).

Въ Проектѣ 1862 г. вопросъ этотъ поставленъ иначе: предсѣдательство въ земскихъ управахъ предоставлено предводителямъ дворянства, а что касается земскихъ собраній, то въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательство предоставлено одному изъ гласныхъ по назначенію отъ правительства, а въ губернскомъ земскомъ собраніи—одному изъ мѣстныхъ земле-

*) Ibid. I, 185.
**) Ibid. I, 196.

владѣльцевъ по назначенію Его Императорскаго Величества, при чемъ губернскій предводитель дворянства долженъ былъ считаться вицепредсѣдателемъ собранія и замѣнять въ случаѣ надобности предсѣдателя *).

При обсужденіи проекта 1862 г. въ общемъ собраніи комиссіи графъ А. А. Бобринскій заявилъ, что, по его мнѣнію, предсѣдатели земскихъ собраній должны быть избираемы самими собраніями, а не опредѣляться по назначенію. Тогда Валуевъ сообщилъ, что вопросъ этотъ обсуждался въ особомъ совѣщательномъ собраніи Совѣта Министровъ, на которомъ и былъ принятъ порядокъ назначенія, почему эти статьи проекта уже и не подлежатъ перерѣшенію **). Въ такомъ видѣ эти статьи вошли и въ проектъ 1863 года ***).

Однако, въ Государственномъ Совѣтѣ эти вопросы были подняты вновь во всемъ ихъ объемѣ. Прежде всего, Государственный Совѣтъ отвергъ предсѣдательствованіе предводителей дворянства въ земскихъ управахъ 1) потому, что многосложная и хлопотливая дѣятельность предсѣдателей управъ практически была бы несовмѣстима съ обязанностями предводителей дворянства, 2) потому, что въ качествѣ предсѣдателя управы предводитель дворянства сталъ бы въ подчиненное положеніе къ земскому собранію, состоящему изъ представителей отъ всѣхъ сословій, что уронило бы званіе предводителя въ смыслѣ его отдѣльнаго сословнаго значенія. На этихъ основаніяхъ Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ, чтобы предсѣдатели земскихъ управъ, такъ же, какъ и члены управъ, избирались самими земскими собраніями.

Затѣмъ, поднимался вопросъ о томъ, кому надлежитъ предсѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ.

Назначеніе предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія мини-

---

*) Ibid. I, 219—220.

**) I, 383.

***) II, 38—39.

стромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа гласныхъ отвергалось Государственнымъ Совѣтомъ 1) потому, что это „могло бы возбудить неумѣстныя нареканія на правительство въ намѣреніи, назначеніемъ предсѣдателя въ земскія собранія, придать имъ значеніе органовъ своей власти"; 2) потому, что при многочисленности уѣздныхъ гласныхъ могли бы быть случаи неудачныхъ назначеній и 3) потому, что открытіе собраній по окончаніи выборовъ откладывалось бы каждый разъ до назначенія министромъ предсѣдателя.

Такимъ образомъ, вновь выдвигались два остальные предложенія—либо установить выборы предсѣдателей самими собраніями, либо предоставить предсѣдательствованіе уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Голоса въ Государственномъ Совѣтѣ раздѣлились между этими двумя предложеніями какъ разъ поровну (23 и 23) и вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу предсѣдательствованія уѣздныхъ предводителей дворянства Высочайшею резолюціею.

Предсѣдатели губернскихъ земскихъ собраній должны были, согласно проекту 1863 г., назначаться каждый разъ Государемъ Императоромъ изъ числа государственныхъ сановниковъ, пріобрѣтшихъ общее уваженіе заслугами на поприщѣ государственной дѣятельности.

Меньшинство Государственнаго Совѣта (17 членовъ, въ томъ числѣ Блудовъ, Строгановъ, Корфъ, Ковалевскій, Дмитрій Милютинъ, Головнинъ, Рейтернъ) настаивало на примѣненіи и въ этомъ случаѣ выборнаго начала, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдатель губернскаго земскаго собранія избирался самимъ этимъ собраніемъ, а большинство высказалось за предоставленіе предсѣдательствованія губернскому предводителю дворянства, за исключеніемъ тѣхъ особыхъ случаевъ, когда Государю Императору угодно будетъ назначить предсѣдателя своею властью. Меньшинство указало на то, что предоставленіе предсѣдательствованія губернскому предводителю дворянства будетъ противорѣчить всесословному характеру земскихъ учрежденій, но

большинство полагало, что допустить выборъ предсѣдателей самими собраніями было бы неосторожно, между тѣмъ какъ губернскіе предводители дворянства, какъ лица утверждаемые въ своей должности Государемъ, не представляли бы никакихъ сомнѣній въ благонадежности на посту предсѣдателей земскихъ собраній, а какъ лица, удостоенные довѣріемъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, являлись бы и въ земскомъ дѣлѣ представителями наиболѣе заинтересованной въ мѣстныхъ дѣлахъ части населенія *).

И такъ, на вопросѣ о предсѣдателяхъ земскихъ собраній столкнулись три точки зрѣнія: бюрократическая (назначеніе), общественно-всесословная (выборъ всѣмъ собраніемъ) и сословно-дворянская (предсѣдательство предводителей дворянства). Послѣдняя и одержала побѣду.

IX.

Изъ предшествующаго изложенія, полагаемъ, достаточно выясняется, какое сложное сплетеніе разнообразныхъ теченій сказалось при разработкѣ вопроса о соціальномъ составѣ земскихъ учрежденій. Такой же сложностью отличалась и разработка вопросовъ о компетенціи земскихъ учрежденій и о ихъ положеніи въ ряду другихъ государственныхъ установленій.

Какъ извѣстно, Земское Положеніе 1864 г. вырабатывалось преимущественно подъ знакомъ такъ называемой общественной теоріи мѣстнаго самоуправленія. Сущность этой теоріи нынѣ оставленной наукой, сводилась къ тому положенію, что органы мѣстнаго общественнаго самоуправленія отличаются отъ органовъ правительственной власти не только своимъ устройствомъ, но и кругомъ обслуживаемыхъ интересовъ. „Общественные интересы“ противополагались при этомъ „государственнымъ инте-

*) Ibid. I, 185, 194, 219, 373; II, 38,39, 427, 529—513. 533—534. Джаншіевъ, 343—344.

ресамъ", какъ двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга жизненныя сферы.

Эта теорія могла оказаться обоюдоострой въ своемъ практическомъ приложеніи. Съ одной стороны, изъ нея могъ проистекать выводъ о невмѣшательствѣ государственной власти въ работу органовъ самоуправленія, обслуживающихъ какіе-то особые интересы, не соприкасающіеся съ задачами государственнаго управленія. Но съ другой стороны, изъ той же теоріи можно было при желаніи извлекать и тотъ выводъ, что органы самоуправленія суть какія-то частныя организаціи, не могущія пользоваться авторитетомъ, равнымъ съ органами государственнаго управленія, не могущія пользоваться правомъ изданія общеобязательныхъ распоряженій. Если первый выводъ былъ на руку сторонникамъ свободной самодѣятельности земскихъ учрежденій, то второй выводъ могъ быть использованъ тѣми, кто былъ склоненъ сузить авторитетъ земства и создать изъ земскихъ органовъ учрежденія „съ компетенціей, но безъ власти", по опредѣленію Лохвицкаго. Въ какой же мѣрѣ каждое изъ этихъ теченій, получило силу при выработкѣ Земскаго Положенія 1864 г.?

Въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ" комиссіи была высказана общая точка зрѣнія на земскія учрежденія, вполнѣ примыкающая къ общественной теоріи самоуправленія. „Земскія учрежденія,—читаемъ мы тамъ,—имѣя характеръ м ѣ с т н ы й и о б щ е с т в е н н ы й, очевидно н е м о г у т ъ в х о д и т ь в ъ р я д ъ п р а в и т е л ь с т в е н н ы х ъ г у б е р н с к и х ъ и у ѣ з д н ы х ъ и н с т а н ц і й... Подчиняясь общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ о т д ѣ л ь н ы я о б щ е с т в а и ч а с т н ы я л и ц а, земскія учрежденія имѣютъ право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями" *). Изъ разныхъ мѣстъ и въ другихъ оффиціальныхъ документахъ, относящихся къ работамъ по составленію

*) Ibid. I, 146.

Положенія 1864 г., можно было бы привести рядъ отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ разсужденій, основанныхъ на такомъ же приравниваніи земскихъ учрежденій къ „отдѣльнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ“. Напримѣръ, въ объяснительной запискѣ къ проектамъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ читаемъ: „по общему началу, положенному въ основаніе всего преобразованія, завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ и губерній предоставлено самому населенію уѣзда и губерніи на томъ же основаніи, какъ хозяйство частное предоставляется распоряженію частнаго лица, хозяйство общественное—распоряженію самаго общества“.*) Какіе же именно практическіе выводы извлекались изъ этихъ общихъ началъ при разработкѣ Земскаго Положенія?

Прежде всего, подсказываемое общественной теоріей самоуправленія противоположеніе общественныхъ и государственныхъ интересовъ приводило къ весьма произвольнымъ опредѣленіямъ границъ компетенціи земскихъ учрежденій.

Въ „Соображеніяхъ“ была сдѣлана попытка установить объективные признаки особыхъ земскихъ дѣлъ. Эта попытка и показала всю условность и логическую невыдержанность отграниченія земскихъ дѣлъ отъ дѣлъ государственныхъ. Въ „Соображеніяхъ“ было выдвинуто два признака: „земскія“ дѣла 1) касаются интересовъ всей совокупности населенія уѣзда и губерніи, а не какой-либо одной группы этого населенія, и 2) они имѣютъ значеніе мѣстное, а не общегосударственное. Выставленіе этихъ признаковъ сопровождалось, однако, справедливой оговоркой, которая, въ сущности, уничтожала все ихъ значеніе. Правильно было указано на то, что мѣстный и общегосударственный интересы въ сколько-нибудь важныхъ вопросахъ народной жизни неуловимо сливаются другъ съ другомъ; ихъ можно еще до нѣкоторой степени разграничивать въ отвлеченной логической схемѣ, да и то не иначе, какъ съ большими натяжками, но въ практической дѣйствительности

*) Ibid. II, 363.

они уже совершенно не подлаются какому-либо раздѣленію. Любая общегосударственная мѣра непремѣнно имѣетъ и свой мѣстный интересъ для каждой отдѣльной мѣстности; и точно также большая часть мѣропріятій мѣстныхъ органовъ, если они касаются сколько-нибудь важныхъ сторонъ жизни, непремѣнно сплетаются прямо или косвенно съ интересами сосѣднихъ мѣстностей, а нерѣдко и съ вопросами общегосударственными. Авторы „Соображеній" отдавали себѣ отчетъ въ этомъ затрудненіи и потому прибавили къ своему опредѣленію земскихъ дѣлъ оговорку: „отнесеніе дѣла къ тому или другому разряду (т.-е. къ мѣстнымъ или общественнымъ) зависитъ отъ того, какой интересъ является въ дѣлѣ главнымъ, преобладающимъ, такъ сказать характеристическимъ".

Но вѣдь и для опредѣленія вопроса о томъ, какой интересъ въ каждомъ дѣлѣ преобладаетъ, нужны были бы какія-нибудь точные и объективные критеріи, безъ которыхъ установленіе предѣловъ компетенціи земскихъ учрежденій неминуемо должно было получить случайный, произвольный, невыдержанный характеръ.

Прослѣживая дальнѣйшія разсужденія, на основаніи коихъ комиссія относила къ вѣдѣнію земства тѣ или иныя дѣла, въ томъ или иномъ объемѣ, убѣждаемся въ томъ, что въ концѣ-концовъ комиссія въ гораздо большей мѣрѣ руководилась при этомъ историческими прецедентами и практическими соображеніями, нежели твердыми и отчетливыми принципіальными критеріями. Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя разборомъ всѣхъ этихъ соображеній. Случайность и шаткость ихъ совершенно достаточно характеризуется тѣмъ, что въ проектахъ Земскаго Положенія въ кругъ компетенціи земскихъ учрежденій не попали такія дѣла, которыя затѣмъ составили важнѣйшія отрасли земской работы. Такъ, попеченіе о народномъ здравіи и попеченіе о народномъ образованіи были включены въ кругъ компетенціи земства уже только въ Государственномъ Совѣтѣ, вмѣстѣ съ попеченіемъ о тюрьмахъ, о построеніи церквей и о

предохранительныхъ мѣрахъ отъ падежей скота и отъ истребленія хлѣбныхъ посѣвовъ вредными насѣкомыми и животными.

Впрочемъ, дѣло народнаго образованія и дѣло народнаго здравія въ окончательномъ текстѣ Земскаго Положенія 1864 г. были присоединены къ компетенціи земскихъ учрежденій съ многозначительными оговорками. Земству предоставлялось лишь участіе, и при томъ „преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ“, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ. Достаточно извѣстно, какое значеніе получили эти оговорки въ переводѣ на языкъ практической дѣйствительности, въ особенности по отношенію къ дѣлу народнаго образованія.

Кн. Щербатовъ возбудилъ было въ Государственномъ Совѣтѣ еще вопросъ и о томъ, чтобы земскимъ собраніямъ было предоставлено участіе въ составленіи смѣтъ и обревизованіи расходовъ по смѣтамъ тѣхъ земскихъ сборовъ, которые относятся на долю государственныхъ повинностей. Это предложеніе кн. Щербатова было горячо поддержано Бахтинымъ, но противъ него стремительно возсталъ Валуевъ, указывая на то что это было бы уже предоставленіемъ земскимъ учрежденіямъ участія въ дѣлахъ общегосударственнаго интереса, и что такое расширеніе компетенціи земства грозило бы большими опасностями общественному порядку и всему государственному строю. И предложеніе кн. Щербатова было отклонено большинствомъ членовъ Государственнаго Совѣта *).

Итакъ, при опредѣленіи границъ компетенціи земскихъ учрежденій предпосылки теоріи общественнаго самоуправленія были использованы не столько въ смыслѣ расширенія, сколько въ смыслѣ суженія круга дѣятельности земства.

*) Ibid. II, 494 и слѣд. Джаншіи. 346—348.

X.

Посмотримъ теперь, какъ ставился вопросъ о взаимоотношеніяхъ органовъ земскаго самоуправленія и органовъ правительственной власти. Въ „Соображеніяхъ“ были высказаны очень опредѣленныя сужденія по этому вопросу, вытекавшія изъ основныхъ положеній общественной теоріи. „Земскимъ учрежденіямъ – читаемъ тамъ — должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ. Опытъ показалъ, что участіе двухъ различныхъ по началу своему властей въ управленіи мѣстными хозяйственными дѣлами приноситъ мало полезныхъ результатовъ и ведетъ или къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ, или къ пререканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ той и другой власти, производящимъ замѣшательство и неуспѣшность въ распоряженіяхъ; или, наконецъ, къ взаимному ихъ уклоненію отъ надлежащаго исполненія обязанностей, къ обоюдному бездѣйствію и апатіи“.

Изъ этихъ разсужденій дѣлался тотъ выводъ, что отношеніе правительственной власти къ дѣятельности земскихъ учрежденій должно состоять лишь въ надзорѣ за законностью состоявшихся уже постановленій и въ отвѣтственности земскихъ учрежденій за незаконныя и неправильныя дѣйствія предъ судебною властью. Однако, затѣмъ было добавлено, что для нѣкоторыхъ особо важныхъ и соприкасающихся съ общими государственными интересами распоряженій по земскимъ дѣламъ должно быть установлено прямое, спеціальное наблюденіе правительства, выражающееся въ формальномъ утвержденіи, разрѣшеніи или допущеніи къ исполненію такихъ распоряженій: таковы распоряженія, относящіяся къ составленію

смѣтъ земскихъ повинностей, пріобрѣтенію земствомъ недвижимыхъ имуществъ, расходованію постоянныхъ и неприкосновенныхъ капиталовъ, переданныхъ земству отъ правительства, займовъ выше извѣстнаго размѣра, удаленія отъ должностей и преданія суду членовъ земскихъ учрежденій.

Установляя отвѣтственность земскихъ учрежденій передъ судомъ за незаконныя дѣйствія, авторы „Соображеній" въ то же время не признавали возможнымъ подчинять эти учрежденія административнымъ взысканіямъ на томъ основаніи, что онѣ не имѣютъ значенія присутственныхъ мѣстъ *).

Изложенныя начала и легли въ основаніе соотвѣтствующихъ частей „Очерка" Земскаго Положенія. Ст. 76 „Очерка" гласила: „никакія административныя взысканія на Земскія Собранія налагаемы быть не могутъ". Затѣмъ ст. 43 предоставляла начальнику губерніи не утверждать губернскихъ смѣтъ и раскладокъ, если при составленіи смѣтъ не будутъ соблюдены предписанныя въ законѣ правила. А статья 49 „Очерка" гласила: „начальникъ губерніи имѣетъ право пріостановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ собраній или комитетовъ, если признаетъ эти постановленія противными законамъ *или общимъ пользамъ* государства. О каждомъ такомъ распоряженіи губернаторъ доноситъ немедленно министру внутреннихъ дѣлъ. Жалобы на дальнѣйшія по симъ дѣламъ распоряженія министра приносятся Правительствующему Сенату".

Слова 43 ст. „Очерка", набранныя выше курсивомъ, показываютъ, что формулированный такимъ образомъ порядокъ правительственнаго надзора за дѣятельностью земскихъ учрежденій выходилъ за предѣлы наблюденія лишь за *законностью* постановленій этихъ учрежденій и переходилъ уже и въ оцѣнку ихъ *цѣлесообразности*, что уже не соотвѣтствовало теоріи общественнаго самоуправленія, развитой въ „Соображеніяхъ".

*) Ibid. I, 144—145, 173.

Затѣмъ, по разсмотрѣнію „Очерка“ въ совѣтѣ министровъ, состоялось Высочайшее повелѣніе: ст. 76 о неналоженіи на земскія учрежденія административныхъ взысканій вовсе исключить. И это также противорѣчило началамъ, развитымъ въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ“.

Въ Проектѣ 1862 г. была дословно воспроизведена ст. 43 „Очерка“ (въ Проектѣ 1862 г. это—ст. 50), несомнѣнно противорѣчившая принципамъ общественной теоріи.

Въ Проектѣ 1863 г. эта статья получила нѣсколько иной видъ, воспроизведенный затѣмъ и въ окончательномъ текстѣ Положенія 1864 г. При этой переработкѣ правила о порядкѣ правительственнаго надзора за постановленіями земскихъ собраній были приведены въ большее соотвѣтствіе съ началами, развитыми въ первоначальныхъ „Соображеніяхъ“, но все же и теперь эти правила не удовлетворяли вполнѣ требованіямъ, вытекавшимъ изъ упомянутыхъ началъ.

Всѣ, безъ исключенія, постановленія земскихъ собраній безъ замедленія сообщаются начальнику губерніи. Если вопросъ идетъ о займахъ извѣстнаго размѣра, объ отнесеніи губернскихъ земскихъ дорогъ къ проселочнымъ, о сборахъ за проѣздъ по земскимъ путямъ сообщенія, объ открытіи ярмарокъ, продолжающихся болѣе 14 дней и объ измѣненіи сроковъ или перенесенія существующихъ ярмарокъ, о перенесеніи пристаней, о раздѣленіи на губернскія и уѣздныя имуществъ или заведеній общественнаго призрѣнія,—то губернаторъ обязанъ незамедлительно довести сообщенныя ему постановленія земскаго собранія до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ начальникъ губерніи и министръ могутъ заявить свои протесты противъ постановленія земскаго собранія. Губернаторъ можетъ остановить всякое постановленіе, либо противное законамъ, либо противорѣчащее государственнымъ пользамъ. Протесты эти разсматриваются земскимъ собраніемъ и, при несогласіи съ ними земскаго собранія, постановленія, опротестованныя съ точки зрѣнія законности, направляются

губернаторомъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ сенатъ, а постановленія, опротестованныя съ точки зрѣнія цѣлесообразности, входятъ въ силу и приводятся въ исполненіе. Таковы правила, вошедшія по данному вопросу въ Земское Положеніе 1864 г. и существенно отличающіяся отъ дѣйствующаго нынѣ порядка.

Нетрудно усмотрѣть, что этими правилами начальнику губерніи предоставлялась не одинаковое право протеста по незаконности и по нецѣлесообразности постановленій земскаго собранія. По отношенію къ постановленіямъ, признаваемымъ незаконными, губернаторъ получалъ право пріостанавливать ихъ и переносить дѣло на разсмотрѣніе сената. По отношенію къ постановленіямъ, признаваемымъ нецѣлесообразными, губернаторъ получалъ лишь право отсрочивающаго veto, впредь до новаго постановленія земскаго собранія. Конечно, это была существенная разница, отъ которой отказались составители Земскаго Положенія 1890 г. Однако, нельзя не признать, что и пользованіе отсрочивающимъ veto по соображеніямъ цѣлесообразности являлось со стороны губернатора все же однимъ изъ видовъ того „вмѣшательства“ въ ходъ земской дѣятельности, которое въ „Соображеніяхъ“ прямо объявлялось недопустимымъ съ точки зрѣнія общихъ началъ самоуправленія.

Далѣе, въ предоставленномъ тогда же начальнику губерніи правѣ не утверждать: 1) земскія смѣты и раскладки, 2) раздѣленіе путей сообщенія на губернскіе и уѣздные, 3) отнесеніе уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ, 4) измѣненіе направленія земскихъ дорогъ, 5) учрежденіе выставокъ мѣстныхъ произведеній и 6) временное устраненіе отъ должностей членовъ земскихъ управъ—точно также надзоръ за законностью дѣйствій земскихъ собраній явнымъ образомъ соединялся и съ надзоромъ за ихъ цѣлесообразностью съ точки зрѣнія начальника губерніи.

Противъ этихъ то именно статей, расширявшихъ воздѣйствіе коронной власти на самое существо земской работы, возражалъ

Корфъ въ своемъ отзывѣ на проектъ Положенія, когда онъ говорилъ: „успѣхъ нашего самоуправленія возможенъ только тогда, когда онъ будетъ пользоваться общимъ вѣсомъ, когда никто не будетъ уклоняться отъ участія въ земскихъ дѣлахъ и, напротивъ, каждый будетъ желать этого участія, какъ почета; для сего необходимо, чтобы всѣ знали и поняли, что учрежденія эти суть не исполнительныя канцеляріи, а установленія съ иниціативою и дѣйствительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ; съ другой стороны, едва ли желательно также дать новымъ учрежденіямъ, въ первое время ихъ существованія, предлогъ, вмѣсто серьезныхъ заботъ объ устройствѣ и усовершенствованіи ввѣряемыхъ имъ частей, обратиться къ сѣтованіямъ и раздражительной критикѣ на несовершенства и стѣснительность дѣйствующихъ по этимъ частямъ узаконеній“ *).

Отступая отъ чистаго примѣненія началъ общественной теоріи самоуправленія ради расширенія участія коронной власти въ работѣ земствъ, составители Положенія 1864 г., однако, строго придерживались этой теоріи въ тѣхъ случаяхъ, когда отступленія отъ нея могли бы поднять авторитетъ и распорядительную власть земскихъ учрежденій. Такъ, во имя общественной теоріи, Положеніе 1864 г. не предоставляло земскимъ учрежденіямъ права издавать обязательныя постановленія. На предоставленіи земствамъ этого права тщетно настаивалъ Корфъ, указывавшій на то, что „сіе право есть неотъемлемая прерогатива всякаго установленія, долженствующаго имѣть самостоятельное мѣсто въ администраціи, орудіе, безъ котораго такому установленію невозможно было бы выполнять свое предназначеніе“ **).

Это предложеніе Корфа не получило осуществленія.

Итакъ, общественная теорія самоуправленія, взятая за исходную точку при выработкѣ Положенія 1864 г., не была примѣнена съ полной послѣдовательностью ко всѣмъ постановле-

---

*) Ibid. II, 442—443.
**) Ibid. II, 446—447.

ніямъ, вошедшимъ въ этотъ законъ. И надо сказать, что при этомъ гораздо послѣдовательнѣе были использованы тѣ стороны этой теоріи, которыя клонились къ умаленію авторитета земскихъ учрежденій, нежели тѣ, которыя служили предпосылкой предоставленія этимъ учрежденіямъ полной свободы и самостоятельности.

XI.

Здѣсь я останавливаюсь, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе. Мнѣ думается, что и сказаннаго достаточно для обоснованія той мысли, которую я особенно желалъ бы подчеркнуть. Эта мысль состоитъ въ томъ, что на Земское Положеніе 1864 г., какъ, впрочемъ, и на всякій крупный актъ преобразовательнаго законодательства, надлежитъ смотрѣть, какъ на извѣстный равнодѣйствующій итогъ сложной борьбы противоположныхъ теченій. Такая, на мой взглядъ, единственно правильная точка зрѣнія нерѣдко игнорируется при характеристикѣ и оцѣнкѣ крупныхъ законодательныхъ актовъ. Можно было бы привести и изъ литературы, посвященной исторіи преобразованій 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, нѣсколько примѣровъ того, какъ по законодательнымъ актамъ той эпохи опредѣляютъ уровень подъема преобразовательныхъ стремленій или степень устойчивости реакціонныхъ силъ, съ этими стремленіями враждовавшихъ. Приходится слышать и читать разсужденія въ родѣ слѣдующихъ: „посмотрите, какъ еще умѣрены были въ то время демократическія и либеральныя стремленія,—они не шли далѣе такихъ-то и такихъ-то постановленій“, или „посмотрите, какъ уже великъ былъ тогда разрывъ охранительныхъ элементовъ съ началами стараго порядка“, и затѣмъ цитируются тѣ или иныя статьи законоположеній того времени. При этомъ забываютъ, что дѣйствительныя стремленія враждовавшихъ теченій шли гораздо далѣе того, во что отлился въ концѣ-концовъ ихъ взаимный компромиссъ, закрѣпленный въ текстѣ законодательныхъ актовъ.

Если Земское Положеніе 1864 года не отвѣчаетъ въ полной мѣрѣ нашему идеалу демократическаго и самостоятельнаго земства,—хотя и приближается къ этому идеалу въ гораздо большей степени, нежели Земское Положеніе 1890 г.,—то для оцѣнки этого обстоятельства, какъ показателя общественныхъ стремленій той поры, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при выработкѣ Положенія 1864 г. сторонникамъ широкой реформы приходилось отбивать настойчивые приступы и натиски представителей тѣхъ общественныхъ группъ, которыя стремились въ полной мѣрѣ приспособить вновь создаваемое земство къ принципамъ стараго строя и къ своимъ одностороннимъ сословнымъ вожделѣніямъ. Въ глазахъ историка чуть ли не каждая строка этого законодательнаго акта опалена огнемъ и политической, и соціальной борьбы. И только въ исторической перспективѣ этой борьбы можно дать надлежащую оцѣнку значенію интересующаго насъ законодательнаго акта въ исторіи нашего общественнаго и государственнаго развитія.

Какъ ни были значительны пробѣлы и внутреннія противорѣчія Земскаго Положенія 1864 г., ничто не можетъ затушевать того факта, что установленіемъ земскихъ учрежденій въ 1864 г. въ нашъ государственный организмъ вводились несомнѣнные зародыши правового строя. Эти органы самоуправленія, по основному своему принципу, являлись началомъ чужероднымъ всему прежнему государственному порядку. Ибо тысячу разъ правъ былъ авторъ знаменитой въ свое время записки „Самодержавіе и земство", когда онъ говорилъ, что земское самоуправленіе и политическій абсолютизмъ суть два исключающія другъ друга начала, для которыхъ встрѣтиться значитъ не что иное, какъ вступить во взаимную борьбу.

При всемъ своемъ несовершенствѣ русское земство врѣзалось въ толщу стараго государственнаго строя клиномъ, постепенно расщеплявшимъ эту толщу вплоть до ея сердцевины. Въ 1890 г. остріе клина постарались сколь возможно основательнѣе притупить. События 90-хъ годовъ показали, что эта операція удалась далеко не въ полной мѣрѣ.

Хотя и въ усѣченномъ видѣ и въ несовершенныхъ формахъ, земскія учрежденія являются органами самодѣятельности мѣстнаго населенія. А стихія общественной самодѣятельности неминуемо вступаетъ рано или поздно въ борьбу съ началами отживающей старины. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ процессѣ этой борьбы настанетъ моментъ, когда и съ самихъ земскихъ учрежденій ветхой чешуей спадутъ налеты старины. И мы увидимъ тогда самостоятельное и демократическое земство въ свободной и возрожденной Россіи.

ЧАСТЬ II.

УЧИТЕЛЯ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И ЕГО ТРАДИЦІИ *).

*) Къ полуторовѣковому юбилею университета. (1905 г.)

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И ЕГО ТРАДИЦІИ.

...Наукамъ обязаны просвѣщенные народы тѣмъ, что они превознесены и прославлены надъ людьми, живущими во тьмѣ невѣдѣнія...

(Изъ доклада Шувалова объ учрежденіи Московскаго университета).

...Всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а, напротивъ того, зло искореняется...

(Изъ Высочайшаго указа 12 января 1755 г объ основаніи Московскаго университета)

I.

12 января 1755 г. императрица Елизавета утвердила поднесенный ей Шуваловымъ проектъ объ учрежденіи Московскаго университета. Шуваловъ нарочно избралъ „Татьянинъ день" для завершенія этого важнѣйшаго дѣла своей жизни. То былъ день именинъ его матери, которую онъ хотѣлъ подарить этимъ радостнымъ событіемъ, прочно укрѣпившимъ его имя на страницахъ россійской исторіи. Черезъ три мѣсяца—26 апрѣля 1755 г., состоялось торжественное открытіе университета въ отведенномъ для него домѣ у Воскресенскихъ воротъ *).

*) Въ новое помѣщеніе на Моховой университетъ былъ переведенъ въ 1756 г.

Утромъ въ университетѣ состоялся публичный актъ, на которомъ были произнесены рѣчи проф. Барсовымъ на русскомъ языкѣ „О пользѣ учрежденія Московскаго университета", магистромъ Поповскимъ на латинскомъ языкѣ, учителемъ Лабомомъ на французскомъ языкѣ и учителемъ Литкеномъ—по-нѣмецки.

Послѣ акта публикѣ было предложено угощеніе. Галлерея съ портиками была убрана грудами конфектъ. Между столбовъ стояли фигуры младенцевъ съ разными математическими инструментами, книгами, географическими картами и глобусами въ рукахъ. Посреди галлереи билъ натуральный фонтанъ. Музыка „инструментальная", трубы и литавры были слышны цѣлый день, „какъ звукъ радостнаго и всѣмъ любезнаго торжества". Вечеромъ зажглась иллюминація. Она изображала Парнасъ. На вершинѣ горы стояла Минерва, воздвигающая обелискъ во славу императрицы. У подошвы обелиска сидѣли младенцы, упражняющіеся въ наукахъ. Одинъ изъ нихъ писалъ на свиткѣ имя Шувалова. Ученикъ съ книгою всходилъ по ступенямъ къ Минервѣ, которая принимала его съ любовію. Рядомъ съ обелискомъ виднѣлся рогъ изобилія и водный источникъ—символы будущихъ плодовъ ученія. Искусственный садъ съ аллеями и деревьями окружалъ эту живописную группу. Всѣ университетскіе покои и башня до самаго верха были освѣщены и внутри и снаружи. Цѣлый день и почти всю ночь, до четвертаго часа по полуночи, несчетное число народа тѣснилось около университетскаго дома *).

Шумнымъ и пышнымъ празднествомъ, на какія такъ способенъ и тароватъ былъ XVIII вѣкъ, ознаменовалось открытіе университета. Въ свойственныхъ времени старомодныхъ формахъ этого празднества выразилась одна черта, прочно вошедшая затѣмъ въ составъ традицій нашего старѣйшаго университета. Академическое торжество было справлено всенародно. Съ перваго же дня своего существованія университетъ собралъ подъ

---

*) С. Шевыревъ: „Исторія Московск. университета", стр. 17—19.

своей кровлей не одних только цеховых жрецовъ науки, но и представителей широкихъ и самыхъ разнообразныхъ слоевъ мѣстнаго общества. Не было большой бѣды въ томъ, что отдѣльныя лица, спѣшившія въ апрѣлѣ 1755 г. на университетскій праздникъ, были привлечены туда неодинаковыми побужденіями: кто повиновался долгу службы, кто руководился сознательнымъ сочувствіемъ внутреннему значенію праздества, кто просто бѣжалъ на яркій блескъ весело мигавшихъ плошекъ. Но важно было уже и то, что и тѣ, и другіе, и третьи соединились въ общую толпу во имя одного и того же слова, и это слово было: „Московскій университетъ". У насъ нерѣдко говорятъ о „традиціяхъ Московскаго университета", не отдавая себѣ при этомъ яснаго отчета въ сущности этихъ „традицій" и довольствуясь смутнымъ и расплывчатымъ представленіемъ о томъ, что названныя традиціи заключаютъ въ себѣ „что-то" очень возвышенное, благородное и прекрасное; при этомъ случаѣ обыкновенно упоминаютъ имена Грановскаго и Кудрявцева и, назвавъ эти имена, считаютъ вопросъ уже окончательно и безповоротно исчерпанымъ. Но почему эти имена получили въ нашихъ глазахъ символическій смыслъ, какая именно черта въ дѣятельности названныхъ знаменитыхъ профессоровъ отразила на себѣ со всею яркостью типическую особенность московскихъ университетскихъ преданій—вотъ вопросы, которые, думается намъ, не для всѣхъ одинаково отчетливо ясны и которые всего умѣстнѣе поставить и разъяснить въ знаменательный день полуторавѣкового юбилея Московскаго университета.

Есть вопросы, которые остаются недостаточно выясненными только потому, что всѣ признаютъ ихъ слишкомъ ясными и общепонятными. Привычка къ употребленію извѣстныхъ, популярныхъ лозунговъ и терминовъ притупляетъ желаніе сознательно проанализировать ихъ содержаніе, и драгоцѣнныя слова превращаются мало-по-малу въ знакомыя клише, утрачивающія отъ частаго употребленія отчетливость своихъ очертаній. И не доходитъ ли иногда дѣло до того, что люди начинаютъ

смотрѣть въ концѣ-концовъ на слишкомъ привычные термины какъ на пустыя словесныя формулы, лишенныя реальнаго содержанія? И не утрачиваетъ ли тогда популярная формула своей былой надъ людьми власти, нѣкогда способной зажигать сердца и вдохновлять людей на плодотворную дѣятельность? Не перемѣщается ли въ такомъ случаѣ священное нѣкогда слово въ разрядъ почетныхъ архаизмовъ, прибeрегаемыхъ для офиціальныхъ торжествъ, гдѣ такъ нужны пышныя формы безъ опредѣленнаго содержанія, а въ обыденной жизни употребляемыхъ не иначе, какъ съ оттѣнкомъ добродушной ироніи?

Мы не лишены опасенія, что и почтеннымъ словамъ „традиціи Московскаго университета“ грозитъ подобная же участь, мы не лишены опасенія, что въ умахъ иныхъ людей можетъ возникнуть вопросъ: „да существуютъ ли, полно, онѣ—эти традиціи, не есть ли это пустой звукъ, не связанный съ какимъ-либо опредѣленнымъ понятіемъ?“

Если такой вопросъ возможенъ, то на него долженъ быть данъ отвѣтъ въ день полуторавѣкового юбилея Московскаго университета и, если матеріалъ для такого отвѣта не можетъ быть почерпнутъ изъ окружащей насъ дѣйствительности, мы должны искать этого матеріала въ историческомъ прошломъ того учрежденія, которое мы зовемъ матерью русской университетской науки.

И исторія не оставляетъ насъ безъ отвѣта. Въ моменты наибольшаго расцвѣта университетской жизни, въ дѣятельности людей, имена которыхъ окружаютъ наибольшей славой старѣйшій русскій университетъ, неизмѣнно сказывалось одно основное стремленіе, одна господствующая черта, составившая въ полномъ смыслѣ слова вѣковую традицію этого учрежденія: сліяніе запросовъ науки съ требованіями жизни, органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу, — такъ можно опредѣлить сущность этой традиціи. Въ лучшія эпохи своей исторіи Московскій университетъ никогда не оста-

вался замурованнымъ чертогомъ цеховой учености, и, вмѣсто культивированія ремесленной учености, высоко держалъ знамя истинной науки, которая не чуждается жизни, но сама неминуемо становится крупной соціальной силой и могущественнымъ рычагомъ всякаго прогрессивнаго общественнаго движенія. Ученый, драппирующійся въ жреческую тогу и презрительно трактующій непросвѣщенную чернь съ высоты своего профессіональнаго треножника; ученый, боящійся шума дѣйствительной жизни съ ея треволненіями и скорбями и относящійся съ олимпійскимъ равнодушіемъ ко всему, что выходитъ за предѣлы его лабораторіи,—такой ученый измѣняетъ традиціямъ Московскаго университета и порываетъ съ его историческими преданіями. Эти традиціи и преданія не произвольная выдумка досужаго ума, это реальный фактъ, созданный и засвидѣтельствованный исторіей.

Мы не намѣрены разсказывать здѣсь исторіи Московскаго университета, хотя въ матеріалахъ для такого разсказа и не было недостатка. Офиціальный документальный матеріалъ, рисующій внѣшнюю исторію Московскаго университета, еще ожидаетъ планомѣрной разработки. Но въ печати оглашено уже немалое количество матеріаловъ другого рода, касающихся внутренней жизни учрежденія за различные моменты его существованія, свидѣтельствующихъ и о тѣхъ невѣсомыхъ вкладахъ, которые вносилъ университетъ въ духовное развитіе различныхъ поколѣній русскаго общества. Я разумѣю довольно обширную литературу мемуаровъ, оставленныхъ воспитанниками Московскаго университета разныхъ десятилѣтій, какъ XVIII, такъ и XIX вѣка. Анализъ этой мемуарной литературы раскрываетъ передъ нами любопытную картину историческаго развитія типовъ московскаго студенчества за полтора вѣка и бросаетъ свѣтъ на роль, сыгранную университетомъ въ исторіи русской культуры. Не отказываясь отъ надежды представить современемъ вниманію читателей сводный обзоръ мемуаровъ этого рода, мы ограничиваемъ задачу настоящей замѣтки болѣе скромными

предѣлами. Намъ хочется почтить полуторавѣковой юбилей нашего университета напоминаніемъ о нѣкоторыхъ наиболѣе свѣтлыхъ моментахъ изъ его прошлаго, намъ хочется показать, какъ на всѣхъ этихъ моментахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга продолжительными промежутками времени, отпечатлѣлся одинъ и тотъ же духъ, всегда двигавшій лучшими дѣятелями Московской университетской корпораціи.

II.

Уже въ позапрошломъ столѣтіи Московскій университетъ успѣлъ сдѣлаться средоточіемъ культурной жизни Москвы, уже тогда льнули подъ его сѣнь всѣ прогрессивныя общественныя начинанія, зарождавшіяся въ Москвѣ, но затѣмъ раскидывавшія сферу своего вліянія далеко за предѣлы столицы, на всю Россію. И, такимъ образомъ, становясь во главѣ общественной жизни столицы, Московскій университетъ дѣлался центромъ всероссійскаго просвѣтительнаго движенія. Мы не будемъ касаться жизни Московскаго университета за время царствованія Елизаветы. То были первые, еще неувѣренные шаги вновь возникшаго учрежденія. Университетъ только еще слагался; долгое время цѣлые факультеты были представляемы въ немъ однимъ профессоромъ, всего чаще иностранцемъ, который не всегда могъ быть понятъ слушателями и самъ не понималъ ихъ языка. Всѣ формы университетской жизни—лекціи, диспуты, акты—носили отпечатокъ наивной патріархальности, сводившейся гораздо болѣе къ безотчетному умиленію передъ наукой, чѣмъ къ ея сознательному изученію и самостоятельной разработкѣ. Любопытно отмѣтить, тѣмъ не менѣе, что уже и въ этотъ начальный періодъ существованія Московскаго университета мы встрѣчаемъ чуть ли не на каждой страницѣ его исторіи слѣды дѣятельнаго общенія университета съ широкими слоями московской публики. Почти каждый профессоръ читаетъ при университетѣ публичные курсы. Очень часто устраиваются студенческіе диспуты, на

которые всегда приглашается посторонняя публика. Москвичъ привыкалъ къ гостепріимству своего университета, который входилъ прочнымъ звеномъ въ кругооборотъ общественной жизни родного города. И не это ли подготовило тѣ нравственныя связи между обществомъ и университетомъ, которыя принесли осязательные плоды въ послѣдней четверти XVIII ст.?

Самымъ громкимъ проявленіемъ самостоятельной общественной инициативы въ Россіи временъ Екатерины II были несомнѣнно просвѣтительныя и филантропическія предпріятія Новикова. Въ высшей степени характерно отмѣтить, что эти предпріятія развивались въ тѣсной связи съ Московскимъ университетомъ. Рядомъ съ именемъ отставного поручика Новикова исторія русской культуры ставитъ имя профессора московскаго университета Шварца. Біографія Шварца—одна изъ трогательнѣйшихъ страницъ въ исторіи Московскаго университета. По тому чистому и возвышенному идеализму, которымъ была проникнута вся его личность, по тому беззавѣтному самоотверженію, которое, онъ вносилъ въ служеніе наукѣ и обществу, по силѣ вліянія, проникнутаго духомъ глубокой гуманности, которое онъ оказывалъ на всѣхъ, съ кѣмъ соприкасался, и прежде всего на своихъ учениковъ,—Шварцъ является настоящимъ предшественникомъ Грановскаго. Шварцъ пріѣхалъ въ Россію въ 1776 году уже съ репутаціей крупнаго ученаго и скоро сталъ извѣстенъ во многихъ московскихъ домахъ въ качествѣ выдающагося по своимъ знаніямъ и талантамъ учителя. Въ 1779 г. онъ вступилъ въ составъ профессоровъ Московскаго университета. Въ лицѣ Шварца университетъ пріобрѣлъ недюжинную силу, вліяніе которой не замедлило сказаться въ кипучей просвѣтительной дѣятельности, развернувшейся въ университетскихъ стѣнахъ. Масонъ по убѣжденіямъ, проникнутый возвышенными планами нравственнаго перерожденія человѣчества, Шварцъ былъ по натурѣ проповѣдникъ и пропагандистъ и, занявъ профессорскую каѳедру, онъ не замедлилъ использовать всѣ преимущества своего новаго положенія для широкаго воз-

дѣйствія на учащуюся молодежь въ смыслѣ распространенія своихъ задушевныхъ воззрѣній. Онъ умѣлъ найти путь къ интимнымъ тайникамъ души своего слушателя. Студенты довѣрчиво пошли на огонекъ его проникнутой искренностью проповѣди. И надо читать въ его собственныхъ запискахъ, съ какой радостью встрѣчалъ онъ всякое проявленіе неподдѣльнаго интереса у молодыхъ людей къ научнымъ занятіямъ. Популярность Шварца быстро возрастала. „Молодые люди,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—полюбили меня, отцы являлись ко мнѣ съ благодарностью... все это наполнило меня райскими ощущеніями, я сгоралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки“. И Шварцъ работалъ, не покладая рукъ. Помимо лекцій по нѣмецкому языку, онъ читалъ рядъ курсовъ по „философской исторіи“, по эстетикѣ, и особый курсъ „о трехъ познаніяхъ—любопытномъ, пріятномъ и полезномъ“. Эти лекціи устраивались и для студентовъ и для посторонней публики, и въ зданіи университета и на дому у профессора. До насъ дошелъ рядъ воспоминаній слушателей Шварца объ этихъ лекціяхъ. Всѣ воспоминанія дышатъ чувствомъ глубокой благодарности къ профессору и указываютъ на то, что курсы Шварца составляли эпоху въ духовномъ развитіи большинства его учениковъ. Шварцъ былъ масонъ и его міросозерцаніе имѣло чисто мистическую основу. Но его мистицизмъ былъ чуждъ квіетизма. Напротивъ, проповѣдь Шварца была призывомъ къ дѣятельной борьбѣ съ несовершенствами окружающей жизни. Онъ старался вызвать и своихъ учениковъ на путь самодѣятельности. Въ 1781 г. онъ учредилъ при университетѣ особое общество подъ названіемъ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, которое имѣло цѣлью привлекать студентовъ къ самостоятельнымъ занятіямъ сочиненіями и переводами. Широкіе планы воздѣйствія на общество и кипучая энергія, присущіе Шварцу, скоро сдѣлали для него тѣсными предѣлы чисто академической работы. И Шварцъ не остался глухъ къ признакамъ пробужденія об-

щественной иниціативы, которые явственно обнаруживались въ русской жизни второй половины Екатерининскаго царствованія. Чуткій иностранецъ, готовый служить Россіи, какъ второй родинѣ, наблюдалъ кругомъ себя любопытное зрѣлище. Русское общество выступало тогда первыми шагами на поприщѣ сознательной культурной самодѣятельности. Плодились журналы. Обозначался жадный запросъ на книжное просвѣщеніе. Оживлялось издательское дѣло. Русское общество выставило изъ своей среды необыкновеннаго человѣка, который сумѣлъ придать нарождавшемуся просвѣтительному движенію осязательныя формы, сумѣлъ создать и широко развить цѣлый рядъ предпріятій, одинаково удивительныхъ, какъ по широтѣ и глубокой серьезности поставленныхъ имъ задачъ, такъ и по солидной основательности ихъ практической организаціи. Въ натурѣ Новикова необычайно счастливо сочетались практическая сноровка съ возвышеннымъ жаромъ души. Этотъ человѣкъ умѣлъ въ одно время редактировать журналъ, вести громадное издательское дѣло и организовывать раздачу хлѣба по голодающимъ селеніямъ. И тотъ же человѣкъ способенъ былъ такъ наэлектризовать слушателей пламеннымъ словомъ убѣжденія, что первый милліонеръ подъ властью его рѣчи отдалъ въ его распоряженіе на добрыя дѣла всѣ свои средства, въ корень разстроивъ собственное состояніе, съ тѣмъ, чтобы умереть въ нищетѣ, гдѣ-то на чердакѣ, бросая прощальный угасавшій взглядъ на висѣвшій у изголовья постели портретъ Новикова *). Новиковъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и снялъ въ аренду московскую университетскую типографію въ томъ самомъ году, когда Шварцъ вступилъ въ составъ профессоровъ университета. Еще за границей Шварцъ былъ освѣдомленъ о выдающейся по предпріимчивости общественной и литературной дѣятельности Новикова. Съѣхавшись въ одномъ городѣ, эти два человѣка, одинаково проникнутые горячимъ стремленіемъ

*) М. Лонгиновъ: „Новиковъ и Шварцъ“, стр. 19—20.

къ общественному благу, одинаково прикосновенные къ масонскому братству, не могли не вступить въ тѣсную дружбу. Первый шагъ къ знакомству сдѣлалъ Шварцъ. „Въ одно утро, — разсказываетъ Новиковъ,—пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь до самой смерти его неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Шварцъ". Плодомъ этой дружбы явилось основаніе въ Москвѣ „Дружескаго общества", въ которомъ объединялись для общей просвѣтительной работы привлеченные Шварцемъ студенты университета и представители московскаго общества, причемъ благодаря авторитетному вліянію того же Шварца къ пожертвованіямъ въ пользу общества и къ активному участію въ его работахъ удалось привлечь и знатное московское дворянство. Все это дало возможность Новикову расширить свои просвѣтительныя предпріятія, опираясь на сотрудничество лицъ, преданныхъ его идеямъ. Дружба Шварца и Новикова какъ бы символизировала собою единеніе университета и передовыхъ элементовъ общества на поприщѣ просвѣтительной работы. И какъ много духовной силы внесъ въ эту работу человѣкъ, служившій лучшимъ украшеніемъ университетской корпораціи, объ этомъ можно судить по тому благоговѣйному чувству, которымъ была окружена въ Дружескомъ обществѣ память о Шварцѣ послѣ его смерти. Ученики Шварца ставили у себя его бюстъ рядомъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя. *)

---

*) Въ недавно вышедшей книгѣ: „Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка" (Петроградъ, 1915 г., изданіе Академіи Наукъ) Я. Л. Барсковъ во вступительной къ этой перепискѣ статьѣ высказалъ ту мысль, что личность Шварца въ дѣйствительности не совпадала съ идеальнымъ образомъ, который приписали ему его друзья и поклонники. Я. Л. Барсковъ привелъ три отзыва о Шварцѣ отрицательнаго характера.

Я уже имѣлъ случай указать въ печати, почему съ моей точки зрѣнія эти отрицательные отзывы не могутъ поколебать обычнаго представленія о высокихъ нравственныхъ достоинствахъ Шварца. См. мою статью: „Московскіе розенкрейцеры XVIII в." въ Русской Мысли", 1915 г., октябрь.

III.

Вторая половина XVIII вѣка была эпохой первоначальнаго пробужденія русскаго общества къ сознательной культурной работѣ. До того русское общество растрачивало свои силы на отбываніе государственныхъ повинностей и службъ и всячески хоронилось отъ правительственной школы, въ которой приходилось одолѣвать сушь казенныхъ учебниковъ, ничего не говорившихъ ни уму, ни сердцу. Потомъ оно вытерпѣло и вынесло на своихъ плечахъ муштровку Бироновщины и, свободнѣе вздохнувъ при Елизаветѣ, постаралось вознаградить себя за пережитые ужасы беззаботно-легкомысленной погоней за модными новинками внѣшней западной культуры; оно тѣшилось блестящими побрякушками этой культуры, рядилось въ костюмъ и жаргонъ французскихъ „петиметровъ“ и „кокетокъ“ и, подхватывая налету словечки и ужимки Версальскаго бомонда, боялось, какъ огня, сколько-нибудь серьезной мыслительной работы, признавало и допускало только такія книжки, въ которыхъ находило „слогъ разстеганный и мысли прыгающія“. Этотъ умственный карнавалъ не могъ тянуться долго. То былъ симптомъ переходной поры нашего общественнаго развитія, когда верхи общества, только что почувствовавъ ослабленіе тяжелыхъ путъ обязательной государевой службы, только что завидя выходъ изъ положенія безгласныхъ государевыхъ холоповъ, еще не знали, куда и какъ приложить свои самостоятельныя силы, еще не видѣли передъ собою подходящихъ формъ для серьезной общественной самодѣятельности. Царствованіе Екатерины и принесло съ собой въ этомъ отношеніи рядъ существенныхъ новостей. Такъ или иначе, хотя бы и въ самыхъ несовершенныхъ и зачаточныхъ формахъ, нѣкоторые слои русскаго общества выступали теперь на путь самостоятельной работы и въ области умственной дѣятельности и въ области государственнаго управленія. И тотчасъ въ обществѣ сказался громадный

запросъ на положительное знаніе. Распространеніе просвѣщенія, пропаганда книги, издательское дѣло—выдвинулись на степень очередныхъ, самыхъ настоятельныхъ и насущныхъ задачъ. Потому-то широко задуманныя предпріятія Новикова получили такое исключительно важное значеніе: они попадали въ самый основной нервъ неотложныхъ общественныхъ потребностей. И Московскій университетъ, принявъ благодаря Шварцу дѣятельное участіе въ этихъ предпріятіяхъ, всталъ въ уровень съ просвѣтительными потребностями вѣка, проявилъ во всемъ блескѣ гармоническое сліяніе служенія наукѣ съ служеніемъ насущнымъ практическимъ запросамъ общества.

Прошло полвѣка и развернулась другая знаменательная пора въ жизни Московскаго университета.

Послѣ столь богатаго перипетіями царствованія Александра I, когда русское общество такъ быстро и такъ неожиданно переходило отъ радужныхъ надеждъ къ тяжелымъ разочарованіямъ, мрачный духъ реакціи надолго нависъ надъ Россіей. Желѣзная политика правительства Николая I, казалось, безповоротно сковала всѣ проявленія общественной самодѣятельности и, сметаемая со всякаго практическаго поприща, общественная энергія бросилась на высоты отвлеченнаго мышленія. Широко овладѣвъ рессурсами западно-европейской философіи, русская философствующая мысль доходила до утонченной виртуозности въ своихъ построеніяхъ, и уже самый языкъ, на которомъ излагались эти построенія, свидѣтельствовалъ о томъ, до какой степени духъ педантической кабинетной учености овладѣлъ умами. Извѣстна бутада Герцена, въ которой онъ осмѣялъ эти наивныя увлеченія друзей своей молодости книжнымъ философскимъ жаргономъ. Пойти гулять въ Сокольники,—говоритъ Герценъ,—значило на языкѣ русскихъ метафизиковъ 40-хъ годовъ XIX вѣка „отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ“; заговорить съ встрѣтившимся случайно по дорогѣ солдатомъ или бабой значило тогда „опредѣлять субстанцію народную

въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи". И въ книжкахъ и въ разговорахъ обычны были фразы вродѣ слѣдующей: „конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, изъ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ". Правъ былъ Герценъ, указывая на то, что этотъ искусственный, тяжелый, схоластическій языкъ былъ выработанъ нѣмецкой наукой именно потому, что она жила и развивалась въ уединеніи академій, въ этихъ, по выраженію Герцена, „монастыряхъ идеализма". И подражаніе такому языку у насъ въ Россіи свидѣтельствовало несомнѣнно объ оторванности научныхъ идей, увлекавшихъ передовую молодежь того времени, отъ реальныхъ интересовъ общественной дѣйствительности. Словесная игра въ діалектическія абстракціи была тѣмъ послѣднимъ убѣжищемъ, куда укрылась на время тоскующая русская мысль, которой были заперты всѣ выходы и пути для свободнаго анализа животрепещущихъ вопросовъ. Но то была лишь мимолетная остановка на перепутьи. Философскій идеализмъ тоже не оказался на повѣрку тѣмъ тихимъ пристанищемъ, въ которомъ можно было бы уберечься отъ треволненій житейскаго моря. Философскіе споры получали все бо́льшую страстность, и эта страстность свидѣтельствовала о томъ, что подъ оболочкой абстрактныхъ формулъ вступали въ свои права кровные жизненные вопросы, требовавшіе разрѣшенія. И чѣмъ менѣе оставалось у русскаго общества возможности практически участвовать въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ предавалось оно ихъ теоретической разработкѣ. Изъ одного и того же ствола увлеченія нѣмецкими метафизическими системами выросли двѣ противоположныя философско-политическія концепціи—западничество и славянофильство,—представлявшія собою двѣ опредѣленныхъ программы общественнаго поведенія,—два опредѣленныхъ проекта разрѣшенія великаго вопроса о

политической будущности Россіи. Далеко расходясь въ существѣ своихъ выводовъ, оба направленія встали въ одинаковую оппозицію къ современной политической дѣйствительности. Нельзя опредѣлить эту политическую подкладку названныхъ ученій болѣе мѣтко и болѣе сжато, чѣмъ это сдѣлалъ тотъ же Герценъ своимъ крылатымъ словомъ: „Въ лицѣ Грановскаго,—читаемъ мы въ „Быломъ и думахъ“,—московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности бироновскимъ высокомѣріемъ петербургскаго правительства“.

Теоретическое разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшихъ путяхъ національнаго развитія Россіи стало теперь насущнымъ общественнымъ дѣломъ, на которомъ сосредоточились всѣ усилія передовыхъ элементовъ общества. И опять-таки Московскій университетъ всталъ впереди этого идейнаго общественнаго движенія. Ему не нужно было сходить ради этой цѣли съ почвы своего научнаго служенія, онъ только мобилизировалъ рессурсы науки, для того чтобы помочь взволнованному обществу разобраться въ его насущныхъ вопросахъ, и снова на долю университета выпала крупная роль въ исторіи культурнаго развитія нашей родины. Первыя сѣмена интереса къ философскимъ вопросамъ были брошены съ каѳедры Московскаго университета. Правда, кафедра философіи была закрыта еще съ 1826 года. Но, изгнанная въ дверь, природа влетаетъ въ окно. И профессоръ физики и сельскаго хозяйства, Павловъ, взялъ на себя задачу посвященія своихъ слушателей во введеніе въ философію. „Физики было мудрено научиться на его лекціяхъ,—говоритъ уже не разъ цитированный нами великій лѣтописецъ этой знаменательной эпохи,—сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать при-

роду? Но что такое природа? Что такое знать?" И отвѣтомъ на эти вопросы служило изящное и пластически-ясное изложеніе философской системы Шеллинга.

Когда же на почвѣ философскихъ исканій возгорѣлась общественная борьба западничества и славянофильства,—главною ареной борьбы сдѣлался тотъ же университетъ, становившійся все въ бо́льшей степени руководителемъ общественнаго мнѣнія. Прекрасно характеризуетъ это значеніе университета Герценъ. Когда послѣ 14 декабря 1825 г. реакція раздвинула надъ Россіей свои темныя крылья и все пошло назадъ, „Московскій университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана... Университетъ росъ вліяніемъ, въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню и братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея". И опять, какъ во времена Шварца, воспитательное вліяніе университета не ограничилось предѣлами студенческихъ аудиторій.

Теперь имя Грановскаго сдѣлалось символомъ тѣснаго общенія университета и общества, науки и жизни. Крупное событіе въ исторіи борьбы двухъ направленій тогдашней общественной мысли составилъ публичный курсъ, открытый Грановскимъ въ университетѣ 23 ноября 1843 г. Всѣ мемуаристы той поры единогласно отмѣчаютъ знаменательное значеніе этого курса. „Лекціи Грановскаго,—сказалъ Герцену Чаадаевъ, выходя изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ,—имѣютъ историческое значеніе". Чаадаевъ имѣлъ при этомъ въ виду именно проникновеніе въ стѣны университета широкой публики. Дѣйствительно, составъ многочисленной аудиторіи на публичномъ курсѣ Грановскаго былъ чрезвычайно разнообразенъ. По свидѣтельству Анненкова, Грановскій собралъ

вокругъ своей каѳедры „не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ восторженныхъ своихъ слушателей—молодежь университета, но и весь образованный классъ города—отъ стариковъ, только что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ, и отъ губернскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ“ *).

Важно было при этомъ то обстоятельство, что лекторъ ради удобствъ разнокалиберной публики нисколько не понижалъ своихъ строгихъ требованій отъ научнаго изложенія, „не рядилъ,—по словамъ Герцена,—исторію въ кружева и блонды, напротивъ, рѣчь, его была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ“. Наука не была низводима до уровня неподготовленныхъ слушателей, напротивъ, слушатели приглашались подняться до истинной науки, и тѣмъ знаменательнѣе былъ потрясающій успѣхъ этихъ лекцій въ широкихъ кругахъ публики, о которомъ такъ восторженно повѣствуютъ намъ лѣтописцы той эпохи. Не менѣе важно было и другое обстоятельство. При строгой научности своего содержанія, публичный курсъ Грановскаго носилъ боевой общественный характеръ. Онъ представлялъ собою научное обоснованіе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ. Не даромъ объ этихъ лекціяхъ зашумѣли журналы, не даромъ на голову Грановскаго посыпались страстные упреки теоретическихъ противниковъ. Профессоръ не уклонился отъ полемики и съ каѳедры далъ отвѣтъ, прекрасно оттѣнившій значеніе предпринятаго имъ дѣла. „Меня обвиняютъ,—сказалъ Грановскій,—въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія. Да, я ихъ имѣю и только во имя ихъ явился я на этой каѳедрѣ“. Примѣръ Грановскаго подстрекнулъ представителей противоположнаго лагеря. Погодинъ,

*) Анненковъ: „Воспоминанія и критич. очерки“, III, стр. 74.

посѣщавшій лекціи Грановскаго, записалъ въ дневникѣ подъ 23 ноября 1843 года: „слушая его, я думалъ объ отпорѣ. Надо начать лекціи съ того, на чемъ онъ остановился, и указать русскую точку всеобщей исторіи“, а подъ 24 ноября въ дневникѣ Погодина помѣчено: „думалъ о лекціяхъ антизападныхъ“. „Антизападныя“ лекціи дѣйствительно были предприняты, только не Погодинымъ, а его сторонникомъ Шевыревымъ. Шевыревъ также организовалъ публичный курсъ при университетѣ, посвященный древнему періоду русской литературы. Публика снова хлынула на лекціи, не устрашаясь сухой матеріи науки и ища въ авторитетномъ словѣ представителей университетской учености разъясненія своихъ вопросовъ, сочувственнаго отклика на свои думы.

Мы рѣшились напомнить эти общеизвѣстные факты, потому что они съ особенною наглядностью обрисовываютъ широкую общественную роль Московскаго университета въ два знаменательные момента нашей культурной исторіи. И въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, когда въ русскомъ обществѣ вспыхнула горячая жажда къ книгѣ и надо было направить всѣ усилія къ развитію въ странѣ просвѣтительныхъ средствъ, и въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, когда передовые слои нашей интеллигенціи были глубоко охвачены идейной борьбой, въ которой рѣшались основные вопросы о національномъ призваніи Россіи,— Московскій университетъ высоко поднялъ знамя руководительства общественнымъ мнѣніемъ, шелъ въ ногу и работалъ рука объ руку со всѣми прогрессивными элементами рвущейся къ свѣту знанія и свободы Россіи.

IV.

Мы не хотѣли бы вводить въ нашу привѣтственную рѣчь Московскому университету минорной ноты. Но намъ приходятъ на память справедливыя слова поэта:

„Кто не знаетъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...“

А вѣдь Московскій университетъ наша духовная отчизна. И мы не можемъ набросить стыдливаго покрова на тѣневые штрихи въ исторіи старѣйшаго разсадника русской университетской науки. Московскій университетъ можетъ съ гордостью оглянуться на свое научное прошлое. Рядъ громкихъ и крупныхъ именъ московскихъ профессоровъ, которые не забудутся въ исторіи русской науки, свидѣтельствуютъ о томъ, что Московскій университетъ не довольствовался процентами съ прежней научной славы и неутомимо работалъ надъ приращеніемъ ея основного капитала.

Но долгъ лѣтописца запрещаетъ умолчать о томъ, что общественная роль университета не всегда оставалась на высотѣ его историческихъ традицій. Унылое безвременье послѣднихъ десятилѣтій не прошло для него безслѣдно. Мы можемъ сказать, однако, что Московскій университетъ не безъ боя сдавался напору тяжелой дѣйствительности. Объ этомъ намъ говорятъ славныя имена московскихъ университетскихъ дѣятелей, волею судебъ вопреки собственному желанію служить родному университету разсѣянныхъ теперь по умственнымъ центрамъ западной Европы, гдѣ съ такимъ почетомъ принимаютъ этихъ опальныхъ изгнанниковъ. Не умалчивая о тяжелой порѣ въ жизни университета, не забудемъ, при какихъ условіяхъ, подъ ферулой какого порядка приходилось университету за это время влачить свое существованіе. Еще недавно эти тяжелыя условія академической жизни подробно и ярко были изображены въ статьѣ профессора, имя котораго составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній университета *).

Въ той же статьѣ указанъ и единственно возможный выходъ изъ современнаго положенія. Всецѣло присоединяясь ко всѣмъ выводамъ почтеннаго автора, мы вѣримъ вмѣстѣ съ нимъ, что только подъ эгидой истинной академической сво-

---

*) См. статью К. А. Тимирязева въ № Русскихъ Вѣдомостей отъ 27 ноября 1904 г.

боды университетъ заживетъ полной и нормальной жизнью и дальнѣйшая исторія университета не будетъ уже заключаться въ сплошной „университетской исторіи".

Заканчивая нашу замѣтку, мы позволимъ себѣ напомнить читателю одно мѣсто изъ „Войны и мира", исполненное поэзіи и глубокаго смысла, всегда приходящее намъ на мысль при размышленіи о судьбахъ родного университета: Андрей Болконскій ѣдетъ по лѣсу полный тоскливаго и печальнаго раздумья.

„На краю дороги стоялъ дубъ. Вѣроятно, въ десять разъ старше березъ, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и въ два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата дубъ съ обломанными давно, видно, суками и съ обломанной корой, заросшей старыми болячками. Съ огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только однѣ мертво и вѣчно-зеленыя мелкія ели, разсыпанныя по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться обаянію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца. „Весна и любовь, и счастіе",—какъ будто говорилъ этотъ дубъ—„и какъ не надоѣстъ вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастія. Вонъ, смотрите, сидятъ задавленныя мертвыя ели, всегда одинокія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные ободранные пальцы, гдѣ ни выросли они—изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли, такъ и стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ".

То было въ самомъ началѣ весеннихъ пригрѣвовъ. Черезъ нѣсколько дней князь Болконскій снова проѣзжалъ мимо того же дуба и... не узналъ его:

„Старый дубъ, весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь, въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя,—ничего не было видно. Сквозь жесткую столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. Да, это тотъ самый дубъ, подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія".

Мы вѣримъ въ то, что и старый, многовѣтвистый дубъ

на Моховой, подъ сѣнью котораго воспиталось столько поколѣній русскихъ людей, заживетъ полной жизнію, засверкаетъ сочной свѣжей зеленью подъ лучами весенняго солнца, восхода котораго мы всѣ такъ страстно ожидаемъ. И тогда, памятуя историческія заслуги Московскаго университета, мы съ еще большимъ увлеченіемъ будемъ привѣтствовать новую эру его существованія.

P. S. Со времени напечатанія этой статьи (1905 г.) Московскій университетъ пережилъ неожиданно наступившій и быстро оборванный періодъ расцвѣта академической автономіи; затѣмъ внезапно налетѣвшую на него катастрофу, повлекшую за собой оставленіе университета многочисленными преподавателями, и, наконецъ, тянущійся доселѣ періодъ глубокаго упадка всей своей академической жизни. Всѣ эти событія ни въ чемъ не колеблютъ значенія вышесказанныхъ въ статьѣ замѣчаній. Будущее университета тѣсно обусловлено будущимъ Россіи. Воспрянетъ къ новой жизни Россія, — вновь процвѣтетъ и университетъ, и минетъ, какъ кошмарный сонъ, все то, что было порождено университетскимъ лихолѣтьемъ.

—

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ *).

*) Къ столѣтію со дня рожденія Грановскаго. (1913 г.).

Грановскій былъ ученымъ историкомъ и профессоромъ исторіи. Онъ служилъ наукѣ честно и строго, не принося ея интересовъ въ жертву постороннимъ задачамъ. И это строгое служеніе научной истинѣ онъ сумѣлъ довести до высоты гражданскаго подвига. Онъ не могъ бы сказать, перефразируя слова Некрасова,

Ученымъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.

Онъ не могъ бы сказать этого, ибо онъ умѣлъ быть гражданиномъ именно потому, что былъ ученымъ. Знаменательныя слова встрѣчаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ отъ того времени, когда онъ только что готовился къ выступленію на общественное поприще: „Мнѣ хочется работать, но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ". Въ этихъ словахъ—весь Грановскій. Въ статьѣ о рыцарѣ Баярдѣ онъ пишетъ: „Человѣкъ, который ради картинъ или книгъ въ состояніи забыть о другихъ людяхъ и не думать объ ихъ участи, немногимъ лучше безнравственнаго ребенка, который ѣстъ тайкомъ сладкій кусокъ, когда мать и отецъ его умираютъ съ голоду".

Если человѣкъ съ такой искренностью души, какая была у Грановскаго, написавъ эти слова, счелъ возможнымъ посвятить себя книгѣ и наукѣ, это значитъ, что онъ въ самой наукѣ нашелъ какъ-разъ опорныя точки для служенія общественному благу. Грановскій не разгораживалъ своей души на обособленныя половинки. Избранная имъ наука включала для

него въ свой кругъ всѣ его интересы не потому, что эти интересы были односторонни и узки, а потому, что его пониманіе науки было широкимъ и глубокимъ. Недаромъ Герценъ сказалъ про Грановскаго: „Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей же впослѣдствіи дѣлалъ пропаганду“.

Что привлекло Грановскаго къ занятію исторической наукой? Ни семья, ни школа не дали ему побудительныхъ толчковъ въ этомъ направленіи. Обстановка отцовскаго дома,—отецъ Грановскаго былъ провинціальнымъ чиновникомъ,—не заключала въ себѣ ничего такого, что могло бы навѣять на душу Грановскаго плодотворныя образовательныя вліянія. Это былъ обычный домъ средняго провинціальнаго обывателя, гдѣ не подымалось выспреннихъ вопросовъ, гдѣ книга врядъ ли играла важную роль въ домашнемъ обиходѣ. Среди школьныхъ учителей Грановскаго мы также не встрѣчаемъ ни одного изъ такихъ наставниковъ, которые умѣютъ раздуть въ душѣ ученика огонекъ умственной пытливости. И, заканчивая годы ученія, Грановскій еще не имѣлъ опредѣленныхъ намѣреній относительно предстоящей дѣятельности. Чего не сдѣлали ни семья, ни школа, то сдѣлали для Грановскаго дружескія связи (прежде всего кружокъ Станкевича) и самостоятельное чтеніе. Первыя сѣмена любви къ исторіи заброшены были въ его душу романами Вальтеръ-Скотта, а укрѣпились и получили отчетливыя очертанія эти историческіе вкусы подъ вліяніемъ изученія сочиненій французскихъ историковъ съ Мишле и Тьерри во главѣ. Эти первыя впечатлѣнія никогда уже не были изглажены позднѣйшими вліяніями. Въ увлеченіи Вальтеръ-Скоттомъ въ Грановскомъ сказался инстинктъ художника, въ увлеченіи французскими историками—инстинктъ политика. Съ этихъ поръ для него было рѣшено его призваніе. Онъ прошелъ серьезную и строгую школу научной подготовки, которая вооружила его обширной эрудиціей. Но основные элементы его отношенія къ исторіи остались тѣ же, ибо они вытекали

изъ природы его духа. „Я прочелъ и понялъ въ подлинникѣ Тацита,—писалъ Грановскій Невѣрову изъ-за границы, гдѣ онъ готовился къ профессурѣ.—Какая душа была у этого человѣка! Послѣ Шекспира мнѣ никто не давалъ такого наслажденія. Я хотѣлъ-было дѣлать изъ него выписки, изучать какъ историка и не сдѣлалъ ничего, потому что читалъ его, какъ поэта. У него болѣе истинно-человѣческой грустной поэзіи, чѣмъ у всѣхъ римскихъ поэтовъ вмѣстѣ. У него мало любви, но за-то какая благородная ненависть, какое прекрасное презрѣніе... Изъ новыхъ историковъ никто не станетъ съ нимъ въ рядъ". Изъ этихъ словъ видно, какъ переплетались въ душѣ Грановскаго художественное и гражданское чувства. Они сливались безраздѣльно въ единое движеніе души. Ненависть и презрѣніе къ произволу,--вотъ въ чемъ видѣлъ онъ черты высокой поэзіи.

Опредѣленно выраженный политическій интересъ привлекъ Грановскаго къ занятіямъ исторіей. Подготовляясь за границей къ профессорской дѣятельности, онъ писалъ къ друзьямъ: „Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Это—одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться". „Я теперь,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ того же времени,—болѣе всего занимаюсь исторіей Испаніи. Чудный народъ! Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія. Въ 1305 г. испанскіе кортесы опредѣлили, чтобы во время ихъ засѣданій королевское войско оставляло городъ,—иначе голоса несвободны. Такихъ законовъ у нихъ было много. Теперешняя Европа еще борется за то, что у нихъ тогда было".

Глубокій умъ и широкая образованность не позволяли Грановскому замкнуться въ узкой односторонности: въ теченіе всей жизни онъ шелъ въ уровень съ умственными завоеваніями своего вѣка. Ни одно современное ему направленіе мысли не проходило мимо его ученаго кабинета. Идеалисти-

ческая философія Гегеля и историческая школа въ правѣ Савиньи залегли глубокимъ фундаментомъ въ его научное міросозерцаніе. Но, воспринявъ у Гегеля и Савиньи идею закономѣрности историческаго процесса, онъ уберегся какъ отъ крайностей абстрактно-діалектическаго идеализма, такъ и отъ историческаго фатализма. Живое вниманіе къ успѣхамъ научной мысли не давало ему застыть на готовыхъ формулахъ и безостановочно влекло впередъ его научную пытливость. Отъ его умственнаго взора не укрылись ни ростъ естествознанія, ни зарождающіеся успѣхи политической экономіи въ ихъ возможномъ приложеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ. Въ университетской актовой рѣчи въ 1852 г. онъ говорилъ: „Исторія должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ". А въ предисловіи къ учебнику всеобщей исторіи онъ признавалъ невозможнымъ „изложить надлежащимъ образомъ событія трехъ послѣднихъ вѣковъ, не освѣщая ихъ свѣтомъ политической экономіи".

Но всѣ эти элементы его научнаго міросозерцанія лишь углубляли, но отнюдь не стирали собою того политическаго интереса, котораго не переставала искать въ исторіи его мысль. Самодѣятельная личность и ея борьба за свободу,— вотъ что всегда являлось для Грановскаго средоточіемъ историческаго процесса. „Массы коснѣютъ,—говорилъ онъ,—подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество".

Художникъ сочетался въ Грановскомъ съ мыслителемъ, и потому его краснорѣчіе было направлено не на безпредметное возбужденіе эстетическихъ эмоцій, а на проведеніе въ сознаніе общества тѣхъ научныхъ и общественныхъ убѣжденій, которыми онъ жилъ самъ.

Извѣстны слова, сказанныя Грановскимъ при чтенiи перваго публичнаго курса, въ отвѣтъ на обвиненiя, которыя сыпались на него изъ враждебнаго лагеря. „Меня обвиняютъ въ пристрастiи къ ка имъ-то системамъ. Лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденiя. Да, я ихъ имѣю и только во имя ихъ явился я на этой каѳедрѣ".

Въ чемъ заключались эти убѣжденiя,—хорошо извѣстно. Грановскiй стоялъ въ первомъ ряду тѣхъ „западниковъ", которые отстаивали свободу личности и противъ торжествующей правительственной реакцiи, стремившейся смять все и вся во имя полицейской тишины и спокойствiя, и противъ партiи славянофиловъ, требовавшихъ отъ личности добровольнаго самоотреченiя во имя туманно-мистическихъ идеаловъ. Эти кровныя убѣжденiя освѣщали для Грановскаго и жизнь, и науку. Подъ оболочкой историческихъ явленiй онъ неизмѣнно чувствовалъ горячую борьбу человѣческихъ интересовъ, тѣ стоны и слезы, цѣною которыхъ оплачивается жизненный прогрессъ.

„Онъ дѣлалъ пропаганду исторiей",—сказалъ Герценъ про Грановскаго. Но, повторяю еще разъ, было бы грубой ошибкой заключить отсюда, что онъ подчинялъ историческое изученiе задачамъ практическаго свойства. Онъ просто стремился къ неподкупной научной истинѣ, зная, что истина всегда постоитъ сама за себя.

Профессоръ Виноградовъ, изучившiй дошедшiя до насъ записи лекцiй Грановскаго, замѣчаетъ: „Особенно поражаетъ (въ этихъ лекцiяхъ) простота плана, отсутствiе изысканныхъ эффектовъ. Не видно желанiя прикрасить предметъ для аудиторiи. Нѣтъ намековъ; эпохи взяты обыкновенно отдаленныя отъ дѣйствительности. Авторъ впрочемъ нисколько не скрываетъ своихъ симпатiй".

Это органическое сплетенiе научныхъ и жизненныхъ интересовъ особенно поучительно въ Грановскомъ въ виду того, что еще и въ наше время встрѣчается порой въ обществен-

ныхъ толкахъ странное противопоставленіе задачъ науки и жизни. Грановскаго менѣе чѣмъ кого-либо можно обвинить въ равнодушіи къ запросамъ общественной борьбы. Но тотъ же Грановскій зналъ и настоящую науку не по наслышкѣ, а по непосредственной, личной, упорной работѣ. И потому ему не приходилось стоять въ раздумьи передъ выборомъ жизненнаго пути. Онъ зналъ, что влеченіе къ научнымъ занятіямъ не враждебно борьбѣ за правду; онъ зналъ, что для участія въ борьбѣ за осуществленіе общественныхъ идеаловъ необходимо взять у науки ея доспѣхи.

Въ глухую пору вышелъ онъ съ этими доспѣхами на боевую арену. Могучъ былъ врагъ, разсѣяны были силы союзниковъ. Но почему же въ словѣ „Грановскій" до сихъ поръ звучитъ для насъ могучій призывъ къ борьбѣ за свѣтлое будущее родины? Не потому ли, что онъ самъ до конца не согнулся подъ силою враждебныхъ вихрей, не выпустилъ изъ рукъ своего знамени ни тогда, когда вдали свѣтила надежда, ни тогда, когда тоска и грусть сжимали сердце и онъ начиналъ завидовать ранней смерти Бѣлинскаго?

Было мрачное, было страшное время. Зловѣщій кошмаръ давилъ русское общество. Прекрасно изображено настроеніе общества въ то время въ одномъ изъ очерковъ Глѣба Успенскаго: „Не шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что думаешь, не показать виду, что не боишься; показывать, наоборотъ, что „боишься", трепещешь, тогда какъ для этого и основаній то никакихъ нѣтъ,—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого. Напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ. Атмосфера была полна страховъ. „Пропадешь!"—кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору".

Но были люди, стоявшіе на горѣ. Какъ древній пророкъ, они держали руки высоко поднятыми вверхъ. И при видѣ ихъ

крѣпли силы у тѣхъ, кто изнемогалъ на днѣ житейской борьбы. Порою слабѣли руки и у самихъ вождей. Тогда ихъ поддерживала вѣра въ силы родного народа. Они искали источниковъ этой вѣры и въ образахъ прошлаго и въ намекахъ на возможность лучшаго будущаго. Двѣ сцены вспоминаются мнѣ изъ мемуарной литературы той эпохи. Незадолго до своей кончины Грановскій посѣтилъ Погодина. Погодинъ показалъ гостю портретъ Петра Великаго, написанный съ мертваго императора тотчасъ послѣ его смерти. Цѣлый вечеръ Грановскій не могъ оторваться отъ этого портрета. „Я отдалъ бы за него,—писалъ послѣ Грановскій,—половину моей библіотеки, любимыя книги мои. Я едва не зарыдалъ, глядя на это божественно-прекрасное лицо... цѣлый вечеръ смотрѣлъ я на это изображеніе человѣка, который далъ намъ право на исторію". Теперь другая сцена. Въ Петербургѣ строился первый желѣзнодорожный вокзалъ. Бѣлинскій, уже безнадежно больной, ежедневно приходилъ къ вокзалу и подолгу не сводилъ съ него взора лихорадочно горѣвшихъ глазъ.

Одинъ искалъ въ образѣ Петра символъ мощи русскаго народа; другой жадно ловилъ въ очертаніяхъ перваго желѣзнодорожнаго вокзала прообразъ будущаго обновленія Россіи. Одно и то же чувство охватывало и Грановскаго передъ портретомъ Петра, и Бѣлинскаго передъ зданіемъ вокзала. Не было ли это то самое чувство, которое вылилось въ обращеніи Пушкина къ Чаадаеву:

„Товарищъ, повѣрь: придетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена".

Грановскаго часто описываютъ какъ натуру мягкую, женственную, но отъ этой мягкой натуры до сихъ поръ вѣетъ необычайной силой. То была сила убѣжденія, сила вѣры въ

правоту своихъ идеаловъ. И примѣръ Грановскаго служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что дѣйствіе такой силы не исчезаетъ съ кончиной ея носителя. Истекло болѣе полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ Грановскаго не стало въ живыхъ. Но имя этого человѣка сохраняетъ для насъ и теперь неотразимое обаяніе облагораживающаго призывнаго лозунга.

ГЕРЦЕНЪ КАКЪ ПОЛИТИКЪ И МЕМУАРИСТЪ *).

*) Къ столѣтію со дня рожденія (1912 г.).

I.

Сегодня русское общество поминаетъ Герцена. О, какъ было бы хорошо, если бы эти поминки не ограничились бѣглымъ просмотромъ коммеморативныхъ статей; если бы возможно большее количество людей рѣшило помянуть Герцена неторопливымъ, вдумчивымъ перечитываніемъ, а иные—и первоначальнымъ прочтеніемъ—всѣхъ произведеній этого замѣчательнаго писателя. Перечитывать и изучать Герцена,—вотъ лучшая школа политическаго воспитанія, вотъ надежнѣйшее лѣкарство и отъ политическаго мечтательнаго романтизма, и отъ безплодной прострацiи, порождаемой временными политическими разочарованіями. Вы испытываете гнетущее чувство отъ тяжести тѣхъ суровыхъ жизненныхъ уроковъ, которыми только что были разбиты ваши упованія; вы готовы подъ вліяніемъ перенесенныхъ неудачъ поставить крестъ надъ всякими попытками дальнѣйшей борьбы за свои идеалы и сами не знаете, куда дѣваться отъ унылой тоски, навѣваемой этой безысходной разочарованностью, вы дорого дали бы за то, чтобы найти какую-нибудь точку опоры среди безжалостнаго крушенія недавнихъ надеждъ. Такъ читайте же произведенія Герцена, изучите внимательно всю совокупность его писаній, пріобщитесь къ духу его мысли, и передъ вами встанетъ поучительный образъ безстрашнаго мыслителя, испытавшаго величайшія разочарованія, умѣвшаго смотрѣть прямо въ глаза самой горькой правдѣ и среди мучительнѣйшихъ сомнѣній и ударовъ судьбы не утратившаго до конца

„вѣру гордую въ людей и жизнь иную“.

Говоря о поучительности изученія Герцена, я имѣю въ виду, конечно, не тѣ или иныя опредѣленныя его воззрѣнія. Содержаніе его исканій въ области волновавшихъ его вопросовъ принадлежитъ исторіи. Но и для тѣхъ, кто не раздѣлитъ въ настоящее время воззрѣній Герцена, нисколько не уменьшается въ силу этого глубокая поучительность его произведеній. Для всѣхъ безъ исключенія и въ особенности для людей, переживающихъ такую унылую полосу политическаго безвременья, какова нынѣшняя, чрезвычайно поучительна самая личность Герцена. Въ его личности сочетались, можно сказать, полярно-противоположные элементы человѣческаго духа: пламенная страстность бойца и неутомимое стремленіе къ вдумчивому анализу и критическому изслѣдованію; вѣра и сомнѣніе, порывъ и раздумье одновременно властвовали надъ его душой, не перемежаясь, а переплетаясь и,—что особенно своеобразно,—не приглушая, а наоборотъ, воспламеняя другъ-друга. Борьба вызывала сомнѣнія. Сомнѣніями раскрывались новыя перспективы для дальнѣйшей борьбы.

Жизнь пріучила насъ къ схематическому противоположенію этихъ двухъ типовъ,—бойца и мыслителя,—которые въ личности Герцена проявлялись въ такомъ неожиданномъ химическомъ сочетаніи. Мы привыкли къ тому, что всякій плюсъ въ душевной организаціи человѣка уравновѣшивается соотвѣтствующимъ минусомъ, яркая сила одной какой-либо стороны душевной жизни оттѣняется слабостью другихъ. Кипучая страстность и рѣшительность бойца уравновѣшивается ограниченной прямолинейностью мышленія; глубокомысленная вдумчивость философа сочетается съ отсутствіемъ вкуса къ стремительному активному воздѣйствію на текущую жизнь. Своей личностью, всѣмъ дѣломъ своей жизни Герценъ опрокидываетъ эти схематическія перегородки. Идти на борьбу съ философской оглядкой на сущность своихъ стремленій и извлекать изъ безстрашной самокритики новые стимулы для продолженія борьбы,—этимъ двумъ искусствамъ ни у кого нельзя научиться въ большей мѣрѣ, нежели у Герцена.

Боевая дѣятельность Герцена состояла въ его писаніяхъ. Перо и печатный станокъ были его единственнымъ оружіемъ. Въ его рукахъ это оружіе пріобрѣтало неотразимую остроту, сокрушительно-разящую силу. Всемогущіе представители дореформенной русской администраціи содрагались отъ ударовъ герценовскаго „Колокола". Общеизвѣстенъ эпизодъ съ артистомъ Щепкинымъ, когда онъ, защищая передъ начальствомъ справедливыя требованія труппы и безъ всякаго результата исчерпавъ всевозможные доводы и ссылки на различныя сильныя протекціи, сразу достигъ желаемаго, лишь только пригрозилъ тѣмъ, что пожалуется въ Лондонъ Герцену. Какъ боевой публицистъ, способный „глаголомъ жечь сердца людей", Герценъ не превзойденъ никѣмъ. Въ каждой строкѣ его писаній трепещетъ страсть. Его слова дѣйствительно жгутся и заражаютъ читателя гнѣвнымъ одушевленіемъ автора. Блестящіе афоризмы, неожиданныя сближенія, сравненія и метафоры, то ярко-художественныя, то глубокомысленно-остроумныя, сыплются изъ-подъ его пера, какъ изъ рога изобилія. Но весь этотъ ослѣпительно-роскошный словесный фейерверкъ не только поражаетъ и восхищаетъ своей эффектной нарядностью, но также волнуетъ и потрясаетъ своей огненной стремительностью, ибо каждый оборотъ герценовской рѣчи неизмѣнно вдохновленъ глубоко-выстраданнымъ чувствомъ. Въ томъ-то и кроется тайна неотразимой силы герценовскаго слова Это—несомнѣнно великій писатель; въ высшей мѣрѣ удовлетворяетъ онъ основному требованію писательскаго величія: на концѣ его пера всегда дрожала капля крови его сердца. Сто лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ рожденія Герцена. Болѣе полувѣка легло между нами и той эпохой, когда писались его произведенія. Вопросы, нѣкогда его волновавшіе, частью сошли съ очереди, частью разсматриваются нами теперь подъ иными углами зрѣнія. И казалось бы, для произведеній Герцена уже наступила пора исключительно историческаго изученія. Но начните ихъ перечитывать и, прежде

чѣмъ вы успѣете стать въ позу изслѣдователя, вы уже почувствуете себя плѣнникомъ всесильной власти чарующаго таланта. Если васъ не взволнуютъ разбираемые тамъ вопросы, васъ взволнуетъ самое волненіе автора, и на пространствѣ полувѣка сохраняющее всю силу своей заразительности. Какая же исполинская мощь должна была заключаться въ герценовскихъ призывахъ для тѣхъ современниковъ, въ средѣ которыхъ они раздавались впервые!

И вотъ поучительнѣйшая черта: чуть ли не двѣ трети писаній этого пламеннаго трибуна освобожденія посвящены безстрашной исповѣди въ собственныхъ разочарованіяхъ, убійственной критикѣ по адресу не чужаго, а своего лагеря.

Какіе ѣдкіе сарказмы эмигрантъ Герценъ посвящаетъ характеристикѣ тогдашней эмиграціи! Съ какой силой горькаго негодованія революціонеръ Герценъ обнажаетъ и бичуетъ буржуазную подоплеку развернувшихся на его глазахъ европейскихъ революціонныхъ движеній! Онъ былъ поистинѣ безстрашенъ въ своей искренности и во имя этой безстрашной искренности никогда не могъ бы примириться ни съ теоріей „насъ возвышающаго обмана“, ни съ предпочтеніемъ тактическихъ соображеній идейнымъ побужденіямъ. Вотъ чему надлежитъ всѣмъ намъ поучиться у Герцена. Вѣдь мы вообще такъ не любимъ и опасаемся самокритики. Намъ такъ часто кажется, что самокритика ослабляетъ боевую позицію. И какъ знать, сколь многіе изъ тѣхъ, что сегодня славославятъ Герцена, готовы были бы назвать его ренегатомъ и реакціонеромъ, готовы были бы бросить по его адресу ехидное „господинъ Герценъ“, если бы онъ явился теперь среди насъ и въ качествѣ нашего вождя со своимъ обычнымъ безстрашіемъ началъ бы раскрывать не только недостатки нашихъ противниковъ, но и наши собственные? Но Герценъ, вопреки распространеннымъ предубѣжденіямъ, училъ и доказывалъ на собственномъ примѣрѣ, что въ борьбѣ идей побѣждаетъ не тактика, а искренность. Онъ неизмѣнно вѣрилъ въ два поло-

женія: что дѣйствительная сила не можетъ бояться самокритики и что всякія сомнѣнія будучи продуманы до конца, непремѣнно поведутъ человѣка не назадъ, а впередъ, не къ старымъ кумирамъ, а къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ области мысли. И такъ именно и было съ нимъ на самомъ дѣлѣ. Разочарованія и сомнѣнія, отъ которыхъ онъ не отвертывался и не прятался, всегда приводили его въ концѣ-концовъ не къ прострацiи и безплодному отчаянію, а къ новой вѣрѣ и къ новымъ стимуламъ для дѣятельности. Разочарованіе въ буржуазныхъ революціяхъ привело его къ страстнымъ исканіямъ въ области соціальнаго вопроса. Упованія на Ледрю-Роллена и Мадзини смѣнились упованіями на русскій крестьянскій міръ и русскую деревенскую общину. Проживи Герценъ дольше, онъ не побоялся бы приложить и къ этимъ упованіямъ лезвіе своего анализа и, можетъ-быть, дошелъ бы еще до новыхъ выводовъ, но несомнѣнно одно: онъ никогда не пропѣлъ бы отходной самой сущности своего стремленія къ обновленію человѣческой жизни, къ торжеству свободы и соціальной справедливости въ человѣческомъ общежитіи.

Заканчивая предисловіе къ „Былому и Думамъ", Герценъ писалъ: „Когда я думаю о томъ, какъ мы двое теперь (т.-е. Герценъ и Огаревъ), подъ пятьдесятъ лѣтъ, стоимъ за первымъ станкомъ русскаго вольнаго слова, мнѣ кажется, что наше ребячье Грютли на Воробьевыхъ горахъ было не 33 года тому назадъ, а много три! Жизнь... жизни, народы, революціи, любимѣйшія головы возникали, мѣнялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примрозъ-Гилемъ; слѣдъ ихъ уже почти заметенъ безпощаднымъ вихремъ событій. Все измѣнилось вокругъ: Темза течетъ вмѣсто Москвы-рѣки и чужое племя около... И нѣтъ намъ больше дороги на родину... Одна мечта двухъ мальчиковъ,—одного 13-ти лѣтъ, другого 11-ти,—уцѣлѣла!" Да, несмотря ни на что, основная мечта герценовской жизни уцѣлѣла.

И вотъ почему нельзя въ достаточной мѣрѣ совѣтовать

всѣмъ и каждому изучать Герцена. Его произведенія сплошная пламенная исповѣдь сильной души. И эта исповѣдь можетъ служить одинаково вѣрнымъ противоядіемъ и самодовольству незнающихъ сомнѣній доктринеровъ, и душевной слабости тѣхъ политическихъ неврастениковъ, энергія которыхъ свертывается и вянетъ отъ первыхъ же уколовъ жизненнаго опыта.

II.

Еще одинъ пунктъ хотѣлось бы мнѣ здѣсь затронуть. На вопросъ „Кто былъ Герценъ?“ всѣ и каждый отвѣтятъ въ одно слово: „Политическій трибунъ“. Но спросите вслѣдъ за тѣмъ, какое произведеніе Герцена должно быть признано главнымъ и основнымъ, и можно безошибочно предсказать, что въ отвѣтъ будетъ названо „Былое и Думы“. Но вѣдь „Былое и Думы“ это—мемуары, это—подсчетъ жизненныхъ итоговъ, а не развитіе боевой политической программы, исторія, а не политика. Какимъ же образомъ признанный политическій трибунъ избралъ для наиболѣе сильнаго выраженія своей духовной сущности такой родъ литературнаго творчества, который обычно всего скорѣе подходитъ къ людямъ, уже отстранившимся отъ кипучей жизненной борьбы? Вѣдь „Былое и Думы“ писались въ самомъ разгарѣ агитаціонной политической дѣятельности Герцена. Недаромъ предисловіе къ нимъ заканчивалось словами: „Пусть же „Былое и Думы“ заключатъ счетъ съ личной жизнью и будутъ ея оглавленіемъ. Остальныя Думы—на дѣло, остальныя Силы—на борьбу“. Итакъ, на составленіе мемуаровъ Герценъ смотрѣлъ не какъ на эпилогъ къ завершившейся уже работѣ политическаго бойца, а скорѣе, наоборотъ, какъ на прологъ къ этой работѣ, какъ на ея предварительное обоснованіе. Правильнѣе сказать: борьба за будущее и воспоминанія о пережитомъ, битва и исповѣдь составляли въ теченіе всей жизни Герцена

равноправныя, одинаково властныя потребности его души, и въ такомъ случаѣ между ними не могло не существовать тѣсной внутренней связи. Конечно, и дѣлаясь мемуаристомъ, Герценъ не переставалъ быть борцомъ. Недаромъ его замѣчательнѣйшій трудъ получилъ двузначное заглавіе и къ „Былому" присоединились „Думы". Всѣмъ извѣстно, въ какія жгучія страницы вылились эти „Думы". Но почему авторъ чувствовалъ потребность нанизать эти Думы именно на воспоминанія о быломъ, на автобіографическую нить мемуаровъ? Въ этомъ сказалась еще одна характернѣйшая сторона личности Герцена. Для него общественная борьба и личная душевная жизнь на самомъ дѣлѣ составляли неразрывно-единое цѣлое. Не головныя соображенія, а непосредственныя влеченія натуры, властныя побужденія души заставляли его преломлять копье съ тѣми, кого онъ считалъ злѣйшими противниками дорогихъ ему идеаловъ. И потому онъ являлся борцомъ за одну и ту же правду и на широкой аренѣ міровой политики, и въ тѣсномъ кругѣ частныхъ, домашнихъ отношеній. Вотъ почему для него разсказывать о своей личной жизни,—не только о своихъ сношеніяхъ съ корифеями европейскаго революціоннаго движенія, но и о своемъ раннемъ дѣтствѣ, о ребяческихъ мечтахъ и волненіяхъ, о злоключеніяхъ юности, объ интимной драмѣ своей супружеской жизни и т. п.,—вовсе не значило отводить читателя куда-то въ сторону отъ того, что наполняло и его боевую жизненную задачу: между тѣмъ и другимъ и не существовало раздѣльной черты. Каждая страница „Былого и Думъ" на всемъ пространствѣ этого замѣчательнаго произведенія, начиная съ первыхъ же главъ, обвѣяна страстнымъ чувствомъ прирожденнаго борца съ неправдой жизни. Глава, описывающая внутренній обиходъ дома на Старой Конюшенной, въ Москвѣ, въ которомъ 13-ти-лѣтній мальчикъ Герценъ ловилъ первыя впечатлѣнія бытія подъ суровой ферулой вѣчно брюзжащаго отца,—эта глава по духу, ее проникающему, ничѣмъ не разнится отъ любой изъ дальнѣйшихъ

главъ, въ которыхъ и мѣсто дѣйствія перенесено подъ иное небо, и самъ герой повѣствованія является передъ нами на высотѣ своей безстрашной и упорной борьбы за обновленіе условій человѣческаго существованія. Вѣдь и на Старой Конюшенной, въ четырехъ стѣнахъ отцовскаго дома, вперемежку съ дѣтскими забавами шла уже та же самая борьба, бросался уже тотъ же самый вызовъ: подъ покровомъ чинной скуки, наполнявшей отцовскій домъ, 14-ти-лѣтній мальчикъ разглядѣлъ соціальную драму, приглушенную, но отъ того не менѣе острую; онъ почувствовалъ себя между двухъ враждебныхъ лагерей—господина и его рабовъ,—и, не колеблясь, всей душой примкнулъ къ лагерю обиженныхъ и страдающихъ. Разсказывая въ первыхъ главахъ „Былого и Думъ" о своемъ раннемъ дѣтствѣ, Герценъ вовсе не хотѣлъ дѣлать изъ этого разсказа какого-нибудь памфлета, онъ просто предавался личнымъ воспоминаніямъ и воспроизводилъ ихъ со всей яркостью присущаго ему художественнаго дарованія; но памфлетъ выходилъ самъ собой, безъ желанія и вѣдома автора, неизбѣжной силой вещей, по той причинѣ, что всѣ элементы душевной жизни Герцена отличались необыкновенной взаимной согласованностью, и ему было бы совершенно невозможно, заговоривъ о какой бы то ни было детали своей біографіи не затронуть тѣмъ самымъ и коренныхъ основъ своего міросозерцанія, и своихъ душевныхъ стремленій. И вотъ почему не было никакого противорѣчія въ томъ, что этотъ пламенный трибунъ отдалъ такъ много времени и душевныхъ силъ мемуарамъ, создавъ изъ нихъ самый замѣчательный памятникъ своего литературнаго творчества. Для Герцена разсказать свою жизнь и значило не что иное, какъ исповѣдать свои завѣтнѣйшія убѣжденія. У него не было ни противорѣчія, ни перерыва между „внутри" и „снаружи". Потому онъ имѣлъ нравственное право сдѣлать исповѣдь своего сердца общимъ достояніемъ; потому его подробный отчетъ объ интимнѣйшихъ своихъ переживаніяхъ никогда не коробитъ читателя ни ма-

лѣйшимъ оттѣнкомъ натянутости или фальши. Припомните страшную главу изъ „Былого и Думъ“, носящую названіе „Oceano nox“. Герценъ разсказываетъ здѣсь о гибели своей матери и своего ребенка. Онъ ждалъ ихъ пріѣзда на морскомъ пароходѣ. Въ радостномъ возбужденіи онъ готовилъ имъ праздничную встрѣчу. Иллюминовали домъ. И вдругъ приходитъ вѣсть о томъ, что пароходъ потерпѣлъ крушеніе и мать и ребенокъ погибли. Герценъ описываетъ общее отчаяніе и такъ обстоятельно, что не забываетъ упомянуть, какъ онъ, ведя жену въ домъ, замѣтилъ въ саду фонари, зажженные для радостнаго пріема тѣхъ, которые уже погибли, и шепнулъ слугѣ: „Бога ради, фонари“... И тотъ понялъ и бросился ихъ тушить. Подъ перомъ всякаго другого мемуариста эта маленькая подробность показалась бы непріятной: что за потребность закрѣплять на бумагѣ каждое свое слово, когда описываешь такое страшное горе? Но подъ перомъ Герцена весь стиль, все настроеніе разсказа исключаетъ всякое представленіе о какой бы то ни было рисовкѣ. Онъ былъ въ правѣ считать, что его личная жизнь, вся безъ изъятія, принадлежитъ всѣмъ, ибо и онъ самъ видѣлъ смыслъ въ своей личной жизни лишь постольку, поскольку она была связана съ борьбой за общіе интересы человѣчества.

Герценъ сталъ и политическимъ трибуномъ именно потому, что онъ былъ человѣкомъ въ томъ глубочайшемъ значеніи этого слова, въ какомъ Гамлетъ примѣняетъ его къ своему отцу. Онъ былъ рыцаремъ идеи всечеловѣческаго братства, и какъ бы въ удостовѣреніе того, какъ глубока, искренна и безраздѣльна была его преданность этой идеѣ, онъ съ трогательной довѣрчивостью, истинно по-братски раскрылъ людямъ въ своей книгѣ всю свою душу. Жить сердцемъ и бороться за благо ближнихъ, это одно и то же,—таковъ основной завѣтъ Герцена.

ДѢТСКІЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

I.

Ключевскій отличался гордо-цѣломудренной скромностью во всемъ, что касалось исторіи его личной жизни. Въ его сочиненіяхъ не найдемъ почти никакихъ автобіографическихъ сообщеній или даже намековъ. Лишь въ рѣчи о Новиковѣ онъ упомянулъ о томъ, что первая прочитанная имъ въ дѣ ствѣ книжка была новиковскаго изданія, да въ рѣчи о Пушкинѣ есть бѣглыя указанія на литературные вкусы и впечатлѣнія, которые были свойственны молодымъ людямъ его поколѣнія. Можно найти нѣкоторыя автобіографическія данныя въ печатныхъ воспоминаніяхъ Ключевскаго о Соловьевѣ и о Тихонравовѣ, но все это такія бѣглыя и отрывочныя признанія, которыя въ общемъ лишь едва-едва приподним ютъ кончикъ завѣсы, скрывавшей отъ постороннихъ міръ интимныхъ душевныхъ переживаній замѣчательнаго историка. Вотъ почему всякія новыя данныя, касающіяся біографіи Ключевскаго, не могутъ не привлечь къ себѣ живѣйшаго общественнаго вниманія. Матеріалы, напечатанные въ первой книгѣ чтеній въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ за 1914 годъ, довольно ярко освѣщаютъ жизнь Ключевскаго въ его дѣтскіе и школьные годы. Мы находимъ здѣсь воспоминанія сестры Василія Осиповича, Елизаветы Осиповны Виргинской, воспоминанія товарищей Василія Осиповича по семинаріи и рядъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ Ключевскій получалъ свое образованіе или самъ выступалъ преподавателемъ. Правда, всѣ эти матеріалы не отличаются особенной подробностью заключающихся въ нихъ сообщеній, но все же они даютъ намъ рядъ выразительныхъ и живыхъ чертъ, изъ совокупности которыхъ слагается довольно опредѣленный и ясный образъ. Попытаемся воспроизвести эти черты въ извѣстной послѣдовательности.

Ключевскому было восемь лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, священствовавшій въ селѣ Можеровки Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи, внезапно скончался, оставивъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей: одной сестрѣ Василія Осиповича, Елизаветѣ, было тогда пять лѣтъ, другой, Надеждѣ, пять мѣсяцевъ. Осиротѣвшая семья перебралась въ городъ Пензу. Тамъ при помощи родныхъ мать Ключевскаго купила небольшой домикъ, въ которомъ и протекли всѣ остальные дѣтскіе годы будущаго историка. Въ своихъ безыскусственныхъ и прочувствованныхъ воспоминаніяхъ о братѣ Елизавета Осиповна сообщаетъ, что уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, двухлѣтнимъ ребенкомъ, Ключевскій обнаруживалъ черты, въ которыхъ опытный и внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить проявленіе незаурядной духовной одаренности. Мальчикъ чрезвычайно любилъ слушать сказки, причемъ обнаруживалъ замѣчательную память и наклонность къ точному и сознательному усвоенію слышаннаго. Лишь только,—вспоминаетъ сестра историка,—разсказывая сказку, пропустишь слово или два, братъ сейчасъ же скажетъ: „это не такъ говорили", а если припутаешь лишнія слова, онъ непремѣнно замѣтитъ, что разсказчикъ сбился, и поправитъ, какъ нужно. Я узнаю въ этомъ сообщеніи Елизаветы Осиповны о двухлѣтнемъ Ключевскомъ въ зародышѣ ту самую щепетильную точность мысли и ея словеснаго выраженія, которая такъ восхищала впослѣдствіи читателей его произведеній и которую въ особенности могутъ оцѣнить его ближайшіе ученики, знающіе, какое значеніе придавалъ онъ всегда точности изложенія при руководствѣ ихъ научными занятіями.

Выучившись читать, Ключевскій сразу сталъ плѣнникомъ тѣхъ очарованій, которыя сулитъ любознательному уму печатное слово. По воспоминаніямъ сестры, Ключевскаго очень рѣдко можно было видѣть безъ книги въ рукахъ: онъ и обѣдалъ, и чай пилъ, не разставаясь съ книжкой. Семья Ключевскихъ не выходила изъ тисковъ матеріальной нужды. Жить

приходилось въ обрѣзъ. Нерѣдко не на что было купить свѣчей, и подрастающій страстный любитель чтенія забирался на добрую часть ночи на печку, довольствуясь для освѣщенія маленькимъ стаканчикомъ, наполненнымъ конопляным маслом, съ плавающимъ въ немъ зажженнымъ фитилемъ. Бывало, всѣ въ домѣ давно уже спятъ, а будущій ученый все сидитъ на печкѣ со своимъ ночникомъ надъ книжкой. „Богъ знаетъ, когда онъ спалъ“,—замѣчаетъ сестра его въ своихъ воспоминаніяхъ.

Когда Ключевскому исполнилось десять лѣтъ, мать отдала его въ пензенское приходское училище. Это было въ 1851 г. Мальчика приняли прямо во второй классъ училища причемъ въ школьной вѣдомости было отмѣчено: „Обученъ читать правильно и быстро, писать порядочно, по нотамъ учиться началъ, знаетъ твердо краткую священную исторію и катехизисъ“. Однако, несмотря на такую аттестацію, первые шаги Ключевскаго на поприщѣ школьнаго обученія были неудачны. Ему мѣшало сразу обнаружить свои замѣчательныя способности страшное заиканіе.

Всѣ мы, испытавшіе несравненное наслажденіе отъ слушанія лекцій Ключевскаго, хорошо помнимъ, какъ онъ умѣлъ въ своей артистической дикціи использовать въ цѣляхъ большей выразительности самые недостатки своей рѣчи, тѣ слабые отголоски былого заиканія, которые не исчезли у него въ теченіе всей жизни. Съ удивительнымъ искусствомъ онъ превращалъ эти внезапныя остановки рѣчи въ выразительныя паузы, которыя благодаря умѣлому акцентированію слѣдующихъ затѣмъ фразъ лишь сильнѣе оттѣняли многозначительность изложенія. Но въ раннемъ дѣтствѣ заиканіе Ключевскаго было такъ сильно, что чрезвычайно мѣшало его класснымъ успѣхамъ на первыхъ порахъ школьной жизни. Учителя приходили въ отчаяніе и не знали, что дѣлать съ такимъ ученикомъ. Только изъ жалости оставляли его въ классѣ. Скоро, однако, мальчикъ справился съ недостатками своей рѣчи,

по крайней мѣрѣ въ такой степени, что онъ уже получилъ возможность работать наравнѣ съ прочими учениками, и черезъ годъ онъ занялъ уже шестое мѣсто въ классѣ, состоявшемъ изъ ста учениковъ, и былъ переведенъ въ уѣздное пензенское духовное училище. Здѣсь съ Ключевскимъ добровольно взялся позаниматься одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ высшаго отдѣленія, чтобы подогнать своего младшаго товарища въ запущенныхъ имъ предметахъ, и съ этого времени Ключевскій быстро расправляетъ крылья своихъ дарованій. Съ 1853 г. въ вѣдомостяхъ объ успѣхахъ учениковъ пензенскаго уѣзднаго училища о Ключевскомъ уже неизмѣнно говорится: „Отличается особенными успѣхами въ наукахъ". Съ такой аттестаціей онъ перешелъ въ 1856 г и въ пензенскую духовную семинарію. Здѣсь Ключевскій сразу былъ замѣченъ, какъ блестящій по даровитости ученикъ, какъ будущее свѣтило ума и знанія. Уже на пріемномъ испытаніи онъ произвелъ на всю экзаменаціонную комиссію „изумительное впечатлѣніе". Въ теченіе семинарскаго курса и товарищи, и преподаватели приходили въ неподдѣльное восхищеніе отъ ума Ключевскаго. Одноклассники гордились имъ какъ украшеніемъ своего класса, и послѣ товарищескихъ бесѣдъ только и было слышно въ разныхъ углахъ: „Уменъ Ключевскій!", „Велики мозги у Ключевскаго!" и т. п. Первое же сочиненіе, поданное Ключевскимъ въ семинаріи по классу философскихъ наукъ, произвело настоящій фуроръ. Преподаватель Масловскій, всегда ровный, тихій и спокойный, возвращая это сочиненіе, вошелъ въ классъ въ замѣтномъ волненіи, прямо подошелъ къ Ключевскому, положилъ ему руку на плечо и сказалъ: „Ну, Ключевскій, ваше сочиненіе такъ прекрасно, что я такъ не написалъ бы". По воспоминаніямъ другого одноклассника Ключевскаго, преподаватель сказалъ еще: „Такъ написать можетъ только ученый богословъ". Любопытенъ еще слѣдующій фактъ, сообщаемый въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Прошло много времени послѣ обученія Ключевскаго въ пензенской семинаріи. Ключевскій былъ уже оставленъ при университетѣ. На вечеринкѣ у ректора

пензенской семинаріи зашелъ разговоръ о людяхъ выдающагося ума. Ректоръ быстро удалился въ кабинетъ, вернулся оттуда съ тетрадкой и, подавая ее собесѣдникамъ, сказалъ: „Нате вотъ... понюхайте!“ Начали читать, и тотчасъ раздались возгласы удивленія: „Кто это могъ написать?“ Оказалось, что то было одно изъ классныхъ сочиненій семинариста Ключевскаго, сохраненное у себя ректоромъ на память о замѣчательномъ ученикѣ.

II.

Что же представлялъ собою этотъ замѣчательный семинаристъ, эта будущая краса русской науки, какъ нравственная личность? Въ воспоминаніяхъ одноклассниковъ сохранилось немало чертъ, освѣщающихъ съ этой стороны обликъ Ключевскаго. Передъ нами рисуется юноша очень солидный тихій, сдержанный въ проявленіяхъ своихъ душевныхъ движеній и въ то же время исполненный сознанія своего достоинства, соединеннаго съ неизмѣнной степенной скромностью. Товарищи не только гордились имъ, какъ украшеніемъ своей среды, но и горячо любили его. Священникъ Рождественскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что любовь къ Ключевскому его товарищей по семинаріи была „безпримѣрной“. Нетрудно разгадать источникъ этой любви. Во-первыхъ, уже въ юношескую пору своей жизни Ключевскій обаятельно дѣйствовалъ на окружающихъ блескомъ своего ума. Одинъ изъ его сотоварищей по семинаріи пишетъ: „Ключевскій по наружности былъ незавидный. Но когда онъ пожелаетъ съ кѣмъ-либо говорить или увидитъ желающаго съ нимъ говорить, то въ немъ моментально являлась какая-то непонятная магнетическая сила, заставляющая какъ-то поневолѣ полюбить его“. Во-вторыхъ, Ключевскій проявлялъ рѣдкій тактъ, въ обращеніи съ товарищами, никогда никому не давалъ почувствовать, что онъ сознаетъ свое превосходство надъ другими, былъ со всѣми привѣтливъ, ласковъ и въ высшей степени скроменъ. „Онъ никогда не гордился своимъ умомъ, со всѣми былъ одинаково любезенъ,

никому преимущества своей любовью и ласковостью не являлъ, для него всѣ были одинаковы, на похвалы, приносимыя ему товарищами, отвѣчалъ только улыбкой",—пишетъ отецъ Рождественскій и добавляетъ: „Чтобы достойно восхвалять дорогого Ключевскаго, я не могу подобрать словъ". Наконецъ, въ-третьихъ, для всѣхъ было ясно, что эта скромность и постоянная уравновѣшенность Ключевскаго никогда не помѣшаютъ ему отстоять свое достоинство и постоять за товарищей передъ начальствомъ.

Въ классѣ онъ отличался примѣрнымъ поведеніемъ. Въ классныхъ вѣдомостяхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ матеріаловъ, которымъ мы пользуемся, въ графѣ о поведеніи Ключевскому неизмѣнно даются лучшія аттестаціи. Рѣзкія школьныя выходки были совершенно чужды ему; онъ вообще держался солидно, по-взрослому, и настолько вѣско умѣлъ поставить себя, что нѣкоторые преподаватели изъ уваженія къ его способностямъ и его серьезности здоровались съ нимъ за руку. И, однако, это предпочтеніе нисколько не ослабляло любви къ нему его товарищей. Они видѣли ясно, что онъ при всей своей скромности держался совершенно независимо по отношенію къ преподавателямъ и начальству. При случаѣ онъ умѣлъ дать спокойный, солидный, но тѣмъ болѣе чувствительный отпоръ покушеніямъ на достоинство своей личности, откуда бы такія покушенія ни исходили. Ограниченные и пошлые люди изъ числа педагоговъ боялись Ключевскаго и ненавидѣли его, ибо онъ не давалъ имъ спуску. Преподаватель логики Авраамій Павловичъ Смирновъ не выносилъ Ключевскаго. Смирновъ представлялъ собой типъ бездарнаго пустомели. Онъ любилъ насмѣхаться надъ слабыми учениками и взглядомъ искалъ при этомъ сочувствія у класса. Ключевскій не вступалъ съ нимъ въ пререканія, но неизмѣнно зажималъ себѣ руками уши, лишь только начинались насмѣшки надъ учениками, и такъ и сидѣлъ въ классѣ съ зажатыми ушами. Это выводило изъ себя велемудраго педагога. Однажды Смирновъ отважился задѣть самого Клю-

чевскаго, но тотчасъ же и получилъ надлежащую отповѣдь. Ключевскій, опоздавъ къ началу урока и войдя въ классъ послѣ учителя, поклонился ему и, садясь на свое мѣсто, подалъ руку сосѣду по скамейкѣ. Остроумный педагогъ попробовалъ поднять на смѣхъ Ключевскаго и, по обыкновенію ища глазами сочувствія у класса, сказалъ: „Что это вы, драконы, что ли, какіе, долго невидавшіеся, и начали дружиться?“ Никто не усмѣхнулся, а Ключевскій тихимъ голосомъ и съ чрезвычайной учтивостью отвѣтилъ: „Подать руку товарищу я нахожу дѣломъ товарищеской вѣжливости и любви, и притомъ же я не учинилъ никакого шума или соблазна какого“. Педагогъ злобно замолчалъ и затаилъ въ душѣ обиду. При переводѣ въ выпускной классъ Ключевскій по проискамъ Смирнова, имѣвшаго вѣсъ благодаря родственнымъ связямъ съ архіереемъ, былъ поставленъ въ спискѣ въ самомъ концѣ перваго разряда. Для всѣхъ это было явной несправедливостью. Ключевскій сталъ задумчивъ, вялъ, весь какъ-то измѣнился. Товарищи приписывали эту перемѣну указанной только-что непріятности, но на самомъ дѣлѣ причина была глубже. На душѣ у Ключевскаго завелась немалая забота: онъ рѣшилъ совсѣмъ покинуть духовную школу и вмѣсто духовной академіи во что бы то ни стало попасть въ университетъ. Заботиться и волноваться было о чемъ. Какъ стипендіатъ семинаріи, Ключевскій былъ пригвожденъ къ духовной школѣ, и ему предстояло добиваться разрѣшенія своего начальства на уходъ въ университетъ. Кромѣ того, у семьи Ключевскихъ не было никакихъ средствъ, и матеріальная возможность устроиться на жительство въ Москвѣ оставалась подъ большимъ вопросомъ.

Какъ извѣстно, пензенскій архіерей Варлаамъ далъ согласіе на увольненіе Ключевскаго въ университетъ. Но этому предшествовали тяжкія сцены и горькія испытанія. Преосвященный осыпалъ Ключевскаго упреками разражался прямой бранью и, наконецъ, пригрозилъ, что въ отместку за уходъ Ключевскаго изъ духовной школы никогда не дастъ хорошаго прихода

мужу его сестры. Страшную нравственную пытку пришлось вынести Ключевскому, отвоевывая себѣ право на поступленіе въ университетъ. Въ это тяжелое время громадную нравственную поддержку оказалъ Ключевскому его дядя со стороны матери пензенскій священникъ Европейцевъ. Надо думать, что и сестра, которую архіерей пытался поставить между Ключевскимъ и манившимъ его къ себѣ университетомъ, оказалась на высотѣ просвѣщеннаго великодушія и сама поддержала брата въ его стремленіи къ свѣту знанія. Съ этой сестрой у Ключевскаго на всю жизнь сохранились отношенія самой теплой дружбы, какъ сама она свидѣтельствуетъ объ этомъ теперь въ своихъ воспоминаніяхъ. Европейцевъ ссудилъ племянника и деньгами на дорогу, и въ концѣ-концовъ Ключевскій вырвался въ Москву, въ тотъ университетъ, съ которымъ затѣмъ связалась вся его послѣдующая жизнь къ славѣ русской науки.

При вступленіи въ университетъ въ 1861 году Ключевскому предстояло выдержать пріемный экзаменъ. Семинарскіе товарищи, разставаясь съ Ключевскимъ, взяли съ него обѣщаніе прислать имъ описаніе этого экзамена. Ключевскій выполнилъ это обѣщаніе, и письмо его торжественно читалось въ пензенской семинаріи съ каѳедры во всеуслышаніе. Приведемъ нѣкоторые характерные эпизоды изъ этого экзамена. Сначала Ключевскій оробѣлъ: его смутилъ видъ нѣкоторыхъ личностей, очень хорошо одѣтыхъ, „въ пенснэ съ блестящей оправой, при часахъ и при клычкахъ (такъ Ключевскій назвалъ крахмальные воротнички) и очень важно стоявшихъ“. Ключевскій рѣшилъ, что это—профессора и притомъ очень надменные; но скоро робость совершенно улетучилась. Господа въ пенснэ съ блестящими оправами оказались экзаменующимися и притомъ очень молчаливыми передъ экзаменаціоннымъ столомъ. Ключевскій быстро оправился и отвѣчалъ блестяще. По церковной исторіи экзаменовалъ митрополитъ Филаретъ и замѣтилъ объ отвѣтѣ Ключевскаго, что отвѣтить такъ хорошо могъ бы только онъ самъ.

В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ, КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ *).

*) Читано въ 1911 г. въ засѣданіи исторической комиссіи при учебномъ отдѣлѣ, посвященномъ памяти В. О. Ключевскаго.

Въ одной изъ залъ московскаго литературно-художественнаго кружка можно видѣть картину художника Пастернака, изображающую Ключевскаго въ моментъ чтенія имъ лекціи въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія.

Картина эта была зарисована съ натуры въ самые послѣдніе годы жизни Василія Осиповича. За эти годы мнѣ не приходилось видѣть своего учителя на каѳедрѣ, но, смотря на картину Пастернака, я живо представляю себѣ Василія Осиповича въ его домашней обстановкѣ въ послѣднее время его жизни, когда онъ, бывало, подойдетъ въ своей небольшой столовой къ сидящимъ за столомъ гостямъ и, ставъ въ полоборота къ столу и подпершись въ бокъ одной рукой, совсѣмъ такъ, какъ это изображено и на картинѣ Пастернака,—начнетъ съ точно той же мягкой и нѣсколько насмѣшливой улыбкой что-нибудь объяснять или разсказывать.

Художникъ въ своей картинѣ очень хорошо схватилъ ту душевную умягченность, которою вѣяло отъ Василія Осиповича въ послѣдніе годы его жизни и которую часто накладываетъ на людей хорошая старость.

Но это уже не тотъ образъ, который помнимъ мы, начавшіе учиться у Василія Осиповича въ первой половинѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Я живо представляю себѣ Ключевскаго, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ, когда онъ взошелъ на каѳедру въ несуществующей уже теперь „большой словесной“ аудиторіи московскаго университета, чтобы начать намъ, первокурсникамъ, свой общій курсъ русской исторіи. Пока Василій Осиповичъ усаживался на каѳедрѣ—тогда онъ читалъ сидя, только

впослѣдствіи онъ сталъ читать не иначе, какъ стоя,—мы пристально всматривались въ его лицо, обрамленное въ то время небольшой, нѣсколько заостренной черной бородкой и черными же волосами на головѣ, одна прядь которыхъ всегда характерно свѣшивалась поперекъ лба. Его лицо приковывало къ себѣ вниманіе необыкновенной нервной подвижностью, за которой сразу чувствовалась утонченная психическая организація. Только главное украшеніе этого лица, удивительные по выразительности и глубинѣ взгляда глаза оставались по большей части полускрытыми, вытянутыми въ щелки вслѣдствіе сильной близорукости Василія Осиповича и лишь временами, на краткій мигъ, сверкали они на аудиторію чернымъ огнемъ, довершая своимъ одухотвореннымъ блескомъ силу обаятельности этого лица.

„Таковъ и долженъ быть истинный ученый, погруженный въ сложную работу духа", думалъ я, смотря въ первый разъ на своего будущаго учителя, пока онъ еще не произнесъ ни слова.

А затѣмъ зазвучала тихая рѣчь Василія Осиповича, безпрерывно поражавшая неожиданно-своеобразными интонаціями, ослѣпительно-яркими образами, оригинальнѣйшими оборотами пытливой и острой, какъ сталь, мысли.

И аудиторія сидѣла покоренная, очарованная, вся отдавшаяся во власть могучаго таланта.

Попытаемся же отдать себѣ отчетъ въ источникѣ того очарованія, которое испытывали слушатели Ключевскаго у подножія его каѳедры.

Исторической наукѣ свойственна роковая особенность. Для успѣшнаго проникновенія въ ея тайны необходима совмѣстная работа такихъ умственныхъ силъ, которыя чрезвычайно рѣдко въ равной мѣрѣ совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ. Нельзя быть историкомъ, не умѣя открывать въ пестрой сутолокѣ жизненныхъ фактовъ объединяющей ихъ законосообразности. Безъ этого дара не будетъ историка, будетъ только разсказ-

чикъ, ибо переживать прошлое въ своемъ воображеніи еще не значитъ понять его. Но нельзя также быть историкомъ, не умѣя мысленно представить себѣ и возсоздать словомъ передъ другими явленій прошлаго во всей ихъ конкретности, во всемъ ихъ индивидуальномъ своеобразіи, во всей сочности присущихъ имъ жизненныхъ красокъ. Безъ этого дара конкретнаго возсозданія былой жизни не будетъ историка, будетъ только резонирующій діалектикъ, играющій словесными формулами, ибо дѣйствительный матеріалъ исторіи состоитъ не изъ совокупности отвлеченныхъ формулъ, а изъ повседневной сутолоки отдѣльныхъ жизненныхъ явленій.

И каждый историкъ тѣмъ ближе подойдетъ къ дѣйствительной сущности своей науки, чѣмъ равномѣрнѣе и гармоничнѣе совмѣщаются въ его умѣ и способность силою воображенія стать лицомъ къ лицу передъ матеріаломъ былыхъ жизненныхъ фактовъ, и способность обнаружить надъ этимъ матеріаломъ обобщающую власть своей мысли.

Я не знаю историка, въ умѣ котораго эти два столь разнородные дара были бы совмѣщены въ болѣе равномѣрной пропорціи, нежели то было у Ключевскаго. Эта то именно счастливая особенность ума нашего знаменитаго историка сдѣлала его заразъ и замѣчательнѣйшимъ ученымъ изслѣдователемъ и геніальнымъ преподавателемъ своей науки.

Благодаря этой-то особенности своего умственнаго склада онъ, какъ ученый, могъ дѣлать неожиданныя открытія въ области своего предмета, возсоздавая цѣлыя эпохи, отличительные признаки которыхъ не удавалось учесть другимъ изслѣдователямъ, или впервые разъясняя истинный характеръ такихъ институтовъ древности, которые были извѣстны и ранѣе, но сущность которыхъ ускользнула отъ пониманія прочихъ спеціалистовъ. Какъ на примѣръ возсозданія Ключевскимъ цѣлой исторической эпохи, цѣлой исторической формаціи, которую ранѣе никто не сумѣлъ отыскать между строкъ древнихъ лѣтописей и документовъ, можно указать на замѣчательныя

главы „Боярской Думы“, посвященныя изображенію внутренняго устройства сѣверо-восточныхъ удѣльныхъ княжествъ. Правда, еще Соловьевъ отмѣтилъ общіе признаки отличія этихъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ отъ болѣе древнихъ княжествъ южнаго Приднѣпровья. Но вѣдь только Ключевскій — и никто ранѣе его возсоздалъ во всей конкретности и отчетливости тотъ своеобразный міръ отношеній и порядковъ, который мы привыкли теперь называть жизненнымъ укладомъ удѣльной эпохи. А въ качествѣ образца удивительнаго мастерства, съ которымъ Ключевскій конструировалъ отдѣльные институты древности, достаточно назвать его изслѣдованія о происхожденіи крѣпостного права или о земскомъ соборномъ представительствѣ въ московскомъ государствѣ.

И та же самая особенность его ума, отмѣченная выше, давала ему, какъ преподавателю, могучую, всепокоряющую власть надъ аудиторіей и дѣлала для насъ изъ его лекцій истинный праздникъ духовнаго наслажденія.

Своими лекціями съ каѳедры Ключевскій практически разрѣшалъ столь спорный вопросъ о значеніи лекціоннаго способа университетскаго преподаванія. Часто не безъ основанія говорятъ: зачѣмъ читать съ каѳедры то, что можетъ быть съ удобствомъ напечатано въ формѣ книги и съ чѣмъ всякій будетъ имѣть возможность познакомиться путемъ чтенія, не утруждая себя хожденіемъ въ аудиторію? Нельзя не признать это возраженіе противъ лекціонной системы весьма серьезнымъ. И только въ двухъ случаяхъ это возраженіе совершенно отпадаетъ.

Во-первыхъ, ученый можетъ посвящать свои лекціи, читаемыя съ каѳедры, ознакомленію аудиторіи съ ходомъ своихъ текущихъ научныхъ изысканій, вводя слушателей внутрь своей ученой лабораторіи, сообщая имъ пріемы и подробности тѣхъ своихъ кабинетныхъ изслѣдовательскихъ работъ, которыя еще не достигли законченности, необходимой для ихъ обнародованія въ печати.

Ключевскій, однако, не шелъ этимъ путемъ. Онъ строго различалъ задачи университетскаго курса и монографическаго изслѣдованія. Всего лучше можно убѣдиться въ этомъ, сравнивъ его монографіи о крѣпостномъ правѣ или о земскихъ соборахъ съ соотвѣтствующими отдѣлами его университетскаго курса. При такомъ сравненіи наглядно выясняется, съ какой послѣдовательностью и съ какимъ искусствомъ устранялъ онъ изъ курса громоздкій спеціальный аппаратъ своихъ изслѣдованій, чтобы тѣмъ выпуклѣе, тѣмъ скульптурнѣе представить вниманію аудиторіи свои конечные выводы и обобщенія. Съ каѳедры онъ читалъ то самое, что мы находимъ и въ печатномъ текстѣ его курса, не считая, разумѣется, второстепенныхъ, мелкихъ варіацій.

И все-таки, кто изъ слышавшихъ лекціи Ключевскаго не согласится съ тѣмъ, что слушатель его лекцій получалъ нѣчто большее, нежели читатель его курса? И развѣ мы, его бывшіе слушатели, перечитывая теперь этотъ курсъ, не дополняемъ каждый разъ читаемаго невольнымъ воспроизведеніемъ въ своей памяти голоса, интонацій, игры лица нашего учителя, и развѣ это мысленное воспроизведеніе не помогаетъ намъ глубже проникнуть въ намѣренія автора этого курса? Для тѣхъ, кто не слышалъ курса Ключевскаго изъ собственныхъ устъ профессора, печатный текстъ этого курса навсегда останется нотами, секретъ исполненія которыхъ исчезъ безвозвратно.

Велико наслажденіе читать этотъ курсъ, но оно даетъ лишь отдаленное понятіе о томъ наслажденіи, которымъ сопровождалось слушаніе его съ каѳедры. Этимъ дается и второй возможный отвѣтъ по вопросу о лекціонной системѣ университетскаго преподаванія: чтобы чтеніе лекцій сохраняло свое значеніе, несмотря на существованіе книгопечатанія, нужно читать ихъ такъ, чтобы самый способъ ихъ произнесенія создавалъ особенно благопріятное условіе для проникновенія въ смыслъ читаемаго. Наивысшей степенью этого дара и обладалъ Ключевскій. Я хотѣлъ бы, чтобы меня поняли. Я говорю не

объ эстетическихъ эмоціяхъ отъ мастерского чтенія. Конечно, такія эмоціи играли важную роль въ притягательной силѣ лекцій Ключевскаго, но я считаю нужнымъ отмѣтить, что въ способѣ чтенія лекцій знаменитымъ историкомъ получали свое удовлетвореніе и чисто научно-преподавательскія задачи. Я хочу сказать, что на способѣ произнесенія лекцій нашимъ учителемъ ярко отражался и непосредственно передавался слушателямъ самый складъ его научнаго мышленія. Вотъ почему, хотя бы порой и безсознательно, мы цѣнили слушаніе его лекцій независимо отъ ихъ прочтенія по литографіи или по книгѣ, не только ради эстетическаго наслажденія, но и въ цѣляхъ самаго изученія предмета.

Лекторскими пріемами Ключевскаго какъ-то неуловимо, но тѣмъ не менѣе необыкновенно сильно подчеркивалась, составлявшая наиболѣе характерную черту его научнаго мышленія конкретная основа его сложныхъ и тонкихъ научныхъ обобщеній.

Когда Ключевскій произносилъ свои лекціи, съ виртуознымъ искусствомъ обозначая соотвѣтственными интонаціями всякій оттѣнокъ своей мысли, тогда всѣ отчетливо чувствовали, съ какой прозрачной ясностью представляетъ себѣ лекторъ тѣ явленія историческаго прошлаго, на которыхъ онъ строилъ свои обобщающіе выводы. Для меня несомнѣнно, что Ключевскій въ теченіе своей рѣчи мысленно видѣлъ передъ собою то, о чемъ онъ говорилъ. Отсюда вытекало его могущественное воздѣйствіе на аудиторію въ смыслѣ психическаго ея зараженія. Необходимый при всякаго рода публичныхъ выступленіяхъ съ устнымъ словомъ психическій контактъ между лекторомъ и его слушателями можетъ достигаться различными путями. Есть ораторы, которые заражаютъ аудиторію собственной возбужденностью, собственнымъ повышеннымъ настроеніемъ. Но это годится лишь при извѣстныхъ условіяхъ и въ особыхъ случаяхъ, когда самая цѣль чтенія способна возбуждать страсти и самый предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, является боевымъ кличемъ,

волнующимъ сердца. Это годится скорѣе для политическаго митинга, нежели для академической лекціи. На лекціяхъ Ключевскаго, подъ обаяніемъ рѣчи профессора, многочисленная аудиторія нерѣдко превращалась какъ бы въ единое существо— до того всѣ сливались въ общемъ восхищенномъ вниманіи, но источникъ этого духовнаго подъема аудиторіи здѣсь былъ иной. Лекторъ захватывалъ и покорялъ вниманіе слушателей именно той необычайной отчетливой конкретностью, съ какой онъ самъ представлялъ себѣ предметъ своего чтенія, а потому и своихъ слушателей ставилъ какъ бы лицомъ къ лицу съ разъясняемыми историческими явленіями и процессами. Тихо звучала съ каѳедры рѣчь Ключевскаго, и мы чувствовали себя, слушая ее, необыкновенно б л и з к о отъ предмета лекціи, какъ будто тутъ, въ самой аудиторіи, проносилось надъ нами вѣяніе историческаго прошлаго. Спѣшу напомнить при этомъ, что въ курсѣ Ключевскаго очень небольшое мѣсто занимаетъ элементъ разсказа, чисто фактическаго повѣствованія; онъ вплетается въ изложеніе курса лишь временами, каждый разъ на краткій моментъ, только въ качествѣ иллюстрирующихъ эпизодовъ. Почти все содержаніе курса составляетъ не повѣствованіе, а объясненіе, не разсказъ, но анализъ общихъ политическихъ и соціальныхъ процессовъ народной жизни. Но именно этотъ отвлеченный матеріалъ Ключевскій, какъ никто, умѣлъ предлагать вниманію слушателей въ наглядно-конкретной формѣ, такъ что всѣмъ чувствовалось, что его обобщенія не висятъ въ воздухѣ, не вымотаны сами изъ себя, но, какъ медъ съ цвѣтовъ, сняты съ зорко и отчетливо обслѣдованныхъ историческихъ фактовъ.

Бывали и въ лекціяхъ Ключевскаго патетическія мѣста, когда голосъ лектора спускался почти до шопота и слова выговаривались съ особенною многозначительною медленностью и аудиторія замирала въ жуткомъ волненіи. Такъ бывало, наприм., когда Ключевскій описывалъ Ивана Грознаго по его возвращеніи въ Москву изъ бѣгства въ Александровскую сло-

боду и ярко обрисовывалъ, какъ разрушительно подѣйствовала на организмъ Грознаго перенесенная имъ только что „нравственная лихорадка“, или когда онъ цитировалъ трогательныя мѣста изъ переписки царя Алексѣя Михайловича и т. п. Большею частью въ этихъ случаяхъ, доведя слушателей до напряженнѣйшей взволнованности, Ключевскій внезапно давалъ выходъ изъ этого напряженія неожиданной нотой комическаго сарказма, и аудиторія, за минуту до того едва переводившая духъ въ глубокомъ молчаніи, вдругъ разражалась продолжительнымъ бурнымъ смѣхомъ. Помните, наприм., какъ при характеристикѣ царя Алексѣя Михайловича Ключевскій, давъ аудиторіи вдоволь умилиться надъ сердечностью писемъ этого царя, приступалъ затѣмъ къ объясненію переходнаго характера занятой этимъ царемъ политической и жизненной позиціи и быстро исчерпывалъ эту тему образнымъ сравненіемъ царя Алексѣя съ человѣкомъ, который лишь поднялъ одну ногу, чтобы переступить завѣтную черту въ новый для него міръ, да такъ и остался на всю жизнь въ столь неудобной позѣ.

Эти неожиданныя смѣны нѣжнаго паѳоса яркимъ сарказмомъ вдругъ давали почувствовать, что лекторъ, такъ близко подводящій слушателей къ предмету лекцій, самъ все время остается полнымъ властителемъ своего матеріала, всегда стоитъ надъ нимъ, подчиняя его силѣ своего анализа и строгости своей ироніи. И это обстоятельство удваивало власть лектора надъ аудиторіей, ибо аудиторія всегда инстинктивно требуетъ, чтобы лекторъ, заставляя ее волноваться, самъ оставался твердымъ господиномъ своихъ чувствъ и настроеній.

Такъ, удивительный даръ схематизаціи сочетался въ Ключевскомъ съ яркимъ чутьемъ конкретнаго. Если онъ настойчиво училъ изъ-за деревьевъ не упускать изъ виду лѣса, то, съ другой стороны, и самый этотъ лѣсъ изучаемыхъ имъ историческихъ явленій интересовалъ его не только своими общими очертаніями, какъ смутное пятно, виднѣющееся на горизонтѣ историческаго кругозора, но и всѣмъ шумомъ копоша-

щейся въ этомъ лѣсу дѣйствительной жизни. Лишь конкретныя наблюденія надъ историческими фактами считалъ онъ надежной отправной точкой для серьезныхъ, обобщающихъ выводовъ и потому-то онъ неизмѣнно стремился къ тому, чтобы научныя схемы историческаго процесса отнюдь не стирали пестроты и многообразія жизненныхъ явленій, а наоборотъ, вбирали эту пестроту и многообразіе въ свои рамки.

Изъ этихъ методологическихъ посылокъ вытекало и его особенное отношеніе къ такъ называемому сравнительно-историческому методу изученія исторіи. Въ противоположность увлеченіямъ многихъ соціологовъ, склонныхъ понимать примѣненіе этого метода въ смыслѣ выдвиганія на первый планъ сходственныхъ чертъ въ однородныхъ явленіяхъ различныхъ мѣстныхъ исторій, Ключевскій обнаруживалъ всегда особенный интересъ къ опредѣленію мѣстныхъ варіацій историческихъ процессовъ, къ изученію своеобразія каждой мѣстной исторіи. Конечно, этотъ интересъ вытекалъ у него не изъ отрицанія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Какъ разъ наоборотъ. Онъ полагалъ, что эти общіе законы всего успѣшнѣе могутъ быть выявлены именно путемъ предварительнаго учета всѣхъ мѣстныхъ варіацій, безъ достаточнаго вниманія къ которымъ примѣненіе сравнительно-историческаго метода легко сбивается на слишкомъ скудные содержаніемъ шаблоны, и, вмѣсто отысканія единства въ мноообразіи, нерѣдко получается голословное отрицаніе подлиннаго многообразія исторической дѣйствительности ради какой-то фантастической, произвольно придуманной, чисто книжнымъ путемъ выведенной однотонности историческаго процесса А Ключевскій дорожилъ лишь такими научными схемами, которыя не мертвили, а оживотворяли историческій матеріалъ, не суживали, а расширяли подлежащее научному обьясненію богатство историческихъ наблюденій.

Это постоянное стремленіе Ключевскаго къ конкретизаціи историческаго анализа чувствовалось и въ такихъ излюблен-

ныхъ имъ преподавательскихъ пріемахъ изложенія, какъ аналогіи и сравненія. Въ цѣляхъ наглядности историческаго изученія онъ любилъ уподоблять явленія древней жизни тому, что слушателямъ было знакомо изъ окружающей ихъ дѣйствительности. Съ этимъ пріемомъ нерѣдко встрѣчаешься въ его лекціяхъ. Начальника Челобитнаго приказа XVI столѣтія онъ называетъ, наприм., статсъ-секретаремъ у принятія прошеній на Высочайшее имя; Боярскую думу XVI—XVII вв. онъ сравниваетъ съ совѣтомъ министровъ и т. п. Эти пояснительныя уподобленія никогда, однако, не переходили у него въ то, что мы называемъ модернизаціей исторической старины. Скорѣе можно сказать, что онъ употреблялъ такія уподобленія лишь въ качествѣ школьнаго пріема, для того, чтобы привычными для уха слушателей выраженіями облегчить имъ подходъ къ пониманію того, что прикрывалось нѣкогда древними терминами. Но сближая подчасъ древнюю и новую терминологію, Ключевскій былъ горячимъ противникомъ смѣшенія древнихъ и новыхъ понятій, этого навязыванія старинѣ нашихъ современныхъ представленій, которое столь искажаетъ въ нашемъ сознаніи перспективу историческихъ явленій. Какъ разъ наоборотъ. Познакомьтесь тщательно съ его курсомъ и вы убѣдитесь въ томъ, что на всемъ пространствѣ этого курса особенное вниманіе лектора устремлено на опредѣленіе того р а з с т о я н і я, которое отдѣляетъ наши понятія отъ міровоззрѣнія и склада мысли, лежавшаго въ основѣ древнихъ жизненныхъ порядковъ и отношеній. Въ этомъ направленіи прозорливость Ключевскаго достигала изумительнаго совершенства, необычайной изощренности. Напомню въ видѣ примѣра его блестящій анализъ государственныхъ понятій, которыя царили въ умахъ русскихъ людей до смутнаго времени и тѣхъ переломовъ, которые обнаружились въ этихъ понятіяхъ къ началу XVII вѣка въ связи съ событіями смутнаго времени. Цѣлый рядъ непонятныхъ съ нашей точки зрѣнія явленій политической исторіи московскаго государства объясняется здѣсь

господствомъ въ умахъ того времени вотчинно-династическаго взгляда на государство. А самая „смута“, разыгравшаяся на Руси на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, оказывается въ разъясненіи Ключевскаго симптомомъ нарожденія въ сознаніи русскаго общества новыхъ, чисто государственныхъ воззрѣній на отношеніе гражданъ къ правительственной власти. До конца XVI вѣка люди московскаго государства не умѣли обнаруживать своего недовольства существующими государственными порядками въ формѣ политическихъ возстаній; недовольные ограничивались лишь уходомъ за предѣлы владѣній московскаго государя. Такъ бывало потому, что государство считалось въ то время достояніемъ не народа, а династіи, и когда московскимъ людямъ становилось тяжело отъ существующаго порядка, они не стремились передѣлать порядокъ, а бѣжали изъ государства подобно тому, какъ слуги или квартиранты, недовольные хозяиномъ дома, не требуютъ измѣненія въ поведеніи хозяина, а оставляютъ домъ, не считая его своимъ. И только когда династія пресѣклась и государство вдругъ оказалось ничьимъ, люди пришли въ броженіе, утративъ привычную почву прежнихъ воззрѣній и впервые почувствовавъ себя самихъ хозяевами и устроителями русской земли. Такъ смута, вспыхнувшая на Руси по смерти послѣдняго представителя старой династіи, явилась, согласно этому объясненію, лишь болѣзнью роста политическаго сознанія у русскаго общества того времени; государственный бунтъ оказывается въ результатѣ этого анализа симптомомъ начавшейся переработки старыхъ вотчинныхъ воззрѣній на существо власти въ новыя, истинно государственныя идеи“.

Во второмъ и третьемъ выпускахъ курса Ключевскаго мы и находимъ тонкій анализъ многихъ государственныхъ учрежденій московской Руси, разъясняющій своеобразіе этихъ учрежденій именно въ связи съ общимъ переломомъ въ строѣ политическаго мышленія людей московскаго государства. Рисуя передъ слушателями древніе институты, Ключевскій, какъ

никто, умѣлъ показывать ихъ освѣщенными изнутри; умѣлъ вскрывать и разъяснять то, какъ сами современники понимали ихъ смыслъ и значеніе.

Благодаря этому дару проникновенія въ строй жизни и мысли отдѣленныхъ отъ насъ эпохъ, Ключевскому удавалось вбирать въ свои историческія построенія былую жизнь со всѣми ея противорѣчіями, со всей ея пестрой непослѣдовательностью. Именно поэтому отъ его ученыхъ схемъ и обобщеній всегда вѣетъ такой жизненностью. Какъ часто историки, стремясь къ законченности своихъ выводовъ, вольно или невольно оскопляютъ историческую дѣйствительность, отбрасываютъ въ сторону непослушные ихъ схемамъ факты, лишь бы свести къ стройному единству свои наблюденія надъ историческимъ матеріаломъ. Ключевскій любилъ итти инымъ путемъ. Историческій процессъ никогда не рисовался ему въ видѣ геометрическаго чертежа. Обиліе противорѣчій въ рисункѣ этого процесса было для нашего учителя лучшимъ доказательствомъ вѣрности такого рисунка исторической дѣйствительности. Онъ считалъ наибольшей ошибкой подходить къ разрѣшенію историческихъ загадокъ съ вопросомъ: „да или нѣтъ“, ибо жизнь всего чаще отвѣчаетъ „ни да, ни нѣтъ“, и я не знаю историка, который умѣлъ бы столь чутко и тонко, какъ Ключевскій, охватывать своимъ анализомъ всю пестроту присущихъ историческимъ явленіямъ жизненныхъ противорѣчій. Оттого онъ былъ такъ силенъ въ изученіи стихійной динамики историческихъ явленій, оттого онъ такъ ярко умѣлъ освѣщать мало оформленныя, не подходящія ни подъ одну изъ привычныхъ намъ категорій учрежденія древности.

Такова, напримѣръ, его конструкція политическихъ отношеній между царемъ и боярствомъ въ московскомъ государствѣ XVI столѣтія. Царь и боярство того времени являлись яростными врагами и вели ожесточенную борьбу. Значитъ, ихъ стремленія были противоположны? Таково самое естественное заключеніе съ точки зрѣнія формальной логики. А Клю-

чевскій во всеоружіи фактовъ отвѣчаетъ: нѣтъ, царь и боярство смертельно враждовали другъ съ другомъ во имя одной и той же, общей имъ политической программы.

Боярство, возставая на царя, требовало того же, что дѣлалъ и самъ царь, а царь, воздвигая грозу на бояръ, не могъ ступить шагу, не опираясь на содѣйствіе боярства. „Но вѣдь это безсмыслица“, воскликнетъ иной строгій логикъ. „А откуда вы знаете, что въ жизни не бываетъ безсмыслицъ?“ отвѣтитъ на это прозорливый историкъ и тутъ же укажетъ на ту почву, на которой такая безсмыслица могла вырасти: борьба царствовавшаго дома съ боярствомъ имѣла въ XVI вѣкѣ не политическій, а династическій источникъ, и потому-то общность политическихъ стремленій не предотвращала самой острой вражды между царемъ и боярствомъ.

Подобныя построенія, тонкой иглой врѣзавшіяся въ самое существо изучаемыхъ явленій, Ключевскій предлагалъ слушателямъ съ наглядной ясностью, которая порой граничила съ осязаемостью.

Важную роль въ составѣ его преподавательскихъ пріемовъ играли при этомъ тѣ высокохудожественныя сравненія, которыми онъ любилъ расцвѣчать свое изложеніе. Художественность этихъ сравненій, помимо ихъ необычайной красоты и мѣткости, состояла въ томъ, что они никогда не носили книжнаго, гелертерскаго характера. Матеріалъ для этихъ сравненій всегда былъ взятъ изъ житейской повседневности. Конечно, прибѣгая къ сравненіямъ такого рода, Ключевскій прежде всего отдавалъ непроизвольную дань своему художественному темпераменту, который съ такой роскошью красокъ проявлялся въ его знаменитыхъ личныхъ характеристикахъ историческихъ дѣятелей и съ неменьшей яркостью сверкалъ въ отдѣльныхъ афоризмахъ, внезапно вплетавшихся въ изложеніе иногда очень сухихъ историко-юридическихъ или экономическихъ вопросовъ.

Порою такіе афоризмы служили лишь литературнымъ укра-

шеніемъ стиля, срывались съ языка и пера Ключевскаго лишь какъ непроизвольный плодъ его могучаго воображенія. Разсказавъ, напримѣръ, о легендахъ, возникшихъ въ новгородскомъ обществѣ послѣ паденія политической самостоятельности Великаго Новгорода, Ключевскій прибавлялъ: „когда разрушается сильный физическій организмъ, его разрушеніе сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнетъ общественный союзъ, жившій долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается легендой. Оттого и новгородцы окружили воспоминаніе о паденіи своей вольности многими легендарными сказаніями, тогда какъ удѣльныя княжества низовой Руси кончали свое самостоятельное существованіе молча, стиснувъ зубы, какъ умираетъ великорусскій крестьянинъ“ *).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, художественныя сравненія Ключевскаго преслѣдовали чисто учебную цѣль. Онъ зналъ, конечно, что въ его всегда многочисленной аудиторіи находятся люди, которымъ легче мыслить отвлеченными понятіями, и другіе, которымъ легче мыслить конкретными образами. Самъ въ совершенствѣ владѣя обоими способами мышленія, онъ хотѣлъ привести всѣхъ своихъ слушателей къ одному уровню пониманія своихъ сложныхъ и глубокихъ построеній, и потому-то такъ часто въ его изложеніи мысль, высказанная въ отвлеченной формѣ, подкрѣплялась образомъ, всегда сверкавшимъ неотразимой художественной красотой.

Иногда такое сравненіе приводилось съ явною цѣлью — пояснить трудное по сложности наблюденіе нагляднымъ и простымъ примѣромъ. Ключевскій объясняетъ, напримѣръ, источники кризиса политическаго самосознанія русскаго обще-

---

*) Въ печатномъ текстѣ курса соотвѣтствующее мѣсто изложено нѣсколько иначе. Я цитирую по собственной дословной студенческой записи.

ства въ эпоху смуты конца XVI вѣка и даетъ при этомъ такой великолѣпный пояснительный образъ: „какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой, такъ смутныя времена народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ задворки, и при видѣ ихъ люди, привыкшіе замѣчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ думать, что они доселѣ видѣли далеко не все".

Иногда съ помощью такихъ образныхъ оборотовъ сложная мысль сжималась въ возможно болѣе краткую и яркую формулу. Напримѣръ, Ключевскому нужно сопоставить темпъ политической жизни вольнаго Новгорода и вольнаго Пскова, и онъ исчерпываетъ это сопоставленіе одной фразой: „переходя отъ Новгорода къ Пскову,—говоритъ онъ,—испытываешь чувство, точно при переходѣ съ толкучаго рынка въ тихій переулокъ". Ему нужно очертить своеобразный характеръ борьбы боярства съ царской властью въ XVI столѣтіи, борьбы глухой, придавленной, тускло выраженной, и ему достаточно для этого пяти словъ: „это,—говоритъ онъ,—скорѣе пантомима, чѣмъ драма". Наконецъ, иногда онъ прибѣгаетъ къ образнымъ уподобленіямъ для того, чтобы наглядно подчеркнуть связь даннаго отдѣльнаго явленія со всѣмъ строемъ жизни соотвѣтствующей эпохи. Такъ, напримѣръ, указывая на безсистемность въ строѣ центральныхъ правительственныхъ учрежденій въ московскомъ государствѣ, Ключевскій замѣчаетъ: „московское управленіе складывалось, какъ строились московскіе государевы дворцы; вмѣстѣ съ ростомъ царской семьи и хозяйства къ основному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, свѣтлицы, новыя крыльца и переходы". И не оттѣняется ли этимъ сравненіемъ то важное наблюденіе, что въ жизни московскаго государства вотчинныя привычки на каждомъ шагу брали верхъ надъ политическими принципами?

Таковъ былъ Ключевскій, какъ преподаватель съ каѳедры. Весь его курсъ представляетъ собою выдержанную схему рус-

ской исторіи. Въ построеніи этой схемы онъ развилъ могучую силу обобщающей мысли. Но эта схема не была безплотна. Вся она опиралась на необычайное чувство конкретной исторической дѣйствительности и на необычайный даръ воспроизведенія этой дѣйствительности передъ духовными взорами аудиторіи.

Я очертилъ, какъ сумѣлъ, механику преподаванія своего учителя. Но какъ описать то обаяніе мощнаго творческаго ума, которымъ вѣяло на насъ отъ его лекцій, которое волновало нашу мысль, зажигало въ насъ интересъ къ исторической наукѣ! Силу и прелесть этого обаянія не разложишь на составные элементы, не представишь въ точномъ описаніи. Можно точно расчленить и описать строеніе розы, но безсильна человѣческая рѣчь для изображенія ея дивнаго, божественнаго аромата.

Мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о Ключевскомъ, какъ о руководителѣ начинающими учеными, которыхъ онъ оставлялъ при своей каѳедрѣ для подготовки къ профессорскому званію. Во всемъ, что касалось научной работы, Ключевскій по отношенію къ своимъ непосредственнымъ ученикамъ былъ требователенъ и строгъ. Въ глубинѣ души Ключевскій былъ очень отзывчивымъ и добрымъ человѣкомъ. Я лично знаю случаи, когда онъ послѣ длиннаго и тяжелаго факультетскаго засѣданія, истомленный и голодный, ѣхалъ прямо изъ университета въ отдаленный переулокъ и подымался по высокой лѣстницѣ въ студенческую мансарду для того, чтобы, не откладывая, поскорѣе сообщить студенту только что состоявшееся постановленіе факультета, благопріятное для его дѣла. Многіе изъ учениковъ Ключевскаго могли бы разсказать о тѣхъ настойчивыхъ хлопотахъ, которыя онъ добровольно бралъ на себя, чтобы отвести отъ кого-либо изъ нихъ надвигающуюся бѣду или смягчить послѣдствія постигшихъ ихъ тяжелыхъ не-

пріятностей. Недаромъ Ключевскій умѣлъ такъ трогательно разсказывать на лекціяхъ о „милой“, какъ онъ выражался, отзывчивости царя Алексѣя Михайловича къ душевнымъ скорбямъ окружающихъ людей. Но въ противоположность тому, какъ это нерѣдко наблюдается у насъ русскихъ, Ключевскій никогда не смѣшивалъ доброту съ попустительствомъ человѣческимъ слабостямъ. И потому онъ умѣлъ быть требовательнымъ и строгимъ, когда дѣло касалось того, что было ему дорого, и прежде всего—его науки. Эта требовательность проистекала прежде всего изъ высокой оцѣнки значенія профессорской каѳедры, какъ того очага, отъ котораго долженъ распространяться свѣтъ истинной науки. И онъ правильно думалъ, что путь къ профессорской каѳедрѣ долженъ вести черезъ серьезныя испытанія пригодности человѣка къ настоящей научной работѣ. Ключевскій умѣлъ широко раскрывать духовныя объятія, но ученикъ долженъ былъ сначала доказать свое право на это, а доказать это право въ глазахъ Ключевскаго можно было только проявленіемъ самостоятельности въ области научной работы. Учиться быть ученымъ значило, по мнѣнію Ключевскаго, не ходить на помочахъ или костыляхъ постоянныхъ совѣтовъ учителя, а умѣть самостоятельно подмѣтить въ работѣ учителя и воспринять для себя то, что составляетъ зерно и душу настоящаго научнаго творчества. Я думаю, что Ключевскій въ данномъ случаѣ правильно понималъ свою учительскую миссію и являлся истиннымъ жрецомъ своей науки, ревниво оберегавшимъ огонь на ея алтарѣ.

Съ той же суровой, но здоровой требовательностью, внушаемой серьезнымъ отношеніемъ къ идеѣ гражданскаго долга, подходилъ Ключевскій и вообще къ оцѣнкѣ людей, въ особенности тѣхъ, кому предоставляется возможность вязать и рѣшить судьбы страны. Ключевскаго въ виду строгости его личныхъ оцѣнокъ нерѣдко называли скептикомъ. Не думаю, чтобы это названіе было точно. Вѣдь настоящій скептицизмъ проистекаетъ прежде всего изъ неспособности отдаться увле-

ченію какимъ-либо положительнымъ идеаломъ. Суровыя оцѣнки, какія Ключевскій давалъ дѣятелямъ и ихъ дѣйствіямъ, были проникнуты, наоборотъ, горькой мыслью о томъ, какъ мало соотвѣтствуютъ дѣянія людей тѣмъ идеаламъ, которые, по его убѣжденію, должны лежать въ основѣ человѣческаго общежитія.

Итакъ, онъ былъ не скептикъ, а прозорливый и строгій критикъ, котораго нельзя было подкупить внѣшнимъ блескомъ и показной мишурой, часто прикрывающими собою ничтожество души и мелкость ума. Потому-то онъ съ такой болью всматривался въ текущія событія окружающей жизни и съ такой тревогой думалъ о дальнѣйшихъ судьбахъ своей родины. Въ послѣднее время онъ говорилъ о нашихъ политическихъ „новостяхъ“ не иначе, какъ съ чувствомъ горькаго раздраженія.

Такимъ онъ и ушелъ отъ насъ, унеся съ собой въ могилу тревожныя чувства и тяжелыя думы о родной странѣ.

Мы, непосредственно общавшіеся съ Василіемъ Осиповичемъ, не можемъ думать о немъ безъ чувства интимной любви къ его памяти. Это чувство уже не будетъ, конечно, доступно послѣдующимъ поколѣніямъ, но и отдаленнѣйшіе наши потомки будутъ чтить Ключевскаго, какъ одного изъ крупнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ представителей русской культуры, который совмѣстилъ въ своей личности историка-ученаго, историка-поэта и историка-гражданина.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I. ЮБИЛЕИ.

Часть II. УЧИТЕЛЯ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА. Цвѣтной бульваръ, 12, телефонъ 3.38-45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Пер. А. Дмитріевой. Редакція и вступит. ст. А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р.

Графиня Шуазель Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Переводъ З. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 р.

Мемуары г-жи де-Ремюза. Переводъ О. И. Рудченко. Редакція и вступительная ст. С. Ф. Фортунатова.

Томъ I. Цѣна 2 р.
Томъ II. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ III. Цѣна 1 р. 25 к.

Аббатъ Жоржель. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ц. 1 р. 20 коп.

Николай Тургеневъ. Россія и русскіе. Т. I. Воспоминанія изгнанника. Перев. Н. Н. Соболевскаго. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к. (наложенъ арестъ).

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, разсказанная имъ самимъ. Пер. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Подъ редакціей Бор. Зайцева. Вступительная статья А. А. Андреевой. Ц. 2 р. 50 к.

Франциснъ Сарсе. Осада Парижа 1870—71 г. (Переводъ съ французскаго). Ц. 50 к.

Поль де Сенъ Викторъ. Варвары и бандиты. (Пруссія и коммуна). Перев. съ франц. Л. Горбуновой. Ц. 90 к.

А. Діесперовъ. Блаженный Іеронимъ и его вѣкъ. (Печатается).

Полный каталогъ издательства по требованію высылается безплатно.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 10 13 006 9